ISSN 2072-2087 (ПЕЧАТНЫЙ)
ISSN 2413-9912 (ЭЛЕКТРОННЫЙ)

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

№1(51)
2022

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научной отрасли: **07.00.00** – Исторические науки и археология

Научные специальности: **07.00.02** - Отечественная история, **07.00.03** - Всеобщая история, **07.00.06** - Археология, **07.00.09** - Историография, источниковедение и методы исторического исследования, **07.00.15** - История международных отношений и внешней политики.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№1(51)
2022

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

ВЕСТНИК БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

1 (51) 2022
МАРТ

ISSN 2072- 2087
ISSN 2413-9912

ББК 74.58 В 38
Вестник Брянского государственного университета. №1 (51) 2022: исторические науки и археология. Брянск: РИСО БГУ, 2022. 268 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории хабилитат, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Лучиан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич –доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

7 **Белова И.Б., Нечаева Е.С.**
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ, ОКТЯБРЬ 1917 Г. – ФЕВРАЛЬ1919 Г.

19 **Богданова Т. В.**
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О П.К. ЭССЕНЕ (1772–1844) В ФОНДАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

33 **Вартаньян Э.Г.**
ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛА КАСПИЯ: ПУТИ ПОИСКА КОМПРОМИССА (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.)

49 **Виватенко С.В., Сиволап Т.Е., Ларичева О.А.**
ФРАНСУА МИТТЕРАН В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – ОТ ПЕТЕНА К ДЕ ГОЛЛЮ

58 **Гончаров Е.В.**
ФРАНЦУЗСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ В 1914-1918 ГГ.

69 **Гончарова Е.В..**
ДВОРЯНСКИЕ ДОМОВЛАДЕНИЯ ПСКОВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИКАЗА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ)

78 **Дубровский А.М., Шадоба К.С.**
ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТИ, НАРОДА, ЦЕРКВИ К ПОЛИТИКЕ ВСКРЫТИЯ МОЩЕЙ (1918-1922 ГГ.)

96 **Елизаров С.А.**
РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО АППАРАТА В БССР (1962–1964 гг.)

109 **Ивочкин Д.А.**
СМОЛЕНСКАЯ ЕПАРХИЯ И СМОЛЕНСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ В НАЧАЛЕ XX В.

125 **Ипутатов Д. Ю.**
УСЛОВИЯ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX В.

государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);
Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);
Иванц Блаж – доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);
Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);
Кащенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);
Ливцов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);
Мезга Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);
Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);
Мягков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);
Нахтигаль Райнхард – доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);
Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);
Попов Стоян – доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);
Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);
Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика. И.Г. Петровского, Брянск (Россия);
Цутия Иосифуру – профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);
Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика. И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс
«Пресса России»: 40705 годовая

140 **Калистратов А.Ю.**
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕРМАНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА В АФРИКЕ

168 **Карин А. Д.**
ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА Т. Г. ШЕВЧЕНКО В РАБОТЕ Ф. И. СВИСТУНА «ЧЕМ ЕСТЬ ДЛЯ НАС ШЕВЧЕНКО?» 1885 Г.

178 **Кулаков В.И.**
КОМПОЗИТНЫЕ ФИБУЛЫ ЗАПАДНЫХ БАЛТОВ НА ПОРОГЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

185 **Михальченко С.И.**
КНЯЗЬ ВЛАДИМИР СВЯТОЙ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Е.В. СПЕКТОРСКОГО

193 **Познахирев В. В.**
ОСВОБОЖДЕНИЕ РОССИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ПЛЕННЫХ ПРОТИВНИКА В ОДНОСТОРОННЕМ ПОРЯДКЕ В XVIII В.

205 **Прилуцкий В.В.**
ИДЕОЛОГИЯ РАННИХ СВЯТЫХ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СИМВОЛИКЕ МОРМОНСКИХ ХРАМОВ В 1830–1840-Е ГГ.

220 **Радченко М.Л.**
ХАРАКТЕРИСТИКА И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ В.В. ФОН ВАЛЯ (1840-1915 ГГ.)

235 **Степанова О.Б.**
К ИСТОРИИ ИЗМЕНЕНИЙ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ (XX-XXI ВВ.).

249 **Талагаева Д.А.**
РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ XIX-XXI ВВ.

© ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского»

The Bryansk State University Herald

Vol.1 – No.51
Scientific peer-reviewed journal
MARCH

ISSN 2072-2087
ISSN 2413-9912

The Bryansk State University Herald. № 1(51) 2022: historical sciences and archaeology. Bryansk: RISO BSU, 2022. 268 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhalchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

7 **Belova I.B., Nechaeva E.S.**
ACTIVITIES OF THE LEFT SOCIALIST REVOLUTIONARIES IN KALUGA PROVINCE, OCTOBER 1917-FEBRUARY 1919

19 **Bogdanova T.V.**
DOCUMENTARY MATERIALS ABOUT P.K. ESSEN (1772-1844) IN THE FUNDS OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVES

33 **Vartanyan E.G.**
THE PROBLEM OF THE CASPIAN SECTION: WAYS OF SEARCHING FOR COMPROMISE (LATE XX - BEGINNING XXI CENTURY)

49 **Vivatenko S.V., Sivolap T.E., Laricheva O.A.**
FRANCOIS MITTERRAND IN THE YEARS OF THE SECOND WORLD WAR – FROM PETAIN TO DE GAULLE

58 **Goncharov E.V.**
FRENCH OFFICIAL PROPAGANDA ORGANISATIONS IN 1914-1918

69 **Goncharova E.V.**
NOBLE HOUSEHOLDS OF PSKOV THE SECOND HALF OF THE XVIII - EARLY XIX CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE ORDER OF PUBLIC CHARITY)

78 **Dubrovsky A.M. Shadoba K.S.**
ATTITUDE OF THE AUTHORITIES, THE PEOPLE, THE CHURCH TO THE POLICY OF OPENING THE RELICES (1918-1922)

96 **Elizarov S.A.**
REORGANIZATION OF THE PARTY-SOVIET APPARATUS IN THE BSSR (1962–1964)

109 **Ivochkin D.A.**
THE SMOLENSK DIOCHY AND THE SMOLENSK SCIENTIFIC ARCHIVAL COMMISSION IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);
Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);
Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);
Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);
Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);
Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);
Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);
Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);
Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);
Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);
Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);
Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);
Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);
Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich – Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Departament at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG «PRESS OF RUSSIA»

125 **Iputatov D.Yu.**
WORKING CONDITIONS AT THE ENTERPRISES OF THE MOSCOW PROVINCE AT THE END OF THE XIX CENTURY

140 **Kalistratov A.Yu.**
DOMESTIC RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF GERMAN COLOBIALISM IN AFRICA

168 **Karin A.D.**
EVALUATION OF THE PERSONALITY AND CREATIVITY OF T. G. SHEVCHENKO IN THE WORK OF F. I. SVISTUN «WHAT IS SHEVCHENKO FOR US?» 1885

178 **Kulakov V.I.**
COMPOSITE FIBULA OF WESTERN BALTS ON THE MEDIEVAL CROSSING

185 **Mikhalchenko S.I.**
PRINCE VLADIMIR THE SAINT IN THE INTERPRETATION OF E.V. SPEKTORSKY

193 **Poznakhirev V.V.**
RELEASE BY THE RUSSIAN GOVERNMENT OF PRISONERS OF THE ENEMY UNILATERALLY IN THE 18TH CENTURY

205 **Prilutskiy V.V.**
THE IDEOLOGY OF THE EARLY LATTER-DAY SAINTS AND ITS REFLECTION IN THE SYMBOLISM OF THE MORMON TEMPLES IN THE 1830S AND 1840S.

220 **Radchenko M.L.**
CHARACTERISTICS AND INFORMATION FIELD OF V.W. VON WAHL'S PERSONAL FUNDS (1840-1915)

235 **Stepanova O.B.**
TO THE HISTORY OF CHANGES IN THE TRADITIONAL ECONOMY OF THE NORTHERN SELKUPS (XX-XXI CENTURIES).

249 **Talagaeva D.A.**
DEVELOPMENT OF CONCEPTS OF RATIONALITY IN THE HISTORY OF ECONOMIC DOCTRINES OF THE XIX-XXI CENTURIES

УДК 94(47) 084.3

Белова И.Б., доктор исторических наук, профессор, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Россия)
Нечаева Е.С., аспирант, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ, ОКТЯБРЬ 1917 Г. – ФЕВРАЛЬ 1919 Г.

В статье исследуется деятельность партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) в Калужской губернии с октября 1917 до начала 1919 г. Установлено, что в сентябре 1917 г. представители левого крыла партии социалистов-революционеров поддерживали попытку свержения в регионе власти Временного правительства, предпринятую большевиками. В ноябре левые эсеры вошли в губернский военно-революционный комитет (ВРК), где составляли одну треть. В декабре 1917 г. ВРК организовал разгон мирной демонстрации в Калуге в поддержку Учредительного собрания. Когда пришлось оправдываться перед населением, между союзниками произошел крупный конфликт. Показано, что в 1918 г. левоэсеровская фракция оказалась в роли младшего партнера большевиков как в губисполкоме, так и в совнаркоме. В президиум этих двух органов эсеров вообще не избрали, и их протест ничего не изменил. Проголосовав в губисполкоме за продолжение войны с Германией, левоэсеровская фракция сразу лишилась своего единственного представителя в военно-революционном штабе. На протест эсеров против «насилия большинства» большевики не реагировали. Освещено совместное участие большевиков и левых эсеров в массовых обысках в марте у состоятельных граждан Калуги, сопровождавшееся серьезным конфликтом между соучастниками, обвинявшими друг друга. Отражены протестные действия левоэсеровской фракции губисполкома в июне по поводу массового изъятия «излишков» хлеба у крестьян; вооруженное выступление крестьян, организованное левыми эсерами в самом крупном Жиздринском уезде 7-14 июля и ответные действия губисполкома. Сделан вывод, что деятельность ПЛСР в качестве младшего партнера большевиков в губернских органах власти сопровождалась постоянными конфликтами, практически по любым вопросам. Конфликты, как правило, оставались неразрешенными. Большевики, возглавлявшие органы власти и имевшие большое влияние в Советах, не были заинтересованы в выработке компромиссных решений. К вооруженному противоборству левоэсеровское меньшинство подтолкнула несговорчивость уверенных в правильности своих решений большевиков.

Ключевые слова: Советская Россия, Калужская губерния, партия левых социалистов-революционеров (ПЛСР), Н. И. Пароль, партия большевиков, губернский военно-революционный комитет, Калужская Советская Республика (КСР), совнарком КСР, нарастание противоречий, поражение левых социалистов-революционеров.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-07-18

© Белова И.Б., Нечаева Е.С.
© Belova I.B., Nechaeva E.S.

Попытка организации в начале XX в. в России многопартийной системы привела к полному разрушению империи и созданию нового государства с жесткой однопартийной диктатурой, которая, однако, рухнула в конце века.

Целью данной статьи является освещение деятельности комитета партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) в Калужской губернии с конца 1917 до начала 1919 гг. Выбор темы обусловлен практически полным отсутствием исследований по данному вопросу. В советский период деятельность калужских эсеров не освещалась. В сборниках документов, издававшихся к юбилеям Октябрьской революции 1917 г., редкие материалы, а скорее, упоминания, об эсерах присутствовали лишь с целью показать «мелкобуржуазную и контрреволюционную» сущность партии, ставшей после октября 1917 г. организатором антисоветских мятежей [15]. В постсоветское время на территории Калужского региона систематического исследования ПСР (партия социалистов-революционеров) и ПЛСР не проводилось. Исследователь И.В. Зайцев, рассматривая выборы в Учредительное собрание в Калуге, упомянул, что председателем Городской думы Калуги являлся М.М. Федоров, член партии эсеров, который был выбран председателем избирательной комиссии [5, с. 29]. Н.А. Щербакова, изучая крестьянский протест в 1918–1920 гг. на материалах Калужской и Тульской губерний, пишет о том, что эсеровская идеология была распространена среди крестьян, недовольных политикой большевиков [16, с. 21]. Настоящая статья написана на основе материалов центральных (ГА РФ, РГАСПИ) и калужского (ГАКО) архивов, а также опубликованных материалов, представленных в сборниках документов, изданных в 1990–2000-х гг.[1]

Самая большая в России в 1917 г. партия социалистов-революционеров, объединявшая разные слои населения, победила на выборах в Учредительное собрание. После Февраля 1917 г. эсеры составляли большинство в Советах всех уровней. А. Ф. Керенский, В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев, С. Л. Маслов представляли партию на самых верхних ступенях власти, входили в состав коалиционного Временного правительства. Их приход во власть одобряли и Советы, и организации ПСР на местах [13, л. 3–20].

Однако партии не удалось сохранить единство своих рядов, и она разделилась на правое и левое крыло. Правые выступали за коалицию с либеральными партиями, левое крыло, наоборот, рассматривало буржуазные партии в качестве главного врага и выступало за жесткую диктатуру трудящихся в Советах. На II Всероссийском

[1] Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году / сост. И. В. Зайцев, В. В. Луговой. Калуга, 1999; Калужская советская республика. История в документах / сост. И. Н. Берговская, В. Я. Филимонов. Калуга, 2012; Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917–1925 гг.: в 3 т. М., 2000– 2017.

съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, который состоялся в Петрограде 25 октября 1917 г., представители правого крыла партии эсеров осудили действия большевиков и покинули заседание, левые же поддержали большевиков. Они вошли в новый состав ВЦИК, правда, оказались там младшими партнерами большевиков, а также вошли в правительство, ВСНХ, Высший военный Совет, ВЧК и другие организации. ЦК ПСР 27 октября 1917 г. исключил из своих рядов всех эсеров, которые оказали поддержку большевикам, а в ноябре 1917 г. левое крыло партии организовалось в партию левых социалистов-революционеров (ПЛСР). Это произошло на I Съезде ПЛСР.

В Калужском регионе приход большевиков к власти в Петрограде 25 октября 1917 г. практически не отразился на общественно-политической ситуации, так как регион к этому времени уже находился на военном положении. Дело в том, что в сентябре 1917 г. большевики Калуги, возглавляемые П. Я. Витолиным, пытались взять власть. Пользуясь влиянием на полковые комитеты местного гарнизона, они с большим нарушениями провели досрочные выборы Совета солдатских депутатов 20-21 сентября, тем самым добившись большевизации Совета [1, с. 127].

В результате Совет солдатских депутатов, отмежевался от Совета рабочих и крестьянских депутатов и отказался выполнять распоряжения власти. Например, по его инициативе не исполнялись боевые приказы об отправке маршевых рот на фронт, из тюрьмы силой были освобождены четверо преступников-анархистов, смещён с должности начальник тюрьмы. Кроме того, Совет, не задумываясь о последствиях, оставил без охраны улицы города и даже артиллерийский склад на целых 12 часов, вел пропаганду, направленную на свержение Временного правительства. Такая самочинная деятельность Совета солдатских депутатов побудила городские власти к решительным действиям. С помощью войск, прибывших 17–18 октября с фронта в Калугу, большевистское руководство исполкома Совета солдатских депутатов было арестовано, Совет распущен, а гарнизон, на который он опирался, разоружен. В Калуге было введено военное положение. Советы рабочих и крестьянских депутатов, а также местные меньшевики одобрили эти меры, направленные на стабилизацию общественно-политической обстановки в городе и губернии, осудив действия Совета солдатских депутатов. Левые эсеры, наоборот, не одобрили действия власти, в том числе и арест лидеров большевиков. Один из лидеров калужских эсеров Н. И. Пароль[1] заявил об этом на I Съезде ПЛСР в Петрограде 19–28 ноября 1917 г.

Между тем после победы

[1] Именно Николай Иванович Пароль являлся идейным вдохновителем ПЛСР на территории Калужской губернии, он же стал главным редактором газеты «Красное знамя», со страниц которой стал отстаивать позиции левых эсеров, выступая против большевиков.

большевиков в Москве, 13 ноября 1917 г. штаб Московского Военного округа направил в Калугу для организации власти своего представителя. В это же время в Калугу прибыли представители Московского военно-революционного комитета (ВРК) и Всероссийского исполнительного комитета профсоюза железнодорожников (Викжель). На состоявшемся заседании главным был вопрос об организации губернского социалистического комитета [1, с. 128]. На заседании от комитета ПСР присутствовал Власов с правом решающего голоса. После продолжительных прений большинством голосов было принято предложение Викжеля о создании в Калуге однородной социалистической власти, от народных социалистов до большевиков включительно. Новый орган власти получил название «Губернский революционно-социалистический комитет».

Однако на следующий день, 15 ноября, игнорируя принятое накануне компромиссное решение, депутаты всех трёх Советов выбрали из своего состава (по 4 человека от каждого) ВРК, который принял большевистскую платформу деятельности: признание решений II Всероссийского съезда Советов и СНК. Левые эсеры вошли в ВРК от Совета крестьянских депутатов, стоявшего на эсеровских позициях (Волков, Голенев, Лапин, Лев(б)енсон), большевиков от Совета рабочих и солдат в ВРК было в два раза больше.

При этом уступать власть новому революционному органу действовавшая в Калуге власть не собиралась, рассчитывая на воинские части, верные Временному правительству, которые находились в Калуге. В этих условиях губернскому ВРК ничего не оставалось, как обратиться за помощью к Московскому ВРК. Вооруженные революционные отряды прибыли в Калугу 28 ноября 1917 г. (старый стиль), не встретив вооружённого сопротивления, и только теперь калужский ВРК получил реальную власть. Вместо смещённого с должности губернского комиссара Временного правительства эсера М. К. Циборовского ВРК назначил с 1 декабря губернским комиссаром большевика П. Я. Витолина [1, с. 128].

На протяжении 1917 г., до Учредительного собрания, различные политические партии и группы претендовали на влияние в обществе. В Калужской губернии партия эсеров шла на выборы в Учредительное собрание вместе с губернским Советом крестьянских депутатов, стоявшим на эсеровских позициях, у них был общий список кандидатов под номером 2. Через свой местный печатный орган «Свободный пахарь» крестьянский Совет агитировал голосовать за кандидатов списка номер 2 [8, с. 376–378]. Итоги выборов в Учредительное собрание по Калужскому избирательному округу официально были объявлены 7 декабря 1917 г. Левый эсер Н.И. Пароль был из-

бран членом Учредительного собрания, однако в целом по Калужской губернии эсеры заняли лишь второе место после большевиков [8, с. 410].

Попытка большевиков завладеть всеми документами по Учредительному собранию, а затем ликвидация 2 декабря комиссии по выборам в Учредительное собрание «обезглавили» выборный процесс [12, С. 149, 151, 154, 155]. В поддержку Учредительного собрания в стране проходили манифестации, в т.ч. и в Калуге 10 декабря 1917 г. Однако по распоряжению возглавившего калужский ВРК большевика П. Я. Витолина мирная демонстрация в Калуге была разогнана красногвардейцами. В безоружных людей стреляли из пулеметов и ружей. В день похорон невинных жертв их участники были рассеяны патрульными солдатами, открывшими пальбу. Естественно, репутация власти Советов в связи с этими событиями сильно пострадала. Граждане Калуги осуждали новую самочинную губернскую власть, к которой и так не испытывали доверия, за очередной произвол и насилие. В знак протеста против неадекватных действий ВРК по отношению к мирным демонстрантам его член Абросимов вышел из калужской организации большевиков.

Витолин в свое оправдание от имени четырех членов ВРК-большевиков 14 декабря заявил, что «удар престижу пролетарской власти нанесли авантюристы революции Волков и другие». В тот же день член губернского ВРК, левый эсер Ф. Волков был арестован. Витолин предложил распустить ВРК и избрать президиум Советов. 15 декабря 1917 г. гражданам Калуги было сообщено о роспуске ВРК по постановлению пленарного заседаниявсех трех Советов и избрании президиума Советов, к которому перешла вся полнота власти в Калуге и губернии. Возглавил президиум все тот же Витолин [2, с. 332].

На I Губернский съезд Советов (16–21 января 1918 г.) большевистская фракция губисполкома вынесла проект новой конструкции власти. Согласно одобренному съездом проекту, высший орган власти Губернский съезд Советов формировал исполнительный комитет (губиском), ведающий и городскими, и земскими делами, в уездах и волостях была предложена та же конструкция власти. Членами губискома на съезде стали 66 человек, поровну от рабочих, крестьян и солдат, среди них 30 левых эсеров [14, с. 226].

На первом заседании губискома вопреки протесту левых эсеров был избран однопартийный президиум из трех большевиков, в него вошли Витолин (председатель), Фомин, Комаров. Кроме того, избрали и частично назначили 13 комиссаров, в том числе двух левых эсеров, комиссары составили Совет народных комиссаров (снк) и проголосовали за то, чтобы избранный президиум губискома стал одновременно президиумом снк. В итоге Витолин возглавил этот общий

президиум. Голосования на съезде и губискоме показали, что все предложенное большевиками поддерживалось большинством [2, с. 332–333]. Таким образом, левым эсерам не позволили войти в президиум губискома-снк, т.е. они стали младшими партнерами большевиков, как в декабре 1917 г. при создании ВЦИК.

По вопросу о подписанном сепаратном мире с Германией на заседании Калужского губисполкома 4-6 марта 1918 г. лидеры двух партий, большевик П. Я. Витолин и левый эсер Н. И. Пароль, высказались за продолжение войны до конца. При этом Н. И. Пароль сослался на мнение ЦК ПЛСР и заявил, что «Центральный комитет левых социалистов-революционеров считает для себя необязательным подписание ВЦИК мирного договора, и левые социалисты-революционеры считают необходимым продолжение войны до конца» [6, с. 66]. Однако большинство проголосовало за признание подписанного мира.

Кроме того, на этом же заседании был переизбран военно-революционный штаб, в который входил Н. И. Пароль, единственный представитель фракции левых эсеров губисполкома. По этому поводу фракция внесла в президиум заявление, в котором выражался протест против «насилия большинства», и «лишения всяких прав меньшинства». Еще один протест был вызван отклонением большинством голосов предложения эсеров о созыве губернского съезда Советов 23 марта [6, с. 70].

На очередном заседании губисполкома 25 марта 1918 г. большевики обвинили фракцию ПЛСР в помощи и поддержке местных железнодорожников (около 6 тысяч человек), выступивших против власти комиссаров, назвав это контрреволюционной деятельностью. Эсеры, принимавшие участие в массовых обысках 20 марта, в свою очередь, обвинили калужских большевиков в том, что по их вине железнодорожники выступили против власти комиссаров, так как они не смогли «правильно организовать обыски у контрреволюционного элемента», игнорируя предложения левых эсеров по их организации. В результате у населения, причисленного к буржуазному классу, не было изъято ни оружия, ни контрреволюционной литературы, но было подорвано доверие к власти.

Левый эсер Безменов на этом заседании заявил: «... мы не контрреволюционеры, а вы, большевики, говорите, что будете давить нас своим большинством, вы не даете нам представительства в комиссиях, президиуме. Мы стоим с вами на одной платформе, а вы не хотите с нами работать». В ответ на предложение о прекращении прений, что означало – разговор окончен, Безменов предложил: «Нужно бросить сюда бомбу». (Отметим, что еще в августе в 1917 г. в газете «Голос Калуги» было опубликовано сообщение, о создании боевой организации партии социалистов-революционеров, в специальное бюро которой входил Пароль [8, с.

259]. Конечно, говорить всерьез об эмоциональном высказывании Безменова в рамках заседания не стоит, т.к. ни одного террористического акта на территории Калужской губернии не произошло). В конечном итоге обвинения в контрреволюции, адресованные левоэсеровской фракции, были отвергнуты эсерами, как и обвинения против лидеров партии Н. Пароля и Е. Пятницкого [6, с. 89–90].

12 июня 1918 г. фракция левых эсеров демонстративно покидает заседание губисполкома по причине массового изъятия хлеба у крестьян, и 16 июня созывается чрезвычайная губернская конференция ПЛСР, где принимается решение о немедленном созыве 27 июня губернского съезда Советов по причине «усматривания ненормальности конструкции Советской Власти в Губернском Совдепе» [9, с. 118]. Еще в апреле 1918 г. Е. Пятницкий, выступая в Москве на II Съезде ПЛСР, говорил о том, что в губернских органах власти, в президиуме Советов и снк, нет ни одного левого эсера [9, с. 291].

На страницах своей газеты «Красное знамя» левые эсеры размещают резолюцию конференции и подробнейшую инструкцию по выборам на съезд Советов Калужской губернии [7, с. 4], что должно было повысить явку делегатов. Всю организацию съезда и размещение делегатов ПЛСР брали на себя. Губернский съезд Советов перенесли на 22 июля 1918 г. в связи с открытием 28 июня–1 июля III съезда ПЛСР. На III съезде делегат от Калужской губернии, фамилия которого не сохранилась, отметил рост сторонников ПЛСР в Калужской губернии до сотни во всех уездах [9, с. 388].

4–10 июля 1918 г. в Москве состоялся V Всероссийский съезд Советов. В мандатную комиссию съезда поступали многочисленные заявления от местных комитетов ПЛРС о нарушении выборов делегатов, например, от Козельского Исполнительного комитета были избраны только представители партии большевиков, потому что фракции большевиков составляла большинство в Совете. Козельский комитет ПЛСР требовал предоставить место своему делегату с правом решающего голоса [4, л. 12].

На этом съезде, как известно, левые эсеры 5 июля потребовали расторгнуть Брестский мир, отменить продовольственную диктатуру, ликвидировать комбеды. Однако склонить съезд к принятию своих требований левые эсеры не смогли. Множественные нарушения, допущенные в процессе выборов делегатов на съезд, а также неуступчивость большевиков вынудили ПЛСР прибегнуть к вооруженному сопротивлению. 6 июля члены фракции ПЛСР были арестованы в связи с событиями, связанными с убийством эсерами немецкого посла графа Мирбаха в Москве, захватом ряда зданий и обстрелом Кремля.

В уездном городе Жиздре местные левые эсеры, получив 7 июля сообщение из Москвы об убийстве Мирбаха и контрреволюционном

выступлении левых эсеров, вооружили до 500 крестьян и выступили против советской власти. Это выступление было подавлено с помощью военной силы лишь к 15 июля. В это же время большевикам удалось предотвратить антисоветский мятеж в соседнем с. Людинове [3, л. 50, 50 об, 54].

Калужский губисполком 15 июля 1918 г. выразил свое отношение к местной организации ПЛСР, в его резолюции констатировалось, что «эта организация в большинстве своем солидарна с преступным контрреволюционным выступлением своего ЦК, что выразилось в целом ряде фактов: ряд статей, заметок чисто провокационного характера в последних номерах своего органа «Красное знамя»; ряд выступлений ответственных членов на митингах с погромными противосоветскими речами; ведение в настоящее время лицемерной двойственной политики по отношению к Советской власти; контрреволюционное вооруженное выступление левых эсеров против Советской власти в Жиздре и Перемышле; неподчинение губернской власти, выразившееся в желании сепаратно созвать II губернский съезд Советов, уклонение от прямого ответа о своем отношении к мятежу, учиненному ЦК своей партии» [6, с. 130]. Губисполком постановил объявить местную организацию левых эсеров не советской партией, а контрреволюционной; исключить членов фракции левых эсеров из губисполкома; отозвать всех левых эсеров, работающих в советских организациях, с ответственных постов.

Несмотря на это Н. И. Пароль заявил на Московской областной конференции ПЛСР (31 июля–2 августа 1918 г.), что калужская организация продолжает существовать [9, С. 311–312]. Местные организации ПЛСР 3–7 августа 1918 г. получили инструкцию по переходу в подполье [10, с. 354]. В октябре 1918 г. на IV Всероссийском съезде ПЛСР (2–7 октября) в Москве Калужскую губернию уже не представляли, как обычно, лидеры Калужского отделения ПЛСР Н. Пароль и Е. Пятницкий. К этому моменту их не было в Калужской губернии и судьба их неизвестна.

На заседании II Совета ПЛСР (16–20 декабря 1918 г.) делегат от Калужской губернии А. И. Чеботарев говорил о сильных репрессиях против членов партии: «Т. Зотов до сих пор сидит в тюрьме, потому что он пользуется авторитетом среди крестьян», «мы вышли на железную дорогу и Красную армию». Он также сказал, что члены партии пока еще занимают видные посты [11, с. 60]. По вопросу о положении партии II Совет постановил «сделать последнюю попытку отстоять право своего свободного существования и борьбы за социалистическую революцию в пределах Советской Федеративной Республики через апелляцию к трудовому Интернационалу Западной Европы и к трудящимся России» [11, с. 64].

В начале 1919 г. начались массовые аресты левых эсеров по всей стране. В Калуге Губернской Чрезвычайной Комиссией были арестованы видные члены местных партийных организаций правых и левых эсеров, например, 20 февраля был арестован левый эсер Прыгалин, ответственный работник Калужского губернского продовольственного комиссариата, у которого были обнаружены черновики воззвания о свержении власти большевиков [11, с. 385].

Таким образом, левые эсеры, поддержав большевистский переворот в Калуге, вошли в органы власти на правах союзника большевиков в качестве младшего партнера. Постоянное давление большевистского большинства определило взаимоотношения этих двух советских партий, отличавшиеся нарастанием неразрешенных противоречий и поражением левоэсеровского меньшинства. При этом надежды ПЛСР на поддержку трудящихся Западной Европы и России не оправдались.

Список литературы

1. Белова И. Б. Гражданская война в Калужской губернии // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2020. № 3(55). С. 126–137.

2. Белова И. Б. Проблемы формирования и деятельности государственного аппарата российской провинции в первые годы советского периода (по материалам Калужской губернии) // История российской государственности: Доклады Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н. П. Ерошкина, Москва, 19 декабря 2020 г. Москва: РГГУ, 2021. С. 330–336.

3. Государственный архив Калужской области. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 23.

4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 4. Д. 54.

5. Зайцев И.В. Выборы в Учредительное собрание в Калужской губернии // Вопросы избирательного права.1998. № 1. С. 28-46.

6. Калужская советская республика. История в документах / сост. И. Н. Берговская, В. Я. Филимонов. Калуга, 2012. – 176 с.

7. Красное знамя. Калуга. 21.06.1918. № 57.

8. Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году / сост. И. В. Зайцев, В. В. Луговой. Калуга, 1999. – 432 с.

9. Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917–1925 гг.: в 3 т. Т. 1: Июль 1917 г. – май 1918 г. М.: РОССПЭН, 2000. – 862 с.

10. Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917–1925 гг.: в 3 т. Т. 2, ч. 2: Июль–октябрь 1918 г. М.: РОССПЭН, 2015. – 1182 с.

11. Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917–1925 гг.: в 3 т. Т. 2, ч. 3: Октябрь 1918–март 1919 г. М.: РОССПЭН, 2017. – 893 с.

12. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: История зарождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. – 362 с.

13. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 274. Оп. 1. Д. 6.

14. Спивак В. М., Шуркин П. А. Очерки истории Калужской организации КПСС. Часть I. (90-е гг. XIX в. – 1918 г.). Калуга, 1959. – 248 с.

15. Установление Советской власти в Калужской губернии. Документы и материалы. Март 1917 – июль 1918 г. Калуга, 1957. – 467 с.

16. Щербакова Н.А. Крестьянский протест в 1918-1920 гг.: истоки, форма, динамика (по материалам Тульской и Калужской губерний): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2009.

ACTIVITIES OF THE LEFT SOCIALIST REVOLUTIONARIES IN KALUGA PROVINCE, OCTOBER 1917-FEBRUARY 1919

The article examines the activities of the Party of Left Socialist Revolutionaries (PLSR) in Kaluga province from October 1917 to early 1919. It is established that in September 1917, representatives of the left wing of the Socialist-Revolutionary Party supported the Bolsheviks' attempt to overthrow the Provisional Government in the region. In November, the left SRS joined the provincial Military Revolutionary Committee (VRK), where they made up one third. In December 1917 The VRK organized the dispersal of a peaceful demonstration in Kaluga in support of the Constituent Assembly. When I had to justify myself to the population, a major conflict occurred between the allies. It is shown that in 1918 the Left-Socialist-Revolutionary faction found itself in the role of a junior partner of the Bolsheviks both in the Gubernatorial executive committee and in the Council of People's Commissars. The SRS were not elected to the presidium of these two bodies at all, and their protest did not change anything. Having voted in the gubernatorial executive committee for the continuation of the war with Germany, the left Socialist-Revolutionary faction immediately lost its only representative in the military revolutionary headquarters. The Bolsheviks did not react to the protest of the Social Revolutionaries against the "violence of the majority". The joint participation of Bolsheviks and left SRS in mass searches of wealthy citizens of Kaluga in March, accompanied by a serious conflict between accomplices who accused each other, is highlighted. It reflects the protest actions of the left Socialist-Revolutionary faction of the Gubernatorial executive committee in June over the mass seizure of "surplus" bread from peasants; an armed demonstration of peasants organized by left socialist-revolutionaries in the largest Zhizdrinsky district on July 7-14 and the response actions of the gubernatorial executive committee. It is concluded that the activities of the PLSR as a junior partner of the Bolsheviks in the provincial authorities were accompanied by constant conflicts, on almost any issues. Conflicts, as a rule, remained unresolved. The Bolsheviks, who headed the authorities and had great influence in the Soviets, were not interested in working out compromise solutions. The left-Socialist-Revolutionary minority was pushed to armed confrontation by the intractability of the Bolsheviks, who were confident in the correctness of their decisions.

Keywords: Soviet Russia, Kaluga Province, Party of Left Socialist Revolutionaries (PLSR), N. I. Parol, Bolshevik Party, provincial Military Revolutionary Committee, Kaluga Soviet Republic (KSR), Council of People's Commissars of the KSR, growing contradictions, defeat of left socialist revolutionaries.

References

1. Belova I. B. (2020) Grazhdanskaya vojna v Kaluzhskoj gubernii [Civil war in Kaluga province]. In: Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya» [TvSU Bulletin. Series "History"], № 3(55), S. 126–137.

2. Belova I. B. (2021) Problemy formirovaniya i deyatel'nosti gosudarstvennogo apparata rossijskoj provincii v pervye gody sovetskogo perioda (po materialam Kaluzhskoj gubernii) [Problems of the formation and activities of the government of the Russian province in the first years of the Soviet period (on materials of the Kaluga province)]. In: Istoriya rossijskoj gosudarstvennosti: Doklady Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora N. P. Eroshkina [History of Russian statehood: Reports of the International scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor N. P. Eroshkin]. Moskva: RGGU, S. 330–336.

3. State Archive of the Kaluga region. F. R-85. Op. 1. D. 23.

4. State Archive of the Russian Federation. F. R-1235. Op. 4. D. 54.

5. Zaitsev I. V. (1998) Elections to the Constituent Assembly in the Kaluga province // Questions of electoral law. № 1. S. 28-46.

6. Kaluzhskaya Sovetskaya Respublika. Istoriya v dokumentah (2012) / sost. I. N. Bergovskaya, V. YA. Filimonov. [Kaluga Soviet Republic. History in documents / I. N. Bergovskaya, V. Ya. Filimonov ed.]. Kaluga. 176 s.

7. Krasnoe znamya [The Red banner]. Kaluga, 21.06.1918, No. 57.

8. Obshchestvo i revolyuciya. Kaluzhskaya guberniya v 1917 godu (1999) / sost. I. V. Zajcev, V. V. Lugovoj [Society and revolution. Kaluga province in 1917, I. V. Zaitsev, V. V. Lugovoy ed.]. Kaluga. 432 s.

9. Partiya levyh socialistov-revolyucionerov: dokumenty i materialy, 1917–1925 gg.: v 3 t. T. 1: Iyul' 1917 g. – maj 1918 g. (2000) [The Party of Left Socialist Revolutionaries: documents and materials, 1917-1925: in 3 vols. Vol. 1: July 1917 - May 1918]. Moskva: ROSSPEN. 862 s.

10. Partiya levyh socialistov-revolyucionerov: dokumenty i materialy, 1917–1925 gg.: v 3 t. T. 2, ch. 2: Iyul'–oktyabr' 1918 g. (2015) [The party of left socialist-revolutionaries: documents and materials, 1917-1925 gg.: V 3 t. T. 2, part 2: July–October 1918]. Moskva: ROSSPEN. 1182 s.

11. Partiya levyh socialistov-revolyucionerov: dokumenty i materialy, 1917–1925 gg.: v 3 t. T. 2, ch. 3: Oktyabr' 1918–mart 1919 g. (2017) [The party of left socialist-revolutionaries: documents and materials, 1917-1925 gg.: V 3 t. T. 2, part 3: October 1918–March 1919]. Moskva: ROSSPEN. 893 s.

12. Protasov L. G. (1997) Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie: Istoriya zarozhdeniya i gibeli [All-Russian Constituent Assembly: The history of the origin and death]. Moskva: ROSSPEN. 362 s.

13. Russian State Archive of Socio-Political History. F. 274. Op. 1. D. 6.

14. Spivak V. M., Shurkin P. A. (1959) Ocherki istorii Kaluzhskoj organizacii KPSS. CHast' I. (90-e gg. XIX v. – 1918 g.) [Essays on the history of the Kaluga organization of the CPSU. Part I. (The 90s of the XIX century – 1918)]. Kaluga. 248 s.

15. The establishment of Soviet power in the Kaluga province. Documents and materials. March 1917 - July 1918. (1957) Kaluga. 467 s.

16. Shcherbakova N. A. Peasant protest in 1918-1920: origins, form, dynamics (based on the materials of the Tula and Kaluga provinces) (2009) Diss. ... Candidate of Historical Sciences Bryansk.

Об авторах

Белова Ирина Борисовна – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории Института Истории и права, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Россия), E-mail: irina-25.01@mail.ru

Нечаева Евгения Сергеевна – аспирант 3-го курса кафедры истории Института Истории и права, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского (Россия), E-mail: eska-84@mail.ru

Belova Irina Borisovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor; Professor of the Department of History of the Institute of History and Law, Tsiolkovsky Kaluga State University (Russia), E-mail: irina-25.01@mail.ru

Nechaeva Evgeniya Sergeevna – 3rd year postgraduate student of the Department of History of the Institute of History and Law, Tsiolkovsky Kaluga State University (Russia), E-mail: eska-84@mail.ru

УДК 93/941

Богданова Т.В., заместитель начальника отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива (Россия).

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О П.К. ЭССЕНЕ (1772–1844) В ФОНДАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

В статье дан краткий обзор наиболее важных документов о деятельности Выборгского и Оренбургского военного губернатора, Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора, генерала от инфантерии, графа П.К. Эссена, хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива. Сделан вывод, что, хотя документы РГИА хранят документальные материалы по гражданской истории имперского периода нашей страны, тем не менее, в многочисленных фондах отложились документы и о военных чиновниках. Сохранившиеся документальные свидетельства являются ценным историческим источником и повествуют о взаимодействии военного губернатора напрямую с императором, ведь он являлся его доверенным лицом, а также политическую взаимосвязь с различными высшими, центральными и местными государственными учреждениями в решении наиважнейших вопросов, связанных с управлением вверенных ему территорий. Описание документов дает возможность представить, что входило в функции военного губернатора и какие именно задачи ему приходилось решать на своем посту. Подробно рассмотрены рапорты П.К. Эссена, в которых он докладывал об эпидемиологической остановке в Санкт-Петербурге и губернии во время холеры, а также во время холерного бунта 1831 г.

Ключевые слова: Выборгская губерния, Оренбургская губерния, Санкт-Петербургская губерния, военный губернатор, военный генерал-губернатор, Государственный совет, Центральная комиссия по прекращению холеры при МВД, эпидемия, П.К. Эссен.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-19-32

Российский государственный исторический архив (далее РГИА) является уникальным хранилищем документальных материалов с конца XVIII в. по 1917 г. В его многочисленных фондах хранятся документы высших и центральных учреждений, общественных и частных организаций, фонды личного происхождения, подлинные высочайшие указы и законодательные акты. Хранятся в архиве также исторические свидетельства о службе государственных деятелей, в руках которых было сосредоточено управление как высшими, так и местными органами власти Российской империи. В том числе сохранились документальные материалы о деятельности графа Петра Кирилловича Эссена – генерала от инфантерии, члена Государственного совета, военного губернатора Выборгской и Оренбургской губерний, военного генерал-губерна-

© Богданова Т.В.
© Bogdanova T.V.

тора Санкт-Петербургской губернии, кавалера многочисленных отечественных и иностранных орденов, сделавшего стремительную карьеру, человека, близкого ко Двору императора Николая I.

Биографические сведения о Петре Кирилловиче Эссене помещены в различные печатные энциклопедии и биографические словари [3, 6, 7, 30, 31, 34, 35, 36], изучению его биографии также посвящено ряд исследований [5, 32].

Главным источником биографических сведений о Петре Кирилловиче Эссене в РГИА являются документы фонда Государственной канцелярии (Ф. 1162), в котором имеются личные дела членов Государственного совета. В личном деле Петра Кирилловича [15] хранятся документы за 1830–1842 гг., среди них: различная служебная переписка председателя Государственного совета и военного министра, копии именных указов императора Николая I, прошения и письма П.К. Эссена, формулярный список о его службе, составленный на 29 июня 1842 г. и заверенный подлинной подписью самого Петра Кирилловича [15, л. 18-41].

Родился Петр Кириллович 11 августа (22 по новому стилю) 1772 г. в семье лифляндских дворян голландского происхождения. Начало карьерного роста у П.К. Эссена очень схоже с отпрысками дворянских семей того времени. Вступил в службу 23 мая 1777 г. в возрасте пяти лет вахмистром в Лейб-Кирасирский полк, позже был переведен в Павловский батальон и произведен в прапорщики, далее следовал Табели о рангах и получал чины – подпоручика, поручика, капитана, секунд-майора. Впоследствии служил в Измайловском полку в чине подполковника, а потом и полковника. Участвовал в 1791 г. в кампании на Балтийском море. Произведен 14 февраля 1798 г. в генерал-майоры с назначением шефом Выборгского мушкетерского полка. Участвовал в заграничном походе в 1799 г. в составе корпуса А.М. Римского-Корсакова, за успешные военные действия против французов 26 января 1800 г. получил чин генерал-лейтенанта [15, л.18 об., 19, 19 об., 20].

Первое свое губернаторское место Петр Кириллович получил в Выборге, куда был назначен 18 августа 1800 г. военным губернатором. Одновременно получил назначение исполнять обязанности инспектора Финляндской инспекции и «шефа гарнизонного полка бывшего князя Горчакова» [15, л.19 об., 20].

Конечно, назначение Петра Кирилловича военным губернатором в Выборгскую губернию было не случайным. Выборгская губерния всегда играла стратегически важную роль для столицы Российской империи – Санкт-Петербурга. На территории, присоединенной в результате нескольких русско-шведских войн, начиная со времени правления Петра I, было всегда сосредоточено значительное количество войск, поэтому управлять этой губернией

всегда поручалось опытному и ответственному человеку. Одной из главных функций, возложенных на военного губернатора, было сохранение «безопасности, тишины и спокойствия» в губернии. Он был ответственным за порядок и соблюдение строжайшей дисциплины в войсках, за удобное расквартирование войск и за точное несение гарнизонной службы. Петр Кириллович обладал нужными качествами и управлял губернией совместно с гражданским губернатором Максимом Максимовичем Ореусом [4].

Интересные сведения о службе П.К. Эссена в Выборге сохранились в фонде Канцелярии обер-прокурора Сената (Ф. 1374). В Англии в 1800 г. вспыхнула эпидемия «заразительной болезни» (моровой язвы). Император Павел I издал 8 декабря 1800 г. указ «О принятии надлежащих предосторожностей, по случаю открывшейся в Англии заразительной болезни» [9]. Согласно ему Правительствующий Сенат должен был «сделать предписания, кому следует, принять все надлежащие предосторожности и иметь повсеместное наблюдение, сообразно узаконениям, против моровой язвы бывшим, начиная от приморской границы Финляндии». В Выборгской губернии были предприняты меры для нераспространения болезни.

П.К. Эссен 14 декабря 1800 г. донес генерал-прокурору П.Х. Обольянинову о том, что всем начальникам, которые находились на границе со Швецией, было приказано «дабы они от всех из заграницы приезжающих и присылаемых курьеров депеши, хотя бы оные и на высочайшее имя следовали, отбирали и чрез посредство мое с соблюдением предписанных по случаю заразы правил, доставляли куда они следовать будут» [19, л. 46].

Выборгский военный губернатор 28 декабря 1800 г. донес генерал-прокурору следующее: «... к предосторожностям приемлемым и наблюдаемым на границе по случаю открывшемся в Англии заразительной болезни, считаю я также одним из главнейших способов отменить нынешний образ доставления почты из заграницы в Фридрихсгам...» Петр Кириллович указывал на то, что в Аберфорсе нет почтового чиновника и приходящая из Швеции почта сразу оправлялась в Фридрихсгам, поэтому необходимо было снарядить туда такого чиновника, который принимая шведскую почту «производить мог надлежащие с ней предосторожности и потом уже в своем чемодане и со своим почтальоном отправлял в Фридрихсгам». Для выполнения такой эстафеты необходимо было назначить двух или трех почтальонов «для равномерного перенесения сообщения почт в города Нейшлот и Сердобль, и для пересылки отбираемых от курьеров депеш» [19, л. 35, 35 об.]. Рекомендации военного губернатора были приняты к исполнению [19, л. 38]. У Петра Кирилловича это был первый опыт борьбы с нераспространением заразной болезни на

губернаторском посту.

В конце XVIII – первой трети XIX вв. не существовало четкого разграничения власти между гражданским и военным губернатором. После пересмотра Екатерининской губернской реформы 1775 г. император Павел I сохранил должность военного губернатора всего в нескольких губерниях. Именным указом от 9 сентября 1801 г. император Александр I решил, что Санкт-Петербургская губерния будет управятся совместно с Финляндией одним военным генерал-губернатором. Текст указа гласил: «...губернии пограничные и на особенных правах состоящие, под управление Военных Губернаторов распределяются следующим образом: 1) Санктпетербургская с Финляндскою...» [10]. Военным генерал-губернатором бы назначен М.И. Голенищев-Кутузов. Тем не менее, только 4 февраля 1802 г. П.К. Эссен был назначен шефом в Выборгский пехотный полк, а 5 марта он стал шефом Шлиссельбургского пехотного полка.

Начало XIX в. – эпоха наполеоновских войн. Неоднократно Петр Кириллович участвовал в военных действиях против французов, за что был награжден как российскими, так и иностранными орденами. Также он был участником Турецкой кампании 1806–1812 гг. [15, л. 20 об., 21].

Свой второй губернаторский пост Петр Кириллович получил 19 января 1817 г., он был назначен Оренбургским военным губернатором и командиром отдельного Оренбургского корпуса. По высочайшему повелению 16 апреля 1817 г. ему также было вверено управление и гражданской частью губернии, а 1 января 1819 г. он был произведен в генералы от инфантерии [15, л. 21 об., 22, 22 об., 23].

Оренбургский период управления губернией Петром Кирилловичем подробно описан в ряде работ [8, 33]. Большой массив документального материала об оренбургском периоде сохранился и в РГИА в фонде Собственной Е.И.В. канцелярии (Ф. 1409). Следует особо выделить следующие документы: отношение П.К. Эссена о заграничной торговле по Оренбургской таможенной черте и о водворении порядка между ордынцами в 1817 г. [20], всеподданнейший рапорт П.К. Эссена с просьбой разрешить вывести в Киргизскую степь отряд войск с артиллерией для защиты киргизов от нападений хивинцев и охраны караванных путей в 1818 г. [21], рапорт П.К. Эссена относительно сделанных им распоряжений об усилении кордонной стражи вследствие нападений киргизов на Красноярский уезд и о производстве по этому случаю следствия в 1818 г. [22], копия отношения П.К. Эссена к графу А.А. Аракчееву о нападении и опустошении и убийствах, произведенных Хивинским ханом Мухаметом-Рахимом в улусах Киргиз-Кайсацких киргизов в 1820 г. [23], отношение П.К. Эссена к графу А.А. Аракчееву с уведомлением о благополучном следовании миссии, отправленной в Бухару в 1821 г. [24], и о возвра-

щении миссии [25], всеподданнейший рапорт П.К. Эссена о плохом приеме в Хиве русского чиновника, посланного туда «для дружественных переговоров и заключения торгового договора» в 1821 г. [26], письмо П.К. Эссена к статс-секретарю Н.Н. Муравьеву относительно поданных им записок в 1826 г. [28].

Так, 1 января 1821 П.К. Эссен всеподданнейше доносил, что «...в течение Декабря месяца минувшего года во вверенной управлению моему Оренбургской линии все состояло благополучно и никаких происшествий достойных примечания не было...» [27, л. 1]. Такой же рапорт со схожим донесением был отправлен губернатором и 1 февраля 1821 г. [27, л. 2].

В личном фонде И.В. Васильчикова сохранился подлинный проект П.К. Эссена об учреждении в Оренбургском крае конского завода [13]. В бумагах графа М.М. Сперанского хранится копия мнения П.К. Эссена «Об устройстве заграничной торговли в Оренбургском крае на прочном основании», а также копия проекта «Правил Оренбургской Азиатской Компании» [16].

В общей сложности Петр Кириллович управлял губернией 13 лет и 7 февраля 1830 г. был назначен Санкт-Петербургским военным генерал-губернатором, а в апреле 1830 г. членом Государственного совета.

В 1830–1831 гг. в России вспыхнула первая в отечественной истории вспышка холеры. Ряд исследовательских работ освещает эту тему [1, 2].

Большой комплекс документов о действиях Петра Кирилловича на посту военного генерал-губернатора сохранился в фонде Медицинского департамента Министерства внутренних дел (Ф. 1297). После того, как холера начала свирепствовать в Москве, в столице были открыты специализированные холерные больницы, к которым были прикреплены медики. П.К. Эссен рапортовал министру внутренних дел А.А. Закревскому 1 января 1830 г.: «...из расписания, доставленного мне от исправляющего должность гражданского генерал-штаб доктора о распределении по частям и кварталам врачей, усматривая, что по неимению вольнопрактикующих врачей в Выборгской части, заимствоваться потребным числом врачей от императорской медикохирургической академии и от госпиталей сухопутного и морского для каждого квартала по два отнесся к управляющему военным министерством и начальнику Морского штаба о назначении врачей из военного и морского госпиталей...» [17, л. 59]. Другой рапорт последовал 31 мая 1831 г. В нем было предписано «производить медицинский осмотр от границы города по обеим сторонам реки Невы, до места их пристанища» [17, л. 185].

В РГИА хранится фонд Центральной комиссии по прекращению холеры при МВД (Ф. 1301), содержащий значительное количество рапортов Петра Кирилловича. По этим документам можно судить о мерах, которые предпри-

нимал военный генерал-губернатор. П.К. Эссен писал 25 мая 1831 г. министру внутренних дел А.А. Закревскому: «Необходимо увеличить пункты действия обсервационных застав у города Новой Ладоги, а также учредить заставу при устье р. Невы у Ладожского озера, для судов, идущих в Санкт-Петербург по озеру» [18, л. 197]. Спустя два дня военный генерал-губернатор просил, чтобы транспорты Провиантского ведомства не подвергались «при проходе через Санкт-Петербургскую губернию остановке и пришли в столицу в течение следующей навигации». Для этого он предложил остановить транспорт с продовольствием на 10 дней для выдерживания карантинных сроков и «по сию сторону от карантина», т.е. ближе к Санкт-Петербургу. Таким образом, Петр Кириллович обеспечил город провиантом [18, л. 240].

В фонде Собственной Е.И.В. канцелярии по учреждениям императрицы Марии (Ф. 759) хранятся рапорты П.К. Эссена статс-секретарю Канцелярии Г.И. Вилламову. Военный генерал-губернатор 24 сентября 1830 г. рапортовал: «...в последствии мер, принятых противу болезни холеры, существующей в некоторых внутренних губерниях, государь император высочайше повелеть соизволил, чтобы из всех лазаретов, больниц и госпиталей в сей столице находящихся были ко мне доставляемы ежедневно ведомости о числе поступающих в оные больных и умирающих какими именно болезнями. Если же оказались бы на ком признаки болезни холеры, о таковых уведомлять меня, адресуя в собственные руки, без всякого отлагательства...» [14, л. 17], а 16 октября 1830 г. отписал о том, что направляет «...расписание учреждаемых в здешние столицы постоянных больниц на случай (Боже охрани!) появления здесь сомнительных болезней, и уведомить, что сверх того в каждой части города устраиваются по одному приемному дому к помещению больных для подаяния им первоначального врачебного пособия...» [14, л. 24].

Эпидемия пришла в Петербург 14 июня 1831 г. Спустя четыре дня П.К. Эссен пишет А.А. Закревскому что «...все меры, какие приняты по сему предмету по здешней губернии суть весьма недостаточные и не в силах предотвратить занесение болезни в пределы ее и самую столицу, если Правительство не окажет местному начальству пособия посредством командирования на наблюдательные пикеты воинской команды и в особенности не сделает наряда судов для крейсировки по Ладожскому озеру по примеру как сие было учинено в Псковском и Чудском озере...» [14, л. 418].

Нашло отражения в документах архива и эпизод, связанный с холерным бунтом 22 июня 1831 г. в Петербурге. В камер-фурьерском журнале имеется запись от 23 июня 1831 г., на следующий день после бунта: «Во вторник. По утру в 8 часов его величество

принимал с докладом управляющего Главным штаб генерал-адъютанта графа Чернышева. <...> В 9 часов утра государь император с начальником Штаба Морских сил генерал-адъютантом князем Меншиковым, флигель-адъютантом Казарским и лейб-медиком Арндтом, с Петергофской пристани изволил сесть на свой 18 весельный катер и отправился в Петербург, в том же катере посажены были камердинер его величества, фельдъегерь, кучер и повар с готовым маленьким обедом. По прибытии в Санкт-Петербург, его величество вышел с катера на пристань Елагинского острова, тут поговорил в саду с военным генерал-губернатором Эссеном, и еще с некоторыми генералами, потом сел в приготовленную заблаговременно коляску и поехал в город, был в разных частях, везде народ с восторгом приветствовал императора, был на Сенной площади, где вчера произошел некоторого рода мятеж, то есть не благомыслящие люди, не понимая благодетельной цели государя и правительства, чтобы не распространилось эпидемическая болезнь сия, клали больных с признаками холеры, в устроенные больницы, одна из таковых была на той площади в доме купца Таирова, чернь пьяная и поджигаемая злоумышленниками <...> ворвавшись били в том доме окна и в больнице, убили штаб-лекаря и разные делали бесчинства, пока полиция с военною командою не разогнала чернь и не восстановила тишину. Государь император сего дня будучи на той площади, многажды обращался к многочисленному тут собравшемуся народу, милостивым отеческим наставлением быть послушным главе благодетельного правительства, пекущегося о их благосостоянии, народ со слезами изъявлял живейшую благодарность царю своему пекущемуся о благе их. Император, возвратившись в 4 часа на Елагин остров, изволил сесть в сад возле беседки за стол, где повар разогрел, привезенное с собою из Петергофа кушанье. С его величеством кушали генерал адъютанты граф Орлов и князь Меншиков, флигель адъютант Казарский и лейб медик Арндт.

После обеда его величество с теми же особами сел в свой катер и прибыл благополучно в Петергоф в 7 часов» [12, л. 25-31].

За старания по усмирению бунта и за грамотные действия во время эпидемии, позволившие за короткое время ее пресечь, 22 августа 1831 г. Петр Кириллович всемилостивейше был награжден украшенной алмазами табакеркой с портретом е.и.в. и тогда же пожалован знаком отличия за XL лет беспорочной службы [15, л.27 об., 28].

Впоследствии, в память об отце, император Александр II высочайше пожелает установить памятник на Исаакиевской площади, который в середине XIX в. считался «гением технической мысли». Над памятником трудились лучшие скульпторы, конную статую изготовил барон П.К. Клодт. На памятнике расположено четыре барельефа, так вот

один из барельефов как раз и посвящен событиям холерного бунта 1831 г. Документы о строительстве памятника отложились в фонде Особенной канцелярии главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий [11, л. 94, 95].

7 июля 1833 г. высочайшим указом Сенату Петр Кириллович Эссен «в ознаменование особенного благоволения его императорского величества, за долговременную отлично-усердную и ревностную службу Государю и Отечеству, всемилостивейше возведен с нисходящим потомством в графское Российской империи достоинство» [15, л. 29-30].

В Коллекции гербов, жалованных грамот и патентов на чины Департамента герольдии Сената хранится высочайше утвержденный рисунок герба графа П.К. Эссена. Герб графа внесен в XI часть Общероссийского гербовника дворянских родов Всероссийской империи [29, л. 18, 18 об., 19].

Многократно Петру Кирилловичу выражалось высочайшее благоволение «за отличный порядок, тишины и спокойствия во время торжественных праздников и народных гуляний», 18 декабря 1837 г. «за отлично усердное действие при пожаре, бывшем 17 декабря 1837 г. в Зимнем дворце объявлено особенного его величества благоволение в Высочайшем приказе» [15, л. 30 об., 31].

П.К. Эссен 2 декабря 1842 г. покинул губернаторский пост в связи с преклонными годами, но был оставлен членом Государственного совета. Скончался он в Петербурге в 1844 г., похоронен в Орловской губернии.

Петр Кириллович Эссен прожил долгую жизнь, наполненную различными интересными событиями. Он был участником многочисленных военных конфликтов, в которых всегда показывал себя храбрым воином, в минуты смертельной опасности готовым пожертвовать своей жизнью во имя Отечества. Впоследствии проявил он себя и на губернаторском поприще. В данном обзоре описаны наиболее важные документы о деятельности П.К. Эссена, сохранившиеся в фондах РГИА. Конечно, различные документальные свидетельства сохранились и в других фондах архива. Считается, что РГИА хранит документы высших и центральных органов государственной власти и управления (гражданских ведомств) Российской империи. Тем не менее в нем имеются в достаточном количестве документы и о деятельности военных чиновников, благодаря их взаимодействию со многими учреждениями, эти документы и отложили в архивах гражданских ведомств.

Список литературы

1. Барабанова К.С. Чрезвычайные чиновники против наводнения 1824 г. и холеры в Санкт-Петербурге 1831 г. // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Девятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2019», Москва, 03–04 апреля 2019 года. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2019. С. 35-38.

2. Барабанова К.С. Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношение к ним горожан // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 130-144.

3. Безотосный В. Эссен Петр Кириллович // Немцы России : ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. М.: ЭРН, 2006. С. 853-854.

4. Богданова Т.В. Гражданский губернатор М.М. Ореус на службе в Выборгской (Финляндской) губернии в 1799–1804 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. 2021. Т. 10. № 1 (39). С. 39-46.

5. Злобин Ю.П. П.К. Эссен – Оренбургский военный губернатор и военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга // Немецкое население на Южном Урале в военные и послевоенные годы (к 70-летию депортации немецкого населения СССР): Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Оренбург, 29 апреля 2011 года. Оренбург: ООО ИПК Университет, 2013. С. 201-211.

6. Кузнецов В.А. Эссен Петр Кириллович // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 523.

7. Милорадович Г.А. Эссен граф Петр Кириллович // Царствование императора Николая I. Генералы, состоящие при Особе Его Величества. Список лиц свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. По старшинству дня назначения. Генерал-адъютанты, свиты генерал-майоры, флигель-адъютанты, состоящие при особах, и бригад-майоры. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1886. С. 163.

8. Оренбургская ученая архивная комиссия. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Оренбург, 1907. Вып. 18. С. 39-61.

9. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1-е. 1849. Т. 24. № 19679. 425 с.

10. ПСЗРИ. Собр. 1-е. 1851. Т. 26. № 20004. 780 с.

11. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Особенная канцелярия главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий. Ф. 207. Оп. 2. Д. 16.

12. РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Внутр. оп. 120/9322. Д. 60. – Камер-фурьерский журнал за июнь 1831 г.

13. РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 183. – Проект генерала Эссена об учреждении в Оренбургском крае конского завода.

14. РГИА. Ф. 759. Оп. 7. Д. 242. – Переписка с Эссеном Петром

Кирилловичем, Санкт-Петербургским военным генерал-губернатором.

15. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 635 – Дело о члене Государственного совета генерал от инфантерии Графе Эссене.

16. РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Ч. 2. Д. 5 – Список с мнения Оренбургского военного губернатора П.К. Эссена I «Об устройстве заграничной торговли в Оренбургском крае на прочном основании», с четырьмя приложениями. Копия проекта «Правил Оренбургской Азиатской Компании».

17. РГИА. Ф. 1297. Оп. 57. Д. 82 – О командировании врачей в разные места для прекращения холеры и о производстве им содержания во время сей командировки.

18. РГИА. Ф. 1301. Оп. 1. Д. 148 – По отношению статс-секретаря Муравьева о предохранении Санкт-Петербурга и Риги от занесения холеры в нынешнем году.

19. РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2324 – Переписка по поводу принятия необходимых карантинных мероприятий, согласно Высочайшему повелению от 3 декабря 1800 г., в целях предотвращения заноса в пределы Империи заразительной болезни (моровой язвы), свирепствовавшей в Кадиксе и в Англии.

20. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1 Д. 1990 – Отношение Оренбургского военного губернатора Эссена о заграничной торговле по Оренбургской таможенной черте и о водворении порядка между ордынцами.

21. РГИА. Ф. 1409. Д. 2682 – Всеподданнейший рапорт Оренбургского военного губернатора генерал-лейтенанта Эссена с просьбою разрешить вывести в Киргизскую степь отряд войск с артиллерией для защиты киргизов от нападений хивинцев и охраны караванных путей (с перепиской).

22. РГИА. Ф. 1409. Д. 2787 – Рапорт оренбургского военного губернатора Эссена относительно сделанных им распоряжений об усилении кордонной стражи вследствие нападений киргизов на Красноярский уезд и о производстве по этому случаю следствия.

23. РГИА. Ф. 1409. Д. 3378 – Копия отношения оренбургского вице-губернатора генерала от инфантерии Эссена к графу Аракчееву о нападении и опустошении и убийствах, произведенных Хивинским ханом Мухаметом-Рахимом в улусах Киргиз-Кайсацкого киргизов.

24. РГИА. Ф. 1409. Д. 3568 – Отношение Оренбургского военного губернатора Эссена к графу Аракчееву с уведомлением о благополучном следовании миссии, отправленной в Бухару.

25. РГИА. Ф. 1409. Д. 3641 – Отношение оренбургского военного губернатора Эссена к графу Аракчееву о возвращении нашей миссии из Бухары.

26. РГИА. Ф. 1409. Д. 3643 – Всеподданнейший рапорт оренбургского военного губернатора Эссена о плохом приеме в Хиве русского

чиновника, посланного туда для дружественных переговоров и заключения торгового договора.

27. РГИА. Ф. 1409. Д. 3680 – Два всеподданнейших рапорта Оренбургского военного губернатора Эссена о состоянии Оренбургской линии за январь и февраль месяцы 1821 г.

28. РГИА. Ф. 1409. Д. 4800 – Письмо Оренбургского генерал-губернатора Эссена к статс-секретарю Муравьеву относительно поданных им записок.

29. РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 101 – Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи.

30. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1912. Т. 24. С. 294-297.

31. Семенов В.Г. Эссен Петр Кириллович // Башкирская энциклопедия: В 7 томах / главный редактор: М.А. Ильгамов. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2011. С. 377-378.

32. Семенова Н.Л. Главные начальники Оренбургского края конца XVIII – первой половины XIX в. – участники войн Российского государства // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–16 марта 2014 года. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. С. 138-144.

33. СЗО Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. С. 72-76.

34. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив, 1996. Т. 7. С. 631-632.

35. Список генералитету по старшинству. [Испр. по 17 марта 1844 г.]. С. 9.

36. Энциклопедический словарь / издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1904. Т. 41 (81). С. 76.

DOCUMENTARY MATERIALS ABOUT P.K. ESSEN (1772-1844) IN THE FUNDS OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVES.

The article provides a brief overview of the most important documents on the activities of the Vyborg and Orenburg military Governor, St. Petersburg Military Governor-General, General of Infantry, Count P.K. Essen, stored in the funds of the Russian State Historical Archive. It is concluded that, although the documents of the RGIA store documentary materials on the civil history of the imperial period of our country, nevertheless, documents about military officials have been deposited in numerous funds. The surviving documentary evidence is a valuable historical source and tells about the interaction of the military governor directly with the emperor, because he was his confidant, as well as the political relationship

with various higher, central and local state institutions in solving the most important issues related to the management of the territories entrusted to him. The description of the documents makes it possible to imagine what was included in the functions of the military governor and what tasks he had to solve at his post. The reports of P.K. Essen, in which he reported on the epidemiological stoppage in St. Petersburg and the province during the cholera, as well as during the cholera riot of 1831, are considered in detail.

Keywords: Vyborg province, Orenburg province, St. Petersburg province, military governor, military Governor-General, State Council, Central Commission for the Cessation of Cholera at the Ministry of Internal Affairs, epidemic, P.K. Essen.

References

1. Barabanova, K. S. (2019). Chrezvychajnye chinovniki protiv navodneniya 1824 g. i holery v Sankt-Peterburge 1831 g. [Extraordinary officials against the floods of 1824 And cholera in St. Petersburg in 1831]. Izdatel'stvo «Politicheskaya enciklopediya» [Publishing House "Political Entsyclopedia"]. S. 35-38.

2. Barabanova, K. S. (2014). Pervaya holera v Sankt-Peterburge v 1831 g.: protivoepidemicheskie meropriyatiya i otnoshenie k nim gorozhan [The first cholera in St. Petersburg in 1831: anti-epidemic measures and the attitude of the townspeople towards them]. Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN № 12 [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences № 12]. S. 130-144.

3. Bezotosny, V. (2006). Essen Petr Kirillovich [Essen Petr Kirillovich]. Nemcy Rossii: ENTSIKLOPEDIYA [Germans of Russia: ENTSYCLOPEDIA]. S. 853-854.

4. Bogdanova T.V. (2021). Grazhdanskij gubernator M.M. Oreus na sluzhbe v Vyborgskoj (Finlyandskoj) gubernii v 1799–1804 gg. [Civil Governor M.M. Oreus in service in the Vyborg (Finland) province in 1799-1804]. Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. T. 10. № 1 (39) [Bulletin of state and municipal administration. T. 10. No. 1 (39)]. S. 39-46.

5. Zlobin, Yu.P. (2013). Essen – Orenburgskij voennyj gubernator i voennyj general-gubernator Sankt-Peterburga [P.K. Essen - Orenburg military governor and military governor-general of St. Petersburg]. Nemetskoe naselenie na Yuzhnom Urale v voennye i poslevoennye gody (k 70-letiyu deportatsii nemetskogo naseleniya SSSR): Materialy Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferentsii, Orenburg, 29 aprelya 2011 goda. Orenburg: OOO IPK Universitet [German population in the South Urals in the war and post-war years (to the 70th anniversary of the deportation of the German population of the USSR): Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference, Orenburg , April 29, 2011. - Orenburg: IPK University LLC]. S. 201-211.

6. Kuznetsov, V. A. (2008). Essen Petr Kirillovich [Essen Petr Kirillovich]. Chelyabinskaya oblast': entsiklopediya. Chelyabinsk: Kamennyj poyas [Chelyabinsk region: encyclopedia. - Chelyabinsk: Stone Belt]. P. 523.

7. Miloradovich, G.A. (1886). Essen graf Petr Kirillovich [Essen Count

Peter Kirillovich]. Tsarstvovanie imperatora Nikolaya I. Generaly, sostoyashchie pri Osobe Ego Velichestva. Spisok lits svity ih velichestv s tsarstvovaniya imperatora Petra I po 1886 g. Po starshinstvu dnya naznacheniya. General-ad"yutanty, svity general-majory, fligel'-ad"yutanty, sostoyashchie pri osobah, i brigad-majory. Kiev: Tipografiya S.V. Kul'zhenko [List of persons of the retinue of their Majesties from the reign of Emperor Peter I to 1886. By seniority of the day of appointment. Adjutant generals, retinues of major generals, adjutant wing attached to persons, and brigade majors. - Kiev: Printing house S.V. Kulzhenko]. P. 163.

8. Zapiski general-majora Ivana Vasil'evicha Chernova [Notes of Major General Ivan Vasilyevich Chernov]. (1907). Orenburgskaya uchenaya arhivnaya komissiya. [Orenburg Scientific Archival Commission]. S. 39-61.

9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. (1849). T. 24. № 19679. S. 425.

10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. (1851). T. 26. № 20004. S. 775-780.

11. RSHA (RSHA). F. 207. Op. 2. D. 16.

12. Ibid. F. 516. Op. 1. Int. op. 120/9322. D. 60.

13. Ibid. F. 651. Op. 1. D. 183.

14. Ibid. F. 759. Op. 7. D. 242.

15. Ibid. F. 1162. Op. 6. D. 635.

16. Ibid. F. 1251. Op. 1. Part 2. D. 5.

17. Ibid. F. 1297. Op. 57. D. 82.

18. Ibid. F. 1301. Op. 1. D. 148.

19. Ibid. F. 1374. Op. 3. D. 2324.

20. Ibid. F. 1409. Op. 1. D. 1990.

21. Ibid. D. 2682.

22. Ibid. D. 2787.

23. Ibid. D. 3378.

24. Ibid. D. 3568.

25. Ibid. D. 3641.

26. Ibid. D. 3643.

27. Ibid. D. 3680.

28. Ibid. D. 4800.

29. Ibid. F. 1411. Op. 1. D. 101.

30. Russkij biograficheskij slovar' [Russian biographical dictionary]. (1912). Izd. pod nablyudeniem pred. Imp. Rus. ist. o-va A.A. Polovtsova. SPb.: Imp. Rus. ist. o-vo [Ed. under the supervision of the previous. Imp. Rus. ist. Islands A.A. Polovtsov. - St. Petersburg: Imp. Rus. ist. about-in]. S. 294-297.

31. Semenov, V.G. (2011). Essen Petr Kirillovich [Essen Petr Kirillovich]. Bashkirskaya entsiklopediya : V 7 tomah / glavnyj redaktor: M.A. Il'gamov [Bashkir Encyclopedia: In 7 volumes / editor-in-chief: M.A. Ilgamov]. S. 377-378/

32. Semenova, N. L. (2014). Glavnye nachal'niki Orenburgskogo kraya

konca XVIII – pervoj poloviny XIX v. – uchastniki vojn Rossijskogo gosudarstva [Chief chiefs of the Orenburg region at the end of the 18th - first half of the 19th century. - participants in the wars of the Russian state]. Vojna i povsednevnaya zhizn' naseleniya Rossii XVII–XX vv. (k stoletiyu nachala Pervoj mirovoj vojny): materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 14–16 marta 2014 goda [War and everyday life of the population of Russia in the 17th-20th centuries. (to the centenary of the outbreak of the First World War): Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, March 14-16, 2014]. S. 72-76.

33. SZO Gubernatory Orenburgskogo kraya [SZO Governors of the Orenburg region] (1999). S. 72-76.

34. Slovar' russkih generalov, uchastnikov boevyh dejstvij protiv armii Napoleona Bonaparta v 1812–1815 gg. [Dictionary of Russian generals, participants in hostilities against the army of Napoleon Bonaparte in 1812-1815]. (1996). Rossijskij arhiv [Russian Archive]. S. 631-632.

35. Spisok generalitetu po starshinstvu [List of generals by seniority]. (1844). S. 9.

36. Enciklopedicheskij slovar' [Encyclopedic Dictionary]. (1904). S. 76.

Об авторе

Богданова Татьяна Васильевна – заместитель начальника отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива, E-mail: taitiana@yandex.ru

Bogdanova Tatyana Vasilievna – Deputy Head of the Department of Information and Scientific Use of Documents of the Russian State Historical Archive, E-mail: taitiana@yandex.ru

УДК 94:327"20/21"

Вартаньян Э.Г., доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Россия)

ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛА КАСПИЯ: ПУТИ ПОИСКА КОМПРОМИССА (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.)

Статья посвящена проблеме раздела Каспия между пятью государствами (Россия, Иран, Азербайджан, Казахстан, Туркмения) в 1990-е гг. – начале XXI в. Подчеркивается, что протяжении многих десятилетий в регионе Каспия мирно уживались интересы двух прибрежных государств – Российской империи и Ирана, СССР и Ирана, а в 1990-е гг. регион Каспия превратился в один из геополитических центров. Отмечается, что каждая из пяти прикаспийских новосуверенных государств заинтересована в создании четких и стабильных правил взаимодействия в регионе, но при этом они не забывают и о своих национальных интересах. Указывается, что на путях достижения соглашения по разделу Каспийского моря имеется ряд препятствий: отсутствие четкой международно-правовой базы по разграничению моря-озера; наличие двусторонних разногласий по этому вопросу между отдельными государствами региона; существенные различия в подходах отдельных прикаспийских государств по вопросам о статусе Каспийского моря и принципам его разграничения; попытки отдельных государств региона установить фактический контроль над спорными месторождениями углеводородов и начать их разработку еще до решения вопросов о статусе Каспийского моря; существенная зависимость решения этих вопросов от геополитических и стратегических интересов ведущих стран Запада в этом районе мира. Делается вывод о том, что проблема раздела Каспийского моря приобрела официальное решение на Пятом каспийском саммите 2018 г. в виде Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Конвенция представляет собой фиксацию достигнутых соглашений и утверждает общие принципы дальнейшего пятистороннего сотрудничества. Но на данном этапе достаточно неурегулированных вопросов по проблеме, которые, необходимо решать в контексте принципов и разграничений, закрепленных в Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

Ключевые слова: проблема раздела Каспия, принципы, конвенции, Россия, Иран, Азербайджан, Казахстан, Туркмения.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-33-48

У правового статуса Каспия почти 300-летняя история. В течение длительного времени каспийский бассейн являлся "глухой провинцией", относительно спокойным регионом, хотя и были попытки дестабилизировать здесь обстановку, особенно в годы Первой и Второй мировых войн. Первоначально статус Каспийского моря был закреплен в Рештском договоре между Россией и Персией от 1729 г., определившим демаркацию границы и передачу России прикаспийских территорий, а также обеспечившим России свободу торговли и судоходства по Каспийскому морю и рекам Аракс и Кура [10, с. 28]. Права России на Каспий были расширены в Гюлистанском

© Вартаньян Э.Г.
© Vartanyan E.G.

1813 г.[26, с. 72–74.] и Туркманчайском 1828 г. мирном договорах [11, с. 492–493; 12, с. 494], согласно которым России предоставлялось исключительное право иметь военный флот в Каспийском море. Затем права России на Каспий нашли отражение в договоре 1921 г. и еще шире развиты и конкретизированы в договоре о торговле и мореплавании между СССР и Ираном 1940 г. Каспийское море, согласно договорам между Россией и Персией от 1921 г. и СССР и Ираном от 1940 г., считалось объектом их совместного пользования, а деятельность третьих стран в нем была запрещена. Официально никакой границы на Каспии не существовало, СССР и Иран имели равные права судоходства и рыболовства на всей его акватории. В 1934 г. СССР в одностороннем порядке установил неофициальную границу на Каспийском море по линии Астара – Гасан-Кули (линия, условно проведенная от соприкосновения советской и иранской границ в двух ее точках – в Азербайджане и Туркмении, южнее этой границы территория моря использовалась Ираном, севернее – СССР) и это разграничение молчаливо соблюдалось, хотя официальным Ираном не признавалось [17]. Иранский грузовой, пассажирский и рыболовный флоты на Каспии оставались неразвитыми, т.к. иранский сектор Каспия составлял 12% всей акватории, советский – 88% [21, с. 2]. СССР протестовал против того, чтобы Иран привлекал третьи страны для оказания помощи в разведке и добыче нефти. В советско-иранском бессрочном договоре-протоколе 1940 г. Каспийское море называлось "внутренним водным бассейном обеих стран" и потому "закрытым для иностранных судов". А в соответствии с Дополнительным протоколом к договору об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией при решении послевоенных вопросов и об их совместных действиях по обеспечению взаимной безопасности после окончания в 1945 г. войны с Германией, стороны условились обеспечить скорейшее заключение союзного договора с Ираном и дальнейшую свою политику по отношению к этой стране проводить в зависимости от позиции иранского правительства [7, с. 201]. Как мы видим, на протяжении многих десятилетий в регионе Каспия мирно уживались интересы двух прибрежных государств – СССР и Ирана, т.е. Каспий представлял собой объект двустороннего российско-иранского, а позже советско-иранского взаимодействия, обусловленного принципами двойственности, равенства и исключительности в ведении региональных вопросов как в имперский, так и в советский период.

Статья основана на принципах историзма и объективности, сравнительно-историческом, историко-типологическом и историко-генетическом методах. Эмпирической базой исследования являются документальные материалы, которые позволяют объективно оценить проблемы раздела Каспийского моря и возможности поиска компромиссных решений.

В последние 30 лет проблема раздела Каспийского моря крайне актуализировалась, т.к. речь уже идет о разделе озера между пятью государствами – Россией, Ираном, Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном. В 1990-е гг. регион Каспия превратился в один из геополитических центров. Причины такой трансформации очевидны, так как до 1991 г. ряд государств Каспийского бассейна (Туркменистан, Казахстан, Азербайджан) входил в состав СССР и не проводил самостоятельной внешней политики. После распада СССР новые прикаспийские государства взяли на себя обязательства преемственности в отношении соблюдения договоров и соглашений, заключенных между СССР и Ираном, то есть была подтверждена действенность существовавшего правового статуса моря. Но поскольку совместное использование Каспия нигде в советско-иранских договорах не было ни конкретизировано, ни детализировано, возникает вопрос: как может существующий статус обеспечить прикаспийским государствам возможности пользоваться морем, водными и биологическими богатствами и минеральными ресурсами [2, с. 55–56]. Т.е. возникла необходимость урегулирования вопроса по Каспию среди нескольких государств региона, а именно: Азербайджана, Ирана, Казахстана, России, Туркменистана, что, естественно, побудило стороны к поиску возможных историко-правовых альтернатив. При этом, переговорный процесс между сторонами затянулся на десятилетия, не теряя своей актуальности на протяжении всего этого времени.

Руководители новосуверенных постсоветских государств поставили вопрос о разделе прав на эксплуатацию морских и приморских даров природы, считая, что в случае деления моря по срединной линии их запасы нефти возрастут в несколько раз, т.е. надежды на цивилизованный подход в решении вопроса не оправдались. Каспийский регион стал приобретать характер конфликтного. Обстановка осложнилась в связи с тем, что к дележу каспийской части советского наследства стали проявлять интерес далекие от этого региона государства. И это понятно, т.к. даже с учетом того, что структура нефтяных запасов Каспия изучена пока недостаточно, а оценки их масштабов в различных источниках сильно разнятся, можно предполагать, что дно моря скрывает около 4% мировых запасов углеводородов [19].

Первым на кардинальное изменение геополитической ситуации в регионе отреагировал Иран. В 1992 г. он предложил создать блок "каспийских стран" в рамках Зоны свободной торговли или интеграционного объединения. На базе этого предложения в том же году была оформлена Организация сотрудничества прикаспийских государств в составе Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркмении с центром в Тегеране. Организация призвана заниматься проблемами рыболовства,

судоходства, защиты окружающей среди, разведки и добычи нефти и газа на Каспии и в прибрежном шельфе [23, с. 15].

К 1995 г. определился раскол прикаспийских стран на два лагеря: сторонников раздела (Азербайджан и Казахстан) и сторонников его совместного использования (Россия, Иран, Туркменистан). Если же принять во внимание переплетение интересов (и противоречий) прикаспийских государств в отношениях не только между собой, но и с третьими странами, то в политической структуре региона можно выделить следующие группы: 1) Азербайджан – западные страны – Турция; 2) Туркменистан – Иран – Россия; 3) Казахстан – Туркменистан; 4) Россия – западные страны – Иран – Казахстан – Туркменистан [21, с. 56]. Но в последующие годы внутри этих групп стали происходить определенные изменения. Например, приоритеты Казахстана постепенно стали смещаться в сторону России, а в ее политике – заметное изменение акцентов с западного на восточное (азиатское) направление.

Еще одна проблема, порождающая острое соперничество в регионе Каспия – проблема нефтепроводов. Она затрагивает интересы многих стран, через территорию которых возможен транзит нефти: России, Ирана, Турции, Армении, Грузии, Греции, Болгарии. Не оставались в стороне и западные государства, которые стремились повлиять на решение о выборе маршрутов нефтепроводов. Таким образом, с урегулированием статуса Каспийского моря тесно связана и экономическая целесообразность.

Россия, утратившая в 1990-е гг. экономическое и военное могущество великой державы, стала сдавать свои позиции. В 1996 г. была создана специальная Конвенция о правовом статусе Каспия. В основу проекта Конвенции был положен вариант раздела дна Каспийского моря [18]. Однако окончательного решения по этому вопросу не было принято. В 1998 г. президенты России и Казахстана подписали соглашение, по которому дно Каспийского моря делилось по срединной линии, а значительная часть акватории оставалась в совместном пользовании. Иран не согласился с этой позицией. Президенты Ирана и Туркмении подписали заявление о необходимости соблюдения принципа согласия между всеми прикаспийскими государствами по всем вопросам, относящимся к правовому статусу Каспия. Они подтвердили, что будут руководствоваться договором между Ираном и Россией от 1921 г. и договором о торговле и мореплавании между Ираном и СССР 1940 г. [24, с. 4–5].

Иран выступал за совместное пользование морем и его продуктами пятью прикаспийскими государствами. Но поскольку эта идея не имела шансов на осуществление, у него был и запасной вариант – раздел Каспия на национальные сектора при условии равного деления между пятью приморскими странами (по 20% акватории моря и его дна всем участникам), Иран пытался добиться того, чтобы

Азербайджан, Казахстан и Туркмения экспортировали нефть и газ на его территорию, заявляя при этом, что иранский рынок может с гарантией принимать 500 тыс. баррелей сырой нефти в сутки. Главная причина активности Ирана заключалась в открытии гигантского нефтяного месторождения под мелководной частью Каспия у Кашагана – казахстанского побережья. Это месторождение считается одним из крупнейших разведанных в мире за последние десятилетия [3, с. 143]. Однако прибрежные государства не согласились на равенство секторов, особенно Азербайджан, которому пришлось бы уступить Ирану часть акватории, которую он считает своей. Ситуация на Каспии из-за спорных нефтяных месторождений время от времени обострялась. Достаточно вспомнить вооруженный инцидент на море между Ираном и Азербайджаном в июле 2001 г. [22, 27]. Иранское правительство полагало неправомерными действия Азербайджана, начавшего работы на месторождениях Араз-Алов-Шарг еще до разрешения вопроса о разграничении шельфа. Россия призвала Азербайджан и Иран действовать в духе добрососедства, проявлять мудрость и сдержанность, вести прямой диалог с тем, чтобы снять возникшую напряженность и найти взаимоприемлемое справедливое решение [6, с. 25]. Гейдар Алиев, в свою очередь, подчеркивал, что азербайджанские геологи открыли ее еще в 1949 г.[13]. В этой связи британская нефтяная компания British Petroleum приостановила работу на азербайджанском Каспии до разрешения возникшего конфликта. British Petroleum являлся оператором по изучению трех морских структур на азербайджанском Каспии –Алова, Шарга и Араза [9]. Вообще для европейских государств, потребность которых в нефти растет с каждым годом, особый интерес представляет энергетический потенциал Каспийского моря. Вследствие этого европейские страны, как и США, стремятся к активному проникновению в регион, используя в этих целях различные экономические и научно-образовательные программы, призванные обеспечить популяризацию и распространение европейских ценностей [20].

Летом 2012 г. Иран обнаружил в своем секторе Каспия месторождение объемом 2 млн баррелей и около 50 млрд кубометров газа. К этому надо прибавить иранского осетра – еще одно богатство Исламской Республики [4].

Иран готов был рассматривать другие варианты раздела Каспия и пойти на компромисс в обмен на уступки в определении маршрутов транспортировки углеводородного сырья и участие в контрактах по добыче каспийских нефти и газа. Азербайджан придерживается жесткой позиции: только секторальный раздел. Он уже давно объявил прилегающий к нему участок Каспия – и дно, и водное пространство – полностью национальным сектором, закрепив это односторонним актом. Однако между Туркменистаном и

Азербайджаном есть серьезные противоречия по вопросу границ раздела секторов. Туркменистан тоже давно разрабатывает шельфовые участки Каспия, которые считает своими. Позиция Казахстана более гибкая, в частности, он считает, что надо делить только морское дно, а водное пространство оставить в общем пользовании. Россия сначала выступала за сохранение принципа общего пользования морем, но, не получив поддержки ряда других участников переговоров, внесла определенные коррективы в свою позицию: на первом этапе делится дно и его ресурсы по методу модифицированной срединной линии, а вода остается в общем владении, без границ [25, с. 22].

На путях достижения соглашения по разделу Каспийского моря имеется ряд препятствий. Это – отсутствие четкой международно-правовой базы по разграничению моря-озера; наличие двусторонних разногласий по этому вопросу между отдельными государствами региона; существенные различия в подходах отдельных прикаспийских государств по вопросам о статусе Каспийского моря и принципам его разграничения; попытки отдельных государств региона установить фактический контроль над спорными месторождениями углеводородов и начать их разработку еще до решения вопросов о статусе Каспийского моря и разграничении на нем; существенная зависимость решения этих вопросов от геополитических и стратегических интересов ведущих стран Запада в этом районе мира [6, с. 25].

В январе 2002 г. в Москве завершилась двухдневная встреча заместителей министров иностранных дел пяти прикаспийских государств, в результате которой стороны договорились о разработке экспертами пяти стран Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Туркмения подтвердила свой переход в стан большинства (Россия, Азербайджан, Казахстан), считающих, что нужно исходить из принципа срединной донной линии, идущей от существующих сухопутных границ. Официальная позиция Ирана не изменилась, однако правительство Ирана стало внимательнее прислушиваться к перспективам, которые сулит ему согласие с остальными четырьмя государствами. Иран изучил вопрос о возможности определения морской границы с Азербайджаном, что косвенно свидетельствовало о его готовности смягчить свои позиции по проблеме [1].

В конце февраля 2002 г. Иран приступил к реализации нефтяных и газовых проектов на Каспии, не дожидаясь соглашения о разграничении национальных секторов на море. Это было озвучено 26 февраля 2002 г. министром нефти ИРИ Бижан Намдар Зангане: "Наша позиция совершенно ясна: мы не будем ожидать выяснения вопроса о правовом режиме Каспийского моря. Мы начинаем действовать, опираясь на наше собственное понимание законности, и не допустим чьих-

либо действий в тех частях моря, которые считаем своими" [14]. Это заявление свидетельствует о том, что в правительственных кругах Ирана еще не была выработана окончательная позиция по дальнейшим шагам в использовании богатств Каспия, тем более, что действия Азербайджана на Каспии провоцировали Иран на активность в этом направлении.

В апреле 2002 г. в Ашхабаде завершился первый в истории саммит прикаспийских государств. Азербайджан, Казахстан и Россия предложили разделить дно Каспия по принципу "делится дно, вода общая", который в дальнейшем мог модифицироваться по договоренности сторон, а водную поверхность моря оставить общей. Данный принцип предполагал, что Азербайджану достанется 20–21%, Казахстану – 29%, России – 19%, Туркменистану – 17–18%, Ирану –14% дна Каспия. Что касается спорных месторождений нефти и газа, то их было предложено делить по принципу " 50 на 50". Это значит, что одна сторона, к которой данные месторождения отойдут, компенсирует другой, уже освоившей их, половину ее затрат. Туркменистан выступил за установление 15-мильной прибрежной зоны и 25-мильной экономической зоны. Тем самым предполагалось передать в юрисдикцию каждого государства 40 миль. Иран же предложил на выбор либо использовать море совместно по принципу кондоминиума, либо разделить его поровну с предоставлением каждому государству по 20% дна и акватории. Он также выступил против уже активно идущего освоения каспийских энергоресурсов до определения правового статуса Каспийского моря. Понятно, что Иран не устраивало предложение большинства участников саммита, поскольку по схеме срединной линии он получил бы самую меньшую и к тому же, по некоторым оценкам, не особенно богатую углеводородными ресурсами часть моря. Туркменистан же выразил претензии на спорные с Азербайджаном месторождения Азери, Кяпаз и Чираг. Поэтому в данной обстановке участники саммита даже не смогли принять итоговый документ, отражающий их общие точки зрения. Тем не менее, уже сам факт проведения такого мероприятия с участием глав всех прикаспийских стран имел большую политическую значимость для развития переговорного процесса. Таким образом, Декларация по итогам встречи подписана не была, т.к. слишком много было противоречий у сторон, как по правовому статусу Каспия, так и по вопросу разработки нефтяных месторождений [5].

К 2007 г., за более чем 10 лет постатейного обсуждения проекта Конвенции 1996 г., была согласована только половина статей и вопросов. Многие договоренности, заключенные странами-соседями в двустороннем формате, были фактически не согласованы друг с другом, а потому принадлежность многих месторождений остается спорной.

Отдельно нужно отметить, что до и после саммита 2002 г. Азербайджан, Казахстан и Россия подписали и ратифицировали: 1) Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г., а также Протокол к нему от 13 мая 2002 г.; 2) Соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря между Казахстаном и Азербайджаном от 29 ноября 2001 г., а также Протокол к нему от 27 февраля 2007 г.; 3) Соглашение между Республикой Казахстан, Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря от 14 мая 2003 г.

В результате эти три государства установили между собой морские рубежи по принципу срединной линии. Россия и Казахстан также договорились о разделе и совместном освоении ранее спорных нефтяных месторождений – Курмангазы, Центральное и Хвалынское. Первое из них отошло в юрисдикцию Казахстана, два остальных – России [15].

Таким образом, фактически оказалась разделенной северная часть Каспия, тогда как неопределенной остается южная территория моря, где сходятся интересы Ашхабада, Баку и Тегерана. У Казахстана же единственным неопределенным участком морских рубежей является его граница с Туркменистаном. В то же время, каких-либо споров и конфликтов по этому поводу между двумя странами до сих пор не проявлялось. Иран же выступил с критикой по поводу указанных выше договоренностей, настаивая на решении каспийского вопроса исключительно в пятистороннем формате.

Второй каспийский саммит прошел в октябре 2007 г. в Тегеране и завершился подписанием итоговой декларации. Сохранив свое мнение по поводу раздела Каспия, стороны пришли, в частности, к необходимости совместной выработки и принятия Конвенции о правовом статусе Каспийского моря как базового документа. Они также договорились о своих суверенных правах в отношении моря и его ресурсов и обеспечении режимов судоходства, рыболовства и плавания судов только под их флагами. Важными также стали положения о мирном характере использования Каспия и о недопущении прикаспийскими странами использования своих территорий другими государствами для совершения агрессии и других военных действий против любой из них.

Третий саммит глав прикаспийских государств состоялся в Баку в ноябре 2010 г. В отличие от предыдущих саммитов, его результаты позволяют говорить о серьезном продвижении пяти государств в сторону решения каспийского вопроса о разделе Каспия.

Участники третьего саммита приняли решение, во-первых,

поручить соответствующим ведомствам в трехмесячный срок обсудить и согласовать ширину национальной зоны, исходя из 24–25 миль, с включением водного пространства, на которое будет распространяться суверенитет прибрежного государства (в данном случае речь идет о ширине и режиме национального морского пояса); во-вторых, проведение на регулярной, ежегодной основе саммитов глав прикаспийских государств, а также продолжения работы Специальной рабочей группы (СРГ) по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря и проведения других встреч на уровне представителей внешнеполитических ведомств пяти стран (это позволило активизировать переговорный процесс); в-третьих, президентами пяти государств подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море (борьбы с терроризмом, организованной преступностью, контрабандой оружия, наркотиков и ядерных технологий, захватом судов, нелегальной миграцией, незаконной добычей биоресурсов и т.д.). И хотя оно не касается вопросов военного сотрудничества, на его основе в перспективе можно было бы попытаться сформировать систему обеспечения коллективной безопасности в Каспийском регионе; в-четвертых, в рассмотрены и решены важные вопросы экологического характера, включая согласование протоколов к принятой в 2003 г. Рамочной конвенции о защите морской среды Каспийского моря. Кроме того, участники поддержали предложение президента Казахстана Н. Назарбаева и приняли решение поручить соответствующим ведомствам в течение трех месяцев обсудить и подготовить предложения о механизме введения моратория сроком на 5 лет на вылов различных видов осетровых рыб в Каспийском море [15].

Безусловно, сосредоточение внимания прикаспийских государств не только на установлении правового статуса и осуществлении раздела моря, но и на развитии многостороннего взаимодействия по вопросам экологии, судоходства, безопасности и т.д., способствует сохранению в Каспийском регионе атмосферы добрососедства и конструктивного сотрудничества. Важно также, что эти страны продемонстрировали свое единодушие в том, что только они ответственны за ситуацию в регионе.

Впоследствии процесс реализации достигнутых на третьем саммите договоренностей в силу различных обстоятельств затормозился. Прежде всего, последующие каспийские саммиты (2011–2013 гг.) проведены не были. Свое предложение о пятилетнем моратории на вылов осетровых рыб Казахстан фактически реализует самостоятельно, в одностороннем порядке. Наконец, отсутствуют межгосударственные механизмы, ориентированные на выполнение Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море и

обеспечение взаимодействия прикаспийских стран по его ключевым направлениям.

Не получила также своего развития идея относительно создания Организации каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС). Она была озвучена на втором каспийском саммите президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом, затем продвижением и популяризацией этой идеи активно занялась Россия. В частности, тема создания ОКЭС поднималась в ходе проведенной 3 октября 2008 г. в Астрахани межправительственной экономической конференции, а в ходе 24-го заседания СРГ, прошедшего 23–24 декабря того же года в Астане, Казахстан выразил поддержку этой инициативе и намерение приступить к проработке вопроса о создании ОКЭС [15]. Однако позднее каких-либо конкретных шагов в данном направлении не наблюдалось, хотя создание ОКЭС могло иметь не только экономическое, но и политическое значение. В частности, в его рамках прикаспийские страны смогли бы более интенсивно уладить спорные вопросы, в том числе по пограничным месторождениям нефти и газа, сблизить свои позиции по различным аспектам каспийского вопроса.

В настоящее время основной акцент в процессе взаимодействия прикаспийских стран делается на периодически проводимые заседания СРГ.

В целом, очевидно, что каждая из прикаспийских стран заинтересована в создании четких и стабильных правил взаимодействия в Каспийском регионе, но при этом они не забывают и о своих национальных интересах. Прорисовывается, например, следующая линия геополитического разлома на Каспии сквозь призму нефтепроводов: Казахстан – Россия (нефтепровод Каспийского трубопроводного консорциума – КТК), с одной стороны, и Азербайджан – Туркменистан (нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан – БТД), с другой. При этом участие Казахстана в обоих нефтепроводных маршрутах способно внести некоторую напряженность, поскольку именно его нефть необходима для расширения КТК.

В сентябре 2014 г. в Астрахани состоялся четвертый Каспийский саммит, в котором приняли участие все страны прикаспийского бассейна. На нем были сформулированы основные положения нового политического заявления, которое было подписано всеми странами Каспийского ареала и принята Декларация. Согласно Декларации, большая часть акватории Каспийского моря остается в общем пользовании сторон. Благодаря этому исключаются недоразумения или какая-то напряженность в межгосударственных отношениях, которые раньше могли появляться из-за разного толкования режима каспийских вод. Соответственно, теперь исключается возможность со стороны какого-либо государства внезапно объявлять Каспийское море озером и полностью

менять режим вод, тем самым обостряя ситуацию. Президент Ирана Хасан Раухани по этому поводу отметил, что Каспий – это закрытое море, таким образом, принимать решения по нему можно только консенсусом, кроме того, было окончательно закреплено положение о праве пребывания на Каспии вооруженных сил исключительно прибрежных государств. Было также принято решение о 15-мильном закреплении национального суверенитета каждой страны в своей прибрежной зоне [8]. Это решение станет отправной точкой решения каспийской проблемы в будущем и на этой основе, возможно, будет построить схему раздела внутренних природных ресурсов Каспийского моря.

Саммит не решил проблему раздела Каспия, ясно одно – без длительного и эффективного сотрудничества прикаспийских государств решение проблемы разграничения Каспия не будет найдено. В немалой степени шаг вперед в этом направлении сделало предложение президента Казахстана Н. Назарбаева о создании зоны свободной торговли в Каспийском море. Передел ресурсов Каспия юридически пока не состоялся, но, спор сейчас идет вокруг метода определения секторов и принципов освоения морских ресурсов. Необходимо выработать правовой статус и правовой режим Каспия как общую нормативную систему и набор правовых норм, регламентирующих его практическое использование. Отсутствие согласованной позиции по вопросу правового статуса этого нефтеносного моря создает серьезные препятствия на пути широкомасштабного освоения его богатств.

Проблема раздела Каспийского моря между пятью прибрежными государствами региона приобрела официальное решение на Пятом каспийском саммите 2018 г. в виде Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, олицетворяющей вектор развития пятистороннего взаимодействия. Конвенция является принципиально значимой вехой в развитии Каспийского региона и представляет собой фиксацию достигнутых соглашений и утверждает общие принципы, дальнейшего пятистороннего сотрудничества [16]. Работа пяти каспийских саммитов продемонстрировала возможность взаимных уступок и достижение компромисса, ознаменовала решение поставить точку в вопросах прошлого и реальность нового этапа межгосударственного взаимодействия.

В настоящее время имеет место оригинальная трактовка определения правового статуса Каспийского водоема в качестве «моря-озера» в соответствии с принципами, закрепленными в Конвенции 2018 г., которая имеет чрезвычайно важное значение в вопросе стабильности в регионе, потому что согласован ключевой принцип регионального взаимодействия по региональной безопасности [28]. Понимание правового статуса включает раскрытие сути межгосударственных отношений через

взаимное восприятие субъектами их прав и обязанностей, что отражено в сформировавшейся системе многосторонних соглашений и договоренностей в различных областях взаимодействия по Каспию.

Конвенцией открыта платформа для двух-, трехсторонних соглашений между прибрежными государствами, что предопределяет гибкость условий, создает возможность для учета обстоятельств и альтернатив. Вероятно, такой формат договоренностей будет способствовать прозрачности партнерских отношений между государствами. И первым своеобразным тестом на качество отношений и готовность к реализации договоренностей является ратификация соглашений и, прежде всего, Конвенции о правовом статусе Каспийского моря странами-подписантами. Данный акт выступает как необходимое юридическое мероприятие, а также демонстрирует признание и готовность следовать в контексте совместно принятых общих решений. Конечно, на данном этапе еще достаточно нерешенных, неурегулированных вопросов, которые, необходимо уже решать в контексте принципов и разграничений, закрепленных в Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

Список литературы

1. Азербайджан. Нефть Каспия // Известия. – 2002. – 25 января.
2. Вартаньян Э.Г. Каспийский регион: проблемы и решения // Грани. – Краснодар: КубГУ, 2002. № 3.
3. Вартаньян Э.Г. Пути решения Каспийской проблемы (1990-е – 2014 гг.)// Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 2016. – № 1–2.
4. Волков К. Каспий становится полигоном для военных амбиций // Известия. – 2012. – 25 сентября.
5. Григорьева Е., Новопрудский С. Пять президентов отказались делить Каспийское море // Известия. – 2002. – 25 апреля.
6. Гушер А. Спор обостряется // ААС. – 2001. – № 12.
7. Дополнительный протокол к Договору об установлении длительного взаимного согласия между СССР и Великобританией при решении послевоенных вопросов и об их совместных действиях по обеспечению взаимной безопасности после окончания войны с Германией. Документ № 73. // Хохлышева О.О. Проблемы войны и мира в XX в. Хрестоматия. Т. 4. – Нижний Новгород, 2000.
8. Заявления глав государств – участников IV Каспийского саммита. URL: http://www.kremlin.ru.transports/46689 (15.12. 2015).
9. Игнатова М. Полный штиль. Иранцы и азербайджанцы напугали "Бритиш петролеум" // Известия. – 2001. – 25 июля.
10. Из трактата, заключенного с Эшрефом в Реште 13 зоны февраля 1729 г.// Новая история Ирана. Хрестоматия. – М., 1988.

11. Из трактата, заключенного в Туркманчае 10 февраля 1828 г. // Хрестоматия по новой истории. Т. 2. – М., 1965.

12. Из Особого акта, заключенного в Туркманчае 10 февраля 1828 г. // Хрестоматия по новой истории. Т. 2. – М., 1965.

13. Ильин Г. Вспомнили 1949 гол. Гейдар Алиев попросил Иран больше не «бряцать оружием» на Каспии // Известия. – 2001. – 30 августа.

14. Иран не намерен ждать // Известия. 2002. 28 февраля.

15. Каспийский вопрос: затянувшееся решение. URL: http://navoine.info/caspian-dec.html (13.08.2015).

16. Коммюнике Пятого Каспийского саммита. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5330 (дата обращения: 9.11.2021).

17. Малышева Д. Каспийский вектор ирано-российского взаимодействия // Иранский мир и юг России: прошлое и современные перспективы. – 2004. – № 2.

18. Назарбаев Н. Как попытаться поделить Каспий // Известия. – 2002. – 4 окт.

19. Рубинов И. Нефть, которую мы теряем // Эксперт. – № 41 (441). 01.11.2004.

20. Савин И.С., Рахмонов Ф.Х. Проблема разграничения акватории Каспийского моря в условиях неопределенности его международно-правового статуса: историческая ретроспектива и современное состояние URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-razgranicheniya-akvatorii-kaspiyskogo-morya-v-usloviyah-neopredelennosti-ego-mezhdunarodno-pravovogo-statusa-istoricheskaya (дата обращения: 8.11. 2021).

21. Скляров Л. Каспийский регион. Сотрудничество или соперничество // ААС. – 1996. – № 10.

22. Степанов Г. Враждебные полеты. Гейдар Алиев призывает соседей проявить благоразумие // Известия. – 2001. – 3 августа.

23. Старченков Г. Станет ли Каспий морем раздора? // ААС.–1994.–№ 12.

24. Старченков Г. Страсти вокруг Каспия // ААС. – 1999. – № 1.

25. Старченков Г. Как поделить озеро–море // ААС. – 2001. – № 12.

26. Трактат, заключенный в Гюлистане 12 октября 1813 г. // Новая история Ирана. Хрестоматия. – М., 1988.

27. Чародеев Г. Иранские ВМС угрожали оружием азербайджанским нефтяникам // Известия. 2001. 25 июля.

28. Ballard B. More than sea-mantics: the legal status of the Caspian Sea // Business Destinations, 22 march 2019. URL: https://www.businessdestinations.com/destinations/more-than-sea-mantics-the-legal-status-of-the-caspian-sea/ (дата обращения: 5.04.2021).

THE PROBLEM OF THE CASPIAN SECTION: WAYS OF SEARCHING FOR COMPROMISE (LATE XX - BEGINNING XXI CENTURY)

The article is devoted to the problem of the division of the Caspian Sea between five states (Russia, Iran, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan) in the 1990s. - the beginning of the XXI century. It is emphasized that for many decades in the Caspian region, the interests of the two coastal states - the Russian Empire and Iran, the USSR and Iran, coexisted peacefully, and in the 1990s. the Caspian region has become one of the geopolitical centers. It is noted that each of the five newly-sovereign Caspian states is interested in creating clear and stable rules for interaction in the region, but at the same time they do not forget about their national interests. It is indicated that there are a number of obstacles on the way to reaching an agreement on the division of the Caspian Sea: the absence of a clear international legal framework for the delimitation of the sea-lake; the presence of bilateral disagreements on this issue between individual states of the region; significant differences in the approaches of individual Caspian states on the status of the Caspian Sea and the principles of its delimitation; attempts by individual states of the region to establish de facto control over disputed hydrocarbon deposits and begin their development even before the issues of the status of the Caspian Sea are resolved; significant dependence of the solution of these issues on the geopolitical and strategic interests of the leading Western countries in this region of the world. It is concluded that the problem of dividing the Caspian Sea was officially resolved at the Fifth Caspian Summit in 2018 in the form of a Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. The convention is a fixation of the agreements reached and approves the general principles for further five-sided cooperation. But at this stage, there are enough unresolved issues on the problem that need to be resolved in the context of the principles and distinctions enshrined in the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea.
Keywords: the problem of the division of the Caspian Sea, principles, conventions, Russia, Iran, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan.

References

1. Azerbaydzhan. (2002). Neft Kaspiya Azerbaijan. [Azerbaijan. Oil of the Caspian]. // Izvestiya. [*Izvestia*] – (2002). – 25 yanvarya. [January 25].

2. Vartanian, E.G. (2002). Kaspiyskiy region: problemy i resheniya [Caspian region: problems and solutions]. // Grani [*Facets*]. – Krasnodar: KubGU. 2002. № 3.

3. Vartanian, E.G. (2016). Puti resheniya Kaspiyskoy problemy (1990-e – 2014 gg.) [Ways to solve the Caspian problem (1990s – 2014)]. // Golos minuvshego. [*Voice of the Past].* Kubanskiy istoricheskiy zhurnal. – 2016. – № 1–2.

4. Volkov, K. (2012). Kaspiy stanovitsya poligonom dlya voyennykh ambitsiy [The Caspian becomes a testing ground for military ambitions]. // Izvestiya. [*Izvestia*] – 2012. – 25 sentyabrya.

5. Grigoryeva, E., Novoprudskiy, S. (2002) Pyat prezidentov otkazalis delit Kaspiyskoye more [Five presidents refused to divide the Caspian Sea]. // Izvestiya. [*Izvestia*] – 2002. – 25 aprelya. [April 25].

6. Gusher, A. (2001). Spor obostryayetsya [The dispute escalates]. // Aziia i Afrika segodnia. [*Asia and Africa today*]. – 2001. – № 12.

7. Dopolnitelnyy protokol k Dogovoru ob ustanovlenii dlitelnogo vzaimnogo soglasiya mezhdu SSSR i Velikobritaniyey pri reshenii poslevoyennykh voprosov i ob ikh sovmestnykh deystviyakh po obespecheniyu vzaimnoy bezopasnosti posle okonchaniya voyny s Germaniyey. Dokument № 73. [Additional Protocol to the Treaty on the Establishment of a Long-term Mutual Agreement between the USSR and Great Britain in Resolving Post-War Issues and on Their Joint Actions to Ensure Mutual Security after the End of the War with Germany. Document No. 73]. // Khokhlysheva O.O. Problemy voyny i mira v KhKh v. Khrestomatiya. T. 4. Khokhlysheva, O.O. (2000). [*Problems of war and peace in the twentieth century*]. Reader. T. 4. // – Nizhniy Novgorod. 2000.

8. Zayavleniya glav gosudarstv – uchastnikov IV Kaspiyskogo sammita. [Statements of the Heads of State – participants of the IV Caspian Summit].URL:http://www.kremlin.ru.transports/46689 (15.12. 2015).

9. Ignatova, M. (2001). Polnyy shtil. Irantsy i azerbaydzhantsy napugali "British petroleum" [Complete calm. Iranians and Azerbaijanis frightened "British Petroleum"]. // Izvestiya. [*Izvestia*] – 2001. – 25 iyulya. [July 25].

10. Iz traktata. zaklyuchennogo s Eshrefom v Reshte 13 zony fevralya 1729 g. [From the treatise concluded with Eshref in Rasht on the 13th zone of February 1729]. // Novaya istoriya Irana. Khrestomatiya. [*New History of Iran. Reader*]. – M., 1988.

11. Iz traktata. zaklyuchennogo v Turkmanchaye 10 fevralya 1828 g. [From the treatise concluded in Turkmanchai on February 10, 1828]. // Khrestomatiya po novoy istorii. [*Reader on new history*]. T. 2. – M., 1965.

12. Iz Os obogo akta. zaklyuchennogo v Turkmanchaye 10 fevralya 1828 g. [From the Special Act concluded in Turkmanchai on February 10, 1828]. // Khrestomatiya po novoy istorii. [*Reader on New History*]. T. 2. – M., 1965.

13. Ilin, G. (2001) Vspomnili 1949 gol. Geydar Aliyev poprosil Iran bolshe ne «bryatsat oruzhiyem» na Kaspii [Remembered 1949 goal. Heydar Aliyev asked Iran not to "sabre-rattling" in the Caspian any more]. // Izvestiya. [*Izvestia*]. – 2001. – 30 avgusta.

14. Iran ne nameren zhdat [Iran does not intend to wait]. // Izvestiya. [*Izvestia*]. – 2002. – 28 fevralya. [February 28].

15. Kaspiyskiy vopros: zatyanuvsheyesya resheniye. [The Caspian issue: a protracted solution]. URL: http://navoine.info/caspian-dec.html (13.08.2015).

16. Kommyunike Pyatogo Kaspiyskogo sammita. [Communiquй of the Fifth Caspian Summit]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5330 (data obrashcheniya: 9.11.2021).

17. Malysheva, D.(2004). Kaspiyskiy vektor irano-rossiyskogo vzaimodeystviya [The Caspian vector of the Iranian-Russian interaction]. // Iranskiy mir i yug Rossii: proshloye i sovremennyye perspektivy [*The Iranian world and the south of Russia: the past and modern prospects].* – 2004. – № 2.

18. Nazarbayev, N. (2002). Kak popytatsya podelit Kaspiy [How to try to divide the Caspian] // Izvestiya. [*Izvestia*] – 2002. – 4 okt. [4 Oct.].

19. Rubinov, I. (2004). Neft. kotoruyu my teryayem [Oil we are losing] // Ekspert. [*Expert]* – № 41 (441). 01.11. 2004.

20. Savin I.S., Rakhmonov, F.Kh. Problema razgranicheniya akvatorii Kaspiyskogo morya v usloviyakh neopredelennosti ego mezhdunarodno-pravovogo statusa: istoricheskaya retrospektiva i sovremennoye sostoyaniye. [The problem of delimiting the water area of the Caspian Sea in the context of the uncertainty of its international legal status: historical retrospective and current state -mezhdunarodno-pravovogo-statusa-istoricheskaya] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-razgranicheniya-akvatorii-kaspiyskogo-morya-v-usloviyah-neopredelennosti-ego-mezhdunarodno-pravovogo-statusa-istoricheskaya (data obrashcheniya: 8.11. 2021).

21. Cklyarov L. (1996). Kaspiyskiy region. Sotrudnichestvo ili sopernichestvo. [Caspian region. Cooperation or rivalry] // AAS. [*AAC*]. – 1996. – № 10.

22. Stepanov G. (2001). Vrazhdebnyye polety. Geydar Aliyev prizyvayet sosedey proyavit blagorazumiye. [Hostile flights. Heydar Aliyev calls on neighbors to show prudence] // Izvestiya. [*Izvestia*] – 2001. – 3 avgusta.

23. Ctarchenkov G. (1994). Stanet li Kaspiy morem razdora? [Will the Caspian become a sea of discord] // Aziia i Afrika segodnia. [*Asia and Africa today*]. – 1994. – № 12.

24. Starchenkov G.(1999). Strasti vokrug Kaspiya. [Passions around the Caspian] // Aziia i Afrika segodnia. [*Asia and Africa today*]. – 1999. – № 1.

25. Starchenkov G. (2001). Kak podelit ozero–more [How to divide the lake-sea] // Aziia i Afrika segodnia. [*Asia and Africa today*]. – 2001. – № 12.

26. Traktat. zaklyuchennyy v Gyulistane 12 oktyabrya 1813 g. [Treatise concluded in Gulistan on October 12, 1813] // Novaya istoriya Irana. Khrestomatiya [*New History of Iran. Reader*]. – M., 1988.

27. Charodeyev G. (2001). Iranskiye VMS ugrozhali oruzhiyem azerbaydzhanskim neftyanikam [Iranian Navy threatened Azerbaijani oilmen with weapons] // Izvestiya. [*Izvestia*]. 2001. 25 iyulya.

28. Ballard V. More than sea-mantics: the legal status of the Caspian Sea // Business Destinations. 22 march 2019. [More than sea-mantics: the legal status of the Caspian Sea]. URL: https://www.businessdestinations.com/destinations/more-than-sea-mantics-the-legal-status-of-the-caspian-sea/ (data obrashcheniya: 5.04.2021).

Об авторе

Вартаньян Эгнара Гайковна – профессор, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета, кафедра всеобщей истории и международных отношений, E-mail: vartaneg@yandex.ru

Vartanyan Egnara Gaikovna – professor, doctor of historical sciences, professor of the Kuban State University, E-mail: vartaneg@yandex.ru

УДК 94(47)

Виватенко С.В., кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Россия);
Сиволап Т.Е., кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Россия);
Ларичева О.А., старший преподаватель Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Россия).

ФРАНСУА МИТТЕРАН В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – ОТ ПЕТЕНА К ДЕ ГОЛЛЮ

В статье рассматривается вопрос деятельности Франсуа Миттерана в годы Второй мировой войны. В июне 1940 года близ Вердена он получил и ранение и во время прохождения лечения в военном госпитале попал в немецкий плен, был отправлен в лагерь для военнопленных близ Швальмштадта, где предпринял несколько попыток побега. Одна из попыток, в декабре 1941 года, оказалось успешной. С января 1942 года Миттеран начинает работать на режим Виши, в пропагандистском отделе «Легиона французских бойцов и добровольцев национальной революции», позднее в Комиссариате по интеграции в мирную жизнь военнопленных. Он оказался достаточно лояльным и умеренным вишистом. Маршал Петен за службу Франции и её народу наградил Франсуа Миттерана орденом Франциска. В 1943 году Миттеран вступает в тайную Организацию армейского сопротивления, объединявшую бывших французских солдат, решивших активно сопротивляться оккупантам Франции, но изначально отвергавших де Голля. Франсуа Миттеран участвовал в освобождении Парижа в августе 1944 года. С самого начала восстания в Париже Миттеран занимал вакантную должность генерального секретаря по военнопленным. Вторая мировая война становится для Миттерана краеугольным камнем его будущего политического развития. Цель статьи – раскрыть особенности политической карьеры Франсуа Миттерана. Его президентство – одно из самых продолжительных в истории Франции. В статье предпринята попытка дать характеристику научных исследований и документальных материалов по биографии Франсуа Миттерана в период войны.
Ключевые слова: война, армия, арест, военнопленные, политика, движение Сопротивления, президент
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-49-57

Начало Второй мировой войны двадцатитрехлетний Франсуа Миттеран встретил во время прохождения срочной службы старшим сержантом 23-го пехотного колониального полка во французской армии. Вскоре он был направлен вместе с полком на линию Мажино в район Монмеди. 14 июня 1940 года в районе Mort-d'Homme близ Вердена при вражеском артобстреле он был ранен осколком. Находясь на лечении в военном госпитале в Люневилле, сержант Миттеран попадает в немецкий плен [2, p. 279].

© Виватенко С.В., Сиволап Т.Е., Ларичева О.А.
© Vivatenko S.V., Sivolap T.E., Laricheva O.A.

Он был направлен в лагерь для военнопленных Stalag IX-A в Trutzhain близ Швальмштадта. Находясь за колючей проволокой, он предпринял несколько попыток побега. Третья попытка в декабре 1941 года оказалось успешной, и через Лотарингию он достигает свободной от немецкой зоны оккупации территории Франции [8].

В Лондон в «Свободную Францию» к генералу де Голлю Миттеран не спешил, он отправляется к маршалу Петену в Виши. И это направление было выбрано Миттераном не случайно, поскольку до Второй мировой войны будущий президент социалист был членом крайне правой организации «Секретный комитет революционного действия» (СКРД; Comitй secret d'action rйvolutionnaire) или кагуляры, к тому же в коллаборационистском правительстве работали его родственники и знакомые. Так в Главном управлении вооруженных сил служил полковник Кайе (тесть Робера Миттерана, брата Франсуа); членом военного кабинета адмирала Дарлана, а затем вице-президента Совета, был комендан Ле Корбейлер (муж Колетт Миттеран, сестры Франсуа). Так же его пролоббировали бывшие члены СКРД, заместитель директора службы печати и цензура Виши Симон Арбелло де Ваккёр и Габриэль Жанте [3, p. 343-354].

В январе 1942 он начинает работать на режим Виши, в начале, в пропагандистском отделе «Легиона французских бойцов и добровольцев национальной революции» (Lйgion franзaise des combattants et des volontaires de la rйvolution nationale), а затем в Комиссариате по интеграции в мирную жизнь военнопленных (Commissariat au reclassement des prisonniers de guerre) [14, p. 110]. В рамках этой организации, ответственной за отправку посылок солдатам, находящимся в заключение в Германии, Миттеран занимается ее пропагандистским бюллетенем.

Работая на коллаборационистов, Миттеран старался не участвовать в пронацистских акциях и не делать антисемитских заявлений. Эта двойственность особенно заметна в его публикациях в вишистских СМИ. Так в декабре 1942 года Миттеран публикует свою статью в апологете вишистского режима журнале «Франция, обозрение нового государства» (France, revue de l'Йtat nouveau) [13]. Статью «Паломничество в Тюрингию» («Pilerinage en Thuringe») он посвятил своему пленению и бегству из немецкого Шталага. В тексте статьи Франсуа Миттеран описывает только свой быт в германском плену, он нигде не ссылается на Петена или его Национальную революцию. В этой публикации, правда, есть фраза о «150 лет ошибок Франции после революции 1789 года» [13]. Статья была помещена в журнале между речью Филиппа Петена и публикацией генерального секретаря Службы легионеров Ноэль де

Тиссо под характерным названием «Наши враги», где, в том числе, можно было познакомится с таким пассажем: «Если Франция не хочет погибнуть то ей, необходимо, чтобы последний француз, достойный этого имени, объявил войну всем тем, кто внутри и снаружи готовится открыть ему замки: евреям, масонам, коммунистам ... всегда одни и те же и все голлисты» [14].

В личном письме от 13 марта 1942 года своей родной сестре Миттеран был более откровенным и не скрывал своего глубокого уважения к маршалу Петену. Он пишет: «Я видел маршала в театре [...] он великолепно выглядит, его лицо напоминает мраморную статую» [3, p. 261].

В другом письме от 22 апреля 1942 года Миттеран признается сестре, что его не особенно беспокоит возвращение в правительство апологета сотрудничества с нацистами Пьера Лаваля. Далее в письме он так же пишет, что доволен реорганизацией, проведенной Жозефом Дарнаном, ветеранского «Французского легиона бойцов» (Lйgion fransaise des combattants (L.F.C.)), в более радикальную и антисемитскую «Службы легионерского порядка» (Service d'ordre lйgionnaire (S.O.L.)) [3, p. 264], военизированную группу, ответственную за выслеживание врагов режима.

В редких случаях, когда Франсуа Миттеран соглашался говорить об этом периоде, президент республики оправдывался тем, что не знал о том, что происходило с евреями. Когда в 1941 году были приняты законы, исключающие евреев из национальной общины, Миттеран находился в Германии. Однако, можно поставить под сомнение эту версию. Трудно поверить, что Миттеран не подозревал о судьбе, ожидавшей евреев. Когда французские полицейские проводили облавы евреев в Париже и в Свободной зоне по приказу Рене Буске, он был в Виши.

В общем на весну 1942 года внутриполитическая обстановка Франции и победы вермахта на фронтах делали Миттерана лояльным и умеренным вишистом. И эта лояльность принесла свои плоды. За службу Франции и её народу маршал Петен награждает своего чиновника Франсуа Миттерана орденом Франциска [6, p. 131].

Для получения этой награды было необходимо заполнить и подписать недвусмысленную форму члена ордена Франциска: «Я жертвую свою личность маршалу Петену, как он пожертвовал свою личность Франции. Я обязуюсь служить его ученикам и оставаться верным его личности и его работе» [4, p. 366].

Награда торжественно была вручена Миттерану весной 1943 года. В принятии этой награды будущим президентом было много театральности, которой, впрочем, изобилует вся французская политика.

К тому же, в это же время, во французском обществе обсуж-

дался ответ Жан-Пьер Блоха, одного из помощников полковника Пасси в BCRA (Центральном бюро разведки и действий), подпольщикам из Внутреннего сопротивления, которые задали ему вопрос: «Можем ли мы принять ордена, которые Виши раздавал в изобилии?». «Отказ от награждения, – ответил Ж.-П. Блох, – будет иметь нежелательный резонанс. Мои инструкции просты: не разоблачайте себя, будьте сообщниками, играйте в игру!» [8, p. 49].

В 1942 году ситуация в мире и вокруг Франции начинает меняться. 24 октября британские войска начинают успешное наступление при Эль-Алламейне. А 08 ноября 1942 года началась англо-американская операция «Факел» (также «Гимнаст»). Это была первая наземная операция американцев по эту сторону Атлантики. Благодаря нее, Виши потеряли Марокко. Французы в Африке, которые в начале режима Петена, оказывали жесткое сопротивление англичанам, теперь разочаровались в маршале и массово переходили на сторону антигитлеровской коалиции. В этот же день Виши теряет Алжир, когда Жозе Абулькер и Анри Д'Астир подняли там военный мятеж.

В ответ на эти неудачи, в конце ноября немцы вводят свои войска в Свободную зону. И Миттеран принимает решение. В конце 1942 года он вышел на своего довоенного друга и кагуара, Пьера Гийена де Бенувилля, члена Сопротивления, связанного с де Голлем [12].

В январе 1943 года Франсуа Миттеран покидает Комиссариат, после того как его умеренный руководитель Морис Пино был заменен активным коллаборационистом Андре Массоном. Однако он сохраняет пост руководителя центров поддержки.

Ближе к весне 1943 года вместе с Пино Миттеран вступает в тайную Организацию армейского сопротивления (ORA), аполитичную организацию, объединяющую бывших французских солдат, решивших активно сопротивляться оккупантам Франции, но изначально отвергавших де Голля. Миттеран вместе со своими сподвижниками составляли фальшивые паспорта для французских военнопленных, желающих бежать из немецкого лагеря и начать борьбу против оккупантов.

Дрейф Миттерана от Петена к де Голлю продолжился в конце мая, когда началась битва при Бир-Хакейме. «Свободная Франция» так же была заинтересована в сотрудничестве с миттерановской организацией военнопленных. К Миттерану был отправлен представитель де Голля Филипп Дешарт, миссия которого заключалась в подготовке слияния под эгидой «Свободной Франции» трех движений военнопленных [1]. Встреча с Дешартом произошла 28 мая 1943 года, на который Миттеран принял предложение сотрудничать с де Голлям для освобождения Франции от врагов [10].

Деятельность Миттерана перешла от предоставления фальшивых документов к передаче разведывательной информации

«Свободной Франции». Свидетель этих событий Пьер де Бенувилль вспоминал, что «Франсуа Миттерану удалось создать настоящую разведывательную сеть в лагерях. Благодаря военнопленным мы смогли узнать информацию, иногда решающую, о том, что происходило за границей» [9, p. 94].

Обратного пути для Миттерана уже не существовало. 10 июля во время большого публичного митинга в Париже, в зале Ваграм, когда коллаборационист Андре Масон, выступая с трибуны, обвинил в «предательстве голлистов», Франсуа Миттеран выкрикнул из аудитории, что отказывает ему в праве говорить такие слова от имени военнопленных. Попытке полиции его арестовать помешал член ФКП Пьяцук, и Миттеран смог скрыться. О чем через два дня из Лондона Морис Шуман сообщил в радиопередаче «Голос свободной Франции» на BBC [16].

После этого события Миттеран перешел на нелегальное положение. Он берет себе псевдоним Морлан. Четыре месяца спустя в Виши, в поисках его, гестапо совершило налет на дом Миттерана, но, к счастью для Франсуа, его там не было [11, p. 97]. Не найдя будущего президента, немцы вскоре арестовывают его двух друзей. Их судьба была трагична, они были депортированы, и никто из них не вернулся из концлагеря. Генеральный секретарь полиции Рене Буске, чувствуя, что ситуация меняется, предупредил Миттерана через одного из своих сотрудников, Жан-Поля Мартена, и жену полковника Пфистера о том, что гестапо знает его местонахождение [11, p. 99]. Чувствуя угрозу, Миттеран уходит на дно.

Оставаться во Франции становится опасно, и «Сопротивление» принимает решение вывезти Миттерана в Лондон. К тому же Миттерану нужно было обеспечить легитимность своей организации Сопротивления перед лидерами Свободной Франции и западными союзниками. 15 ноября 1943 года по просьбе де Голля англичане присылают за ним самолет «Westland lysander», пилотируемый знаменитым летчиком Льюисом Ходжесом, и, таким образом, Миттеран оказывается по другую сторону Ла-Манша.

С 27 ноября 1943 года Миттеран начинает работать в Центральном бюро разведки и действий [11, p. 102]. В своих военных мемуарах де Голль, говоря о тех людях, кто в этот период держал его в курсе о ситуации во Франции, упоминает и Миттерана [5, p. 169]. В декабре 1943 года Франсуа Миттеран отдает приказ Жаку Парису и Жану Мюнье, казнить коллаборациониста Анри Марлена. После успешной ликвидации предателя, участники операции были спрятаны отцом Миттерана в своем доме.

Находясь в британской столице, Миттеран понял, что англичане и американцы восприняли его организацию, как «пятое колесо» французского сопротивления, и он вынужден был отправиться в Алжир к бесспорному

лидеру Свободной Франции генералу де Голлю.

Вскоре произошла первая встреча двух будущих французских президентов. На ней Де Голль быстро растоптал мечты Миттерана о сотрудничестве на равных. Встреча оставила у обоих очень плохие воспоминания. Генерал, пытаясь принизить значение созданной Миттераном организации, заявил: «Почему только перемещенные военнопленные? Можно было бы также организовать движение Сопротивления: бретонцев, бакалейщиков или мясников?» [5]. По другой версии, генерал спросил: «Почему не парикмахеры?» [9, p. 100].

В ответ Миттеран отказался объединять свою группу с другими движениями военнопленных, если племянник де Голля Кайо станет ее лидером [5]. Под влиянием Анри Френэ, который написал де Голлю, что «лично ручается» за Миттерана, генерал, наконец, согласился объединить сеть своего племянника и RNPG под руководством Миттерана [14, pp. 364-365]. Таким образом, антифашистская сеть Миттерана была включена в Свободную Францию весной 1944 года.

Франсуа Миттеран тайно вернулся во Францию на лодке через Англию. В Париже ему удается объединить под своим руководством три группы сопротивления, состоящие из военнопленных: коммунистов, голлистов и RNPG. Новая организация получило название «Национальное движение военнопленных и депортированных» (MNPGD), и Миттеран взял на себя её руководство.

Франсуа Миттеран участвовал в освобождении Парижа в августе 1944 года. С самого начала восстания в Париже Миттеран с ружьем в руке занял здание Комиссариата по делам беженцев. Во время боев он сразу занял вакантную должность генерального секретаря по военнопленным. Когда де Голль вошел в Париж после освобождения, его познакомили с разными людьми, которые входили в состав парижского временного правительства. Среди данных лиц был и Франсуа Миттеран. Когда они оказались лицом к лицу, де Голль прошептал ему: «Опять ты!» Через две недели он уволил Франсуа Миттерана.

Между политическими и военными битвами Миттеран находит время и для решения своих личных вопросов. 28 октября 1944 года он женился на Даниэль Гуз; венчание происходило в церкви Сен-Северин, свидетелями были Жан Мунье, Роже-Патрис Пела, Анри Френэ и Кристин Гуз [15].

В октябре 1944 года Франсуа Миттеран и Жак Фоккар разработали план «Operation Vicarage». Задача заключалась в обеспечении безопасности военнопленных союзников и начале их эвакуации. План не будет завершен, потому что советское наступление идет быстрее, чем ожидалось [7, p. 134].

По приказу де Голля в апреле 1945 года Франсуа Миттеран сопровождал генерала Льюиса в ка-

честве французского представителя по освобождению лагерей Кауферинг и Дахау. На этом Вторая мировая война для Миттерана закончилась.

Вторая мировая война становится для гражданина и политика Миттерана краеугольным камнем для будущего развития. За ее время Миттеран инстинктивно или сознательно начинает дрейф от сторонника маршала Петена до активного соратника генерала де Голля. Не все во Франции посчитали эту перемену политических взглядов искренней. Но Миттеран не был одинок, много французов на личном опыте, так же как он, переосмыслили всю пагубность коллаборационизма и начали борьбу с захватчиками. Поэтому Миттеран остался во французской политике и был избран позднее президентом страны.

Список литературы

1. Bref Philip. Mitterrand. Une йtude dans l'ambiguпtй. – Londres, 2007.
2. Caucanas Sylvie, Cazals Rйmy, Payen Pascal. Les prisonniers de guerre dans l'Histoire. Contacts entre peuples et cultures. Privat. – Toulouse, 2003.
3. Cointet Jean-Paul. Dans Les hommes de Vichy. – P., 2017. – P. 343 – 354.
4. Dйcret du 8 janvier 1996 portant dйclaration de deuil national // Journal officiel de la Rйpublique franзaise. Lois et dйcrets. – 1996. – № 8 (10 января).
5. De Gaulle Charles. Mйmoires de guerre. L'Unitй: 1942 – 1944. – (tom II).
6. Faux Emmanuel, Legrand Thomas et Perez Gilles. La main droite de Dieu: enquкte sur Franзois Mitterrand et l'extrкme-droite. – Paris, Editions du Seuil, coll. «Йpreuve des faits». – 1994. – 261 p.
7. Franзois Victor-Jean. Chirac de la derniиre chance. – 1987.
8. Giesbert Franz-Olivier. Franзois Mitterrand ou la tentation de l'histoire. – P., Йditions du Seuil, 1977. – 333 p.
9. Giesbert Franz-Olivier. Franзois Mitterrand, une vie. – P.,1996.
10. Lacouture Jean et Rotman Patrick. Le roman du pouvoir. – Seuil, 2000. – 281 p.
11. Lacouture Jean. Mitterrand, une histoire de Franзais. – V. I. – P., 1998.
12. Lafargue Andrй. «Qui йtait Bйnouville?» // Le Parisien, 13 janvier 2003.
13. Mitterand F. Pиlerinage en Thuringe // France, revue de l'Йtat nouveau. – № 5. – 1942.
14. Pйan Pierre. Une jeunesse franзaise – Franзois Mitterrand, 1934-1947. – Fayard, 1994.
15. Rousso Henry. Le Syndrome de Vichy. – P., 1996.
16. 12 juillet 1944. La voix de la France libre, sur les Londes de la BBC, lors d'une йmission special.

FRANCOIS MITTERRAND IN THE YEARS OF THE SECOND WORLD WAR – FROM PETAIN TO DE GAULLE

The article deals with the issue of Francois Mitterrand's activities during the Second World War. In June 1940, near Verden, he was also wounded and, while undergoing treatment in a military hospital, was taken prisoner by the Germans, was sent to a prisoner of war camp near Schwalmstadt, where he made several attempts to escape. One of the attempts, in December 1941, was successful. From January 1942, Mitterrand began working for the Vichy regime, in the propaganda department of the Legion of French Fighters and Volunteers of the National Revolution, later in the Commissariat for the Integration of Prisoners of War into Peaceful Life. He turned out to be quite loyal and moderate Vichy. Marshal Pйtain awarded Francois Mitterrand the Order of Francis for his service to France and its people. In 1943, Mitterrand joined the secret Army Resistance Organization, which united former French soldiers who decided to actively resist the occupiers of France, but initially rejected de Gaulle. Franзois Mitterrand participated in the liberation of Paris in August 1944. From the very beginning of the uprising in Paris, Mitterrand held the vacant post of general secretary for prisoners of war. The Second World War becomes for Mitterrand the cornerstone of his future political development. The purpose of the article is to reveal the features of the political career of Francois Mitterrand. His presidency is one of the longest in French history. The article attempts to characterize scientific research and documentary materials on the biography of Francois Mitterrand during the war.

Keywords: war, army, arrest, prisoners of war, politics, resistance movement, president

References

1. Brief Philip. Mitterrand (2007). A study in ambiguity. – London.
2. Caucanas Sylvie, Cazals Rйmy, Payen Pascal. Prisoners of War in History (2003). Contacts between peoples and cultures. Private. – Toulouse.
3. Cointet Jean-Paul. (2017). In The Men of Vichy. P. 343 – 354.
4. Decree of 8 January 1996 declaring national mourning (1996). // Official Journal of the French Republic. Laws and decrees. № 8 (10 January).
5. De Gaulle Charles. War memoirs. Unity: 1942 – 1944. – (tom II).
6. False Emmanuel, Legrand Thomas and Perez Gilles (1994). The right hand of God: an investigation of Franзois Mitterrand and the far right. – Paris, Editions du Seuil, coll. “Test of facts”. 261 p.
7. Francois Victor-Jean (1987). Last chance Chirac.
8. Giesbert Franz-Olivier. Franзois Mitterrand or the temptation of history (1977). P., Editions du Seuil. 333 p.
9. Giesbert Franz-Olivier (1996). Franзois Mitterrand, a life. P.
10. Lacouture Jean and Rotman Patrick (2000). The romance of power. Threshold. 281 p.
11. Lacouture Jean (1998). Mitterrand, a French story. V. I. P.
12. Lafargue Andrй. “Who was Bйnouville?” (2003). // Le Parisien, January 13.
13. Mitterand F. Pilgrimage in Thuringia (1942). // France, review of the new State. № 5.
14. Pean Pierre. A French youth – Franзois Mitterrand, 1934-1947

(1994). Fayard.
15. Rousso Henry (1996). The Vichy Syndrome. R.
16. July 12, 1944. The voice of Free France, on BBC London, during a special broadcast.

Об авторах

Виватенко Сергей Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры проектной деятельности в кинематографии и телевидении, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Россия), E-mail: svivat@bk.ru
Сиволап Татьяна Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры проектной деятельности в кинематографии и телевидении, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Россия), E-mail: tntslp@mail.ru
Ларичева Оксана Анатольевна – старший преподаватель кафедры проектной деятельности в кинематографии и телевидении, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Россия), E-mail: laricheva@spbgikit.ru

Vivatenko Sergey Valentinovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Project Activities in Cinematography and Television, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television (Russia), E-mail: svivat@bk.ru
Sivolap Tatyana Evgenievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Project Activities in Cinematography and Television, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television (Russia), E-mail: tntslp@mail.ru
Laricheva Oksana Anatolyevna – Senior Lecturer of the Department of Project Activities in Cinematography and Television, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television (Russia), E-mail: laricheva@spbgikit.ru

УДК 94(4) «1914/19»

Гончаров Е.В., Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ФРАНЦУЗСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ В 1914-1918 ГГ.

Первая мировая война стала первой войной, в которой воюющие правительства намеренно создали организации для создания и ведения пропаганды на своих врагов, союзников, нейтралов и собственное население. Первая мировая война началась в то время, когда целый ряд взаимодействующих политических, социальных, коммерческих, военных и технологических факторов породил очень широкий спектр средств массовой информации, через которые могла распространяться пропаганда, включая официальные и неофициальные каналы, газеты, речи, фильмы, фотографии, плакаты, книги, брошюры, периодические издания и карикатуры. Чтобы сплотить нейтральные страны, объединить свой собственный лагерь и деморализовать противника, Франция предприняла интенсивные усилия по производству пропаганды и цензуре информации. Вертикальная государственная пропаганда оказалась решающей, в частности, благодаря участию таких государственных деятелей, как Аристид Бриан и Жорж Клемансо, или же благодаря созданию официальных органов пропаганды, таких как Дом печати. В данном исследовании была предпринята попытка исследования формирования организаций пропаганды во Франции в 1914-1918 гг. Текст дает ценную информацию об их деятельности и взаимодействии с органами государственной власти. Детальное изучение и анализ деятельности данных организаций позволит составить более точную картину об особенностях военной пропаганды Франции.

Ключевые слова: Первая мировая война; пропаганда; информационные системы, психологическая война, дом печати, бюро печати, Франция, Германия.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-58-68

Оркестровка информацией является частью ведения войны, независимо от существующей политической системы. Будучи промышленным и технологическим конфликтом Великая война была также войной слов и лозунгов. Франция предприняла интенсивные усилия по производству пропаганды, чтобы сплотить нейтральные страны, объединить свой собственный лагерь и деморализовать противника. Цензура также сыграла важную роль, поскольку сделала пропаганду действительно эффективной, безжалостно подавляя все, что ей противоречило. Архитектура цензурных ведомств, военных и гражданских органов пропаганды выстроила национальную информационную пирамиду.

Французские пропагандистские организации можно разделить на три основные группы:

1. Правительственные орга-

© Гончаров Е.В.
© Goncharov E.V.

низации, реализующие официальную государственную пропаганду;

2. Независимые организации и агентства, получающие финансовую поддержку от правительства;

3. Частные организации или патриотические объединения.

Вопросы управления информацией в военное время обсуждались французским верховным командованием еще в середине 1913 года, но серьезное планирование структуры будущего Бюро печати началось только в июне 1914 года после переназначения Адольфа Мессими на пост военного министра [4, с. 41]. «Уже через три дня после объявления войны, Вивиани внес соответствующий законопроект, в тот же день вотированный Сенатом и Палатой, и, в качестве, первой ассигновки на развитие пропаганды: на организацию «Дома печати» была отпущена мелочь в 25 миллионов» [4, с. 14].

Хотя вертикальная государственная пропаганда оказалась решающей, в частности, благодаря участию таких государственных деятелей, как Аристид Бриан и Жорж Клемансо, или же благодаря созданию официальных органов пропаганды, таких как Дом печати, мы также можем проследить участие различных акторов в процессе горизонтальной мобилизации.

На раннем этапе войны различные официальные структуры самостоятельно начали пропаганду. Стоит отметить вклад в данную деятельность французских торговых палат. Благодаря торговой деятельности, которой они активно занимались до войны, Франции удалось создать хорошие отношения с зарубежными странами. Наибольшую важность для пропаганды представляла Парижская торговая палата, которая с декабря 1914 года начала выпускать свой собственный информационный бюллетень «Documents sur la guerre, Bulletin d'Information publiй par la Chambre de commerce de Paris» на шести языках (французском, английском, немецком, испанском, португальском, итальянском). Помимо экономической сводки, также были включены статьи о войне.

Следует отметить деятельность Марсельской торговой палаты, создавшей собственный специальный пропагандистский комитет «Комитет по взаимодействию с нейтральными странами» («Comitй de Relations avec les pays neutres»), который наряду с брошюрами распространял фотооткрытки о войне.

С начала конфликта был основан «Comitй Michelet, sociйtй nationale d'йducation par l'histoire». Ассоциация выпускала свой собственный журнал «Bulletin d'йtudes historiques et politiques du Comitй Michelet» [13, с. 543]. Кроме того, комитет занимался производством листовок, предназначенных для зарубежных стран и распространял пропагандистские книги и брошюры.

Также в этой деятельности стоит обратить внимание на «Comitй d'йtudes et documents sur la guerre», который состоял из французских профессоров под руководством историка Парижского

университета Эрнеста Лависса. Брошюры, опубликованные этим комитетом, были переведены на несколько языков. Отдельными его членами издавались брошюры под общим названием «Pour la Vйritй. Etudes publiйes sous le patronage des secrйtaires perpйtuels des cinq academies» [9, с. 38].

Эти комитеты пользовались поддержкой со стороны государства. Наиболее важной из этих организаций была «Alliance fransaise» и её дочерние ассоциации, деятельность которых мы рассматривали в отдельной статье [1].

Таким образом, до создания единой системы, официальные организации пропаганды уже приобрели достаточно широкий размах.

Служба пропаганды развивалась стихийно. В том или ином официальном ведомстве создавалось своё «пропагандистское бюро». Организации или ассоциации действовали по собственному усмотрению и без какой-либо централизации, которая была так необходима.

В период с июня по август 1914 года группа экспертов подготовила отчет, в котором проанализировала роль французской прессы во время последних европейских конфликтов и наметила рамки будущей системы управления информацией во время Первой мировой войны [11, с. 29]. Предвоенное планирование позволило военному министерству быстро создать Бюро печати и тем самым обеспечить пристальный контроль над французской прессой с самого начала военных действий.

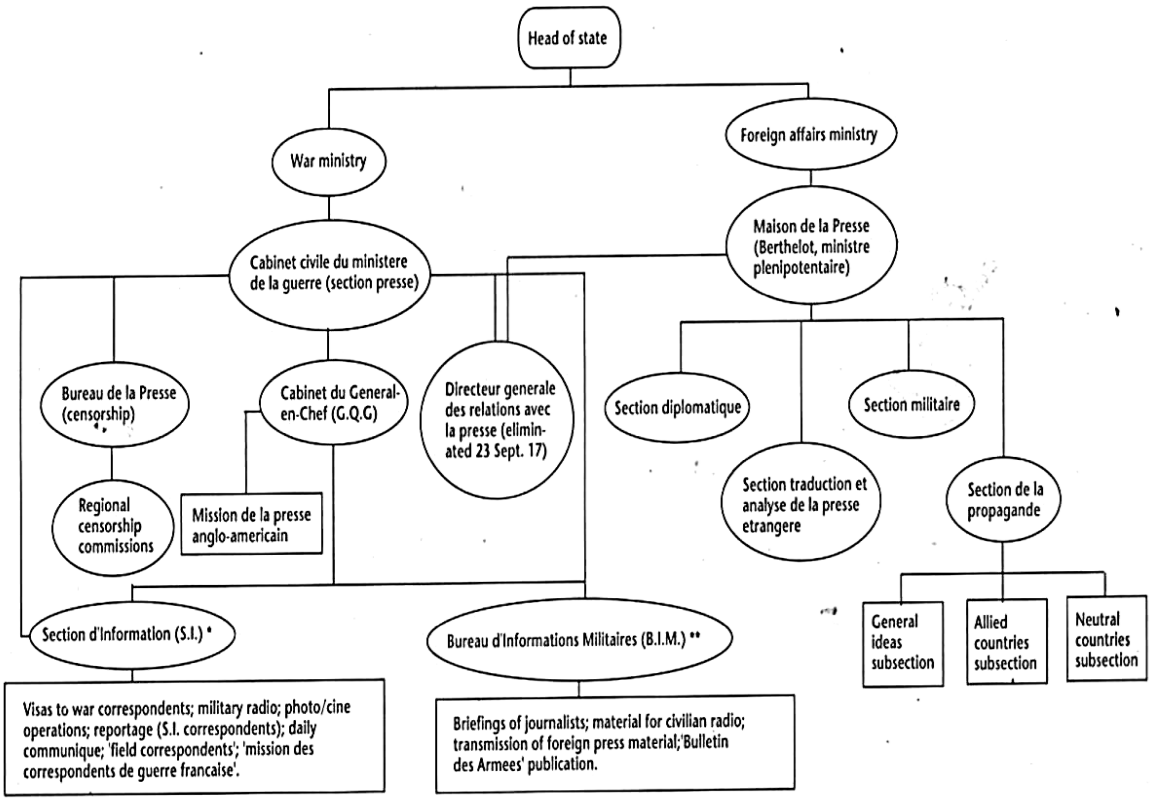

Рис.1. Информационная система официальной пропаганда Франции

Рассмотрим подробнее систему организации официальной пропаганды (см. рис. 1). 3 августа правительство встретилось с владельцами СМИ, которым объяснило принцип работы нового Бюро печати. В его обязанности входило: разработка цензурных инструкции на основе инструкций генерального штаба и различных министерств (военного, иностранных дел и т.д.) и в то же время контроль их применения печатными СМИ и информационными агентствами, в частности «Havas». Бюро печати включало четыре отдела: ежедневной прессы, периодических изданий, телеграмм и региональной прессы, которые функционировали круглосуточно и тщательно проверяли выпуски газет перед окончательной печатью. Эта система была централизована в Париже и подкреплена сетью комиссий по надзору за местной прессой, созданных в двадцати одном военном регионе Франции.

В Бюро печати работали в основном военные, но к этой работе были привлечены также дипломаты, экономисты, журналисты и другие представители интеллигенции [8, с. 163].

На «Бюро» были возложены различные функции, в частности, предоставление прессе наиболее точной и оперативной информации о фактах, не препятствующих продолжению военных действий. Эта информация распространялась ежедневно в нескольких пресс-релизах в определенное время - 11.00, 15.00, 22.00. В период между 1914 и 1919 годами в него входило почти 400 цензоров, занимавших свои должности в течение нескольких месяцев или лет. Во всех департаментах Франции действовали цензурные механизмы, размер которых варьировался в зависимости от численности местного населения и значимости газет. В общей сложности за пределами Парижа работали почти 300 комиссий по контролю над прессой. В их работе принимало участие от 4 000 до 5 000 человек [3, с. 58]. Хотя они были подотчетны властям из столицы, но иногда их чрезмерная активность создавала проблемы, когда они подвергали цензуре информацию, принятую в центре.

Правительство, желая обеспечить постоянный контроль и контакт с газетами и информационными агентствами, 12 августа 1914 года создало Комиссию по печати («La commission de la presse fransaise»), расположенную в Париже. Комиссию возглавил Жан Дюпуи, владелец газеты «Le Petit Parisien». Она состояла из 45 членов, нанятых для представления интересов французских газет. Комиссия поддерживалась двумя другими организациями: «Синдикатом парижской прессы» («Le Syndicat de la presse parisienne») и «Ассоциацией республиканской прессы департаментов» («l'Association de la presse rйpublicaine dйpartementale»). Идентичные комиссии были также созданы для представления газет в регионах Франции. С появлением

местных комиссий рамки известных парижских газет расширились и включали в себя департаментскую прессу, которая принимала равное участие в осуществлении цензуры под «патриотическим флагом» [3, с. 62].

Все это позволяло строго кондиционировать и контролировать информацию.

Когда 3 сентября 1914 года правительство переехало в Бордо, вся пресса находилась в ведении второго бюро штаба генерала Галлиени, возглавляемого Л. Л. Клоцем, впоследствии ставшим министром финансов Франции [7, с. 30]. Нахождение правительства в городе Бордо привело к тому, что Бюро печати было разделено в течение трех месяцев. В связи с этим образовалось два офиса: один в Бордо, другой в Париже, причем последний оставался главным. Это привело к трениям и условиям, которые в конечном итоге стали невыносимыми для прессы.

По возвращению правительства в Париж в декабре 1914 года, Бюро печати претерпело значительные изменения. Военная цензура перешла под контроль военного министерства [10, с. 56].

Произошло еще одно изменение. Телеграфная корреспонденция больше не контролировалась Бюро печати, что отражало новые цели правительства. Это бюро стало исключительно службой контроля прессы, которая теперь могла распространить свое влияние на гораздо большее количество изданий. Сотрудники этого органа анализировали не менее пятидесяти ежедневных газет [10, с. 58].

В январе 1915 года Бюро печати окончательно перешло под эгиду военного министерства. Но у этой организации не хватало авторитета для того, чтобы координировать цензуру и пропаганду в рамках единой информационной системы. Признавая этот недостаток, Бриан, который среди наиболее влиятельных французских государственных деятелей был наиболее убежден в необходимости пропаганды, в январе 1916 года создал в Париже центральный офис пропаганды – Дом печати (см. рис. 2) [14, с. 343].

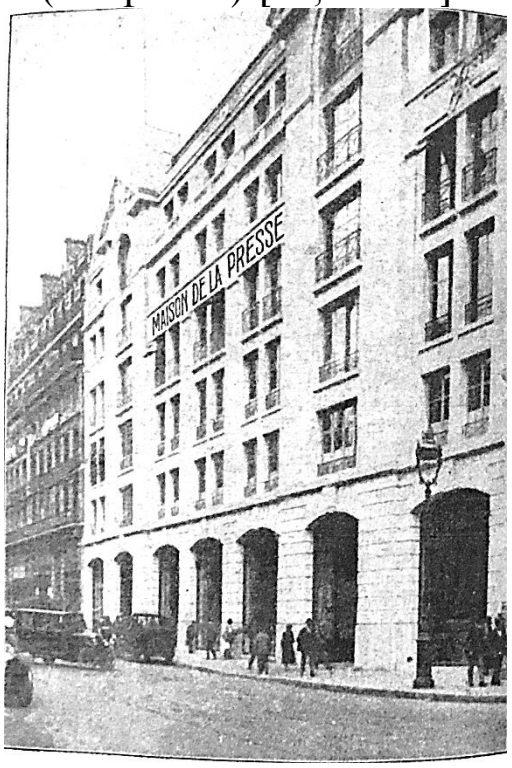

Рис.2. Дом печати (Франция)

В его задачи входило централизация и руководство всей официальной информационно-пропагандистской службы. «Дом печати» находился в непосредственном контакте с генеральным шта-

бом, и поэтому в его распоряжении находилась информация, которую никто другой не мог достать. С организацией сотрудничали самые опытные журналисты, политики, историки и дипломаты. «Дом печати» находился под непосредственным руководством министра иностранных дел. В нем принимались все директивные решения и инструкции.

Детально рассмотрим структуру организации. Дом печати состоял из четырех секций:

1. Дипломатическая. В ее состав входили:

а) служба по работе с французскими и иностранными журналистами;

б) телеграфная служба;

в) «Аналитическая служба» («Bureau d'йtudes») (отвечало за добавление пояснительных комментариев к событиям дня);

г) служба радиопередач.

2. Военная. Поддерживала постоянную связь с генштабом. В ее функции входило - информирование французских и иностранных журналистов о военной ситуации, направление дневников и писем немецких военнопленных, иных документов, имеющих пропагандистскую ценность, в прессу. Кроме того, совместно с министерством иностранных дел и генштабом, сотрудники военной секции организовывали все поездки французских и иностранных журналистов в зону боевых действий. Фотографический и кинематографический отделы французской армии были закреплены за военной секций.

3. Перевода и анализа иностранной прессы. Состояла из тщательно отобранных сотрудников, главным образом преподавателей университетов и специалистов в области иностранных языков и зарубежных стран. От отдельных подразделений секции требовалось: перевод и анализ статей из наиболее важных мировых газет, представляющих интерес для дипломатии или прессы; еженедельно или раз в две недели составлять обзор прессы каждой страны и проводить более углубленные исследования в соответствии с пожеланиями дипломатической или военной секций.

Секция переводов находилась в ведении графа Мерода. «Приблизительно восемьдесят сотрудников – словаки, эльзасцы, все разновидности балканских народностей, негры, индусы, японцы, - заботятся о том, чтобы все победоносные французские сводки – других побед не было – и все сообщения о поражениях и зверствах «гуннов» и «бошей» немедленно переводились на 80 культурных языков и доставлялись безвозмездно в распоряжение иностранной печати» [2, с. 163].

4. Секция пропаганды. Секция пропаганды занимала самую большую площадь в Доме печати. В ней был создан общий отдел, в котором рассматривались различные материалы и идеи, которые можно было бы использовать в пропагандистских целях во всех странах или, по крайней мере, в большинстве из них. Для нейтральных стран, таких как

Швейцария, Голландия, Дания, Швеция и Норвегия, граничащих с Германией и Австрией, с помощью которых можно было получать новости о враге и влиять на самого врага, был создан специальный отдел, в котором за каждым из государств закреплялась группа экспертов. Для пропаганды среди союзников (Англии, Бельгии, Италии, Португалии, России и Сербии) были также созданы отдельные подразделения, которые вели активную пропаганду, адаптированную под менталитет соответствующего народа. Существовали и независимые подразделения по пропаганде: Мусульманский отдел, Отделы Северной и Южной Америк, Балканский отдел, Дальневосточный отдел.

В 1916 году многие бывшие независимые пропагандистские организации официального и частного характера перешли под контроль «Дома печати» в частности: пропагандистские бюро Парижской торговой палаты и «Alliance fransaise». Католический, Протестантский, Израильский комитеты вошли в состав пропагандисткой секции. Французский академик Анри Лихтенбергер, историк Эрнест Лависс, а также многие другие специалисты стали предоставлять свои услуги Дому печати.

Специальная служба секции пропаганды поддерживала связи с независимыми организациями за рубежом, такими как иностранные группы «Alliance fransaise». Через центральную редакцию проходил проверку на пригодность весь материал, который использовался в дальнейшем для зарубежной пропаганды. Фотослужба занималась разработкой дизайна обложек брошюр, собирала карикатуры и рисунки.

В задачи еще одной службы Дома печати входила работа по «повышению престижа Франции». Ее сотрудниками отбирались фронтовые газеты и журналы. Некоторые статьи из выпусков передавались в отечественные и зарубежные газеты, чтобы свидетельствовать о высоком моральном духе французских войск.

Кроме того, в структуру Дома печати входила внутренняя служба, которая обеспечивала порядок, содержание дома, а также общую организацию. Несколько помещений были специально доступны для зарубежных пресс-организаций. Отдельные комнаты были подготовлены и предназначались для французских пресс-синдикатов. В здании Дома печати располагался «Comitй du syndicat de la Presse». В его распоряжении были приемные, конференц-залы, читальные и рабочие помещения для представителей парижской и провинциальной прессы.

В распоряжении Жюля Готье, который отвечал за связь с прессой, было несколько помещений. Отдельные службы должны были информировать центральный офис об общих указаниях по политическим и военным вопросам, об интервью и инструкциях, данных журналистам, о тексте в том виде, в каком он был передан прессе, о документах и статьях,

которые должны были быть опубликованы. Вся необходимая связь Дома печати с внешним миром обеспечивалась почтой, телефоном, телеграфом. Что касается распространения печатной продукции, то изначально Дом печати полностью зависел от частных организаций, но со временем в подвальных помещениях была создана собственная типография.

Дом печати практически до конца войны оставался штабом официальной французской пропаганды. Изменение произошло только в 1918 году, когда вся пропаганда союзников объединилась под руководством лорда Нортклиффа.

Стоит отметить, что под юрисдикцию Дома печати не входила «Служба воздушной пропаганды» («Service de la Propagande aйrienne»). Однако при нем существовал отдел, в функции которого входило обеспечение совместной работы между британской пропагандистской службой, французской «Службой воздушной пропаганды» и «Комитетом по взаимодействию» (Comitй interallй).

Вся пропаганда на Западном фронте полностью находилась в руках «Службы воздушной пропаганды», главой которой был Жан-Жак Вальц, под псевдонимом Ханси. Она была организована в августе 1915 года военным министерством и в дальнейшем стала значимой в сфере пропаганды благодаря слаженной работе ее членов.

Для технической подготовки пропагандистских материалов была задействована Французская национальная типография. Сотрудники «Службы» проводили регулярные еженедельные заседания, где рассматривались различные идеи и предложения по агитации и пропаганде.

В феврале 1918 г. лорд Нортклифф, по просьбе английского премьер-министра, взял на себя общее руководство английской пропагандой [6, с. 159]. До этого момента французы вели пропаганду против Германии от своего имени без упорядоченного и регулярного сотрудничества со своими союзниками. Человек с организаторскими способностями как лорд Нортклифф вскоре понял, что для союзной пропаганды целесообразно установить единые ориентиры и вступить в консультацию с пропагандистскими агентствами союзников. С учетом этого уже в марте он созвал в Лондоне конференцию, в которой приняли участие официальные представители Италии, Франции и официального представителя Соединенных Штатов. Представители французской «Службы воздушной пропаганды» приняли участие в Лондонской конференции. В целом была дана высокая оценка характеру их работы, и было выражено согласие с тем, что в данных обстоятельствах было бы лучше «расширить и обобщить меры, принятые Францией» [6, с. 161].

В мае 1918 г. была создана новая союзная пропагандистская организация – «Centre d'action de propagande contre l'ennemie», кото-

рой подчинялась и «Служба воздушной пропаганды» [6, с. 170].

Союзная пропаганда предполагала:

1. Определение четкой пропагандисткой политики союзников по отношению к врагу;

2. Официальное утверждение этой политики;

3. Изучение технических возможностей ее доведения до противника [12, с. 126].

Успех этой конференции заключался в том, что фронтовая пропаганда показала значительно возросшую активность. С того момента между союзниками установилось такое тесное сотрудничество, что в последние месяцы войны уже невозможно было отличить, принадлежит ли листовка французской или же английской пропаганде.

Таким образом, организация французской пропаганды состояло из большого количества пропагандистских организаций. Но, несмотря на то, что Франции к 1916 году удалось систематизировать деятельность своих многочисленных пропагандистских комитетов, создав центральный офис в виде - Дома печати, его основная функция заключалась не в жесткой централизованной организации, напротив, он давал только общие указания и оставил отдельным организациям как можно больше свободы в их индивидуальной работе. Такое разделение является одним из главных различий между французской и английской пропагандой, которая была гораздо более централизована.

Список литературы

1. Гончаров Е.В. Французские пропагандистские организации в 1914-1916 гг. // История и современное мировоззрение. Москва. 2019. С. 50-54.

2. Мандельштам О.Э. За кулисами французской печати. Москва. 1926. 193 с.

3. Forcade O. « Voir et dire la guerre » dans Vrai et faux dans la grande guerre // Le Temps des Mйdias. Paris. 2004. №4. P. 50-62.

4. Forcade O. La censure politique en France pendant la grande guerre. Paris. 1998. P.498.

5. Forcade O. Voir et dire la guerre a l'heure de la censure (France, 1914-1918) // Le Temps des Mйdias. №4. Paris. 2005. P. 50-62.

6. Hansi., Tonnelat E. A travers les lignes ennemies. Paris 1922. P.191.

7. Klotz L. L. De la Guerre a la Paix. Souvenirs et Documents. Paris 1924. P.254.

8. Laglains J. Mйmoires d'un Censeur. Paris. 1920. P. 208.

9. Lamy E. L'Institut et la Guerre. Paris 1916. P.191.

10. Maurin J.-L. Combattre et informer : l'armйe franзaise et les mйdias pendant la Premiиre Guerre mondiale. Sainte-Flaive-des-Loups. 2009. P. 135.

11. Rajsfus M. La Censure militaire et policiиre 1914-1918. Paris. 1999. P.259.

12. Stuart C. Secrets of Crewe House. London. 1920. P.253.
13. Vic J. La Littйrature de Guerre. Premиre рйriode. Tome II. Paris 1923. P.780
14. Vic J. La Littйrature de Guerre. 2 e Рйriode. Tome I. Paris 1923. P. 450.

FRENCH OFFICIAL PROPAGANDA ORGANISATIONS IN 1914-1918

The First World War was the first war in which warring governments deliberately set up organisations to create and conduct propaganda on their enemies, allies, neutrals and their own populations. The First World War began at a time when a number of interacting political, social, commercial, military and technological factors gave rise to a very wide range of media through which propaganda could be disseminated, including official and unofficial channels, newspapers, speeches, films, photographs, posters, books, pamphlets, periodicals and cartoons. To rally neutral countries, to weld together its own camp and to demoralise the enemy, France undertook an intense effort to censor information and to produce propaganda. Vertical state propaganda proved decisive, notably through the engagement of statesmen like Aristide Briand and Georges Clemenceau, or else through the creation of official organs of propaganda like Maison de la Presse. As the title implies the article describes the attempt to study the formation of propaganda organizations in France during 1914-1918. The text gives a valuable information on their activities and interactions with government authorities. A detailed study and analysis of the activities of these organizations will help to make a more accurate picture of the features of the military propaganda of France.
Keywords: World War I, propaganda, information systems, psychological warfare, press house, press bureau, France, Germany.

References

1. Goncharov E.V. (2019). Francuzskie propagandistskie organizacii v 1914-1916 gg. [French propagandists organizations in 1914-1916] // Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie [History and Modern Perspectives]. Moskva. 2019. S. 50-54.
2. Mandel'shtam O.E. (1926). Za kulisami francuzskoj pechati [Behind the scenes of the French press]. Moskva. 1926. 193 s.
3. Forcade O. (2004). « Voir et dire la guerre » dans Vrai et faux dans la grande guerre // Le Temps des Мйdias. Paris. №4. P. 50-62.
4. Forcade O. (1998). La censure politique en France pendant la grande guerre. Paris. P.498.
5. Forcade O. (2005). Voir et dire la guerre a l'heure de la censure (France, 1914-1918) // Le Temps des Мйdias. №4. Paris. P. 50-62.
6. Hansi., Tonnelat E. (1992). A travers les lignes ennemies. Paris. P.191.
7. Klotz L. L. (1924). De la Guerre a la Paix. Souvenirs et Documents. Paris. P.254.
8. Laglains J. (1920). Мйmoires d'un Censeur. Paris. P. 208.
9. Lamy E. (1916). L'Institut et la Guerre. Paris. P.191.
10. Maurin J.-L. (2009). Combattre et informer: l'armйe franзaise et les мйdias pendant la Premиre Guerre mondiale. Sainte-Flaive-des-Loups. P. 135.
11. Rajsfus M. (1999). La Censure militaire et policиre 1914-1918.

Paris. P.259.
12. Stuart C. (1920). Secrets of Crewe House. London. P.253.
13. Vic J. (1923). La Littйrature de Guerre. Premiиre pйriode. Tome II. Paris. P.780
14. Vic J. (1923). La Littйrature de Guerre. 2 e Pйriode. Tome I. Paris. P. 450.

Об авторе

Гончаров Евгений Владимирович – преподаватель кафедры философии, истории и политологии, Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: evgeniy16.goncharov@yandex.ru

Goncharov Evgenii Vladimirovich – lecturer of the Department of Philosophy, History and Political Science, Bryansk state university named after academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: evgeniy16.goncharov@yandex.ru

УДК 94(47)

Гончарова Е.В., кандидат исторических наук, доцент, Псковский государственный университет (Россия)

ДВОРЯНСКИЕ ДОМОВЛАДЕНИЯ ПСКОВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИКАЗА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ)

В статье анализируются сведения о дворянских домовладениях, расположенных в губернском городе Пскове, которые были проданы в начале XIX в. приказу общественного призрения. Рассматривается история, структура и состав домовладений, расположение в городской застройке и стоимость, по которой они были приобретены для общественных нужд. Сопоставляемые данные зафиксированы в делах о покупке и позволяют описать принадлежащее дворянским семьям недвижимое имущество в городской черте и его состояние на момент продажи. Привлеченные источники начала XIX в. характеризуют владения дворянских родов Псковской губернии и городскую застройку на территории Пскова, которая складывается во второй половине XVIII в., а также позволяют определить причины продажи имущества. На отдельных примерах описей недвижимости прослеживается специфика организации хозяйственной жизни у дворянских семей в губернском городе. Привлеченные источники позволяют проследить процессы перестройки и ветшания домовладений, их расширение и обновление в реалиях, соответствующих времени. Организация хозяйственной жизни дворянского домовладения в городской черте характеризуется основательностью и функциональностью, о чем свидетельствует наличие конюшни, сараев, амбаров и прочих хозяйственных построек. Упоминание садов в составе дворянских владений в городской черте свидетельствует о значительных площадях, которыми дворяне владели.

Ключевые слова: дворянство, домовладения, владение, дом, кладовая, погреб, кузница, строения, городская застройка.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-69-77

История городской застройки губернского периода второй половины XVIII – начала XIX вв. остается малоизученным вопросом в деле исследования провинциального дворянства центральной России. Внимание исследователей все более сосредоточено на изучении городской застройки второй половины XIX – начала XX вв. в силу достаточно хорошей сохранности этих зданий и возможности их реконструкции. Наличие широкого круга источников по данному периоду, в том числе планов и фотоматериалов, также создает благоприятные условия для анализа. В этой ситуации предшествующий период формирования провинциальных дворянских домовладений и их роли в градостроительной политике регионов остается без должного внимания. Отсутствие большого массива источников по дан-

© Гончарова Е.В.
© Goncharova E.V.

ному вопросу требует поиска отложившихся в региональных архивах сведений по отдельным дворянским фамилиям, что позволит обобщить имеющиеся описания по истории дворянской городской застройке губернского периода.

Цель исследования – изучить дворянские домовладения губернского города Пскова второй половины XVIII – начала XIX вв. по материалам приказа общественного призрения.

В ходе работы были использованы такие методы исследования, как сравнительно-логический, формально-логический и метод дедукции. Для полноценного раскрытия изучаемого вопроса был применён региональный подход, позволяющий изучить исторические микропроцессы на определенной территории.

Сведения по истории провинциальной дворянской застройки второй половины XVIII – начала XIX вв. содержатся в работах Е.И. Чепурновой, Т.Г. Михайленко, Д.В. Ещина, Е.Г., Лапшиной, Н.Н. Смирновой, А.Д. Хайруллиной и д.р. Так, развитие городского пространства губернского центра Среднего Поволжья рассмотрела Е.И. Чепурнова [10]. Застройку городского центра конца XVIII – начала XIX вв. г. Курска описала Т.Г. Михайленко [7]. Историко-градостроительные особенности формирования деревянной жилой застройки Пензы были изучены Д.В. Ещиным [4]. Архитектурно-градостроительное развитие исторического города Пензы в XVIII – XIX вв. представлено Е.Г. Лапшиной [6]. Городскую усадьбу первой половины XIX в. г. Казани, место проживания будущего писателя Л.Н. Толстого, описали Н.Н. Смирнова и А.Д. Хайруллина [9]. В приведенных публикациях исследователи, как правило, обращаются к вопросу городской застройки в общем, лишь точечно отмечая отдельные домовладения. Особый интерес к отдельным городским дворянским владениям определяет скорее личность проживавшего в нем исторически значимого лица и его семьи. Дом, инфраструктура, организация застройки принадлежавшего дворянскому роду участка в городской черте сама по себе остается в тени личности или градостроительной политики. В то же время социальная история в целом, как и история провинциального дворянства в частности, не может быть представлена без описания этих объектов социальной реальности изучаемого периода.

В Государственном архиве Псковской области в фонде №75 «Псковский приказ общественного призрения» [5] отложились прошения, запросы, описи и свидетельства начала XIX в., позволяющие изучить дворянские домовладения губернского города Пскова. После издания в 1775 г. «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» были учреждены приказы общественного призрения, в чье ведение вошли дела «по управлению их капиталами и имуществами, или хозяйство», а также

«дела собственно к призрению относящиеся». В приказе общественного призрения председательствовал губернатор, заседали два заседателя верхнего земского суда, два заседателя губернского магистрата, два заседателя верхней расправы. Разрешалось, при необходимости, приглашать на свое заседание уездного предводителя дворянства, или городского главу. Приказу общественного призрения поручалось устройство и попечение народных школ, устройство и попечение сиротских домов, больниц, богаделен, создание работных и смирительных домов, домов для содержания умалишенных. Из государственной казны на создание больниц, богаделен, школ, сиротских, смирительных и работных домов выделялось 15 тысяч рублей из доходов данной губернии. В 1798 – 1800 гг. приказы общественного призрения были переданы камеральным департаментам городских правлений – до 1801 г., когда губернские учреждения снова восстановили на прежних основаниях [5].

Материалы приказа общественного призрения начала XIX в. позволяют дополнить историю социально-экономической жизни Пскова и его дворянских семей второй половины XVIII в. Их введение в научный оборот позволит изучить структуру домовладений привилегированной части провинциального общества, расположение в городской застройке и стоимость, по которой они были приобретены для общественных нужд. Дела о покупке зафиксировали описание принадлежавшего дворянским семьям недвижимого имущества в городской черте и его состояние на момент продажи.

В феврале 1801 г. в приказ общественного призрения обратился Иван Васильевич Ладыженский. На основании доверенности его «своячницы», вдовы поручика Василия Федоровича Вохина – Александры Петровны Вохиной, которая дала свое согласие на продажу заложенного ее мужем дома, Иван Васильевич Ладыженский инициировал продажу «каменного состоящего в городе Пскове во второй части дому» приказу общественного призрения для учреждения в нем больницы. В прошении указано: «за помянутый дом иначе я определить цены не могу как три тысячи пять сот рублей с таковым притом по совести моей удостоверением что оной дом со вновь выстроенным из кирпича корпусом по истине есть стоющей сей цены» [3, л. 1].

Однако цена, которая была предложена за домовладение, не устроила приказ, и 25 февраля 1801 г. в присутствии псковского приказа общественного призрения статский советник И.В. Ладыженский «наклоняем был к уступке в пользу приказа за продаваемый порутчицею вдовой Вохиной для устроения больницы дом ее с принадлежащими к нему праздными местами». В результате переговоров сторон, из объявленной от него цены в три тысячи пятьсот рублей «во уважении требования приказа» и с учетом обстоятельств закладной, поскольку «с залога

приказа кроме продажи оного высвободит не может» было принято решение об уступке в четыреста рублей, в результате чего итоговая стоимость домовладения стала три тысячи сто рублей «с принятием сверх того вдовою Вохиной на себя и платежа с сей цены при совершении от ней купчей крепости указанных пошлин с гербовой бумагою» [3, л. 2].

Согласно описи домовладения «состоящим в городе Пскове во второй части поручицы Вохиной одному каменному, а другому деревянному какие в оные состоят в покоях дверей, печи, и окна» в каменном доме было зафиксировано, что нижние этажи состоят из трех погребов, на среднем этаже располагались кухня и «жилой покой». В составе домовладения также числится: сени со сводами с железной дверью; кухня, где 6 окон «без оконницы» и пол «помещен плитой», печь и очаг; в жилом покое 5 окон и «оконницы ветхи и разбиты», печь кирпичная «ветха», пол деревянный «ветхий», двери деревянные «столярной работы, ветхие». Нижние жилые покои, которых насчитывалось пять, были в еще более плачевном состоянии «в них ни пол ни потолок нет». Над вторым этажом в описи на момент продажи домовладения было зафиксировано незавершенное строительство третьего этажа из кирпича, с окнами.

В деревянных покоях домовладения Вохиных, в прихожей располагалась печь «кафлиная», два окна с битыми стеклами, две двери «столярной работы». Во второй жилой комнате для отопления также была оборудована печь «с кафилем», четыре окна со стеклами «в кои два отдела разбито», две двери дубовые «столярной работы». Третий жилой покой, как и прочие имел печь и два окна со стеклами, одно из которых было разбито, и дубовую дверь «столярной работы». В лакейной находилась печь с лежанкой и одно окно без стекла, а также три двери. В пятом и шестом покоях, помимо кирпичной стены, шести окон, было две двери «столярной работы». Седьмой покой предполагался в качестве детской. В нем на момент описи не было печи и окно без «оконницы». В восьмом покое по описи фиксируется кирпичная печь, два окна «без оконниц», двери «столярные». Девятый и десятый покои имели кирпичную печь и три окна без «оконниц». Общее состояние домовладения на момент продажи обозначено как «во всех покоях полы деревянные <...> потолок и тем ничем ни обиты ни оштукатурены». Крыльцо в доме было деревянное «кругом по галерее». В нижнем этаже располагалась кухня, склад для припасов, сени. Три окна без остекления с железными решетками дополняли интерьер [3, л. 2–3].

В состав домовладения дворян Вохиных в городе Пскове еще входили: каменный сарай; конюшня; каменная кузница; «кладовой сарай» с железной дверью; деревянный «прочный» хлебный амбар, покрытый тесом; два деревянных хлева «ветхие»; деревянные ворота. В состав продаваемого имущества, согласно описи

вошли: «место на котором все сие строение и церковь Космы и Дамиана» и «место на супротив сего строения по реке Пскове против дому статского советника Балавинского» [3, л. 4].

Таким образом, приказом общественного призрения у вдовы Александры Петровны Вохиной за 3100 рублей было выкуплено «два места ... на оных домам стоящих в городе Пскове во второй части в 36 и 37 квадратах первой каменной с двумя этажами недостроенной длиной 13 сажень и 2 аршина, поперечь 8 сажень и 1 аршин с половиною второй деревянный <...> длинною 11 сажень 2 аршина с S поперечь 7 сажен и 1 аршин с S <...> в оной каменных и деревянных» [3, л. 5].

В 1804 г. приказом общественного призрения было выкуплено домовладение наследниц статского советника Митрофана Гавриловича Балавенского, девиц Любови и Авдотьи Балавенских «состоящем в городе Пскове во второй запсковской части в приходе Богоявленской церкви Житницкой сотни» около городских ворот дом с каменными и деревянными постройками и садом. За наследственные домовладения девицы смогли выручить «денег государственным ассигнациями пять сот рублев». В отличии от предыдущей купчей, данное домовладение не было заложено и «ни в какие крепости не укреплено». По описи в составе домовладения состоял деревянный дом с каменным погребом. В доме описаны кафельные печи, двери «столярной работы». В людском покое кирпичная печь. В погребе двери были обиты листом железа, на окнах железные решетки. В составе домовладения фиксируется: амбар, каменный и деревянный сараи, баня и сад, где «многие деревья высохши обнесенный забором» [2, л. 1–3].

В 1804 г. за пять тысяч рублей было продано общее домовладение «каменного строения со службами состоящего в городе Пскове» Михаила и Петра Яхонтовых, которое досталось им по наследству от их отца. Каменное ветхое строение с погребами, деревянный дом, две людские избы и баня, два амбара, конюшня, сарай. Из мебели в описи при продаже указано: шкаф «простой» и стол «столярной работы», семь стульев, два комода, большой стол «плотницкой работы». В описи указаны еще «сани бенския ветхие». Из плодовых деревьев указано: два дерева груш и яблонь, три сливы [1, л. 2–4].

История домовладения Яхонтовых в Пскове берет свое начало в 1724 г., когда они были приобретены у прежних владельцев. Псковской провинции камерир Алексей Федоров Яхонтов (1687–1773 гг.) купил домовладение М.В. Сарпунова в 1724 г. у приказчиков П.М. Апраксина. Примечательно, что в последствии, при упразднении находившейся возле домовладения Яхонтовых церкви Похвалы Богородицы на Романовой горке, вместе с целым рядом других ветхих церквей Пскова, П.А. Яхонтов, состоявший в то время в чине надворного советника, тут же добился передачи ему церковной

«Похвальской» земли «под строение». К 1760-м годам XVIII в. относится перестройка здания, в результате чего на первом этаже со стороны дворового фасада была пристроена кухня. На месте «красного крыльца» (в традициях палат XVII в.), устроили небольшую «парадную» с лестницей на второй этаж. Своды и стены второго этажа были сломаны и вместо них возвели новые, изменив планировку внутренних помещений. Над пристроенной кухней расположили просторный вестибюль, и три новые комнаты. Проведенные трансформации здания позволили увеличить жилую площадь более чем в два раза. Старые окна были растесаны, расширив световое пространство. К ним добавили новые оконные проемы. Вместо прежней крыши, состоявшей из двух объемов, установили общую четырехскатную. Именно в таком виде здание сохранялось до приобретения псковским дворянским собранием в начале XIX в. [8].

Причинами продажи двух домовладений из трех рассмотренных стали долговые обязательства дворянских семей, чьи домовладения на момент продажи уже находились в залоге у приказа общественного призрения, что фактически не оставляло вариантов для их владельцев. Продаваемое имущество, располагавшееся в губернском городе Пскове, по своему местоположению относилось к выгодному, что определяло его востребованность на рынке. Интересен факт того, что при обосновании цены продаваемой недвижимости помимо ее достоинств идет отсылка к тяжелому материальному стоянию дворянской семьи, во владении которой находилось домовладение – «не может иметь инаго для выкупу того дому средства как на удовлетворение мужних кредитов» [3, л. 1]. Получается, что долговые обязательства, доставшиеся в наследство вместе с недвижимостью родственникам после смерти домовладельца, вынуждали наследников от этого имущества избавляться путём его продажи.

Структура домовладений в губернском городе Пскове, которые были описаны для продажи приказу общественного призрения, позволяет говорить о качественной хозяйственной организации быта в пределах городской черты, когда помимо дома – и не одного – в состав имущественного комплекса дворянской застройки входили множественные подсобные помещения и здания. Сад в городе также был частью возможной планировки участка, где располагалось домовладение.

Перепланировка как жилых зданий самих членов семьи, так и организация пространства подсобных помещений, дополнительная перестройка таких зон домовладения как кухня, подвал, крыльцо и т.д. позволяла значительно совершенствовать строения и приспосабливать для нужд разраставшейся дворянской семьи.

Список литературы

1. ГАПО. Ф.75. Оп.1. Д.52. Дело о покупке дома у помещиков Михаила и Петра Яхонтовых в г. Пскове. 1804. 14 л.

2. ГАПО. Ф.75. Оп.1. Д.53. Дело о покупке Приказом общественного призрения дома с садом у девиц Бакавленских. 1804. 8 л.

3. ГАПО. Ф.75. Оп.2. Д.5. Дело о покупке у помещицы А.Вохиной дома для открытия в нем больницы. 1801-1837. 33 л.

4. Ещин Д.В. Историко-градостроительные особенности формирования деревянной жилой застройки Пензы // Architecture and Modern Information Technologies. 2019. №1 (46). С.56-72.

5. Информационные ресурсы архивов Псковской области [Электронный ресурс]. URL: http://document.archive.pskov.ru/archiveid/69322726/search/archive/10523?sPs%5B0%5D.tV=приказ+общественного+призрения+&GAPO=on&lc=ru (дата обращения: 10.01.2022).

6. Лапшина Е.Г. Архитектурно-градостроительное развитие исторического города Пензы в XVIII–XIX вв. / Е.Г. Лапшина, Л.А. Ермошкина. Пенза, 2014. 82 с.

7. Михайленко Т.Г. Застройка городского центра конца XVIII – начала XIX В. (на примере г. Курска) // Auditorium. 2016. №1 (9). С.72-79.

8. Постников Б.А. Серебряник М.В. Сарпунов и его двор в Пскове (часть 1) // Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков. 2010. №33. С.94-128.

9. Смирнова Н.Н., Хайруллина А.Д. Усадьба на Поперечно-Казанской улице (первый толстовский адрес писателя в Казани) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2018. №2. С.15-23.

10. Чепурнова Е.И. Эволюция ландшафта губернского города среднего Поволжья (на материалах Самары) // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. №3. С.194-198.

NOBLE HOUSEHOLDS OF PSKOV THE SECOND HALF OF THE XVIII - EARLY XIX CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE ORDER OF PUBLIC CHARITY).

The article analyzes information about noble households located in the provincial city of Pskov, which were sold at the beginning of the XIX century by order of public charity. The history, structure and composition of households, location in urban development and the cost at which they were purchased for public needs are considered. The comparable data are recorded in the purchase cases and allow us to describe the real estate belonging to noble families in the city limits and its condition at the time of sale. Attracted sources of the beginning of the XIX century. They characterize the possessions of noble families of the Pskov province and urban development on the territory of Pskov, which develops in the second half of the XVIII century, and also allow us to determine the reasons for the sale of property. On individual examples of real estate inventories, the specifics of the organization of economic life among noble families in the provincial city are traced. The sources involved allow us to trace the processes of restructuring and dilapidation of house-

holds, their expansion and renewal in the realities corresponding to the time. The organization of the economic life of the noble household in the city is characterized by thoroughness and functionality, as evidenced by the presence of stables, sheds, barns and other outbuildings. The mention of gardens as part of the noble possessions in the city limits testifies to the significant areas that the nobles owned.

Keywords: nobility, households, ownership, house, pantry, cellar, forge, buildings, urban development.

References

1. GAPO. F.75. Op.1. D.52. (1804). Delo o pokupke doma u pomeshhikov Mixaila i Petra Yaxontovy`x v g. Pskove [The case of buying a house from landowners Mikhail and Peter Yakhontov in Pskov]. 14 s.

2. GAPO. F.75. Op.1. D.53. (1804) Delo o pokupke Prikazom obshhestvennogo prizreniya doma s sadom u devicz Bakavlenskix [The case of the purchase by Order of the public charity of a house with a garden from the Baravlyansky girls]. 8 s.

3. GAPO. F.75. Op.2. D.5. (1801-1837) Delo o pokupke u pomeshhicy A.Voxinoj doma dlya otkry`tiya v nem bol`nicy [The case of buying a house from the landowner A.Vokhina to open a hospital in it]. 33 s.

4. Eshhin D.V. (2019) Istoriko-gradostroitel`ny`e osobennosti formirovaniya derevyannoj zhiloj zastrojki Penzy` [History and urban features of the formation of wooden residential development Penza]. Architecture and Modern Information Technologies. 1 (46). S.56-72.

5. Informacionny`e resursy` arxivov Pskovskoj oblasti [Information resources of the archives of the Pskov region] from http://document.archive.pskov.ru/archiveid/69322726/search/archive/10523?sPs%5B0%5D.tV=prikaz+obshhestvennogo+prizreniya+&GAPO=on&lc=ru

6. Lapshina E.G. (2014). Arxitekturno-gradostroitel`noe razvitie istoricheskogo goroda Penzy` v XVIII–XIX vv. [Architectural and urban development of the historical city of Penza in the XVIII–XIX centuries] / E.G. Lapshina, L.A. Ermoshkina. Penza. 82 s.

7. Mixajlenko T.G. (2016). Zastrojka gorodskogo centra koncza XVIII – nachala XIX v. (na primere g. Kurska) [Building of the city center of the late XVIII - early XIX Century. (on the example of Kursk)] // Auditorium. 1 (9). S.72-79.

8. Postnikov B.A. (2010). Serebryanik M.V. Sarpunov i ego dvor v Pskove (chast` 1) [Serebryanik M.V. Sarpunov and his yard in Pskov (part 1)] // Nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal. Pskov. 33. S.94-128.

9. Smirnova N.N., Xajrullina A.D. (2018). Usad`ba na Poperechno-Kazanskoj ulice (pervy`j tolstovskij adres pisatelya v Kazani) [The estate on Transversely-Kazanskaya Street (the first Tolstoy address of the writer in Kazan)] // Gasy`rlar avazy` – E`xo vekov. 2. S.15-23.

10. Chepurnova E.I. (2020). E`volyuciya landshafta gubernskogo goroda srednego Povolzh`ya (na materialax Samary`) [Evolution of the landscape of the provincial city of the Middle Volga region (on the materials of Samara)] // Samarskij nauchny`j vestnik. T. 9. 3. S.194-198.

Об авторе

Гончарова Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Псковский государственный университет (Россия), E-mail: diva1986@yandex.ru

Goncharova Ekaterina Viktorovna – PhD in History; associate professor at the Department of Russian History, Pskov State University (Russia), E-mail: diva1986@yandex.ru

УДК 322.94(470)

Дубровский А.М., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия);
Шадоба К.С., студент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТИ, НАРОДА, ЦЕРКВИ К ПОЛИТИКЕ «ВСКРЫТИЯ МОЩЕЙ ВО ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ» (1918-1922 гг.)

В статье рассматривается важный и особенно острый для нашей страны вопрос взаимодействия светского государства и церкви как на низовом так и на самом высшем уровне, на примере одного из аспектов церковной жизни. Политика, проводимая советским государством в первые годы советской власти, породила множество спекуляций и ошибочных интерпретаций, вызванных поверхностным изучением предмета, и укоренившихся стереотипов. В статье уточняются существующие представления о процессе вскрытия мощей, вскрываются ошибки ряда исследователей. Главной проблемой является оценка современниками и непосредственными участниками событий проводимой государством политики и её итогов. Ключевым методом работы выбран метод сличения документов светских властей, церковных органов и воспоминаний очевидцев событий. Вскрытие мощей как процесс, начавшийся снизу и подхваченный позже государством, как низовой и действительно влияющий на отношения простых людей к церкви, не смог ликвидировать воцерковленность народных масс. Однако был фоном на котором строилось взаимодействие новой власти и организации русской православной церкви в первые годы советской власти.

Ключевые слова: вскрытие мощей, русская православная церковь, советская власть, гражданская война в России, Ленин, Красиков Петр Ананьевич, патриарх Тихон, ВЧК, НАРКОМЮСТ, VIII-й отдел «Ликвидационная комиссия».
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-78-95

Историография темы настоящей статьи представлена исключительно статьями. Бульшая их часть посвящена вскрытию мощей отдельных святых. Это работы А.Н. Кашеварова «Судьба мощей святого князя Александра Невского в советское время» [12], Е.А. Газова «Документы о вскрытии мощей св. княгини Анны Кашинской»[7] и др. Работ, охватывающих вскрытие мощей во всероссийском масштабе, пока не создано, и работы, самые широкие по охвату материала, посвящены этому событию только в разных областях и регионах. Это труды Ю.П. Бардилева и В.В. Кузь «Борьба верующих против вскрытия святых мощей на Европейском Севере России в 1918–1920 гг.», П.Г. Рогозного. «Большевики и святые мощи». Особое место в обозреваемой литературе принадлежит статье М.А. Белоусовой, в которой автор решает

© Дубровский А.М., Шадоба К.С.
© Dubrovsky A.M., Shadoba K.S.

вопрос о начале политики вскрытия мощей[3].

Отметим, что в некоторых статьях, таких как статьи А.Н. Кашеварова «Судьба мощей святого князя Александра Невского...» и Н.С. Майорова «Вскрытие мощей Сергия Радонежского и кампания по ликвидации мощей во Всероссийском масштабе» обстановка вскрытия мощей освещена тенденциозно, вопреки показаниям источников с явными фактологическими ошибками. В частности, у Кашеварова самыми вопиющими являются: неверное установление даты начала политики вскрытия мощей (16 февраля 1919 г.) и односторонне обобщенная характеристика политики государства и местных органов самоуправления в этой области. Согласно Майоровой, массовый характер кампания принимает уже с осени 1918 г., однако как будет показано далее, говорить о подобном невозможно. В работе Майоровой, так же как и в труде Кашеварова, встречаются ссылки на не существующие постановления, или наблюдается отсутствие ссылок на источники, или ссылок, которые подтверждали бы указанные автором сомнительные даты и содержание цитируемых автором постановлений. Конкретные случаи будут указаны ниже.

В значительной части работ вскрытие мощей в 1919-1922 гг. освещено без должного внимания к подробностям и чаще всего отдельные черты этого события (единичные факты) возводятся в ранг типичного для всей страны. Именно эта политика, как представляется, подвергается тенденциозному истолкованию и искажению. Стоит заметить, что в литературе по теме, авторы не освещали, как деятельность по вскрытию мощей совпадала с политикой центральных органов власти и «генеральной линией» партии большевиков за период 1917-1922 г. Все эти наблюдения и соображения оправдывают появление настоящей работы.

Цель предлагаемой статьи заключена в том, чтобы охарактеризовать процесс вскрытия мощей в Советской России после прихода большевиков к власти и политику центрального правительства по отношению к этому процессу.

Ещё до революции 1917 г. в большевистской литературе ставился вопрос об отношении большевиков к религии, о той политике по отношению к церкви, которая предполагалась после взятия власти. В.И. Ленин в статье «Социализм и религия» (1905 г.) писал:

«Религия должна быть объявлена частным делом... Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, то есть быть атеистом... Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. ... Вы должны стоять за полное отделение церкви

от государства и школы от церкви, за полное и безусловное объявление религии частным делом. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом» [15,т. 12. с. 142-147].

Из сказанного видно, что Ленин занимал атеистическую позицию, но эта позиция не носила агрессивно-воинственного характера. Важным пунктом будущей политики было отделение церкви от государства и школы. Именно эта идея Ленина послужила в будущем источником и основой Декрета «Об отделении церкви от государства, школы от церкви». В основе борьбы с «бессознательностью, темнотой, мракобесничеством» (т.е. с религией) должно быть не физическое уничтожение церковных деятелей и насильственное закрытие храмов, а просвещенческая работа с населением. Вскрытие мощей святых в ту пору, когда Ленин писал свою статью, не могло прийти ему в голову.

В период гражданский войны позиция Ленина в отношении церкви осталась прежней. Это видно из выступления Ленина 19 ноября 1918 г.:

«*Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Самый глубокий источник религиозных предрассудков — это нищета и темнота; с этим злом и должны мы бороться*» [15, т.37. с. 186].

В 1919 г. в проекте программы большевистской партии в разделе «Основные задачи диктатуры пролетариата в России» Ленин писал:

«Пролетарская диктатура должна неуклонно осуществлять фактическое освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков, добиваясь этого посредством пропаганды и повышения сознания масс, вместе с тем заботливо избегая всякого оскорбления чувств верующей части населения и закрепления религиозного фанатизма» [15, т. 38. с. 95].

Еще один источник — записка Ленина, написанная им в апреле 1921 г. В этом году празднование пасхи совпало с пролетарским праздником 1 мая. Ленин писал ответственному секретарю ЦК партии В.М. Молотову:

«Т[оварищу] Молотову. Если память мне не изменяет, в газетах напечатано письмо или циркуляр Ц[ентрального] К[омитета] насчет 1 мая [1921 года], и там сказано: разоблачать ЛОЖЬ религии или нечто подобное. Это нельзя. Это нетактично. Именно по случаю пасхи надо рекомендовать иное: не разоблачать ложь, а избегать, безусловно, всякого оскорбления религии. Надо издать

дополнительно письмо или циркуляр. Если Секретариат не согласен, то [вынести на обсуждение] в Политбюро»[15, т. 52. с. 140].

И действительно, 21 апреля 1921 г. в газете «Правда», в дополнение к ранее опубликованному циркуляру, ЦК опубликовал письмо, в котором предлагалось при праздновании 1 Мая: *«ни в коем случае не допускать каких-либо выступлений, оскорбляющих религиозное чувство массы населения»* [15, т. 52. с. 386].

В декабре 1921 г. Ленин отреагировал на подозрение, будто он предлагал жечь молитвенники:

«Само собой разумеется, что я никогда этой вещи не предлагал и предложить не мог. Вы знаете, что по нашей Конституции, по основному закону нашей республики, свобода духовная насчет религии за каждым безусловно обеспечена»[15. т. 44. с. 333].

Ленинской точке зрения вполне соответствовали публичные диспуты на религиозные темы. Как известно, в 1920-е гг. одним из самых распространенных средств антирелигиозной пропаганды были такие диспуты. Это были увлекательные дискуссии, обычно протекавшие мирно и в рамках приличия, между религиозными деятелями и представителями атеистически настроенной общественности. Известно, что в такого рода состязаниях на стороне атеистов участвовал сам нарком просвещения А.В. Луначарский, о котором церковные представители отзывались всегда очень уважительно[2, с.84]. Вообще, Анатолий Васильевич был сторонником расширения доброжелательных мировоззренческих дискуссий с Церковью и в этом он следовал ленинским установкам[2, с. 96]. Диспуты вызывали огромный интерес у населения, особенно у крестьян. Бывало, что на такие мероприятия собиралось по нескольку тысяч зрителей. Люди с нетерпением ждали начала состязаний, внимательно следили за их развитием, задавали докладчикам до 100 и более вопросов, бурно реагировали на итоги. А итоги могли быть самыми разными: в одних случаях побеждали атеистически настроенные пропагандисты, в других — верующие и духовенство, в третьих дискуссия заканчивалась ничьей. Участники могли требовать реванша, повторения диспута. Зачастую его инициаторами были простые верующие или представители духовенства. Любопытно, что превосходство религиозников над своими оппонентами было настолько регулярным явлением, что в середине 1920-х годов на уровне центральных органов диспуты были объявлены «не особенно удобной» формой пропаганды, а в 1928 г. рассматривался вопрос об их полном запрете [4, с. 217-223]. Однако вернемся к нашей теме.

2 февраля (20 января) 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСРутвердил декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Страшными

«ударами» по церкви в этом декрете было устранение церкви от функций регистрации актов гражданского состояния, запрет на принудительное взыскание сборов в пользу церкви, ликвидация церковного школьного образования. Но как мне видеться, самым чувствительным было уничтожение гегемонии РПЦ в вопросах религии, уравнивание её в правах со всеми прочими религиозными объединениями.

19 апреля 1918 г. была создана специальная «ликвидационная» комиссия при народном комиссариате юстиции для проведения в жизнь Декрета [25, с. 221]. Эта комиссия носила название VIII отдела Наркомата юстиции. Основные функции VIII отдела наркомата сводились к следующему: «координация работы советских органов по проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви; административное регулирование взаимоотношений государственных структур с религиозными организациями (независимо от их вероисповедания) на новой правовой основе; обеспечение контроля за точностью исполнения положений базового Декрета; недопущение нарушений советского законодательства о культах (с чьей бы стороны они ни происходили); осуществление предварительного следствия в отношении лиц, уличенных в нарушении Декрета. Среди прочего VIII отдел оказывал помощь органам ВЧК в пресечении антисоветских проявлений в деятельности религиозных организаций» [14, с. 242]. То есть под ликвидацией понималось устранение влияния церкви во всех областях общественной жизни, где она напрямую не участвует, следовательно во всех кроме духовной.

Руководил отделом Петр Ананьевич Красиков, идейный революционер, с 1903 г. член РСДРП большевик, с 1918 г. заместитель наркома юстиции, в этом же году он стал главным редактором журнала «Революция и церковь». Как видно, никакого внимания вскрытию мощей власть не придавала, в Декрете такая мера совершенно не предусматривалась. Предполагаемое содержание деятельности VIII отдела вписывалось в ленинскую программу политики по отношению к церкви.

Церковь встретила Декрет враждебно. 22 января 1918 г. вышло первое послание патриарха к верующим. Глава церкви призвал русский народ:

«Противостать врагам Церкви силою властного всенародного вопля, который покажет безумцам, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, так как действуют прямо противно совести народной», православные христиане должны были, *«встать в ряды духовных борцов..., не вступать с извергами рода человеческого в общение», а в случае необходимости «и пострадать за дело Христово»* [1, с.17].

После чего, 25 января 1918 г. Собор принял постановление, угрожавшее анафемой всем, кто принял бы участие в реализации Декрета «О

свободе совести», так как этот декрет есть *«акт открытого против Церкви гонения»* [1, с. 18].

Кроме того, в этот же день, Собор принял постановление о преемстве церковной власти, согласно которому патриарху предоставлялось возможность самостоятельных и тайных выборов преемника с передачей всей полноты патриарших прав. При этом патриарх мог назначить не одного, а нескольких преемников, а имена их до определенного времени могли сохраняться в секрете. В целях предотвращения грабежа церковного имущества 28 февраля 1918 г. Собор принял специальное постановление. По нему на местах для этой цели предлагалось создать союзы из прихожан. И наконец, 19 апреля 1918 г. Собор принял постановление о мероприятиях по «прекращению нестроений церковной жизни». В соответствии с ним церковным наказаниям подвергались те члены Церкви, которые «не повинуются священноначалию и идут на сотрудничество с богоборческой властью» [1, с. 19].

Нетрудно понять какую политику заняло духовенство по отношению к советской власти.

С ноября 1917 г. начинается стягивание различных контрреволюционных сил на Дон. В добровольческую армию Корнилова прибывали не только кадровые офицеры, но и священнослужители и прочие духовные лица (к примеру, князь Г. И. Трубецкой) [22]. Также в период лета 1918 г. встретила сопротивление со стороны клира политика советской власти по отделению церкви от школы. С весны 1918 г. начинается изъятие из собственности и пользования церкви зданий школ, семинарий и академий. Эта деятельность властей вызвала протесты в среде духовенства и усиливала их противодействие советской власти.

23 января 1918 г. Церковь вообще и РПЦ, в частности, официально лишалась прав юридического лица, у нее конфисковалось все имущество, не используемое в богослужении.

«Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»[21] — так говорилось в правительственном декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви .

Тем самым советское правительство действовало в рамках ленинской программы государственно-конфессиональных отношений, при этом не лишая верующих граждан права продолжать отправление культа, но нанося удар по враждебной ей церковной организации.

5 сентября 1918 г. выходит постановление СНК РСФСР «О красном терроре» в котором говорится о необходимости «обеспечения тыла путем террора... классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам...» [10, с. 15]. Такими лицами отчасти были и некоторые священнослужители.

При этом патриарх в шестом послании от 25 сентября 1919 г., обращенном ко всем архипастырям, заявил о лояльном отношении Церкви к Советской власти:

«*Церковь не связывает себя ни с каким определённым образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение*», служители же Церкви должны *«стоять выше и вне всяких политических интересов». Патриарх призвал подчиняться велениям Советской власти «поскольку они не противоречат вере и благочестию»* [1, с.118].

Подобное смягчение официально выраженной позиции патриарха было вызвано, скорее всего, поражениями белых армий на полях сражений гражданской войны. В сентябре был эвакуирован английский десант из Архангельска, в этом же месяце закончился разгром армии Юденича. Только на юге и востоке белогвардейским частям пока удавалось достигать определенных успехов, но большинство думающих людей понимало, что белое дело проиграно, и советская власть закрепилась основательно и надолго.

В таких сложных и запутанных условиях проходило то, что принято называть «политикой вскрытия мощей». В существующей литературе, как указывалось выше, неясным оказался вопрос о начале политики государства по отношению ко вскрытию мощей. Общепринятой датой начала такой политики является 16 февраля 1919 г., в частности, на это указывает А.Н. Кашеваров[12]. Эту дату повторяют и другие авторы[5, 19]. Однако, как обстоятельно показала в своей работе М.А. Белоусова, никаких фактических и объективных данных подтверждения этой даты нет[3]. Автором указывается и отсутствие ссылок на источники, из которых следовала бы такая дата.

К сказанному Белоусовой необходимо добавить следующее. В обоснование указанной даты Кашеваров сослался на Постановление Коллегии Народного Комиссариата Юстиции по вопросу о мощах, опубликованное в журнале «Революция и церковь» [20]. Этот документ имеет дату – 6 июля 1920 г., что никак не совпадает с датой 16 февраля 1919 г. Однако в Постановлении есть указание: «Принципиально остается в силе старое постановление», но нет указаний, какое конкретно постановление, когда оно было принято. Исходя из текста рассматриваемого Постановления, следует, что подтверждаются положения циркуляра ВЧК от 28

февраля 1919 г., и опять же никаких ссылок на документ от 16 февраля 1919 г. не сделано.

Как известно, первый случай вскрытия мощей святого произошел без всякого вмешательства или инициативы центральной власти, до появления регламентирующих эту процедуру официальных указаний. На низовом уровне эта деятельность проходила с 22 октября 1918 г. со вскрытия мощей Александра Свирского. О событиях в монастыре центральные власти узнали впервые из доклада бывшего православного священника Михаила Галкина, который в качестве эксперта Наркомата юстиции побывал в Олонецкой губернии осенью 1918 г. В своем отчете он сообщал, что в сентябре 1918 г. комиссия губернского исполнительного комитета в составе 15 человек прибыла в Александро-Свирский монастырь для принятия на народный учет собственности монастыря в соответствии с декретом об отделении церкви от государства. Монахи ударили в набат, собравшиеся на зов колокола верующие заставили незваных гостей на время ретироваться. Впоследствии при помощи красноармейцев настоятель и наиболее активные монахи были арестованы властями и расстреляны. 22 октября члены Лодейнопольского уездного совета посетили Александро-Свирский монастырь, реквизировав все ценное имущество. Среди прочего были изъяты и три раки для мощей. Галкин утверждал, что при вскрытии мощей в присутствии «многочисленных представителей» в раке вместо нетленных останков четырех угодников была обнаружена «самая обыкновенная кукла»[22].

Из доклада Галкина видно, что прием на государственный учет имущества монастыря был проведен в обстановке острейшего противостояния, даже борьбы. Вскрытие раки воспринималось участниками события как акт мести церкви, монахам, которые оказали сопротивление действиям местной власти. Никакой целенаправленной политики центральной власти в этом эпизоде не прослеживается.

Этот эпизод с куклой вместо ожидаемых мощей произвел большое впечатление на современников (Однако хочу заметить, что мне не удалось установить, как именно об этом эпизоде стало известно в других регионах страны; в главных советских газетах «Правде» и «Известиях» за период ноября-декабря статей описывающих этот сюжет нет) и способствовал дальнейшему процессу вскрытия гробниц святых.

Последовавшее же за этим событием совещание VIII-го отдела Наркомюста от 14 февраля 1919 г. постановило:

«*1.1. Ввиду установления на местах вполне организованного порядка вскрытия и проверки мощей применительно к местным условиям (по постановлению съездов советов, губисполкомов, но всегда в присутствии представителей) особого циркуляра по этому поводу не издавать, предоставив инициативу на места.*

1.2. Для устранения возможности использовать в дальнейшем обман с мощами предложить губисполкомам по истечении некоторого времени, достаточного для того, чтобы массы могли убедиться в обмане, вскрытые раки со всем содержимым после описи передать распоряжением губисполкомов для направления в местные музеи в отделы церковной старины» [8].

Из документа следует, что к этому времени центральное советское правительство не рассматривало процесс вскрытия мощей как явление, политически необходимое и нуждающееся в регулировании высшими органами государства. Содержание цитированного постановления вполне соответствовало ленинской позиции, выраженной в упоминавшихся выше работах.

Помимо прочего постановление было «положено в стол» и не было опубликовано, для повсеместного использования на местах, по мнению руководства 8-го отдела,

«ввиду установления на местах вполне организованного порядка вскрытия мощей применительно к местным условиям (по постановлению Съездов Советов, губисполкомов, но всегда в присутствии представителей от служителей культа и врачебного персонала) особого циркуляра по этому поводу не издавать, предоставив инициативу на местах» [20, с. 43].

Приведённый текст повторяет цитированное выше постановление. В таком виде руководство отдела окончательно сформулировало свою позицию. Именно такой текст и был опубликован.

О целенаправленной политике в отношении судьбы мощей можно говорить лишь с появлением первых нормативных документов, которые определяли принципы работы представителей государства с церковью и ее служителями. Таковым нормативным документом, является постановление Совнаркома «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе» от 20 июля 1920 г. С этой датой согласна Белоусова.

Начало деятельности «ликвидационной комиссии» 8-го отдела НКЮ пришлось на благоприятное время. Дело в том, что в древности на гробницах святых писали: «лежит телом» (то есть тело полностью сохранилось) или «лежит мощми» (сохранились только кости или даже отдельные кости, ибо тело почившего святого было прежде рассечено для изъятия частиц святых мощей на церковные нужды). Об этом подробно говорилось в брошюрах Священного Синода «О почитании святых мощей», однако в народной среде подобные специфические знания отсутствовали. Поэтому даже многие священники, получившие только семинарское образование, относились к мощам святых, отталкиваясь от собственных представлений. И в сознании большинства прихожан существовала некая аксиома: мощи — это нетленные тела почивших святых, которым должно воздавать такое

же почтение, как и иконам. Ключевое здесь слово "нетленное". И хотя отцы церкви множество раз объясняли, что сама по себе нетленность не должна и не может быть обязательным условием святости; что святость человека определяется вовсе не степенью сохранности его останков, а его жизнью и служением Богу; что почтения заслуживают и полностью истлевшие останки святых[11]. На эту тему даже были проведены открытые лекции профессора И.В. Попова, проходившие в разгар политики вскрытия мощей, однако хоть какого-либо эффекта они не имели.

Народ из всех этих объяснений понимал и принимал только то, что мощи — значит нетленные. Все остальное — подделка и обман. Этим, как и просто падением авторитета церкви и воспользовалось советское правительство, желавшее еще больше упрочить свои позиции в деле агитации и пропаганды, дискредитировав и окончательно устранив влияние церкви на массы.

Самыми красноречивыми результатами проводимых работ стали протоколы вскрытий. Ниже представлены положения из отчета о вскрытиях мощей за 1920 г., представленных Красиковым Всероссийскому съезду советов[18].

В этом отчете значительное место занимала таблица со сведениями о вскрытии мощей, именах святых, содержимом рак, реакции присутствовавших при вскрытии, судьбе мощей после вскрытия. Всего же если сводить все к сухим цифрам, результат вскрытия мощей был следующий. Всего было вскрыто 65 гробниц. Из них 63 за период 1918-1920 гг. и 2 в 1922 (Александр Невский) и 1930 (Анны Кашинской). Были обнаружены в 29 — истлевшие кости, в 18 — куклы из воска картона ваты и т.п. (иногда с элементами мощей, частей тел и т. п.), в 16 — трупы частично гниющие, частично мумифицированные, в 2 ничего не обнаружено[18].

Динамика вскрытия мощей представляется следующей: в октябре 1918 г. – одно вскрытие. В январе 1919 г. – одно вскрытие. В феврале — 27 вскрытий, наибольшее число за все время. 5 вскрытий в марте. Далее — апрель 1919 г: 13 вскрытий (второй по результативности месяц). В мае – 2. В декабре – 1. В общей сложности за 1919 г. 49 вскрытий. За 1920 г. произошли 6 вскрытий в апреле и 3 вскрытия в сентябре. Также в источниках упомянуты 4 вскрытия без указания даты. Из чего следует, что большинство вскрытий производилось в то время когда центральная власть отказалась от регулирования мероприятий по проведению вскрытий мощей и оставляло её проведение на органах местной власти. В соответствующей литературе по теме статистика не освещена и не подвергалась осмыслению ранее.

В рассматриваемом отчёте представлена вся картина вскрытий мощей, проведённых в стране. Большинство вскрытий

проходило на территориях европейской части России, от Архангельской до Самарской губернии, с севера на юг и от Псковской до Екатеринбургской губерний с запада на восток, тем самым покрывая большую часть центрально-европейской территории страны.

Такие итоги вскрытий не могли не смутить церковь. 17 февраля 1919 г. патриарх Тихон направил священнослужителям «доверительное» (предназначавшееся только для них) письмо. В нем предлагалось исправить ситуацию – устранить все возможности для глумления над мощами, то есть привести мощи в вид, который бы не вызывал у членов комиссии и народа негативной реакции[1, с. 158]. Однако, не смотря на это «доверительное» письмо патриарха Тихона, священнослужители РПЦ не смогли переломить то впечатление, которое оставляло у верующих вскрытие мощей. Стоит отметить, что церковь пыталась «сохранить лицо» и, если не способствовала, то, по крайней мере, не препятствовала политике вскрытия мощей, однако изменить сложившееся положение она уже не могла. Даже то, что мощи таких широко почитаемых святых как Александр Невский или Сергий Радонежский, оказались в порядке, без лишних предметов или с отсутствием необходимых не могло ничего исправить[17].

Обстановка потребовала детализировать процедуру процесса вскрытия мощей. Это было сделано особым циркуляром ВЧК от 28 февраля 1919 г. Из этого директивного документа следовало:

«В случае возникновения сомнений, в случае действительной надобности проверки обследование должно производиться в присутствии ответственных членов советских организаций и уполномоченных от верующих и священнослужителей, а также в присутствии свидетелей; причем должна быть составлена тщательная опись всех обнаруженных вещей и должен быть аккуратно написан и всеми уполномоченными и свидетелями подписан протокол всего обследования»; «и так терпимо относясь к искренне верующим...»; «ни в коем случае не действуйте так, чтобы потом пришлось опираться на вооруженную силу» [13].

По сути, этот документ детализировал постановление совещания VIII-го отдела Наркомюста от 14 февраля 1919 г. Все эти директивные документы, исходившие от центральной власти, должны были урегулировать проведения политики вскрытия мощей в жизнь и свести возможные эксцессы к минимуму.

Однако общественность, подогреваемая советской печатью, обрушилась на церковь, что в свою очередь вело к перегибам в политике власти и откровенному кощунству с ее стороны. От 1919 г. сохранилось свидетельство, указывающие на то, что

«в конце марта прихожане составили заявления в наркоматы внутренних дел и юстиции с жалобой на оскорбительные действия

местных властей, указав, что "грубость и издевательство членов комиссии по вскрытию мощей дошли до того, что один из членов комиссии несколько раз плюнул на череп Саввы..."» [6].

Из этого источника видно, что методы, которые предлагала центральная власть в работе с верующими по поводу вскрытия мощей, не совпадали (или не всегда совпадали) с теми методами, которыми работала местная власть.

Отметим, что во время гражданской войны на политических плакатах священники изображались как сторонники Белого движения, способствовавшие угнетению народа вместе с царем и капиталистами. Эти средства пропаганды, доступные неграмотному населению, укореняли в общественном сознании горожан образ священнослужителя как врага новой власти, и «душителя и кровопийца народа» [9, с. 17]. Это был новый мотив в политике власти по отношению к церкви.

Отношение к РПЦ в народе начало возвращаться к более спокойному после начала голода 1921 г. и действий священнослужителей и патриарха в деле помощи голодающим. В этот же год произошло вскрытие раки Александра Невского – последнее вскрытие мощей в первые послереволюционные и 20-е гг., связанное больше с политикой изъятия церковных ценностей, чем с политикой ликвидации мощей.

Последним же прецедентом стало вскрытие мощей Анны Кашинской во время «пятилетки безбожия» в 1930 г., однако к тому времени отклика среди народа эта акция не получила и на этом политика вскрытия мощей была прекращена[7].

Политика власти по отношению ко вскрытию мощей не могла не учитывать реакцию верующего населения на эти действия власти. Эта реакция населения в период с 1918 по 1920 г. была разной. Некоторые авторы утверждают что за все указанное время было проведено порядка 1,5 тысячи акций в защиту мощей, ссылаясь при этом на данные ВЧК, но не указывая конкретно те источники, из которых он почерпнул эти сведения[16]. Автору настоящей работы таких данных найти не удалось. С уверенностью можно сказать лишь то, что крупных волнений вскрытия мощей не вызвали. Самым широким по количеству собравшихся было вскрытие гробницы Сергия Радонежского в марте 1919 г. Оно вызвало сход зевак. В этом случае органами ВЧК никаких столкновений или, тем более, кровопролития не зафиксировано, народ собрался и просто ждал оглашения результатов, после чего мирно разошелся по домам.

Однако главного результат – отрешения народных масс от веры, – чего пыталось добиться советское руководство, не последовало. Из этого можно сделать вывод, что политика оказалась неудачной, и это послужило одной из причин её сворачивания и переключения на другие направления антирелигиозной деятельности. Но, не смотря на общую неудачу политики, вера

в церковь как в институт общественной жизни в народе была в определенной мере дискредитирована, о чем свидетельствовали отдельные высказывания свидетелей вскрытий мощей, зафиксированные членами комиссий, занимавшихся вскрытиями.

В том же циркуляре ВЧК от 28 февраля 1919 г. значится:

«Итак терпимо относясь к искренне верующим, борясь оружием свободной критики с обветшалыми религиозными предрассудками, беспощадно клеймя заблуждения, тщательно разоблачая вековые обманы, мы не только не оскорбим чувств инакомыслящих, но наоборот, тем скорее привлечем наиболее честных из них на сторону подлинно-научных взглядов и таким образом окончательно разобьем цепи духовного рабства» [13, с. 401-402].

Эта цитата, на мой взгляд, как нельзя лучше характеризует смысл и сущность проводимой советской властью политики. Реакцию церкви высказал в своем письме к М.И. Калинину Патриарх Тихон:

«Как известно, почитание Святых и Их останков (Мощей) и приношение Богу жертвы путем возжигания восковой свечи являются древними обрядами Православной и Римско-Католической Церквей, непосредственно относящимися к области культа. Исходя из присущаго будто бы всем Мощам признака нетления, VIII Отдел Народнаго Комиссариата Юстиции ... занялся ревизованием мощей Православной Русской Церкви, вскрывая раки и гробницы с останками признанных Церковью святых, а когда наконец нашел мощи св. виленских мучеников, удовлетворявшия выставленному ими признаку нетления, то в возбужденном судебном процессе старался доказать неправильность церковной канонизации виленских угодников. Мощи, канонизация, восковые свечи — все это предметы культа. И ныне во имя попираемой идеи свободной совести приходится взывать к власть имущим в РСФСР, как обратился когда-то Донат к Константину Великому со словами: “Какое дело Государству (особенно атеистическому) до Церкви“»[1, с. 256-257].

Однако стоит заметить что словесные баталии ни к чему значительному не привели, и впоследствии церковь переключилась на защиту более важных для нее «церковных ценностей», упоминая мощи в общем ряду поругаемых святынь, не уделяя им того внимания которое она (церковь) проявляла в 18-19 гг.

Власть поняла безрезультатность политики вскрытий мощей, о чем говорит обвальное снижение динамики вскрытий с первых месяцев 1919 г. и небольшое количество вскрытий после принятия декрета от 25 июля 1920 г. В сущности же, политика центральных государственных органов была выдержана, по большей части, в ленинском духе, однако её реализация на местах, не всегда отвечала курсу партии в духовном вопросе. Это, а также «темноту» и консервативность, косность народных масс можно считать ключевыми

причинами провала политики вскрытия мощей. В атеистической политике власти история со вскрытиями мощей была чем-то вроде первоначальной кампании, проводить которую было затруднительно в обстановке, когда власть боролась со внутренними и внешними врагами. Следующая большая кампания была представлена «пятилеткой безбожия». Это была уже гораздо более целенаправленная, широкая политическая акция, шедшая исключительно «сверху», в отличие от процесса вскрытия мощей.

Список литературы:

1. Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. / сост. М.Е. Губонин. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. – 1062 с. [Текст: непосредственный]

2. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 84.

3. Белоусова М.А. Нормативное регулирование кампании по вскрытию и ликвидации мощей в РСФСР 1919-1920 [Текст: электронный] / Белоусова М.А. // Вопросы российской юстиции. – 2020. – №6. – С. 25-35.

4. Булавин М. В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917—1927 гг. (на примере Урала). Дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 217–223.

5. Бычков С.С. Большевики против Русской Церкви. Очерки по истории Русской Церкви. 1917-1941. Т.II. М., 2006. С. 160

6. Вскрытие святых мощей [Текст: электронный]// ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 111. Л. 59-60.

7. Газов Е.А. Документы о вскрытии мощей св. княгини Анны Кашинской [Текст: электронный] / Газов Е.А. // Вестник церковной истории. – 2018. – 1-2 (49-50). – С. 132-144.

8. ГАРФ. Ф. А-353. Оп.2. Д.4. Л.166. Заверенная копия. Машинописный текст.

9. Грегорий Фриз «Воцерковление» 1917 года: церковный кризис и приходская революция [Текст: электронный] / Государство – Религия – Церковь. – 2019. – №S(37). – С.17

10. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917—1960 / Под общей редакцией академика А. Н. Яковлева. Составители: А. И. Кокурин и Н.В. Петров. Научный редактор В.Н. Шостаковский — М.: Международный Фонд «ДЕМОКРАТИЯ», 2000. — С. 15.

11. Капитула Я.Н. Вскрытие мощей URL:http://www.nikolaevskii-sobor.ru/kniga.php?page=vskritie-sviatih-moshei-savvi-storojevskogo (дата обращения 10.11.2021)

12. Кашеваров А.Н. Судьба мощей святого князя Александра Невского в советское время [Текст: электронный] / Кашеваров А.Н. //

Научные труды северо-западного института управления РАНХиГС. – 2013. – №5 (12). – С.270-275.

13. Конфессиональная политика советского государства. 1917-1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т.1: в 4 кн.: 1917-1924 гг. Кн.3. Народные комиссариаты СНК РСФСР (1917-1924) и СНК СССР (1922-1924): проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» / отв. сост. М.И. Одинцов. М.: Политическая энциклопедия. 2018 (с.398-402).

14. Крапивин М. Ю. Юрисконсульт VIII отдела Наркомюста РСФСР Н. Н. Липкин-Копейщиков: к вопросу о формах взаимодействия органов ВЧК и структур Наркомата юстиции в борьбе с «религиозной контрреволюцией» [Текст: электронный] // Вестник церковной истории. – 2019. – №3-4. – С.242.

15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — 5-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1968. — Т. 12, 37,38,44,52.

16. Лихоманов Н.И. Отношения власти и Церкви в начале советского периода (1919–1922 гг.) [Текст: электронный] / Лихоманов Н.И. // Ярославский педагогический вестник – 2014. – № 4. – Том I (Гуманитарные науки)

17. Майорова Н.С. Вскрытие мощей Сергия Радонежского и кампания по ликвидации мощей во Всероссийском масштабе [Текст: электронный] // Вестник КГУ. – 2016. – №2.

18. Отчет VIII-го (ликвидационного) отдела народного комиссариата юстиции VIII-му всероссийскому съезду советов [Текст: электронный] // Революция и церковь. 1920. №№ 9-12. С.70-82

19. Попов И.В. О почитании святых мощей (часть 1) [Текст: электронный] / Попов И.В. // Журнал Московской Патриархии. – 1997. – №1.

20. Революция и церковь. 1919. №2. Вып. 6-8.

21. Регельсон Л.Л. Трагедия Русской церкви. 1917-1953 гг. М., 2017. С.85.

22. Рогозный П.Г. «большевики и святые мощи»/ Культурная антропология. - 2020. - С. 990-1004 Постановление Коллегии Народного Комиссариата Юстиции по вопросу о мощах // Революция и церковь. 1919. №6-8. С.11.

23. СУ РСФСР, 1918, № 18, ст. 263, «Газета Рабочего и Крестьянского Правительства», № 15, 23.01.1918, «Свод законов РСФСР», т. 1, с. 861, 1988 г.

24. Цыпин В. История Русской Православной Церкви 1917 – 1990 гг. [Текст: электронный]

25. Юсупова В.А. Государство и церковь в 1917-1920 годах [Текст: электронный]/Юсупова В.А.// международный научный журнал «инновационная наука». – 2015. - №6. – с. 221

ATTITUDE OF THE AUTHORITIES, THE PEOPLE, THE CHURCH TO THE POLICY OF OPENING THE RELICES (1918-1922)

The article examines an important and especially acute for our country issue of interaction between the secular state and the church both at the grassroots and at the highest level, using the example of one of the aspects of church life. The policies pursued by the Soviet state in the early years of Soviet rule generated a lot of speculation and misinterpretations caused by superficial study of the subject and entrenched stereotypes. The article clarifies the existing ideas about the process of opening the relics, reveals the mistakes of a number of researchers. The main problem is the assessment by contemporaries and direct participants in the events of the policy pursued by the state and its results. The key method of work is the method of collating documents of secular authorities, church bodies and the memoirs of eyewitnesses of the events. The autopsy of the relics as a process that began from below and was picked up later by the state, as a grassroots one and really influencing the attitude of ordinary people to the church, could not eliminate the churching of the masses. However, it was the background against which the interaction of the new government and the organization of the Russian Orthodox Church was built in the first years of Soviet authorities.
Keywords: opening of relics, Russian Orthodox Church, soviet power, Civil war in Russia, Lenin, Krasikov Petr Ananievich, patriarch Tikhon, All-Russian Special Commission for Combating Counter-revolution and Sabotage, People"s Commissariat for Justice, VIII Department "Liquidation Commission".

References

1. Akty Svyatejshego Tihona, patriarha Moskovskogo i vseya Rusi, pozdnejshie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshej cerkovnoj vlasti. 1917-1943 (1994) [Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence on the canonical succession of the highest church authority. 1917-1943.] / sost. M.E. Gubonin. – M.: Izd-vo Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo Bogoslovskogo Instituta, – 1062 p. [Tekst: neposredstvennyj]
2. Alekseev V. A. (1991) Illyuzii i dogmy. [Illusions and dogmas] M. P. 84.
3. Belousova M.A. Normativnoe regulirovanie kampanii po vskrytiyu i likvidacii moshchej v RSFSR 1919-1920 [Normative regulation of the campaign for the opening and liquidation of relics in the RSFSR 1919-1920] (2020) [Tekst: elektronnyj] / Belousova M.A. // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2020. – №6. – P. 25-35.
4. Bulavin M. V. (2000) Vzaimootnosheniya gosudarstvennoj vlasti i pravoslavnoj cerkvi v Rossii v 1917—1927 gg.[The relationship between state power and the Orthodox Church in Russia in 1917-1927.] (na primere Urala). Dis. kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2000. S. 217–223.
5. Bychkov S.S. Bol'sheviki protiv Russkoj Cerkvi. Ocherki po istorii Russkoj Cerkvi. 1917-1941. (2006) [Bolsheviks against the Russian Church. Essays on the history of the Russian Church. 1917-1941] T.II. M. P. 160
6. Vskrytie svyatyh moshchej [Opening of the holy relics] [Tekst: elektronnyj]// GARF. F. 393. Op. 1. D. 111. L. 59-60.
7. Gazov E.A. (2018) Dokumenty o vskrytii moshchej sv. knyagini Anny Kashinskoj [Tekst: elektronnyj] / Gazov E.A. // Vestnik cerkovnoj istorii.

2018. 1-2 (49-50). P. 132-144.

8. GARF. F. A-353. Op.2. D.4. L.166. Zaverennaya kopiya. Mashinopisnyj tekst.

9. Gregorij Friz «Vocerkovlenie» 1917 goda: cerkovnyj krizis i prihodskaya revolyuciya (2019) [Churchification" of 1917: church crisis and parish revolution] [Tekst: elektronnyj] / Gosudarstvo – Religiya – Cerkov'. №S(37). P.17

10. GULAG (Glavnoe upravlenie lagerej) 1917—1960(2000) [GULAG (Main Directorate of Camps) 1917-1960]. Pod obshchej redakciej akademika A. N. YAkovleva. Sostaviteli: A. I. Kokurin i N.V. Petrov. Nauchnyj redaktor V.N. SHostakovskij — M.: Mezhdunarodnyj Fond «DEMOKRATIYA». 2000. P. 15.

11. Kapitula YA.N. Vskrytie moshchej URL:http://www.nikolaevskii-sobor.ru/kniga.php?page=vskritie-sviatih-moshei-savvi-storojevskogo (data obrashcheniya 10.11.2021)

12. Kashevarov A.N. Sud'ba moshchej svyatogo knyazya Aleksandra Nevskogo v sovetskoe vremya (2013). [The fate of the relics of the Holy Prince Alexander Nevsky in the Soviet era] [Tekst: elektronnyj] / Kashevarov A.N. // Nauchnye trudy severo-zapadnogo instituta upravleniya RANHiGS. №5 (12). P. 270-275.

13. Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva. 1917-1991 gg.: Dokumenty i materialy: v 6 t. T.1: v 4 kn.: 1917-1924 gg. Kn.3. Narodnye komissariaty SNK RSFSR (1917-1924) i SNK SSSR (1922-1924): provedenie v zhizn' dekreta «Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly ot cerkvi» (2018). [Confessional policy of the Soviet state. 1917-1991: Documents and materials: in 6 volumes. Vol. 1: in 4 books: 1917-1924. Book 3. People's Commissariats of the Council of People's Commissars of the RSFSR (1917-1924) and the Council of People's Commissars of the USSR (1922-1924): the implementation of the decree "On the separation of church from state and school from church"] / otv. sost. M.I. Odincov. M.: Politicheskaya enciklopediya. (P.398-402).

14. Krapivin M. YU. YUriskonsul't VIII otdela Narkomyusta RSFSR N. N. Lipkin-Kopejshchikov: k voprosu o formah vzaimodejstviya organov VCHK i struktur Narkomata yusticii v bor'be s «religioznoj kontrrevolyuciej» (2019). [Legal adviser of the VIII department of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR N. N. Lipkin-Kopeyshchikov: on the form of interaction between the Cheka and the structures of the People's Commissariat of Justice in the fight against "religious counter-revolution"] [Tekst: elektronnyj] // Vestnik cerkovnoj istorii. №3-4. P.242.

15. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. (2014). [Complete works: in 55 volumes] V. I. Lenin; In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 5-e izd. M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1968. T. 12, 37,38,44,52.

16. Lihomanov N.I. Otnosheniya vlasti i Cerkvi v nachale sovetskogo perioda (1919–1922 gg.) (2014) [Relations between power and the Church at the beginning of the Soviet period (1919–1922)] [Tekst: elektronnyj] / Lihomanov N.I. // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik – 2014. № 4. Tom

I (Gumanitarnye nauki)

17. Majorova N.S. Vskrytie moshchej Sergiya Radonezhskogo i kampaniya po likvidacii moshchej vo Vserossijskom masshtabe (2016). [The opening of the relics of Sergius of Radonezh and the campaign to eliminate the relics on an All-Russian scale] [Tekst: elektronnyj] // Vestnik KGU. №2.

18. Otchet VIII-go (likvidacionnogo) otdela narodnogo komissariata yusticii VIII-mu vserossijskomu s"ezdu sovetov (1920). [Report of the VIII (liquidation) department of the People's Commissariat of Justice to the VIII All-Russian Congress of Soviets] [Tekst: elektronnyj] // Revolyuciya i cerkov'. 1920. №№ 9-12. P.70-82

19. Popov I.V. O pochitanii svyatyh moshchej (chast' 1) (1997) [On the veneration of holy relics] [Tekst: elektronnyj] / Popov I.V. // ZHurnal Moskovskoj Patriarhii. 1997. №1.

20. Revolyuciya i cerkov'. (1919). №2. P. 6-8. [Revolution and the Church. 1919. No. 2. Issue. 6-8.]

21. Regel'son L.L. Tragediya Russkoj cerkvi. 1917-1953 gg. (2017) [Tragedy of the Russian Church. 1917-1953] M. 2017. P.85.

22. Rogoznyj P.G. «bol'sheviki i svyatye moshchi» (2020) ["Bolsheviks and holy relics"]. Kul'turnaya antropologiya. - 2020. - S. 990-1004 Postanovlenie Kollegii Narodnogo Komissariata YUsticii po voprosu o moshchah // Revolyuciya i cerkov'. 1919. №6-8. P.11.

23. SU RSFSR, 1918, № 18, st. 263, «Gazeta Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva» (1988). ["Newspaper of the Workers' and Peasants' Government"] № 15. 23.01.1918. «Svod zakonov RSFSR». T. 1. P. 861.

24. Cypin V. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi 1917 – 1990 gg. [History of the Russian Orthodox Church 1917 - 1990.] [Tekst: elektronnyj]

25. YUsupova V.A. Gosudarstvo i cerkov' v 1917-1920 godah (2015) [tate and Church in 1917-1920] [Tekst: elektronnyj]/YUsupova V.A.// mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «innovacionnaya nauka». №6. P. 221.

Об авторах

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail alexdubr48@mail.ru

Шадоба Кирилл Сергеевич – студент факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail kirill_shadoba@mail.ru

Dubrovsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky, E-mail alexdubr48@mail.ru

Shadoba Kirill Sergeevich – student of the Faculty of History and International Relations of the Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky, E-mail kirill_shadoba@mail.ru

УДК 947(476) «1962–1964»

Елизаров С.А., доктор исторических наук, профессор, Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого (Беларусь)

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО АППАРАТА В БССР (1962–1964 гг.)

В статье рассматриваются вопросы реорганизации партийного и советского аппаратов власти и управления в БССР на основе производственного принципа. Отмечается, что такая реорганизация выглядит достаточно логичной и является продолжением предыдущих управленческих новаций – создания двух относительно самостоятельных структур управления важнейшими сферами экономической деятельности – промышленностью (Советы народного хозяйства) и сельским хозяйством (территориальные производственные колхозно-совхозные управления). Разделение партийных и советских органов по производственному принципу завершало формирование новой управленческой политико-экономической системы. В этой реорганизации четко проявляется одна из конститутивных характеристик советской властной и управленческой модели – сращивание партийного и советского аппаратов, ориентация партийных органов на непосредственное и конкретное управление производством. Кратковременность функционирования новой системы управления не позволяет дать взвешенную оценку. Проблемы, возникшие в этот недолгий период, не видятся как непреодолимые – их можно было урегулировать в рамках существовавшей плановой централизованной экономики. В БССР (как и в РСФСР) они касались прежде всего сферы обслуживания населения и лишь в незначительной степени затрагивали сферы управления промышленностью и сельским хозяйством (в частности, управление местной промышленностью сельскими обкомами и облисполкомами). В качестве решений уже в 1963 г. предлагались как чисто организационные меры (изменения в структуре облисполкомов), так и шаги по расширению прав местных органов власти и управления (районных и сельских Советов депутатов трудящихся).

Ключевые слова: Н.С. Хрущев, Белорусская ССР, система управления, коммунистическая партия, Советы народного хозяйства, территориальные производственные колхозно-совхозные управления, Советы депутатов трудящихся, производственный принцип.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-96-108

В научном сообществе, как и массовом историческом сознании, годы нахождения на вершине власти в СССР Н.С. Хрущева ассоциируются с многочисленными реформами в самых различных сферах жизни общества: промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, налогообложении, военной, административно-территориальном делении, системе центрального и местного управления и т. д. В том числе в 1962 г. прошла очередная, вызывающая и до сих пор споры, управленческая реорганизация – разделение на уровне областей партийных и советских

© Елизаров С.А.
© Elizarov S.A.

органов на промышленные и сельские. Одни исследователи рассматривают ее как яркое проявление хрущевского волюнтаризма, другие – как шаг по созданию конкурирующих партийных структур в результате разделения КПСС на две партии – рабочую и крестьянскую [5, с. 56–57] [18, с. 634], третьи – как чисто аппаратный ход Н.С. Хрущева с целью сохранения власти и изоляции оппонентов в Секретариате ЦК КПСС [1, с. 34), четвертые – как стремление ослабить существовавшие в стране бюрократические структуры бюрократическими средствами [4, с. 396].

Видится вполне обоснованной и перспективной точка зрения, что такая реорганизация была «логичным продолжением сращивания партийного и государственного аппаратов» [12, с. 211], [20, с. 166], представляла сознательную попытку Н.С. Хрущева сделать партийные органы «ответственным элементом советской экономической жизни» [19, с. 190].

Идея вполне продуктивная, дает направление дальнейшего научного поиска, но требует своего наполнения и авторских интерпретаций, одна из которых представлена в данной статье. Исследование базируется на анализе белорусского опыта реорганизации преимущественно местных (областных) органов государственного управления, который на сегодняшний день еще не получил своего должного освещения в белорусской историографии. В работе использованы как уже опубликованные документы, так и материалы Национального архива Республики Беларусь.

Свое исследование автор базирует на принципе холизма, рассматривая сращивание партийного и государственного аппаратов как имманентный и системообразующий элемент всей советской политической системы, долгие годы обеспечивавший ее сохранение и функционирование. Использованы традиционные общенаучные и конкретно-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный).

К ноябрю 1962 г. в результате управленческих реорганизаций на местном уровне оформились две относительно самостоятельные структуры управления важнейшими сферами экономической деятельности – промышленностью и сельским хозяйством. С одной стороны, это были Советы народного хозяйства (СНХ), созданные в 1957 г. для руководства промышленностью и строительством в региональном масштабе и представлявшие собой попытку реализации популярной в 1920-е гг. теории и практики экономического районирования страны и совмещения экономического и административного районирования. В результате путем передачи в ведение областных и краевых органов власти и управления промышленных предприятий союзного и республиканского подчинения предполагалось превратить области и края в полноценные административно-экономические образования.

Если на первых порах эта управленческая реорганизация осуществлялась на основе принципа единства экономического и существовавшего административно-территориального (областного и республиканского) деления, то вскоре более популярной становится линия на объединение в рамках одного СНХ нескольких административно-территориальных единиц: к концу 1962 г. лишь треть СНХ распространяла свою деятельность на одну область, край, республику [14, с. 7].

С другой стороны, в 1962 г. создавались территориальные производственные колхозно-совхозные управления (ТПКСУ). «Совнархозовская» реформа 1957 г. затронула только сферы промышленности и строительства, оставив в стороне сельское хозяйство. Автоматически распространить ее принцип на сельское хозяйство не представлялось возможным в связи со специфическими особенностями сельскохозяйственного производства, в частности его меньшей территориальной концентрацией и большей зависимостью от природно-климатических и почвенных условий. Однако от идеи перехода на такой принцип и в сельском хозяйстве не отказывались, вопрос был только в определении подходящей формы такого перехода.

Вариант такого перехода был одобрен постановлением мартовского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС и постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о перестройке управления сельским хозяйством [3, с. 225], [15]. Соответственно, в апреле 1962 г. аналогичные решения были оформлены в рамках Белорусской ССР постановлением Пленума ЦК КПБ и постановлением ЦК КПБ и Совета Министров БССР [2, с. 384–385], [16]. Производственный принцип управления сельским хозяйством был реализован в форме ТПКСУ, которые создавались в качестве межрайонных органов для руководства сельским хозяйством нескольких (обычно 2–3) районов.

В результате фактически принципы совнархозовской системы были распространены и на сельское хозяйство. На уровне государственного управления экономикой были созданы две структуры: – СНХ, руководившие промышленностью и строительством, и ТПКСУ (с ноября 1962 г. – производственные колхозно-совхозные управления – ПКСУ) со своими органами управления сельскохозяйственным производством (областные и республиканские комитеты по сельскому хозяйству, Советы ТПКСУ – ПКСУ). Оформилась производственно-территориальная система организации хозяйственного управления, в то время как структура построения партийных и советских органов власти и управления оставалась территориальной.

Для преодоления этого несоответствия на ноябрьском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС и было решено перейти к производственному принципу (точнее – производственно-территориальному)

построения также и руководящих партийных и советских органов. Официально объяснялось это необходимостью «обеспечить более конкретное и планомерное руководство промышленностью, строительством и сельским хозяйством, сосредоточить главное внимание на производственных вопросах»; «активизировать все стороны деятельности партии», связать «организационную и идеологическую работу с задачами создания материально-технической базы коммунизма и воспитания нового человека» [3, с. 288–296]. Речь шла о разделении партийной организации снизу доверху на две самостоятельные структуры – промышленную и сельскохозяйственную. В ЦК КПСС, в ЦК компартий союзных республик должны создавались Бюро ЦК по руководству промышленным производством и Бюро ЦК по руководству сельскохозяйственным производством, а для координации их деятельности – Президиум ЦК. В краях и областях появлялись такие же краевые и областные комитеты – по руководству промышленным и сельскохозяйственным производством. Вместо сельских райкомов КПСС создавались партийные комитеты ПКСУ. Для руководства партийными организациями предприятий и строек, расположенных на территориях ПКСУ, где не было горкомов КПСС, создавались зональные (кустовые) партийные комитеты. Хотя в самом тексте постановления ничего не было сказано о соответствующей перестройке советских органов, профсоюзные и комсомольские организации, это считалось вполне естественным делом.

Этим самым сращивание партийного, советского и хозяйственного аппаратов получила новый мощный импульс. В постановлении прямо говорилось: «В наше время от партии требуется не только умение вовремя дать правильный лозунг, но и со знанием дела повседневно и конкретно руководить производством, развитием промышленности, сельского хозяйства, всех отраслей экономики» [3, с. 289].

Конкретизация этого решения содержалась в постановлении Президиума ЦК КПСС от 20 декабря 1962 г. «О реорганизации руководящих партийных органов в областях, краях, автономных и союзных республиках» 20 декабря 1962 г. В частности, был одобрен проект Указа Президиума Верховного совета РСФСР о реорганизации советских органов в краях и областях РСФСР [13, с. 487–493].

По такой же схеме происходило принятие решений и в союзных республиках. В БССР первоначально в декабре 1962 г. состоялся Пленум ЦК КП Белоруссии, решивший «реорганизовать руководящие партийные органы республики снизу доверху, положив в основу производственный принцип их построения». В ЦК КПБ создавался Президиум и два Бюро : по промышленности и по сельскому хозяйству. Соответственно в каждой области появилось по

два обкома партии (промышленный и сельский) и по два облисполкома (промышленный и сельский). Вместо сельских райкомов создавалось 77 парткомов ПКСУ, а также 23 зональных промышленно-производственных парткомов [2, с. 429–430].

После этого 29 декабря 1962 г. на заседании Президиума ЦК КПБ было принято постановление, которым определялась необходимость реорганизации советских органов в областях по производственному принципу и получил одобрение проект Указа Президиума Верховного Совета республики «О реорганизации областных и районных Советов депутатов трудящихся Белорусской ССР» [6, л. 9, 33], после чего 30 декабря 1962 г. тот был утвержден Президиумом Верховного Совета БССР [17].

В соответствии с этим Указом в областях создавались по два облисполкома – промышленный и сельский. В ведение промышленных областных Советов депутатов трудящихся и их исполкомов передавались расположенные на территории областей предприятия местного значения промышленности и строительства (кроме предприятий, передаваемых СНХ БССР), транспорта, связанные с ними учебные заведения, проектные и иные организации, а также предприятия и учреждения торговли, бытового и социально-культурного обслуживания населения городов, городских, рабочих поселков и других населенных пунктов, расположенных при заводах, фабриках, шахтах, электростанциях, железнодорожных и иных промышленных объектах.

В ведение сельских областных Советов депутатов трудящихся и их исполкомов поступали расположенные на территории области колхозы, совхозы, рыболовецкие артели, опытные станции, кооперативные и заготовительные организации, сельскохозяйственные учебные заведения, предприятия местного значения, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, а также предприятия и учреждения бытового и социально-культурного обслуживания сельского населения. Руководство сельскохозяйственным производством сельские областные Советы и облисполкомы должны были осуществлять через ПКСУ [7, л. 371–372].

А 9 января 1963 г. были внесены уточнения в распределение функций промышленных и сельских облисполкомов. Решением Президиума ЦК КПБ промышленные облисполкомы должны были обслуживать население, проживавшего «в городах, поселках городского типа, а также населенных пунктах при промышленных предприятиях и стройках», а сельские – «в сельской местности, в населенных пунктах при предприятиях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, а также занятого в учреждениях и организациях, связанных с сельскохозяйственным производством». Здесь же определялся и состав заместителей председателей облисполкомов: в каждом сельском облисполкоме – три,

один из которых являлся начальником управления производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, а другой – председателем Комитета партийно-государственного контроля, а в промышленном – два, один из которых является председателем Комитета партийно-государственного контроля. Все это затем было оформлено соответствующими решениями Совета Министров БССР [8, л. 4–6].

В январе 1963 г. на сессиях областных Советов были сформированы новые промышленные и сельские облисполкомы. В структуру промышленных и сельских облисполкомов входили областные плановые комиссии, отделы организационно-инструкторские, финансовые, народного образования, коммунального хозяйства, социального обеспечения, общий, первый, управления культуры, по строительству и архитектуре. Дополнительно промышленные облисполкомы формировали отделы здравоохранения, торговли, по охране общественного порядка, а сельские – управления производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, лесного хозяйства, отделы по переселению и организованному набору рабочих, по строительству, ремонту и содержанию шоссейных дорог.

Недостатки разделения партийных и советских органов по производственному принципу стали проявляться практически со дня его осуществления. В августе 1963 г. отдел партийных органов ЦК КПБ подготовил и направил на имя Первого секретаря ЦК КПБ К.Т. Мазурова записку «О некоторых вопросах работы местных Советов депутатов трудящихся в новых условиях» [9, л. 42–49]. Отмеченные в этих документах проблемы касались прежде всего вопросов руководства учреждениями культуры, социального обеспечения, здравоохранения, торговли, работой финансовых органов, органов планирования и распределения фондов материально-технического снабжения. Городские органы и учреждения культуры (библиотеки, музыкальные школы, дома культуры) и здравоохранения до этой управленческой реорганизации обслуживали все население области и служили базовыми центрами организации работы в сельской местности. С переходом их в ведение промышленных облисполкомов (особенно в случаях, когда и сами райцентры передавались в их ведение) сельские учреждения культуры и здравоохранения теряли свои прежние городские методические и организационные центры. Много неувязок возникало в работе финансовых органов. Сельские облисполкомы, не имея крупных промышленных предприятий, в условиях убыточности многих колхозов не могли решить проблему бездефицитного сбалансирования бюджетов в отличие от «богатых» промышленных облисполкомов. Нередко предприятия и организации, подчиненные промышленным областным партийным и советским

органам, находились на территории сельских районов и в финансовом отношении контролировались финансовыми органами сельских облисполкомов и наоборот. В городах, переданных в ведение промышленных облисполкомов, часто проверка одного и того же предприятия проводилась работниками двух органов – городских и районных финансовых отделов.

В БССР для решения возникших проблем предлагались различные варианты как перестройки структуры облисполкомов, так и пересмотра сфер их деятельности. Главным образом предложения исходили от руководителей сельских облисполкомов и были направлены на концентрацию многих социальных вопросов именно в аппаратах их облисполкомов. Предлагалось упразднить в промышленных облисполкомах отделы культуры, социального обеспечения и здравоохранения, передав их функции соответствующим отделам сельских облисполкомов [10, л. 275–281].

Кроме этого, решение возникших проблем местные руководители видели в повышении роли районных и сельских Советов, расширении их прав в деле организации культурно-бытового обслуживания населения, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения. В частности, предлагалось скорректировать отношения районных Советов депутатов трудящихся и их исполкомов с предприятиями бытового обслуживания и местной промышленности, расположенными на территории сельских районов. Эти предприятия, как правило, были призваны удовлетворять в первую очередь нужды населения района, однако сами они оказались в подчинении промышленных облисполкомов. Районные органы власти и управления были отрезаны от участия в планировании и контроле деятельности таких предприятий. В связи с такой ситуацией вносились предложения либо постановлением Совета Министров БССР, либо временным положением о районных Советах и их исполкомах предоставить им право участвовать в разработке производственно-финансовых планов и планов развития сети предприятий местной промышленности и бытового обслуживания, а также контролировать их деятельность.

Для разгрузки райисполкомов и улучшения условий обслуживания местного населения предлагалось передать на бюджет сельсоветов финансирование всех школ, медицинских, культурно-просветительских и других учреждений, находившихся на территории сельсовета. Это избавило бы многих людей от ежемесячных поездок в райцентры для получения заработной платы, облегчило бы решение многих финансовых вопросов функционирования школ, медицинских и иных учреждений и могло реально повысить роль и авторитет сельских Советов среди населения.

Звучали предложения предо-

ставить сельсоветам право перераспределять по объектам средства, выделенные по бюджету на ремонт и приобретение имущества для школ, медицинских и культурно-просветительских учреждений, разрешить сельским исполкомам участвовать в рассмотрении проектов и схем планировки и застройки сельских населенных пунктов, передать на решение сельсоветов регистрацию браков несовершеннолетних, определение нуждающихся граждан для направления в дома инвалидов и престарелых, детей – в детские дома, предоставление гражданам льгот по налогам и обязательному окладному страхованию, оказание помощи хозяйствам, пострадавшим от стихийных бедствий, а также ввести в сельской местности единое постоянное (или выдаваемое на несколько лет) удостоверения личности для граждан и т.п. [11, л. 131–138].

Записка отдела парторганов ЦК КПБ в октябре 1963 г. была перенаправлена на рассмотрение в Совет Министров БССР, но только в апреле 1964 г. ее и поступившие предложения с мест обсудили на заседании Бюро Совета Министров БССР с участием всех председателей облисполкомов и пришли к выводу, что «принципиальных разногласий в работе облисполкомов нет», «перестройка работы советских органов проведена недавно, деятельность их в новых условиях еще хорошо не изучена», в связи с чем необходимо «оставить существующую структуру и функции советских органов в том виде, как они есть» [9, л. 50].

Аналогичные проблемы возникали и в других республиках. В частности, они излагались в докладная записке «О некоторых итогах перестройки советских органов РСФСР по производственному принципу» отдела по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета РСФСР председателю Президиума Верховного совета РСФСР Н.Г. Игнатову, где также указывалось (со ссылкой на мнение местных работников) на необходимость совершенствования структуры облисполкомов и расширение прав районных и сельских Советов [13, с. 503–508].

Управленческая реорганизация ноября 1962 г. вызвала недовольство местной партийно-советской бюрократии областного и краевого уровней, которые до этого довольно спокойно воспринимали районные управленческие новации, которые напрямую их интересы не затрагивали. Но, почувствовав свою силу (особенно после событий 1957 г.) они сплоченно выступили против «производственной» перестройки, которая нарушала привычный ритм и уклад жизни, и поддержали группу в высшем эшелоне власти, по разным причинам недовольным как неистощимым реформаторством Н.С. Хрущева, так и его личными качествами. И первым шагом нового «старого» союзного партийно-советского руководства после смещения со всех партийных и государственных постов

Н.С. Хрущева стало решение ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС о восстановлении единых партийных и советских органов [3, с. 419–420].

Таким образом, проведенная в 1962 г. реорганизация системы партийного и советского руководства выглядит достаточно логичной. Переход в управлении народным хозяйством на производственный принцип, начатый «совнархозовской реформой» 1957 г., в сельском хозяйстве продолжился созданием ТПКСУ – ПКСУ. В условиях сохранения монополии органов КПСС на стратегическое и тактическое руководство всей командно-административной плановой системой управления экономикой требовалось либо отказаться от таких новаций, либо привести систему построения партийных и советских органов в соответствие с ними.

В связи с этим разделение партийных и советских органов по производственному принципу выглядит вполне последовательным шагом и завершает формирование новой управленческой политико-экономической системы. В этой реорганизации также достаточно четко проявляется одна из конститутивных характеристик советской властной и управленческой модели – сращивание партийного и советского аппаратов, ориентация партийных органов на непосредственное и конкретное управление производством, прямой и незавуалированный отход от теоретически закрепившихся еще с XI съезда РКП(б) и постоянно транслировавшихся в дальнейшем положений о необходимости разграничения функций партийных и советских органов. При этом, как и прежде, практиковалась обязательная ссылка на наследие В.И. Ленина. В частности, на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС 1962 г., все содержание решений которого явно было направлено на подмену партийными органами функций органов государственных и хозяйственных, утверждалось, что вся перестройка осуществляется, исходя из «ленинских указаний о необходимости постоянно совершенствовать формы организации нового общества и управления социалистической экономикой» [3, с. 292].

Говорить о результатах этой реорганизации в связи с кратковременностью функционирования новой системы управления сложно. Отрицательные оценки управленческой реорганизации, содержащиеся в работах современных исследователей, главным образом основаны на заявлениях партийных и советских руководителей, сделанных сразу же после смещения со всех партийных и государственных постов Н.С. Хрущева. Эти руководители также единодушно одобрили объединение партийных и советских органов, как когда-то единодушно одобрили их разъединение. Управленческие проблемы, возникшие в этот недолгий период, не видятся как непреодолимые – их вполне можно было урегулировать в рамках плановой централизованной экономики. В БССР (как и в

РСФСР) они касались прежде всего сферы обслуживания населения и лишь в незначительной степени затрагивали сферы управления промышленностью и сельским хозяйством (в частности, местной промышленностью – сельскими обкомами и облисполкомами). В качестве решений уже в 1963 г. предлагались как чисто организационные меры (изменения в структуре облисполкомов), так и практические действия по расширению прав местных органов власти и управления (районных и сельских Советов депутатов трудящихся и их исполкомов).

Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований Республики Беларусь на 2021–2025 гг.

Список литературы

1. Даниелс Р.В. Вздет и падение коммунизма в России. Москва : РОССПЭН, 2011. 510 с.
2. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 5. 1956–1965. Минск: Беларусь, 1986. 598 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 10. 1961–1965. 9-е изд., доп. и испр. Москва : Политиздат, 1986. 494 с.
4. Люкс Л. История России и Советского Союза: от Ленина до Ельцина Москва : РОССПЭН, 2009. 527 с.
5. Мохов ВП. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Пермское книжное издательство; 2003. 240 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 81. Д. 1713.
7. НАРБ. Ф.968. Оп.1. Д. 499.
8. НАРБ, Ф. 4п. Оп. 81. Д. 1718.
9. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 97. Д. 140.
10. НАРБ. Ф. 7. Оп. 5. Д. 91.
11. НАРБ. Ф. 7. Оп. 5. Д. 683.
12. Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 684 с.
13. Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / составители О.В. Хлевнюк [и др.]. Москва: РОССПЭН, 2009. 774 с.
14. Саушкин Ю. Г. Новое экономическое районирование. Москва: Знание, 1963. 32 с.
15. Сборник постановлений Совета Министров СССР. 1962. № 5. Ст. 38.

16. Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР (СЗ БССР). 1962. № 12. Ст. 79.

17. СЗ БССР. 1962. № 41. Ст. 358.

18. Таубман У. Хрущев. Москва: Молодая гвардия, 2008. 840 с.

19. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т. 2008. 516 с.

20. Хлевнюк О.В. Роковая реформа Н.С. Хрущева: разделение партийного аппарата и его последствия // Российская история. 2012. № 4. С. 164–179.

REORGANIZATION OF THE PARTY-SOVIET APPARATUS IN THE BSSR (1962–1964)

The article deals with the issues of reorganization of the party and Soviet apparatus of power and management in the BSSR on the basis of the production principle. It is noted that such a reorganization looks quite logical and is a continuation of previous managerial innovations – the creation of two relatively independent management structures of the most important spheres of economic activity - industry (Councils of National Economy) and agriculture (territorial production collective farm and state farm administrations). The separation of party and Soviet bodies according to the production principle completed the formation of a new managerial political and economic system. In this reorganization, one of the constitutive characteristics of the Soviet power and management model is clearly manifested – the fusion of the party and Soviet apparatuses, the orientation of the party organs to direct and concrete management of production. The short-term functioning of the new management system does not allow for a balanced assessment. The problems that arose during this short period are not seen as insurmountable – they could have been resolved within the framework of the existing planned centralized economy. In the BSSR (as in the RSFSR), they concerned primarily the service sector of the population and only slightly affected the management of industry and agriculture (in particular, the management of local industry by rural regional committees and regional executive committees). As solutions already in 1963 both purely organizational measures (changes in the structure of regional executive committees) and steps to expand the rights of local authorities and management (district and village Councils of Workers' Deputies) were proposed.

Keywords: N.S. Khrushchev, Byelorussian SSR, management system, Communist Party, National Economy Councils, territorial production collective farm and state farm administrations, Councils of Workers' Deputies, production principle.

References

1. Daniels, R.V. (2011). Vzlet i padenie kommunizma v Rossii [[The Rise and Fall of Communism in Russia]. Moskva:ROSSPEN. 510 s.

2. Kommunisticheskaya partiya Belorussii v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov i plenumov CK (1986). [The Communist Party of Belarus in resolutions and decisions of congresses and plenums of the Central Committee]. T. 5. 1956–1965. Minsk: Belarus. 598 s.

3. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyuciyah, KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK

(1898–1986) (1986) [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions, the CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898-1986)]. T. 10. 1961–1965. Moskva : Politizdat. 494 s.

4. Lyuks, L. (2009). Istoriya Rossii i Sovetskogo Soyuza: ot Lenina do El'cina [The History of Russia and the Soviet Union: from Lenin to Yeltsin]. Moskva : ROSSPEN. 527 s.

5. Mokhov, V.P. (2003). Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991 gg.) [The regional political elite of Russia (1945–1991)]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo. 240 s.

6. Nacional`ny`j arxiv Respubliki Belarus` (NARB) [National Archives of the Republic of Belarus]. F. 4p. Op. 81. D. 1713.

7. NARB. F. 968. Op.1. D. 499.

8. NARB. F. 4p. Op. 81. D. 1718.

9. NARB. F. 4p. Op. 97. D. 140.

10. NARB. F. 7. Op. 5. D. 91.

11. NARB. F. 7. Op. 5. D. 683.

12. Pihoya, R.G. (2000). Sovetskij Soyuz: Istoriya vlasti. 1945-1991. [The Soviet Union: The History of Power. 1945–1991]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. 684 s.

13. Regional'naya politika N.S. Hrushcheva. CK KPSS i mestnye partijnye komitety. 1953–1964 gg. (2009). [The regional policy of N.S. Khrushchev. The Central Committee of the CPSU and local party committees. 1953–1964]. Moskva : ROSSPEN. 774 s.

14. Saushkin, Y.G. (1963). Novoe ekonomicheskoe rajonirovanie [New economic zoning]. Moskva : Znanie. 32 s.

15. Sbornik postanovlenij Soveta Ministrov SSSR (SP SSSR) (1962) [Collection of resolutions of the Council of Ministers of the USSR]. № 5. St. 38.

16. Sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta Belorusskoj SSR, postanovlenij i rasporyazhenij Soveta Ministrov Belorusskoj SSR (SZ BSSR) (1962) [Collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the Byelorussian SSR, resolutions and orders of the Council of Ministers of the Byelorussian SSR]. № 12. St. 79.

17. SZ BSSR. 1962. № 41. St. 358.

18. Taubman, U. (2008). Hrushchev [Khrushchev]. Moskva: Molodaya gvardiya. 840 p.

19. Hanin, G.I. (2008). Ekonomicheskaya istoriya Rossii v novejshee vremya. T. 1. Ekonomika SSSR v konce 30-h godov – 1987 god. [Economic history of Russia in modern times. Vol. 1. The economy of the USSR in the late 30s – 1987]. Novosibirsk, Novosib. gos. tekhn. un-t. 516 s.

20. Hlevnyuk, O.V. (2012). Rokovaya reforma N.S. Hrushcheva: razdelenie partjinogo apparata i ego posledstviya [The fatal reform of N.S.

Khrushchev: the division of the party apparatus and its consequences]. *Rossijskaya istoriya [Russian history]*. 4. S. 164–179.

Об авторе

Елизаров Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого (Беларусь), E-mail: sergeyelisarov@mail.ru

Elizarov Sergey Aleksandrovich – doctor of science (history), full professor; professor at the department of social-humanitarian and legal disciplines Pavel Sukhoi State Technical University of Gomel (Belarus), E-mail: sergeyelisarov@mail.ru

УДК 908.470

Ивочкин Д.А., кандидат исторических наук, доцент, Смоленская Православная Духовная Семинария (Россия)

СМОЛЕНСКАЯ ЕПАРХИЯ И СМОЛЕНСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ В НАЧАЛЕ XX В.

В статье раскрывается участие Смоленской епархии в организации и деятельности общественно-научных организаций начала XX века, а частности – Смоленской ученой архивной комиссии. Представители духовного сословия вносили значимый вклад в развитие гуманитарных знаний. Деятельность духовенства способствовала составлению приходских летописей и описаний монастырей, что способствовало не только развитию исторической науки, но и самообразованию духовенства и населения провинциального региона России. Анализ документов комиссии позволяет проследить деятельность духовенства на ниве народного образования, проанализировать вклад представителей епархии в просветительское служение обществу. Обращение к конкретному материалу Смоленской епархии позволяет более точно представить просветительскую практику Церкви на провинциальном уровне, представить ее просветительскую практику, выявить специфические черты, обусловленные ментальными и историко-географическими особенностями развития Смоленской губернии. Вклад представителей духовного ведомства в деятельность Смоленской ученой архивной комиссии подтверждает тезис о взаимосвязи религии и науки. Основными точками соприкосновения духовенства и науки явилась деятельность представителей духовного ведомства со Смоленским церковно-археологическим комитетом и Смоленской ученой архивной комиссией. Большой процент представителей духовенства показывает его заинтересованность в научной деятельности этой организации.

Ключевые слова: приходские летописи, провинциальное общество, святыни, Смоленская епархия, Смоленская ученая архивная комиссия
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-109-124

Просветительская деятельность Русской Православной Церкви, а в особенности, взаимодействие Церкви с общественно-научными организациями в начале XX века, представляет особый интерес. Обращение к конкретному материалу Смоленской епархии позволяет более точно представить просветительскую практику Церкви на провинциальном уровне.

Объектом данной статьи выступает Смоленская ученая архивная комиссия как одна из организаций, взаимодействовавших с Русской Православной Церковью, а предметом изучения являются формирование и развитие названной общественно-научной организации, оценка векторов ее деятельности.

Цель данной работы заключается в анализе взаимодействий

© **Ивочкин Д.А.**
© **Ivochkin D.A.**

Смоленской епархии со Смоленской ученой архивной комиссией: участие в ее создании, научная и просветительская деятельность представителей духовного ведомства в названной организации.

Несмотря на интерес исследователей к истории Русской Православной Церкви в провинциальных епархиях, проблема взаимодействия Смоленской епархии и научных организаций еще достаточно не освещена. Первой работой по данному направлению является монография автора настоящей статьи «Социальная и просветительская деятельность Смоленской епархии во второй половине XIX – начале XX века». [35]. Кроме того, в нашей монографии о деятельности епархиальных епископов «Вклад архиереев в развитие провинциального общества второй половины XIX – начала XX века (по материалам Смоленской губернии)» проанализирован просветительский вектор смоленских епископов, в том числе – и взаимодействие со Смоленской ученой архивной комиссией. [29]. Кроме того, нами были исследованы аспекты взаимодействия Смоленской епархии с Императорским Православным Палестинским Обществом, Православным Миссионерским обществом. [28; 30]. Однако взаимодействие Смоленской епархии и Смоленской ученой архивной комиссии изучается впервые. Таким образом, настоящая работа является попыткой восполнить недостающие лакуны по анализируемому направлению.

Источниковой базой исследования являются неопубликованные источники из фондов Государственного архива Смоленской области. Это фонд №52 «Смоленская ученая архивная комиссия». Фонд насчитывает 230 единиц хранения за период 1908-1919 гг. Среди документов: журналы заседаний комиссии, ее устав, годовые отчеты. Кроме того, они включают в себя: доклады о сохранении исторических памятников и издании сборников «Смоленская старина», сообщения историков-краеведов (Е.Н. Клетновой, И.И. Орловского, Н.Н. Редкова, С.П. Писарева и др.), документы о раскопках Борисоглебского монастыря на Смядыни в Смоленске, других археологических памятников. Фонд также содержит описи дел, хранящихся в смоленских архивохранилищах (светских и церковных), о количестве церквей, документы об Отечественной войне 1812 года. [24, с. 130-131].

В 1908 г. в Смоленской губернии стала действовать Смоленская ученая архивная комиссия, тесно сотрудничавшая в просветительской деятельности со Смоленской епархией. В начале 1900-х гг. государственная власть посчитала необходимым создавать в губерниях организации для сохранения и изучения архивных материалов. Высочайше утвержденное «Положение о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссия», разработанное Министерством внутренних дел вместе с ведущими научными

учреждениями страны (Императорская Академия Наук и Археологический институт Санкт-Петербурга) предлагало открывать комиссии со следующими направлениями их деятельности.

Во-первых, для сосредоточения в одном месте и вечного хранения архивных дел и документов, не востребованных в текущем делопроизводстве, но важных в историческом плане, в губерниях учреждались исторические архивы.

Во-вторых, сбор и приведение в порядок архивных дел возлагалось на учреждаемую в губернии архивную комиссию.

В-третьих, комиссии организовывались с согласия Археологического института и местного губернатора. В число членов комиссии могли входить лица, полезные в научном плане и имевшие познания в области источниковедения.

В-четвертых, на обязанности ученой комиссии лежит: а) разбор дел и документов, предназначенных в различных архивах к уничтожению для выявления из них тех столбцов и бумаг, которые в силу своего значения, подлежат хранению в историческом архиве; б) составление описей и указателей; в) расположение их в порядке, доступном для ученых занятий.

В-пятых, комиссии обязывались ежегодно отправлять в Академию Наук и Археологический институт отчеты о деятельности и копии с описей документов.

В-шестых, ученые комиссии могли включать в круг своих занятий разыскание, описание и объяснение иных памятников старины. [3, л. 1].

Предложение Министерства внутренних дел нашло отклик в среде смоленской общественности. В 1907 г. в Смоленске находился председатель Технико-строительного комитета МВД генерал Н.В. Султанов для осмотра Смоленской крепостной стены. Полковник А.В. Жиркевич (историк) доложил ему о необходимости открытия в Смоленске ученой архивной комиссии. Здесь существовали фрагменты древней крепостной стены, наблюдение за которыми могла бы осуществлять комиссия. Кроме того, в губернии имелось немало памятников древности, а в самом городе богатейшие ризницы, пострадавшие во время пожара в церковно-археологическом музее. Большое число предметов древности хранилось в городском музее и этнографическом собрании М.К. Тенишевой. Научной разработки требовали архивы, погибавшие в сырых и темных башнях крепостной стены. Н.В. Султанов, согласившись с доводами А.В. Жиркевича, по приезде в столицу доложил министру внутренних дел П.А. Столыпину о необходимости открытия в Смоленске ученой архивной комиссии. В ответ на доклад министр предписал Смоленскому губернатору учредить в Смоленске указанную организацию, направив ему Высочайше утвержденное «Положение». 27 февраля 1908 г. губернатор уведомил Столыпина, что в ближайшее время комиссия

будет открыта. При участии историка И.И. Орловского был составлен список лиц, участие которых в трудах комиссии было бы желательным. [4, л. 1-3].

Был составлен проект Устава Смоленской ученой архивной комиссии. В цели и задачи ее деятельности входило: хранение и научная разработка правительственных, общественных и частных архивов; забота о поддержании и восстановлении, сохранности памятников старины; организация научных экскурсий в пределах Смоленской губернии; издательская деятельность. [2, л. 1-4].

3 апреля 1908 г. в здании Смоленского губернского правления прошло первое учредительное собрание Смоленской ученой архивной комиссии. В числе учредителей находились представители губернской власти, интеллигенция, духовенство: протоиерей А. В. Санковский (ключарь кафедрального собора), священники Н.Н. Соколов, П.С. Цветков. Кроме того, в число членов комиссии на правах заместителя председателя вошел преподаватель Смоленского епархиального женского духовного училища И.И. Орловский. [6, л. 1]. Включение в состав комиссии духовенства и представителей духовного ведомства было необходимым, так как на территории Смоленщины имелось достаточно много памятников церковной старины.

1 ноября 1908 г. комиссия обратилась к епископу Феодосию (Феодосиеву) с просьбой войти в состав членов комиссии в качестве почетного члена. 3 ноября архиерей сообщил, что он согласен стать почетным членом и всячески содействовать достижению целей комиссии. [8, л. 68]. Участие архиерея в деятельности комиссии позволило плодотворно привлекать священнослужителей епархии к делу изучения церковной старины Смоленского края. Кроме того, епископ своим вступлением в комиссию показал пример подведомому ему духовенству в обнаружении и изучении исторических памятников. В конце 1908 г. в состав комиссии входили четыре священнослужителя епархии. [7, л. 1-41]. К 3 апреля 1910 г. личный состав комиссии включал в себя почетных членов (двух архиереев) и действительных, в их числе семь представителей духовного ведомства. [10, л. 31]. В дальнейшем число духовенства в составе ученой комиссии постепенно увеличивалось. В 1914 г. из 188 действительных членов 11 были священнослужители. [22, л. 1-4].

Кроме духовенства в состав комиссии входили преподаватели духовных учебных заведений (семинария, женской духовное училище), в их числе и вышеназванный известный краевед И.И. Орловский. К сожалению, в 1909 г. Орловский умер. «Покойный был, можно сказать душой всей деятельности комиссии: он был ее организатором, его перу принадлежит большая часть докладов за первый год существования комиссии, он стоял во главе издательской деятельности комиссии. С его смер-

тью комиссия потеряла неутомимого работника и даровитого исследователя старины». [9, л. 1-3].

Согласно уставу, в цели деятельности комиссии входило издательство краеведческой литературы. Печатным органом комиссии стал журнал «Смоленская старина». В число публикаций, кроме исследований по гражданской истории, написанных светскими исследователями, входили публикации по церковной истории, осуществленные как светскими историками, так и представителями духовного ведомства. До 1917 г. было опубликовано три выпуска «Смоленской старины».

Первый выпуск, его первую часть, открывала работа, посвященная покойному члену комиссии И.И. Орловскому. [36]. В этом же номере опубликованы работа самого Орловского «Борисоглебский монастырь на Смядыни и раскопки его развалин». [32]. Кроме того, церковной тематике посвящены работы Н. Редкова (о преподобном Авраамии Смоленском и его житии) [37], Г. Бугославского «О Борисоглебской церкви г. Смоленска» [1], Н. И. Попова о взаимоотношениях Патриарха Иоакима и митрополита Смоленского Симеона.[34].

Во второй части находились исторические документы светского и церковного планов. Наибольшую ценность представляют «Столбцы Юхновского монастыря (Казанского)» [33] и «Дело о монастырях Смоленской епархии 1781-1783 гг.» [25]. Здесь же помещена работа священника П. Цветкова об апокрифах Смоленских рукописей.[38]

Второй выпуск полностью посвящен Отечественной войне 1812 года. Кроме исторических сведений о собственно военных действиях в пределах Смоленской губернии, выпуск содержит информацию о жизни и патриотической деятельности первого историка Смоленска священника Никифора Адриановича Мурзакевича [27]. В дополнение к жизнеописанию помещено архивное дело обвиняемых в измене священниках Н. Мурзакевиче, Соколове и П. Звереве. [26] Одна из статей включает воспоминания прихожан Петропавловской церкви о 1812 годе, подготовленная священником П. Цветковым.[39].

Третий выпуск журнала (вторая часть) включает археографические материалы из архивов различных ведомств, а также исследование о епископе Смоленском Меркурии.[31].

Таким образом, духовенство активно использовало страницы журнала для просветительства населения Смоленщины.

Деятельность духовенства Смоленской епархии в работе Смоленской ученой архивной комиссии также заключалась в обнаружении в пределах приходов исторических документов и артефактов, представлявших интерес для истории Церкви, государства и Смоленского края, увековечивании памятных событий, проведении церковных торжеств.

В 1908 г. священник П. Солн-

цев (член комиссии) возбудил ходатайство перед епархиальным начальством о разрешении построить часовню на предполагаемом местонахождении Петропавловского монастыря в селе Свирколучье Дорогобужского узда. Комиссия поручила П. Строганову осуществить на месте исследования относительно существования Петропавловского монастыря в древности. [13, л. 36].

7 ноября 1910 г. князь В.М. Урусов сообщил собранию сведения о возможности установки на одной из башен крепостной стены и на кафедральном соборе чугунных плит в память ознаменования 300-летия со дня обороны Смоленска боярином Шеиным. Была сформирована комиссия для составления текста, в которую вошел священник Леонид Смирнов. По его предложению комиссия постановила обратиться к епископу Феодосию с просьбой дать свое благословение и оказать содействие, а также представить архиерею текст надписи. [11, л. 15]. 16 марта 1911 г. владыка дал благословение и разрешение на установку памятной доски на пилоне кафедрального собора. [Там же. Л. 23].

21 ноября правление комиссии заслушало отношение Смоленской духовной консистории, которая запрашивала, на каких местах комиссия предполагает ставить часовни и кресты для ознаменования исторических местностей. Комиссия постановила сообщить, что в первую очередь предполагается ставить часовни в следующих местах:

- на Смядыни у святого колодца;
- на Смядыни над развалинами Борисоглебского храма;
- в деревне Чернушки на месте бывшего Спасского монастыря;
- в деревне Шейновке возле бывшего Духовского монастыря;
- на месте бывшего Троицкого монастыря на Кловке;
- между Шейновкой и Рачевкой возле так называемого «Костелища» (месте сражения русских с поляками). [Л. 16].

21 февраля 1911 г. консистория уведомила комиссию о разрешении производить сбор пожертвований на постройку часовен на местах исторических событий. [Там же. Л. 22а]. Кроме того, по предложению Е.Н. Клетновой была организована совместная комиссия (представители Смоленской епархии и светские историки) для наблюдения за сохранением древних святынь. [12, л. 55 об.]. Епископ Феодосий благословил работу названной комиссии, посчитав предложения «очень ценными и изъявляет на них полное свое согласие». [11, л. 44 об.].

В 1911 г. духовенство Смоленской епархии по поручению комиссии собирало сведения о старинных зданиях (замках, крепостях и т.п.). Для этого были изучены доклады священнослужителей, датируемые 1827 г. Из документов, собранных комиссией, стало известно следующее.

Благочинный Рославля доложил, что в Рославле имеются два старинных искусственно насыпанных вала, именуемых городками –

1-й с восточной стороны города, так называемая «Бурцева гора» с деревянной часовней на ней, а 2-й с западной части города.

Благочинный Рославльского уезда священник Николай Осипов доложил о старинной деревянной церкви в селе Даниловичах того же уезда. [16, л. 4-4 об.].

Дорогобужское духовное правление сообщило, что кроме села Бизюково с остатками полуразвалившейся каменной ограды, двух каменных корпусов без окон, кровли и печей, старинных строений не имелось. В церкви названного села хранился портрет строителя монастыря Феодора Салтыкова. [Там же. Л. 5].

Донесения благочинных завершались копией постановления Смоленской духовной консистории. Во-первых, относительно земляных валов и зданий в Бизюкове консистория распорядилась дело оставить без донесения архиерею и в Синод; во-вторых, старинную церковь в Даниловичах разобрать. [Там же. Л. 7].

При разборе документов консистории комиссию заинтересовали сведения о количестве церквей по уездам Смоленской епархии с 1721 г. (на основании консисторского архива). [18].

28 марта 1911 г. прошло заседание «Комитета по ознаменованию 1812 года при Смоленской ученой архивной комиссии», на котором были приняты следующие решения.

1) Отпечатать 2 тысячи обращения к населению с просьбой о сообщении архивной комиссии всевозможных сведений, относящихся к Отечественной войне в пределах Смоленской губернии.

2) Разослать обращения предводителям дворянства, помещикам, настоятелям церквей и волостным правлениям.

3) Просить уездных предводителей дворянства Гжатского, Дорогобужского и Краснинского уездов образовать под своим руководством временные комиссии любителей старины для сбора материалов, касающихся войны для опубликования в трудах Смоленской ученой архивной комиссии.

В текст обращения включили просьбу к настоятелям храмов о сообщении выписок из церковно-приходских летописей за 1812-1815 гг. [14, л. 24].

12 мая 1911 г. Смоленская духовная консистория сообщила, что на прошение комиссии о рассылке по церквям печатных обращений, заключающих просьбу о присылке документов 1812 г., последовала одобрительная резолюция епископа Феодосия. [15, л. 84].

Вследствие отношения правления комиссии от 8 декабря 1911 г. на имя епископа Феодосия, последний разрешил ее членам священнику Петру Цветкову, П.В. Михайлову и Н.Н. Редкову ознакомиться с делами, хранившимся в архиве консистории, для извлечения из них материалов, касающихся 1812 г. [11, л. 1].

10 января 1912 г. председатель комиссии В.Ю. Фере попросил владыку выслать в комиссии описи документов 1812-1815 гг. 14

января архиерей сообщил комиссии, что в архиве Смоленской духовной консистории имеются подобные описи, однако для их высылки имелись препятствия. Во-первых, как описями, так и делами архива постоянно пользовалась консистория, а во-вторых, все описи были переплетены по периодам не менее 50 лет. Следовательно, «представляется затруднительным сказать, описи какого рода дел желательно получить архивной комиссии и, наконец, так как описи архивных дел представляют собой ценные документы, то я полагал бы, что пользование ими вне архива консистории неудобно в смысле ручательства за сохранность и целостность их». Поэтому владыка предложил комиссии вновь командировать своих членов в архив консистории для работы с необходимыми описями. [14, л. 9-9 об.].

В рамках празднованию юбилея Отечественной войны комиссия предлагала установить памятную доску на Надвратной Одигитриевской церкви. По поручению комиссии священник П. Цветков вместе с генералом Н.К. Голенкиным осмотрели храм и доложили, что памятная доска в память возвращения в Смоленск чудотворной иконы Одигитрии 10 ноября 1812 г. может быть установлена на одном из следующих мест.

1) На стороне, обращенной к Днепру, под балконом церкви.

2) На той же стороне, на левом пилоне церкви.

3) На стороне, обращенной к собору, между часовней и левым пилоном, которая приблизительно пополам делится глубоко вделанной в стену церкви круглой нишей.

4) На воротах церкви, на правой стене со стороны собора.

Члены правления священник П. Цветков и Н. Голенкин считали, что единственно удобным местом для доски было место под иконой Одигитрии, где имелось свободное пространство и где уже была укреплена маленькая финифтевая табличка с надписью. Комиссия признала необходимым укрепить памятную табличку внутри храма. [20, л. 43-43 об.].

В 1911 г. комиссия рассматривала архивные дела консистории «О создании комиссии по восстановлению всех разоренных зданий духовного ведомства» после Отечественной войны 1812 г. [17] и о нуждающемся духовенстве, разоренном неприятелем. [21]. Кроме того, в рамках подготовки публикаций по истории Смоленской епархии во время войны комиссия изучила документы консистории о состоянии церквей и церковной утвари после 1812 г. [19]. Особое внимание было уделено документам о ризницах, присланных императрицей Елизаветой Алексеевной для церквей Смоленской епархии. [23].

В декабре 1910 г. на заседании комиссии священник Петр Цветков внес следующее предложение. В старинных книгах нередко встречались записи семейного характера. Они проливали свет на деятельность и семейно-родовое положение лиц, принимавших участие в тех или иных событиях прошлого.

Сам священник нашел на рынке старинные книги с заметками о трех поколениях семьи Вагнеров, герое 1812 года Зеньковиче. Отец Петр предложил комиссии обратиться через газеты с просьбой сообщать, у кого есть такие книги и по возможности доставлять их в комиссию. [11, л. 19 об.].

Члены комиссии совершали полевые исследования, выезжали на исторически значимые места, проводили археологические раскопки.

В 1908 г. комиссия обратила внимание на иконостас XVIII столетия из Богоявленского собора, перенесенного в село Сверчково Смоленского уезда. Однако из-за неподобающего хранения в недостроенном храме иконы стали подвергаться опасности. Ввиду важного исторического значения многих икон из этого иконостаса, комиссия просила епископа Феодосия просила почетного члена епископа Феодосия принять меры к возвращению иконостаса в собор и хранению его здесь в подобающем состоянии, приличествующем святыне и историческому значению. [8, л. 37]. По поручению комиссии присутствовать при приеме и передвижении сверчковского иконостаса были уполномочены священник Л. Смирнов и врач В.Н. Белькович. [Там же. Л. 70].

Особое внимание члены комиссии уделяли древней святыне Смоленской земли – развалинам Борисоглебского монастыря. [Там же. Л. 129].

Смоленская ученая архивная комиссия не оставляла без внимания погребений известных смолян. В 1912 г. историк С. Грачев обратил внимание ее членов на состояние памятника священнику Н.А. Мурзакевичу на Окопном кладбище. Надгробный памятник представлял собой кирпичный цилиндрический столб, увенчанный небольшим крестом, без всякой надписи. До этого надписью служили стихи одного из сыновей почившего. Могильный холм со временем был практически стерт, памятник обветшал настолько, что грозил разрушением. Вместе с ним, по замечанию Грачева, «несомненно исчезнет с лица земли и место упокоения дорогого батюшки о. Никифора». Историк предлагал принять спешные меры по восстановлению памятника или соорудить новый, тем боле, что в 1912 г. планировалось торжественно отметить юбилей Отечественной войны. «Главное необходимо, чтобы вновь сооруженный памятник огражден был металлической решеткой, так как место, занимаемое могилою, соприкасается с дорожкой, ведущей кругом храма. Желательно также, чтобы стихи, бывшие на могиле на особой металлической доске, были восстановлены». По просьбе комиссии Смоленская городская дума в 1911 г. на ремонт памятника ассигновала 200 руб. [12, л. 59].

В 1916 г. Смоленская ученая архивная комиссия обратила внимание на древности Успенского кафедрального собора, в частности – на резное изображение пеликана

на царских вратах. Местный художник Мушкетов обратил внимание комиссии о якобы «исчезнувших резного изображения гнезда пеликана, старинной лампады и относительно замены кровли собора новым материалом». По словам командированного Л.Я. Лавровского, изображение птицы пеликана и его гнезда находилось вверху царских врат, изображений птенцов в гнезде не было и в описи не числилось. Что же касалось лампады, бывшей над царскими вратами, то она хранится, вследствие ее ветхости, в ризнице собора и не представляла ценности ни в историческом, ни в художественном отношении. Крышу же собора покрыли прочным материалом, не имеющим отношения к археологии. [Там же. Л. 9]. По благословению епископа Феодосия, в состав комитета по реставрации кафедрального собора был включен член комиссии художник С.И. Шведов. [Там же. Л. 38].

После проведенных полевых исследований члены комиссии-священнослужители и представители духовного ведомства на заседаниях комиссии оглашали составленные ими рефераты, как на светскую, так и церковную тематику. Так, в 1909-1910 гг. были заслушаны следующие доклады. И.И. Орловский: «О перенесении мощей св. Бориса и Глеба из Вышгорода на Смядынь» и «О подвигах отдельных смолян в 1812 г.» по архивам из документов, хранившихся в Авраамиевской башне крепостной стены.

Священник Николай Соколов: «О курганах в имении Тихановского» и «О состоянии древней церкви села Волкова Краснинского уезда».

П.Я. Строганов: «О Петровском монастыре близь села Свирколучья, Дорогобужского уезда», «О состоянии находящейся в селе Цареве-Займище деревянной церкви св. Иоанна Предтечи, построенной в 1774 году» и «О нательном образке, пуговицах и остатках одежды казака времени 1812 года, из деревни Коробова, Вяземского уезда, найденных крестьянином Щедриным в раскопанной могиле.

Священник Петр Цветков: «О старинном кресте, принадлежащем роду дворян Рачинских». [9, л. 5 об.].

Таким образом в начале XX в. взаимодействие Смоленской епархии с научно-просветительскими организациями было насыщенным и плодотворным. Наличие большого числа церковных древностей, архитектурных памятников, сделало необходимым учреждение проанализированной в данной статье организации. Это позволило поднять на новый уровень не только краеведческое движение в Смоленской епархии, но и повысить значимость местных исследований, что способствовало раскрытию творческого и научного потенциала многих представителей духовного ведомства.

Анализ деятельности Смоленской ученой архивной комиссии позволяет сделать вывод о высоком научном уровне ее членов в

священном сане и представителей духовного ведомства. Показателен факт, что в число почетных членов комиссии входили иерархи, а в канцелярию, правление и ревизионную комиссию – духовенство (священники, ректор духовной семинарии), а также преподаватели духовных учебных заведений. Это позволяло увеличить количество вовлеченного духовенства в научно-просветительскую деятельность, исследование истории родного края, публикацию краеведческих работ.

Список литературы

1. Бугославский Г. О Борисоглебской церкви г. Смоленска // Смоленская старина. Смоленск, 1909. Выпуск первый. С. 1-18.
2. Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. 52. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 4.
6. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 5.
7. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7.
8. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 10.
9. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 13.
10. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 21.
11. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 24.
12. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 27.
13. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 28.
14. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 57.
15. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 58.
16. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 71.
17. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 80.
18. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 84.
19. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 104.
20. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 106.
21. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 130.
22. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 136.
23. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 201.
24. Государственный архив Смоленской области и его филиал в г. Вязьма. Путеводитель. Смоленск, 2012.
25. Дело о монастырях Смоленской епархии 1781-1783 гг. // Смоленская старина. Смоленск, 1909. Выпуск первый. Часть вторая. С. 81-103.
26. Дело о священниках Мурзакевиче и Соколове и протоиерее Поликарпе Звереве // Смоленская старина. Смоленск, 1912. Выпуск второй. С. 227-320.
27. Жизнеописание (история) священника Никифора Андриановича

Мурзакевича. Составлено сыном его, протоиереем Иоанном Мурзакевичем // Смоленская старина. Смоленск, 1912. Выпуск второй. С. 178-226.

28. Ивочкин Д.А. Взаимодействие Смоленской епархии с миссионерскими организациями во второй половине XIX – начале XX века // Преподаватель XXI век. Выпуск 1. Часть 2. 2018. С. 294-308.

29. Ивочкин Д.А. Вклад архиереев в развитие провинциального общества второй половины XIX – начала XX века: по материалам Смоленской губернии. Смоленск, 2020. 376 с.

30. Ивочкин Д.А. Деятельность Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: из опыта взаимодействия Смоленской епархии и православно-общественных организаций во второй половине XIX – начале XX века // Известия Смоленского государственного университета. Ежеквартальный журнал 2017, № 4(40). С. 299-308.

31. Лавровский Л.Я. Св. Меркурий, еп. Смоленский // Смоленская старина. Смоленск, 1916. Выпуск третий. Часть вторая. С. 1-23.

32. Орловский И.И. Борисоглебский монастырь на Смядыни и раскопки его развалин // Смоленская старина. Смоленск, 1909. Выпуск первый. С. 195-312.

33. Орловский И.И. Столбцы Юхновского монастыря (Казанского) // Смоленская старина. Смоленск, 1909. Выпуск первый. Часть вторая. С. 59-73.

34. Попов Н.И. Соборы патриарха Иоакима на митрополита Смоленского Симеона // Смоленская старина. Смоленск, 1909. Выпуск первый. С. 313-343.

35. Рафаил (Ивочкин), иеромонах. Социальная и просветительская деятельность Смоленской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Смоленск, 2012. 264 с.

36. Редков Н.Н. Иван Иванович Орловский – товарищ председателя Смоленской ученой архивной комиссии // Смоленская старина. Смоленск, 1909. Выпуск первый. С. III-XVI.

37. Редков Н.Н. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом. Опыт историко-литературного исследования // Смоленская старина. Смоленск, 1909. Выпуск первый. С. 1-176.

38. Цветков П., свящ. Апокрифические сочинения в некоторых из Смоленских рукописных сборников // Смоленская старина. Смоленск, 1909. Выпуск первый. Часть вторая. С. 183-195.

39. Цветков П., свящ. Воспоминания прихожан Петропавловской г. Смоленска церкви о 1812 годе // Смоленская старина. Смоленск, 1912. Выпуск второй. С. 401-412.

SMOLENSK DIOCESE AND SMOLENSK SCIENTIFIC ARCHIVAL COMMISSION IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article reveals the participation of the Smolensk diocese in the organization and activities of social and scientific organizations of the early twentieth century, and in particular - the Smolensk Scientific Archival Commission. Representatives of the clergy made a significant contribution to the development of humanitarian knowledge. The activities of the clergy contributed to the compilation of parish chronicles and descriptions of monasteries, which contributed not only to the development of historical science, but also to the self-education of the clergy and the population of the provincial region of Russia. An analysis of the commission's documents makes it possible to trace the activities of the clergy in the field of public education, to analyze the contribution of the representatives of the diocese to the educational service to society. Turning to the specific material of the Smolensk diocese allows us to more accurately present the educational practice of the Church at the provincial level, to present its educational practice, to identify specific features due to the mental and historical and geographical features of the development of the Smolensk province. The contribution of representatives of the spiritual department to the activities of the Smolensk Scientific Archival Commission confirms the thesis about the relationship between religion and science. The main points of contact between the clergy and science were the activities of representatives of the spiritual department with the Smolensk Church and Archaeological Committee and the Smolensk Scientific Archival Commission. A large percentage of clergy representatives shows their interest in the scientific activities of this organization.
Keywords: parish annals, provincial society, shrines, Smolensk Diocese, Smolensk Scientific Archival Commission

References

1. Bugoslavskij G. (1909). O Borisoglebskoj cerkvi g. Smolenska [About the Borisoglebsky Church of Smolensk]. Smolenskaya starina. Smolensk, Vypusk pervyj. [Smolensk antiquity]. S. 1-18.
2. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 1.
3. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 2.
4. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 3.
5. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 4.
6. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 5.
7. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 7.
8. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 10.
9. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. 52. Op. 1. D. 13.
10. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the

Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 21.

11. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 24.

12. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 27.

13. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 28.

14. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 57.

15. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 58.

16. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 71.

17. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 80.

18. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 84.

19. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. 52. Op. 1. D. 104.

20. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 106.

21. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 130.

22. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 136.

23. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti. [State Archive of the Smolensk region]. F. 52. Op. 1. D. 201.

24. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti i ego filial v g. Vyaz'ma. (2012). Putevoditel'. Smolensk. [State Archive of the Smolensk region and its branch in Vyazma. Traveler]. Smolensk.

25. Delo o monastyryah Smolenskoj eparhii 1781-1783 gg. [The case of the monasteries of the Smolensk diocese of 1781-1783]. Smolenskaya starina. Smolensk, Vypusk pervyj. CHast' vtoraya. [Smolenskaya starina. Smolensk, 1909. Issue one. Part Two]. S. 81-103.

26. Delo o svyashchennikah Murzakeviche i Sokolove i protoieree Polikarpe Zvereve [The case of priests Murzakevich and Sokolov and Archpriest Polycarp Zverev]. Smolenskaya starina. Smolensk, 1912. Vypusk vtoroj. [Smolenskaya starina. Smolensk, 1912. Issue two] .S. 227-320.

27. ZHizneopisanie (istoriya) svyashchennika Nikifora Andrianovicha Murzakevicha. Sostavleno synom ego, protoiereem Ioannom Murzakevichem [Biography (history) of the priest Nikifor Andrianovich Murzakevich. Compiled by his son, Archpriest John Murzakevich]. Smolenskaya starina. Smolensk, 1912. Vypusk vtoroj [Smolenskaya starina. Smolensk, 1912. Issue two]. S. 178-226.

28. Ivochkin D.A. (2018). Vzaimodejstvie Smolenskoj eparhii s missionerskimi organizaciyami vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Interaction of the Smolensk Diocese with missionary organizations in the second half of the XIX - early XX century]. Prepodavatel' XXI vek. Vypusk 1. CHast' 2. [Teacher of the XXI century. Issue 1. Part 2]. S. 294-308.

29. Ivochkin D.A. (2020). Vklad arhiereev v razvitie provincial'nogo obshchestva vtoroj poloviny XIX – nachala HKH veka: po materialam Smolenskoj gubernii [The contribution of bishops to the development of provincial society in the second half of the XIX - early XX century: based on the materials of the Smolensk province]. Smolensk, 376 s.

30. Ivochkin D.A. (2017). Deyatel'nost' Smolenskogo otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva: iz opyta vzaimodejstviya Smolenskoj eparhii i pravoslavno-obshchestvennyh organizacij vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Activities of the Smolensk Department of the Imperial Orthodox Palestine Society: from the experience of interaction between the Smolensk Diocese and Orthodox Public Organizations in the second half of the XIX - early XX century]. Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. Ezhekvartal'nyj zhurnal [Proceedings of the Smolensk State University. Quarterly Magazine]. 4(40). S. 299-308.

31. Lavrovskij L.YA. (1916). Sv. Merkurij, ep. Smolenskij [St. Mercury, ep. Smolensky]. Smolenskaya starina. Vypusk tretij. CHast' vtoraya. [Smolensk antiquity. Issue three. Part Two].S. 1-23.

32. Orlovskij I.I. (1909). Borisoglebskij monastyr' na Smyadyni i raskopki ego razvalin [Borisoglebsky monastery on Smyadyn and excavations of its ruins]. Smolenskaya starina. Vypusk pervyj [Smolenskaya antiquity. Issue one]. S. 195-312.

33. Orlovskij I.I. (1909). Stolbcy YUhnovskogo monastyrya (Kazanskogo) [Columns of the Yukhnovsky monastery (Kazan)]. Smolenskaya starina. Vypusk pervyj. CHast' vtoraya [Smolenskaya antiquity. Issue one. Part Two]. S. 59-73.

34. Popov N.I. (1909). Sobory patriarha Ioakima na mitropolita Smolenskogo Simeona [Cathedrals of Patriarch Joachim on Metropolitan Simeon of Smolensk]. Smolenskaya starina. Vypusk pervyj [Smolenskaya antiquity. Issue one]. S. 313-343.

35. Rafail (Ivochkin), ieromonah. (2012). Social'naya i prosvetitel'skaya deyatel'nost' Smolenskoj eparhii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Social and educational activities of the Smolensk Diocese in the second half of the XIX - early XX centuries]. Smolensk, 264 s.

36. Redkov N.N. (1909). Ivan Ivanovich Orlovskij – tovarishch predsedatelya Smolenskoj uchenoj arhivnoj komissii [Ivan Ivanovich Orlovsky - comrade of the chairman of the Smolensk Scientific Archival Commission]. Smolenskaya starina. Vypusk pervyj [Smolenskaya antiquity. Issue one]. S. III-XVI.

37. Redkov N.N. (1909). Prepodobnyj Avraamij Smolenskij i ego zhitie,

sostavlennoe uchenikom ego Efremom. Opyt istoriko-literaturnogo issledovaniya [Smolensky and his life, compiled by his disciple Ephraim. The experience of historical and literary research]. Smolenskaya starina. Vypusk pervyj [Smolenskaya antiquity. Issue one]. S. 1-176.

38. Cvetkov P., svyashch. (1909). Apokrificheskie sochineniya v nekotoryh iz Smolenskih rukopisnyh sbornikov [Apocryphal writings in some of the Smolensk manuscript collections]. Smolenskaya starina. Vypusk pervyj. CHast' vtoraya [Smolenskaya antiquity.Issue one. Part Two]. S. 183-195.

39. Cvetkov P., svyashch. (1912). Vospominaniya prihozhan Petropavlovskoj g. Smolenska cerkvi o 1812 gode [Memoirs of parishioners of the Peter and Paul Church of Smolensk about the year 1812]. Smolenskaya starina. Vypusk vtoroj [Smolenskaya antiquity. Issue two]. S. 401-412.

Об авторе

Ивочкин Демьян Анатольевич – кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой богословских и церковно-исторических дисциплин, Смоленская православная духовная семинария (Россия), E-mail: idar78@mail.ru

Ivochkin Demyan Anatolyevich – Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Associate Professor, Head of the Department of Theological and Church-Historical Disciplines, Smolensk Orthodox Theological Seminary (Russia), E-mail: idar78@mail.ru

УДК 94(47)

Ипутатов Д.Ю., аспирант, Государственный социально-гуманитарный университет г. Коломна (Россия)

УСЛОВИЯ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX В.

В статье рассматриваются условия труда на заводах и фабриках Московской губернии в период с 1882 по 1900 годы. Автором изучены основные проблемы, связанные с низким качеством воздуха, плохим освещением и загруженностью рабочих помещений. Проанализированы такие показатели, как концентрация рабочих на предприятии, качество вентиляции, величина помещений и периодичность их уборки, наличие различных газов и примесей на территории заводов, расположение санузлов и отопление помещений. На основании отчётов фабричных инспекторов Московской губернии были сделаны выводы о неудовлетворительных условиях труда рабочих на значительной части предприятий, а также выявлены механизмы решения отдельных проблем. Автором отмечается, что за двадцатилетний период не были выработаны законодательные акты, регламентирующие устройство рабочих помещений на заводах и фабриках. Надзор за предприятиями находился в компетенции фабричной инспекции, но инспектора не располагали инструментами влияния на владельцев предприятий, а имели возможность лишь делать предписания, которые в дальнейшем могли привести к штрафам. Из-за отсутствия эффективного механизма, побуждающего фабрикантов улучшать условия труда рабочих, существовавшие на предприятиях проблемы оставались нерешёнными.

Ключевые слова: условия труда, фабриканты, рабочие, фабричная инспекция, пореформенный период.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-125-139

Социально-экономическое развитие во второй половине XIX века Российской империи в целом и Московской губернии в частности, а также постепенное формирование фабричного законодательства предопределили создание инструментов правового регулирования и контроля исполнения законов на местах. Главным механизмом в этой сфере стал институт фабричной инспекции, занимавшейся систематическими осмотрами заводов и фабрик.

В статье проанализированы отчёты двух фабричных инспекторов Московской губернии, работавших с 1882 по 1908 годы, а также сведения из отчета главного земского санитарного врача Е. М. Дементьева. Отчёты первого фабричного инспектора И. И. Янжула и второго инспектора С. Гвоздева отличаются друг от друга как по подбору описываемого в них материала, так и по подходу к процессу исследования. Янжул был первопроходцем в этом деле, и, приступая к изучению сложившейся в сфере промышленности ситуации, он сам

© Ипутатов Д.Ю.
© Iputatov D.Yu.

не подозревал, какие подробности фабричного быта перед ним предстанут. В этой связи материал был более разнороден, но обширен и подробен. С. Гвоздев принимался за составление отчёта, опираясь на опыт своего предшественника, и с осознанием существующих проблем. Поэтому описываемый им материал получался более систематичным. Кроме того, в начале XX века отделом промышленности при министерстве финансов были разработаны общие формы для заполнения их фабричными инспекторами. Поэтому сведения, представленные в записках С. Гвоздева, позволяли ему более критично оценивать деятельность промышленников Московской губернии по целому ряду направлений.

Начало работы фабричного инспектора И. И. Янжула относится к 1882 году, и произошло это вскоре после издания закона «О малолетних, работавших на заводах, фабриках и мануфактурах» [1]. По сути, инспектор должен был выяснить, каким образом реализуются на практике нормы данного закона. По его собственным словам, на первых порах предстояло решить две основные задачи. Первая, заключалась в сборе максимально возможных сведений о количестве малолетних рабочих, их процентном соотношении, усталости, рабочем времени и школьном образовании. В ходе решения второй задачи, инспектору предстояло выяснить общие сведения о рабочих различного половозрастного состава. Им изучались условия найма, размер заработной платы, обеспечение продовольствием, жильем и медицинской помощью [12, с. 32].

И. И. Янжул приступил к исследованию фабрик Московской губернии в сентябре 1882 года. К этому моменту закон об использовании труда малолетних уже был доведён до сведения фабрикантов. Но по выражению самого инспектора, «...года два, по крайней мере, на большинстве фабрик об этом законе ничего не знали и даже ничего не слышали» [12, с. 34]. Зачастую инспектору приходилось объяснять не только цель приезда, но и разъяснять суть закона. Но в большинстве случаев от него отговаривались деловыми встречами, а порой и вовсе не скрывали своей незаинтересованности. Поэтому у И. И. Янжула порой возникали проблемы с руководством фабрик даже при предъявлении документов. Некоторые принимали его за земского статиста, другие – за окружного надзирателя. Инспектор с удивлением отмечал полнейшую уверенность фабрикантов в отмене закона о малолетних работниках, а потому возможности его неисполнения. Некоторые фабриканты, чтобы скрыть нарушения, даже пытались дать инспектору взятку в натуральном или в денежном виде [12, с. 36].

Но наиболее существенной помехой в исследовании заводов и фабрик было отсутствие их должного учёта. Порой не было не только упоминаний о размере фабрики, но даже сведений о её

местонахождении и путях сообщения. Данные обстоятельства, конечно, только затягивали процесс обследования, а количество и целостность получаемой информации отличалась в зависимости от отношения руководства фабрик к институту фабричной инспекции.

Несмотря на все эти сложности, за два года кропотливой работы фабричным инспектором были обследованы 174 фабрики и составлен подробнейший отчёт об условиях труда рабочих. Данный отчёт был первым исследованием, отражавшим существовавшую на тот момент ситуацию с положением рабочих на территории Московской губернии. Впоследствии именно эта работа фабричной инспекции положила начало комплексному изучению условий труда и быта рабочих.

Помимо деятельности фабричных инспекторов важным вкладом в исследование проблем, существовавших на фабриках и заводах Московской губернии, стали отчёты главного земского санитарного врача губернии Е. М. Дементьева, обследовавшего в первой половине 1880-х годов 684 промышленных предприятия. При осмотре им учитывалось несколько параметров: величина помещения, температура и влажность воздуха, источники его загрязнения, способы отопления и вентиляции, степень дневного и искусственного освещения, расстановка машин и других аппаратов, чистота содержания мастерских [9, с. 14].

В ходе исследования был сделан вывод, что все негативные факторы, связанные с условиями труда рабочих, сводились к трём основным: качество воздуха, количество света (естественного или искусственного) и простор рабочего места, обеспечивающий удобство и безопасность труда [9, с. 199]. Именно эти три фактора оказывали наиболее негативные воздействия на здоровье рабочих и приводили к травмам. Каждый из представленных факторов обуславливался рядом обстоятельств.

.

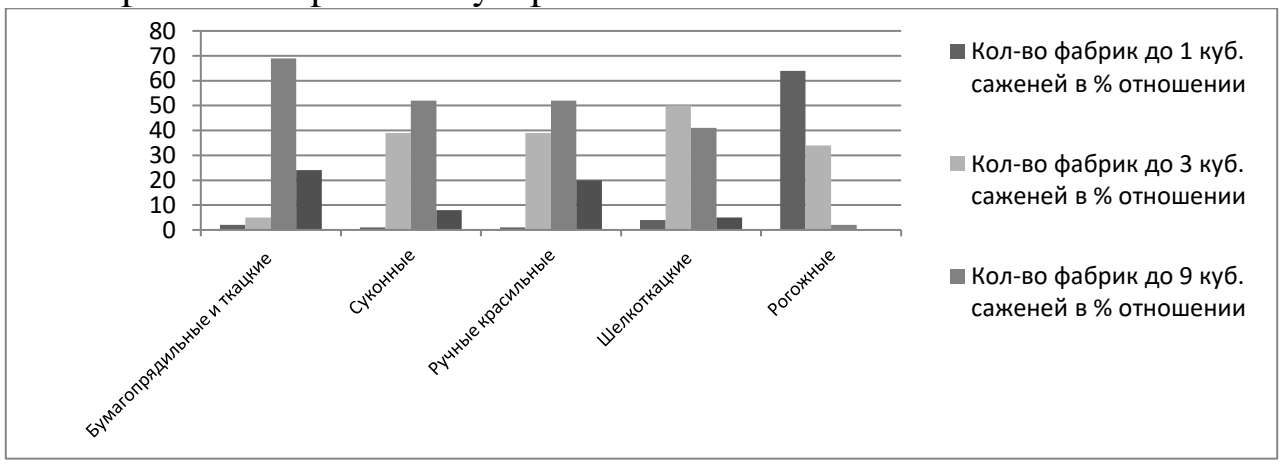

Рис. 1. Количество фабрик по видам производства по наполняемости воздухом рабочих помещений в процентном отношении на предприятиях Московской губернии в 1882-1884 годы.

В первую очередь на качество воздуха, уровень освещения и простор рабочего места влиял размер помещения, в котором происходила непосредственная работа или куда было необходимо периодически приходить рабочим за материалами и выполнением временных действий. Данные о размерах производственных помещений на предприятиях представлены на рис. 1

Как видно на диаграмме, наибольшее количество предприятий с рабочими помещениями размером до 3 кубических саженей приходилось на рогожные фабрики, которые по данному показателю не соответствовали минимальным санитарным требованиям. Лучшие показатели были отмечены на бумагопрядильных и ткацких производствах, где свыше 90% фабричных помещений были объемом от 5 до 10 куб. саженей и выше. При этом четко прослеживалась зависимость размера помещений от вида работ: на фабриках с применением ручного труда процент небольших по размерам помещений (до 1 куб. сажени) доходил до 50%, в то время как на предприятиях с применением механических производств этот показатель не превышал 25% [9, с. 202].

Вредные условия труда также различались по видам производств. К наиболее токсичным и опасным для здоровья относились химические, отбельно-красильно-отделочные предприятия и фабрики по обработке волокнистых веществ с высоким содержанием частиц хлопка в воздухе [9, с. 200]. В целом, менее вредные условия труда были на фабриках по обработке волокнистых веществ, что обуславливалось целым рядом причин. Во-первых, на этих предприятиях чаще всего преобладали обширные помещения при небольшом количестве персонала. Во-вторых, помещения были обустроены таким образом, что часть их выходила на улицу и имела естественную вентиляцию. В-третьих, на тех фабриках, где имелись помещения малой площади, рабочие пребывали в них недолго, а основную часть времени находились в более просторных помещениях или же на улице.

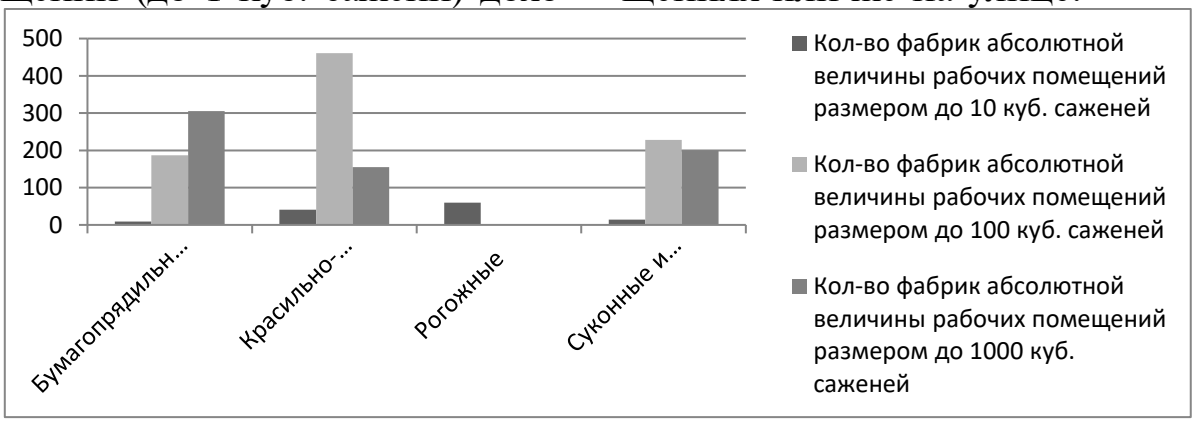

Рис. 2. Количество фабрик абсолютной величины рабочих помещений среди различных отраслей текстильной промышленности Московской губернии в 1882-1884 годах.

Среди различных видов производств, размещавшихся на территории Московской губернии, максимальное количество предприятий с наибольшими размерами рабочих помещений было сконцентрировано в текстильной промышленности (см. рис. 2). Именно в этой сфере преобладали крупные по размеру фабрики с объемом помещений от 100 до 1000 куб. саженей.

Размер помещений являлся важным статистическим показателем, но для понимания реальной картины происходившего на производстве наибольшее значение имела численность рабочих в расчете на единицу площади. Соответствующие сведения по видам производств представлены на рис. 3.

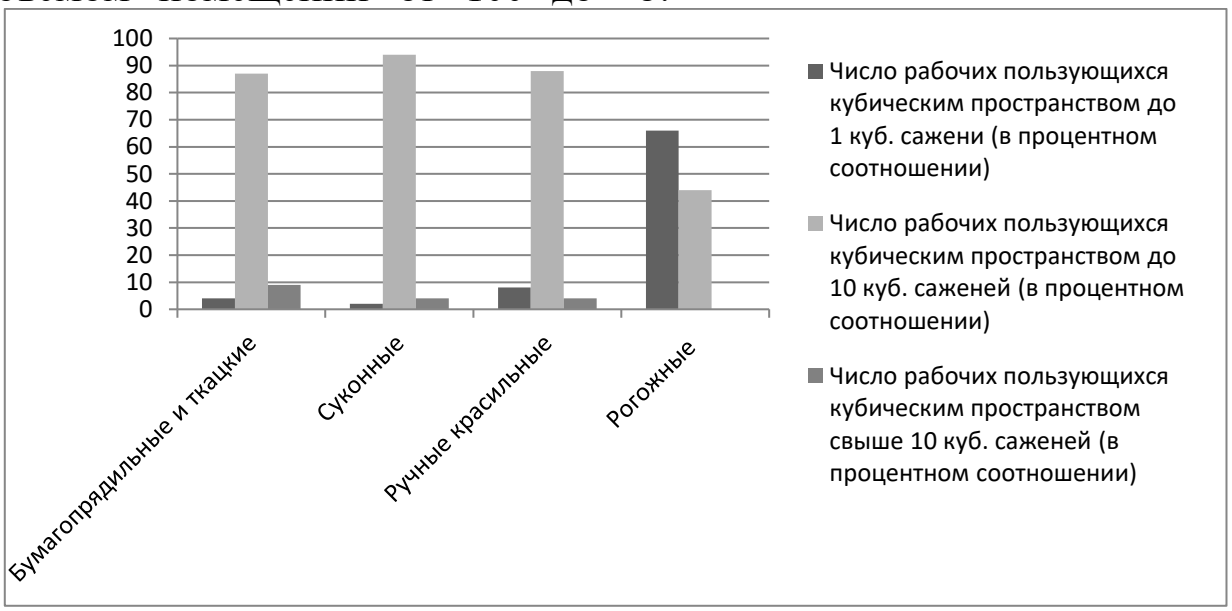

Рис. 3. Распределение рабочих Московской губернии по видам производств, имеющих помещения различной площади (в процентном соотношении по данным за 1882-1884 годы)

Как следует из представленной диаграммы, худшие показатели демонстрировали рогожные фабрики. Однако в действительности на незначительное по размерам помещение на рогожном производстве чаще всего приходился всего один человек, а на более вместительных текстильных предприятиях в одном помещении могли трудиться свыше десяти. Кроме того, численность рабочих на единицу площади находилась в прямой зависимости от степени механизации производства: на предприятиях с ручным трудом количество рабочих в помещении было значительно больше, чем на тех фабриках, где использовались различные механизмы.

Общей проблемой для промышленных предприятий всех типов была повышенная загрязнённость воздуха, что являлось прямым следствием плохой вентиляции или её полного отсутствия. В большинстве помещений для проветривания использовались оконные форточки и фрамуги, кото-

рые на зиму замазывались или забивались. Существовали различия, связанные с характером производства: на предприятиях с механическим трудом помещения были просторнее, и в них находилось меньше работников, а, следовательно, и больше чистого воздуха даже при отсутствии должной вентиляции. На предприятиях с ручным трудом и более тесными помещениями качество воздуха, естественно, было ниже. В то же время на мелких предприятиях часто использовался труд сдельных рабочих, которые в любой момент могли уйти на перерыв и подышать свежим воздухом [9, с. 203]. Санитарный врач Е. М. Дементьев считал, что если бы на крупных предприятиях соблюдались требования по устройству вентиляции, то тогда качество условий труда на них было бы значительно выше [4, с. 273].

При оценке качества воздуха на фабриках также учитывались меры, принимавшиеся для минимизации выбросов вредных веществ. Прежде всего, определялся уровень содержания различных газов, водяного пара, волокон хлопка или шерсти. На большинстве предприятий имелись специальные приборы для снижения выбросов, но чаще всего из-за отсутствия специалистов-техников они использовались либо неправильно, либо вовсе находились без дела [4, с. 204]. В результате даже на химических производствах нарушалась техника безопасности. Как отмечалось в отчёте фабричного инспектора И. И. Янжула, на химическом заводе №44 «удушливые газы в отделении, где приготавливают оловянные соли, настолько сильны, что для непривычного человека делают невозможным пребывание в течение нескольких минут». И далее: «В отделении где готовят ртуть, единственной предосторожностью при этой страшной ядовитой операции служит завязывание рта у рабочих, и не только нет никаких более верных и безопасных для того приспособлений, но в том же самом отделении, лишь через дверь, живёт семья одного из рабочих» [13, с. 123].

Еще одним негативным фактором, влиявшим на качество воздуха в рабочих помещениях, являлось оборудование туалетов в непосредственной близости к месту производства. Они состояли из выгребной ямы и трубы, которая периодически прочищалась водой, но из-за того, что прочистка труб осуществлялась крайне редко, зловония доходили непосредственно до рабочих мест.

Не в последнюю очередь на качество воздуха влияло устройство отопления. На мелких предприятиях, как правило, использовались кирпичные или чугунные печи, которые не обеспечивали обогрева помещения до комфортной температуры. На крупных фабриках имелось паровое отопление, но его устройство оставляло желать лучшего [13, с. 205]. Трубы были проложены на уровне головы или даже выше, что приводило к повышению температуры воздуха до 28 градусов. Особенно тяжёлой оказывалась работа в помещениях

с дополнительным нагревательным оборудованием. В отчёте фабричного инспектора Янжула сообщалось, что «на ситцевой фабрике №22 в мойке и при печатной машине, где работают малолетние, постоянная температура не меньше 21 градуса, а в сушильне, где работает немало мальчиков и девочек, свыше 30 градусов» [13, с. 122]. Как следует из этих сведений, вредные условия труда не учитывались при привлечении к работе малолетних.

Особой проблемой являлась влажность воздуха, которая напрямую зависела от характера производства. Например, на фабриках, где имелась избыточная влага необходимые приспособления включались лишь в тех случаях, когда технологический процесс без этого был невозможен, в других же случаях влажность воздуха из-за плохой вентиляции доходила до 90%. И наоборот, при обработке хлопка, где влажность необходима, воздух в помещении оставался слишком сухим, а его увлажнение не проводилось [13, с. 206].

Второй важный фактор, определявший условия труда на предприятиях, – это степень освещенности рабочих мест. Соответствующие данные по видам производств представлены на рис. 4.

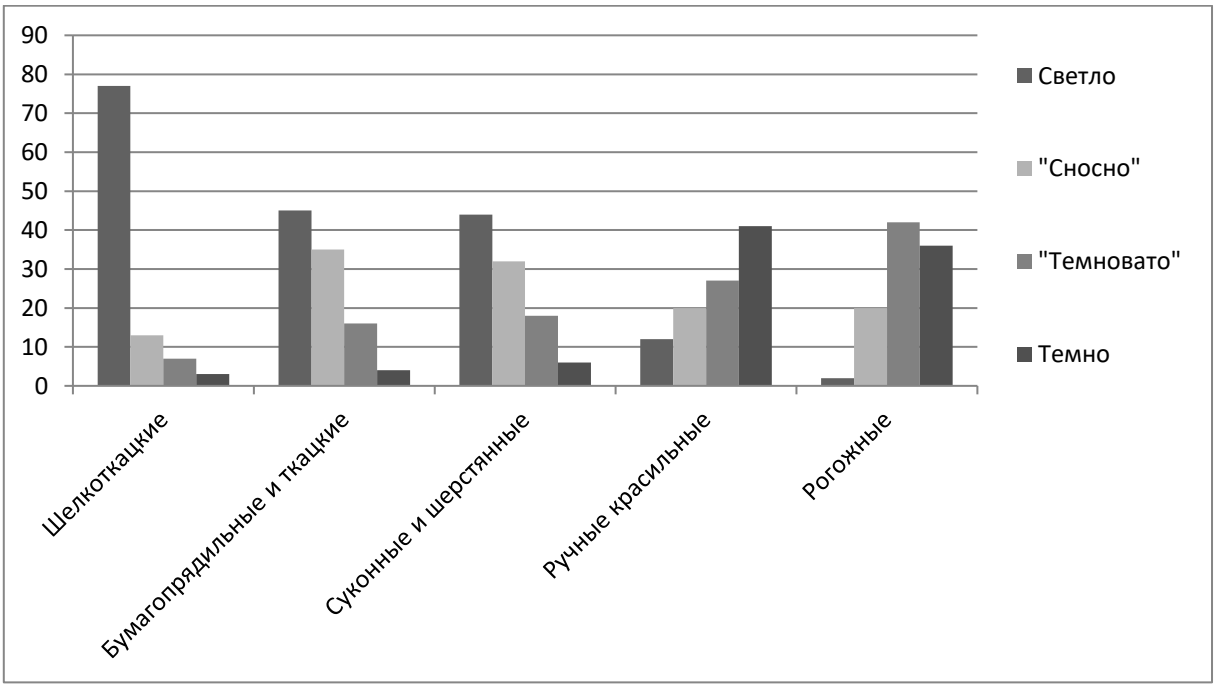

Рис. 4. Качество освещения в мастерских по видам производства в Московской губернии в 1882-1884 годы в процентном соотношении.

Из диаграммы наглядно видна разница, существовавшая на предприятиях. Так, на большинстве шелкоткацких фабрик имелось качественное освещение, а на рогожном производстве, напротив, рабочим приходилось трудиться практически в темноте. В первую очередь, это было связано с качеством и сложностью изготавливаемой продукции: чем ниже были данные показатели,

тем меньше внимания фабриканты уделяли условиям труда рабочих. Другим фактором, определявшим качество освещения, являлась степень механизации производства. Например, на шелкоткацких фабриках, где использовался ручной труд, освещение было хорошим, а на бумагопрядильных или суконных предприятиях с механическим производством число светлых мастерских было почти равно количеству «сносных» [13, с. 207].

На других видах производств проблема освещения рабочих мест была ещё острее. Причем это касалось даже пищевых производств. По данным фабричного инспектора И. И. Янжула, «в кондитерской №11 мастерские помещения очень темны, грязны; большая часть шоколадного отдела помещается в подвальном этаже весьма темном, куда проникает грязь со двора, почва которого насыщена экскрементами, помоями и т.п.» [13, с. 122].

Во многих мастерских уровень освещения был ещё ниже, чем представлено в официальных отчётах. Это происходило по целому ряду причин. Во-первых, из-за постоянного загрязнения окон, которые мыли крайне редко. Во-вторых, из-за неравномерного распределения света в помещении: ближайшие к окнам станки были лучше освещены, а в середине мастерской практически не было света, так как всё заслоняли другие станки. В-третьих, водяные испарения на некоторых фабриках приводили к появлению на окнах пара, заслонявшего солнечный свет.

Искусственное вечернее освещение было предусмотрено только на тех видах производств, в которых оно оказывалось необходимо с точки зрения технологического процесса. В большинстве случаев это были газовые горелки и в отдельных случаях керосиновые лампы. Чаще всего газ горел в маленьких рожках, и только из-за опасений пожара от хлопковой пыли эти рожки накрывались фонарями. Но этих приспособлений не хватало для достаточного освещения помещений.

Существовал обычай освещения рабочими «от себя». Чаще всего он использовался на ручных ткацких производствах. Суть его сводилась к освещению каждым работником своего рабочего места самостоятельно от сальных свечей, стоимость которых в конце месяца вычиталась из заработной платы работника. Естественно при таком подходе рабочий даже в ущерб своему зрению экономил свечи и предпочитал трудиться в условиях низкой освещенности [13, с. 208].

Ещё одной важной проблемой фабрик по итогам осмотра было названо «отсутствие заботы о чистоте содержания помещений» [13, с. 209]. Сами фабриканты не уделяли этому никакого внимания. Большинство стен на исследованных предприятиях были не оштукатурены, лишь в редких случаях на них была побелка. Чаще всего на фабрике имелись голые кирпичные стены.

В тех случаях, когда побелка всё же была, она обновлялась лишь раз в несколько лет. При осмотре «стены найдены грязными, запыленными и засаленными» [13, с. 209]. Полы в помещениях были либо деревянные, либо асфальтовые, но и в тех и других случаях проводилась только сухая уборка помещений. В тех мастерских, где уборка способствовала производству (например, сбор хлопковой пыли), она проводилась часто. В других мастерских – крайне редко. Влажная уборка не проводилась практически совсем, лишь за редкими исключениями.

Третьим ключевым фактором, влиявшим на качество условий труда, была организация рабочего пространства. Как показали осмотры фабрик, в этом отношении ситуация тоже оказалась весьма плачевной. Не существовало никаких правил о расположении машин в цехах. Санитарный врач Е. М. Дементьев отмечал: «единственная цель, которую преследовали фабриканты, располагая в помещении свои станки и машины, заключалась в том, чтобы использовать всякое свободное место, невзирая на удобство и безопасность работ» [13, с. 210]. Об этом же в 1881 г. писал фабричный инспектор: «В зале расположены в несколько длинных рядов паровые станки; между рядами узкие коридоры, по которым ходить нужно с большой осторожностью, так как легко зацепиться за шестерню или что-нибудь подобное и поплатиться увечьем...» [7, с. 231]. Если происходил несчастный случай, фабрикант, как правило, огораживал именно тот станок, на котором всё произошло. При этом остальное оборудование продолжало находиться в прежнем положении.

Существовали редкие исключения из правил. В частности, несколько образцовых фабрик находилось на территории Раменской волости Бронницкого уезда. На них были устроена система вентиляции, проводилась систематическая уборка помещений, и обеспечивалось должное отопление. К сожалению, таких предприятий было катастрофично мало.

В целом, обследование фабрик Московской губернии наглядно показало, что условия труда на большинстве предприятий не отвечали элементарным требованиям гигиены и безопасности рабочих.

В последующие годы был издан ряд законов, затрагивавших вопросы найма, заработной платы, продолжительности рабочего времени, медицинского обслуживания, а также условий труда малолетних рабочих и женщин. В частности, «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих», принятые 3 июня 1886 года, предусматривали обязательное заключение трудового договора между рабочими и фабрикантом [2]. В 1890 году был издан закон «Об изменении постановлений в работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и

мануфактурах», запрещавший работу на предприятиях детей младше 12 лет [3].

Однако за указанный период не были изданы законы, регламентирующие условия труда рабочих. Как правило, решение этих вопросов относилось к компетенции фабричных инспекторов. Они могли выписать фабриканту предписание или штраф, который был не сопоставим с возможными затратами на улучшение условий работы [11, с. 396].

Как отмечал фабричный инспектор Московской губернии С. Гвоздев, единственное требование к технике безопасности на производстве, предусмотренное в «Правилах» 1890 года, это был надзор за процессом установки и содержания паровых котлов на производстве, которые хотя и являлись потенциально опасными механизмами, но представляли «лишь малую часть той опасности, которая угрожает здоровью рабочих на производстве» [5, С. 175].

В «Записках» фабричного инспектора Московской губернии отмечалась необходимость общего технического осмотра предприятий фабричной инспекцией на предмет соответствия требованиям безопасности. Но при этом указывалось, что ни регламента проведения проверки, ни самих требований безопасности попросту не существовало. Одной из главных проблем, являлась загруженность рабочих помещений, так как из-за большого скопления станков рабочие получали травмы различной степени тяжести. Однако по результатам разбирательств одной из наиболее частых причин, приводивших к травмам, называлась неосторожность и излишняя самоуверенность рабочих [5, С. 185].

В 1890-е годы по-прежнему одной из наиболее распространённых проблем на предприятиях оставалось гигиеническое состояние рабочих помещений, в том числе плохое освещение и неудовлетворительное состояние вентиляции. Фабричным инспектором отмечалась также сырость в отдельных мастерских: «На одной крупной ткацкой фабрике была чрезвычайная сырость, устраиваемая самим фабрикантом в чисто коммерческих целях увлажнения товара» [5, С. 189]. Главной проблемой, по мнению С. Гвоздева, оставалось отсутствие нормативно-правовой базы и механизмов влияния на фабрикантов: «Все, что может делать инспектор в этой области, это – давать чисто платонические, ни для кого не обязательные, обыкновенно бесплодные советы» [5, С. 189].

И даже в тех случаях, когда инспектор инициировал взимание штрафа с владельца предприятия, фабрикантам удавалось избежать денежных выплат [6]. На большинстве жалоб, подаваемых в отчётах фабричных инспекторов, стояла отметка «удовлетворены», но чаще всего это означало, что в конфликтах такого рода руководству фабрики удавалось найти компромисс с рабочим в индивидуальном порядке и без выплат штрафных сумм. [10, 1900 г., с. 16].

В 1897 году фабричный инспектор Московской губернии отмечал: «Большая часть наших фабричных и ремесленных помещений... грязны и имеют душный и испорченный воздух; большая часть рабочих помещений вдобавок к этим двум важным недостаткам имеют еще третий - скученность населения, что... способствует развитию и распространению всяких заразительных болезней, опасных и для всего фабричного населения страны; наконец, большая часть фабрик и заводов, где существуют вредные испарения, пыль и отделения, не делают ровно ничего для того, чтобы предохранить своих рабочих от этих пагубных последствий процессов производства: рабочие дышат испарениями красок, глотают льняную, железную, свинцовую пыль и умирают вследствие того ранней смертью» [8, с. 231].

Однако, несмотря на такой обширный перечень неблагоприятных условий труда, реальные полномочия фабричных инспекторов распространялись только на контроль за использованием паровых котлов. Информация о деятельности в этой сфере впервые была представлена в обобщенном виде в своде отчётов фабричных инспекторов за вторую половину 1900 года. К этому времени на территории Московской губернии действовало 2765 котлов, из которых 2410 были постоянными, а 355 подвижными [10, 1900 г. с. 83]. Инспекторы проверяли котлы в обязательном порядке перед началом эксплуатации. Впоследствии каждые два года проводился наружный осмотр, и по истечении шести лет осуществлялась очередная полная проверка. Такое пристальное внимание к эксплуатации паровых котлов, очевидно, объяснялось тем, что в случае поломки или взрыва они могли нанести тяжкий вред здоровью рабочих.

Подводя итог, отметим, что в конце XIX века на заводах и фабриках Московской губернии сложились неблагоприятные для рабочих условия труда. Главные проблемы были связаны с низким качеством воздуха, что обуславливалось несколькими причинами: почти повсеместно наблюдалась большая концентрация рабочих в помещениях, плохая вентиляция, отсутствие систематической уборки, наличие различных газов, примесей или отходов производства в виде летучих паров, а также нерациональное отопление помещений. Другой проблемой являлось некачественное освещение мастерских, как в дневное время из-за нерационального обустройства рабочих мест, так и в вечернее – из-за экономии средств на искусственном освещении. Еще одной проблемой была загруженность помещений станками и оборудованием, которая приводила к несчастным случаям и повышенному травматизму. На эти обстоятельства указывают данные из отчетов, как фабричных инспекторов, так и санитарного врача губернии. При этом за рассматриваемый период так и не были выра-

ботаны законодательные акты, регламентирующие устройство мастерских и иных помещений на заводах и фабриках. Единственным оборудованием, подлежавшим постоянному контролю со стороны фабричных инспекторов, были паровые котлы, использование которые допускалось только после проверки. Другие факторы, влиявшие на безопасность труда, учитывались, но инспектора не располагали инструментами влияния на фабрикантов, а могли лишь выписывать предписания, которые в дальнейшем становились основанием для взыскания штрафов. Указанные обстоятельства приводили к тому, что санитарно-гигиенические проблемы на предприятиях Московской губернии так и оставались нерешёнными.

Список литературы

1. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 1 июня 1882 года «О малолетних, работавших на заводах, фабриках и мануфактурах» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е ПСЗ-III. – СПб., 1886. – Т. 2. – № 931.

2. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 1 июня 1886 года «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е ПСЗ-III. – СПб., 1888. – Т. 6. – № 3769.

3. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 1 июня 1890 года «Об изменении постановлений в работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е ПСЗ-III. – СПб., 1893. – Т. 10. – Отд. 1. – № 6742

4. Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет: С прил. Библиогр. указателя книг и статей по русской фабрично-заводской промышленности в связи с сельскохозяйственной / Т-во И. Д, Сытина. Отд. Н. А. Рубакина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: типо-лит. т-ва И. Н. Куншерев и Ко, 1897. – VIII, 256, 39 с., 3 л. диагр.

5. Клепиков А. К. Записки фабричного инспектора (из наблюдений и практики в период 1894-1908 гг.) / С. Гвоздев. - Москва: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1911. - 263 с.

6. Миронов Б. Н. «Послал Бог работу, да отнял охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время. «Стены и мосты» - IV: Междисциплинарные исследования в истории Материалы международной научной конференции. 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/mironov.pdf (дата обращения: 06.10.2021)

7. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900-1941 гг.: [монография] / С. П.

Постников, М. А. Фельдман; Федеральное архивное агентство России, Российский гос. архив социально-политической истории [и др.]. - Москва: РОССПЭН, 2009. - 366, [1] с.: табл.

8. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. / [Нарочницкий А. Л., Волин М. С., Иванова Н. А. и др.]; Редкол.: Волин М. С. (отв. ред.) и др. - М.: Наука, 1983. - 575 с.: ил., 1 л. портр. 4 л. карт.

9. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарный. - Москва: издание Московскаго губернскаго земства, 1877-1902 (Тип. М. Н. Лаврова). - 26 см. Т.4: Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879-1885 гг. Ч. 2 / Сост. д-ром Е. М. Дементьевым и проф. Ф. Ф. Эрисманом. - 1893. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01003925262?page=11&rotate=0&theme=white (дата обращения: 05.10.2021)

10. Свод отчетов фабричных инспекторов ... / М-во торговли и пром-сти, Отд. пром-сти. - Петроград: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1900-1915. [Электронный ресурс]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003540860 (дата обращения: 07.10.2021)

11. Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М.: Наука, 1997. – 734 с.

12. Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва: Материалы для истории рус. рабочего вопроса и фабрич. законодательства / И.И. Янжул. - Санкт-Петербург: тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1907. - [2], VIII, 229 с.

13. Янжул И. И. Фабричный быт Московской губернии: Отчет за 1882-1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа. - СПб., 1884. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.shpl.ru/nodes/24455#mode/inspect/page/95/zoom/6 (дата обращения: 05.10.2021)

WORKING CONDITIONS AT THE ENTERPRISES OF THE MOSCOW PROVINCE AT THE END OF THE XIX CENTURY

The article examines the working conditions in the factories of the Moscow province in the period from 1882 to 1900. The author has studied the main problems associated with low air quality, poor lighting and workload of working spaces. Such indicators as the concentration of workers at the enterprise, the quality of ventilation, the size of the premises and the frequency of their cleaning, the presence of various gases and impurities on the territory of factories, the location of bathrooms and heating of premises are analyzed. Based on the reports of factory inspectors of the Moscow province, conclusions were drawn about the unsatisfactory working conditions of workers at a significant part of enterprises, as well as mechanisms for solving individual problems were identified. The author notes that over a twenty-year period, legislative acts regulating the arrangement of working spaces in factories and factories have not been developed. Supervision of enterprises was within the competence of the factory inspection, but the inspectors did not

have the tools to influence the owners of enterprises, but only had the opportunity to make prescriptions that could lead to fines in the future. Due to the lack of an effective mechanism encouraging manufacturers to improve the working conditions of workers, the problems that existed at the enterprises remained unresolved.
Keywords: working conditions, factory owners, workers, factory inspection, post-reform period.

References

1. The most highly approved opinion of the State Council of June 1, 1882 "On minors who worked in factories, factories and manufactories" (1886) Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. 3rd PSZ-III. No. 931.

2. The most highly approved opinion of the State Council of June 1, 1886 "Rules on supervision of factory industry establishments and on mutual relations of manufacturers and workers" (1888) Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. 3rd PSZ-III. No. 3769.

3. The most highly approved opinion of the State Council of June 1, 1890 "On the amendment of regulations in the work of minors, adolescents and women in factories, factories and manufactories" (1893) Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. 3rd PSZ-III. No. 6742.

4. Dementiev, E. M. (1897) Fabrika, chto ona daet naseleniyu i chto ona u nego beret: S pril. Bibliogr. ukazatelya knig i statej po russkoj fabrichno-zavodskoj promyshlennosti v svyazi s sel'skohozyajstvennoj [Factory, what it gives to the population and what it takes from it: With adj. Bibliogr. index of books and articles on the Russian factory industry in connection with agricultural] Moscow: tipo-lit. t-va I. N. Kunsherev and Co. - VIII, 256 s., 3 l. diagr.

5. Klepikov, A. K. (1911) Zapiski fabrichnogo inspektora (iz nablyudenij i praktiki v period 1894-1908 gg.) [Notes of a factory inspector (from observations and practice in the period 1894-1908)] Moscow: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov, 263 s.

6. Mironov, B. N. (2016) «Poslal Bog rabotu, da otnyal ohotu»: trudovaya etika rossijskih rabochih v poreformennoe vremya. [«God sent work, but took away the hunt»: the work ethic of Russian workers in the post-reform period]. «Walls and Bridges» - IV: Interdisciplinary Research in History Materials of the international scientific conference. from http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/mironov.pdf

7. Postnikov, S.P., Feldman, M.A. (2009) Sociokul'turnyj oblik promyshlennyh rabochih Rossii v 1900-1941 gg. [Socio-cultural appearance of industrial workers of Russia in 1900-1941] Moscow: ROSSPEN, 366 s.

8. Rabochij klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v. (1983) [The working class of Russia from its inception to the beginning of the XX century] Moscow: Nauka, 575 s.: ill., 1 l. portr. 4 l. maps.

9. Sbornik statisticheskih svedenij po Moskovskoj gubernii. Otdel sanitarnyj (1893) [Collection of statistical data on the Moscow province. The sanitary department]. Moscow: edition of the Moscow Provincial Zemstvo, 1877-1902 Type by M. N. Lavrov. from https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01003925262?page=11&rotate=0&theme=white

10. Svod otchetov fabrichnyh inspektorov (1900) [Summary of reports of factory inspectors] Petrograd: V. F. Kirshbaum Type. from https://search.rsl.ru/ru/record/01003540860

11. Tugan-Baranovsky, M. I. (1997) Izbrannoe. Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskoe razvitie russkoj fabriki v XIX veke. [Favorites. The Russian factory in the past and present. Historical development of the Russian factory in the XIX century]. Moscow: Nauka, 734 s.

12. Yanzhul, I.I. (1907) Iz vospominanij i perepiski fabrichnogo inspektora pervogo prizyva: Materialy dlya istorii rus. rabochego voprosa i fabrich. zakonodatel'stva [From the memoirs and correspondence of the factory inspector of the first draft: Materials for the history of the Russian working question and factory legislation] St. Petersburg: type. JSC Brockhaus-Efron, 229 s.

13. Yanzhul, I. I. (1884) Fabrichnyj byt Moskovskoj gubernii: Otchet za 1882-1883 g. fabrichnogo inspektora nad zanyatiyami maloletnih rabochih Moskovskogo okruga [Factory life of the Moscow province: Report for 1882-1883 of the factory inspector on the occupations of young workers of the Moscow district]. St. Petersburg. from http://elib.shpl.ru/nodes/24455#mode/inspect/page/95/zoom/6

Об авторе

Ипутатов Денис Юрьевич – аспирант, ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» г. Коломна (Россия), E-mail: iputatov.denis@mail.ru

Iputatov Denis Yurievich – postgraduate student, State Social and Humanitarian University of Kolomna (Russia), E-mail: iputatov.denis@mail.ru

УДК 94(678.2) 94(688.1)

Калистратов А.Ю., соискатель, Ивановский государственный университет (Россия)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕРМАНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА В АФРИКЕ

В статье представлен историографический обзор трудов отечественных авторов по вопросу германского вклада в африканский колониализм. Интерес к германской специфике этого европейского феномена проявился в России сразу после появления на мировой арене Второго рейха. Испытав все перипетии, свойственные отечественной исторической науки XX века, пройдя от идеологически обусловленных векторов исследований до цивилизвционного подхода и междисциплинарности исторического поиска, отечественная африканистика расширила поле исследования и, применяя новые методологические подходы, углубила анализ культурно-исторического феномена - европейского колониализма в Африке.
В работе предпринята попытка проанализировать основные тенденции отечественной историографии германского колониализма в хронологическом порядке. Рассмотрены научные труды отечественных африканистов, а также прикладные работы офицеров, священников, педагогов и политиков, так или иначе затрагивающих «германо-африканскую» колониальную тематику. Дается краткая критическая оценка этих исследований. Рассмотренные различные подходы к проблеме европейского колониализма в Африке предполагают расширение поля научного поиска, возможность для которого дают междисциплинарность исследований и привлечение новых источников и методологических подходов, к которым относится, например, изучение образов Черного континента и ее коренных жителей у представителей разных социальных групп Второго рейха.
Ключевые слова: отечественная историография, германский колониализм, колонии в Африке, Второй Рейх, феномен европейского колониализма в Африке, расширении исследовательского поля, междисциплинарность исследований
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-140-167

Германская империя, включившись позже других великих держав в колониальную гонку, к началу XX в. сумела утвердиться на относительно небольших территориях в разных регионах мира. Самые крупные ее владения лежали в Африке. На востоке Черного континента немцам принадлежали Руанда-Урунди и Танганьи́ка (земли современных государств Руанды, Бурунди, Танзании, частично Кении и Мозамбика), на западе – Камерун, Тоголенд и Юго-Западная Африка (в настоящее время Камерун, Того и Намибия). Все эти земли они потеряли после Первой мировой войны. Вместе с тем влияние колониализма европейского в общем и германского в частности на процессы в современной Африке несомненно. Тема европейских колониальных практик в

© Калистратов А.Ю.
© Kalistratow A. Yu.

Африке в конце XIX-начале XX века продолжает оставаться актуальной в мировой исторической науке. Появляются новые работы и исследования, расширяющие и дополняющие историографию этого направления. Значительное место занимают исследования «германского» следа в колонизации Африки и в отечественной исторической науке.

Интерес к германской колониальной империи проявился в России с конца X1X в., то есть со времени активизации международной политики объединяющейся Германии. Одним из первых к этой проблеме обратился епископ Чигиринский Порфирий (К.А.Успенский). В обзорной статье, опубликованной в трудах Киевской духовной академии за 1866 году и затем вышедшей отдельной брошюрой, владыка обратил внимание на миссионерскую практику немцев в Африке. Причем нашел ее не продуманной («не сметливой») как, впрочем, и всю политику германцев на Черном континенте [73].

Внимание к колониальным практикам немцев многократно возросло с рождением Второго рейха в 1871 году и активизацией его международной политики с приход к власти кайзера Вильгельма II в 1888 году.

Капитан Академии Генерального Штаба Российской империи И.И. Защук. в 1908 году подготовил обстоятельную аналитическую справку о германских колониях [33,с.17]. Работа включала материалы о географическом положении немецких заморских владений, их экономике, транспортном обеспечении, коренном и немецком населении, административном устройстве, истории и проблемах колонизации. Записку И.И. Защука отличает достаточно глубокий анализ успехов и неудач Германии в Африке. Русский офицер, в частности, подчеркивал невозможность одновременного «подъема» кайзеровской Германией сразу двух «театров военных действий» – африканского и тихоокеанского. Кроме того, офицер Генштаба обратил внимание на роль Панамского канала в системе англо-германских противоречий в Тихом океане. Интересно, что одну из причин неудач кайзеровской политики в Африке русский офицер Генерального Штаба видел в низком уровне развития туземцев, делающим работу немецкой администрации по «воспитанию негров», в первую очередь «правильному» землепользованию, бессмысленной [33, с. 38].

Аналитическая записка Защука лежит в русле оценок и приоритетов, которые задавались сформировавшимся внешнеполитическим курсом Российской империи в системе Антанты, выступавшей главным противником кайзеровской империи и ее союзников по Тройственному блоку. Правда, при обращении к колониальным сюжетам российские авторы начала XX века были весьма снисходительны к германской политике в Африке. Их оценки лежали в русле общеевропейского мейстрима по оправданию действий «цивилизованных

народов» в Азии или Африке. Причем, как с точки зрения пресловутого киплинговского «бремени белых» и «лучших сыновей», которые призваны поднять культуру и экономику территорий, населенных «отсталыми народами», так и с точки зрения логики общеисторического процесса – выталкивания избыточного населения Европы за ее границы и закономерного подчинения сильными нациями слабых. Примером служит работа В. Энгельгардта 1914 года. Этот автор полностью оправдывал германскую колонизацию, причем ведущими аргументами называл необходимость решения немцами проблем «перенаселения и перепроизводства» [95]. Публицистическая книга В. Энгельгардта содержит много неточностей (в сроках колонизации, наличии или отсутствии колониальных войск, степени развитости различных колоний в Африке и пр.), но в ней впервые в русском языке упоминается важный для нас термин – «der Afrikaner» («африканец»), т. е. немец из Африки. Этим термином определяется не туземец, а формирующийся «новый тип германского подданного». Анализ самого культурного феномена «африканера» у Энгельгардта, правда, отсутствовал.

Начало Первой мировой войны и всплеск германофобии в России не могли не отразиться на исследовании германо-африканской проблематики. Так, историк и географ А.В. Королев в июле 1915 года на заседании патриотического «Общества 1914», рассмотрев с конспирологических позиций тайную проповедь пангерманизма в российских гимназиях через учебники по истории, где немецкое влияние было, по его мнению, наиболее значительным, подверг критике образ агрессивной и жестко-дискриминационной кайзеровской колониальной экспансии, представленной в русских учебниках, как чуждый российской традиции [42]. В том же 1915 году известный педагог С.А. Левитин в книге «Педагогика и милитаризм в Германии» указывал на важное место колониальной идеи в системе воспитания «поколения пангерманистически-милитарискически настроенной молодежи» [47]. Это проявилось как в хорошей осведомленности немецких школьников о событиях на других континентах, так и, особенно, в содержании их школьных сочинений на «героическо-колониальные темы».

Рубежный в российской и мировой истории 1917 год обозначил изменения и в отечественной африканистике. Изменилась методология исследований – позитивизм был заменен марксистской идеологией. Марксизм принес как устремленность в будущее, так и политический утопизм с его верой в скорую мировую революцию, что вряд ли способствовало углубленным и систематическим исследованиям. Колониализм, и, конкретно в Африке, воспринимался явно упрощенно. Достаточно вспомнить дискуссию по национальному вопросу на VIII съезде РКП (б). На тезис Н.И. Бухарина о самоопределении «для готтентотов

и бушменов» как колониально-зависимых народов, В.И. Ленин возражал: «Все нации имеют право на самоопределение, о готтентотах и бушменах специально говорить не стоит... бушменов в России не имеется, насчет готтентотов тоже не слыхал, чтобы они претендовали на автономную республику» [85, с. 159].

В 1920 — 30-е гг. «колониальный вопрос» применительно к Германии становился вторичным по отношению к истории Европы. Тем более, что страна по условиям Версальского мирного договора потеряла все свои колонии. Более того, послевоенная Германия – Веймарская республика – сама стала восприниматься советскими идеологами как «промышленная колония» Антанты, что позволяло борьбу немцев трактовать как национально-освободительную и поэтому идейно близкую большевикам.

В межвоенное время проблема германского колониализма в Африке из актуального списка отечественных исследователей оказалась практически исключена. Рамки «классового подхода» и марксисткой модели формаций определяли представление о закономерном, экспансионистском характере германского колониализма. Заменяя «цивилизаторов» на «эксплуататоров» и «угнетателей», советские авторы продолжили рассматривать аборигенов колоний Черного континента как пассивный элемент интеграционного взаимодействия, чья функция – исключительно и единственно в антиколониальных протестах, которые являются неотъемлемой частью поступательного линейного развития мировой истории. Из исследований фактически выпали как противоречивое традиционное общество народов Африки, так и межцивилизационное взаимодействие, заклейменное как «коллаборационизм». Образцом подобных исследований стала вышедшая в 1940 году «Новая история колониальных и зависимых стран» [62], где колониальный вопрос был рассмотрен в связи с деятельностью II Интернационала.

Приход к власти нацистов и рождение Третьего рейха возродил интерес отечественных историков к колониальной политике Германии. Уже в 1937 году журналист М.И. Заменгоф в небольшой книжке о колониальном реваншизме в Африке рассмотрел нацистские проекты в контексте преемственности курсу Второго рейха [32,с.48]. Впрочем, данная работа стала скорее исключением. Интерес к колониальному прошлому Германию в СССР оставался незначительным.

Ситуация стала меняться в послевоенные годы. На этапе развития отечественной историографии в 1945 – 1950-е гг. выделяются исследования известных революционеров и академиков, экономиста Е.С. Варги и дипломата Ф.А. Ротштейна, а также профессора А.С. Ерусалимского.

Е. Варга в работе 1946 года, как и ранее М.И. Заменгоф, отметил преемственность внешней

политики Второго и Третьего рейха [18]. Ф.А. Ротштейн двумя годами позже издал свою дополненную и доработанную монографию «Формирование германского империализма» [77]. В этом труде подробно рассмотрена история внедрения кайзеровской Германии в Африку и Океанию, а также борьба великих держав за овладение колониальными плацдармами в различных регионах мира.

В 1948 году свет увидела публикация А.С. Ерусалимского «Трансваальский кризис 1896 г. и германские планы “континентальной лиги”», в которой не только были обобщены наработки авторов разных стран и введены в научный оборот новые источники, но и существенно расширено само исследовательское поле [29,с.22-59]. В частности, автор обратился к проблемам региональных особенностей германских колоний, политической борьбе в рейхстаге по вопросу о владениях в Африке, развития общественного мнения в отношении заморской политики кайзеровского рейха. Тематически к статье А.С. Ерусалимского примыкает публикация Я.И. Хейфица «Готтентотский блок» и выборы в германский рейхстаг в 1907 г., опубликованная в 1951 году [91,с.38-45.]. В том же году в свет вышла объемная монография А.С. Ерусалимский «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в.», в которой немало страниц посвящено колониализму Второго рейха [30,с.180-229, 360-375].

Новый этап в изучении германского колониализма начинается с так называемого «периода оттепели», наступившего после XX съезда КПСС в 1956 году и создания в 1959 году в структуре АН СССР Института Африки. В 1960-ые годы отечественные африканисты сконцентрировались на исследовании крушения колониальной системы и истории национально-освободительных движений. Из заметных работ отечественных специалистов, в которых рассматривались вопросы антиколониальной борьбы, отметим коллективный труд, подготовленный в Институте Африки в год 50-летия Октябрьской революции в России «История Африки в XIX — начале XX вв.» [35,с.323-329]. В этом издании некоторые страницы были посвящены колониальной политике Второго Рейха: статья Х.Штёккера о германской Западной Африке, вопросы колониального управления, экономической эксплуатации и антиколониальным восстаниям в Восточной Африке, рассмотренные Р.Н. Исмагаиловой, В.Я. Кацманом и Ю.В. Лукониным. Особенностью многих отечественных работ 1960-х, обращавшихся к теме германского колониализма, стало вписывание этой проблематики в развитие системы международных отношений второй половины XIX — начала XX столетий. В этом ряду показательны труды академика А.Л. Нарочницкого [56,с.338-349, 452-458, 653-660, 711-721], одесского профессора К.Д. Петряева [69,с.142-156], международника

П.И. Полыцикова [71,с.142-156] и востоковеда И.С. Чарного [92,93, с.115-121]. Особенно последнего. В монографии И.С. Чарного «Начало колониальной экспансии Германии в Африке (1879-1885 гг.)», которая увидела свет в 1970 году и в основание которой положена кандидатская диссертация этого автора, защищенная семью годами ранее, были обобщены достижения африканистики в изучении начального этапа захвата Вторым рейхом владений на Черном континенте [94]. Кроме того, автор, опираясь на новые разновидовые исторические и историографические источники, удачно показал запутанные и динамичные международные отношения накануне и в период приобретения Германией территорий Юго-Западной Африки.

В 70-е годы XX столетия произошло некоторое снижение интереса к кайзеровским колониям на Черном континенте в контексте их положения в системе международных отношений. Например, в «Германской истории в новое и новейшее время» [21, с. 416-419, 432-441], колониальный компонент практически отсутствует. Зато большое внимание уделено Первому 1905—1906 г. и Второму 1911 г. Марокканским кризисам, которые лишь территориально относятся к Африканскому континенту, но к немецким колониям прямого отношения не имеют, и более вписаны в проблематику глобального нарастания противоречий между Вторым рейхом и Антантой накануне Первой мировой войны.

Как и в предыдущий период, в 1970-е гг. в отечественной африканистике превалировали темы антиколониальной борьбы, в том числе с германскими колонизаторами. Примерами выступают работы Д.К. Пономарева «Герои Африки. Из истории сопротивления африканских народов европейским захватчикам в конце XIX в.» 1971 года издания [72] и коллективное исследование «История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время», увидевшее свет в 1976 году [37]. Некоторые сведения о колониальной политике Второго рейха содержались в издании справочного характера И.А. Улановской о Намибии, опубликованном в 1983 году [84].В начале 1980-х годов тематика исследований об африканской политике Второго рейха вновь расширяется. Так, Е.Ю. Пуховская – в настоящее время одна из ведущих отечественных специалистов по колониальной политике Германии – обратилась к донесениям российских дипломатов, анализировавших колониальную политику Германии в Юго-Западной Африке в середине XIX — начале XX вв.[74, с. 66-77].

Значительный пласт отечественных исследований затрагивал важную для политической системы СССР проблему отношения разных партий и, особенно, социал-демократов к колониальной политике Второго рейха. Данная тема в той или иной степени нашла отражение с работах Б.А. Айзина [1, с.208-233], Р.Я. Евзерова И.С. Яжбровской

[26, с. 95–105,27,с.123–144.], Н.Е. Овчаренко [63, с. 195-226]. Труды этих авторов были выдержаны преимущественно в строгих рамках марксистско-ленинской идеологии и отличались не всегда обоснованной критикой так называемых центристов и правых в СДПГ. Однако в них за идеологической ширмой хорошо видна серьезная работа по сбору и систематизации обширного фактологического материала, что сохраняет актуальность работ по сей день.

В 1984 году Институт Африки выпустил новое издание коллективного исследования «История Африки в XIX - начале XX вв.» [35]. По сравнению с книгой 1967 года в эту публикацию вошли новые источники и темы. В частности, по культуре Черного континента.

В 1970-е - 80-е годы существенный вклад в исследование германских колоний в Африке внес крупный отечественный ученый из Института всеобщей истории АН СССР Б.М. Туполев. В обстоятельной статье 1974 года ученый отразил основные направления, достижения и лакуны западногерманской историографии [81,с.296-315]. Изыскания на историографическом поле были продолжены в сборнике «Антиколониальная борьба и общественная мысль в Тропической и Южной Африке», который вышел в 1983 году под редакцией Б.М. Туполева. В этом коллективном труде помимо важных конкретно-исторических вопросов были сопоставлены результаты исследований по африканистике ученых СССР и ФРГ, что позволило наметить новые и перспективные направления научных поисков

На завершающем этапе существования отечественной историографии советского периода событием в африканистике стал выход в свет книги крупнейшего российского специалиста по Черному континенту А.Б. Давидсона «Сесиль Родс и его время» [23], в которой автор одним из первых в отечественной науке поднял с проблему человеческого «компонента» в истории колониализма в Африке второй половины XIX в.

С ослаблением и затем падением Советской системы в 1985-1991 годах слабела и в итоге рухнула и монополия марксистской идеологии на выбор гуманитариями методологии, инструментария и часто даже тем исследований. Новым явлением в историографии периода «Перестройки» стал также более свободный допуск ученых к архивным документам. Все это быстро отразилось на их трудах.

В авангарде тех, кто, уловив новые веяния, попытался применить их в практических изысканиях назовем того же Б.М. Туполева. В публикации 1986 года он, вслед за М.П. Павловичем [66], обратил внимание на роль железных дорог в германской колониальной политике в Африке [82. с.51-73]. Согласно ученому, эти транспортные артерии выступали не только средством получения метрополией дополнительных прибылей, но и важным фактором трансформации местных обществ.

В 1991 году Б.М. Туполев выпустил в свет два крупных исследования. В первом показал основные направления колониальной экспансии Второго рейха в Азии, Африке и Индийском океане [83]. Во второй в содружестве с коллегой по ИВИ РАН А.М. Пегушевым показал историю восстания маджи-маджи в Германской Восточной Африке [67]. Причем авторы, подробно разбирая проблему, рассмотрели ее в контексте кризиса управления колониями со стороны кайзеровских властей и межцивилизационного воздействия европейцев и туземцев. Позже материалы данной публикации стали составной частью докторской диссертации А.М. Пегушева «Антиколониальные восстания в Восточной Африке в XX веке: Маджи-Маджи и Мау-Мау», защищенной в 1994 г. [68]

Вопросы политической борьбы в кайзеровской империи по вопросу колониальных захватов и антиколониальным выступлениям стали предметом изучения в монографии исследователя из Ужгорода С.С. Трояна [78] и статье ученого из Пензы В.А. Ещина [31, с. 87-97].

Из работ так называемого «перестроечного» периода, которые затрагивали интересующие нас темы, назовем также статью В.К. Возняка об истоках германской колониальной политики [19, с.65-82]. публикацию Е.Ю. Пуховской о захвате Вторым рейхом территории современной Намибии и реакции на это России [75, с. 89-99] и книгу В.А. Бейлиса, содержащую факты об изменениях в традиционной культуре населения германских колоний [15].

Новации в подходах к изучению прошлого, запущенные в «перестроечные годы» привели не только к отмеченным выше позитивным явлениям. Отказ от марксистской теории как единственно верной, рост доступности источников, столкновение традиционных схем и новых идей вкупе с исчезновением СССР в декабре 1991 года привели к гносеологическому кризису в декартовском его понимании.

Начался постсоветский период развития российской историографии. Наступило время идеологического, методологического и методического плюрализма. В этом противостоянии и противоборстве постепенно набрал силу цивилизационный подход, существенно потеснив традиционный формационный. Важную роль в этом сыграли переводы книг ведущих представителей этого направления А. Тойнби, Ф. Броделя, С. Хантингтона, Ф. Фукуямы и др., а также дискуссии в российском гуманитарном сообществе о путях познания прошлого [22, с. 21-36; 57].

Отмеченные процессы затронули и исследования о германской колониальной политике. В России за относительно короткий временной промежуток количество исследований по данной проблематике существенно возросло. Причем при одновременном расширении исследовательского поля, теоретических подходов и исследовательских

практик. При этом ученые, выбрав цивилизацонный подход, быстро столкнулись со множеством проблем. И дело было не столько в том, что данный подход предполагает многомерные исследования, охватывающие самые различные области человеческой деятельности, а в том, что цивилизацоинный подход при разработке вопросов колониализма предполагает акцентирование внимания на межкультурном взаимодействии западной и автохтонных цивилизаций Азии, Африки или Океании. При этом предполагается, что народы, подвергшиеся колониальной политике, имеют собственные цивилизации с уникальными духовными и материальными ценностями и потенциалом развития. Однако на момент завоеваний многие социумы аборигенов не обладали признаками, которые традиционно трактуются как качественные характеристики цивилизации: достаточно высоким уровнем развития производительных сил, сложной классовой структурой, развитыми государственными институтами, наличием городов, письменности и т.д. таким образом, исследователям пришлось продвигаться вперед часто путем проб и ошибок.

В первых рядах поиска новых подходов, тем и инструментариев при разработке проблем колониальной политики часто шли известные и авторитетные ученые.

Одним из первых назовем главного научного сотрудника Отдела региональных исследований (Центр африканских исследований) ИВИ РАН А.С. Балезина. Из работ этого ученого 1990-х годов [8,9,10,11,12,13,14], выделим книгу «Цивилизаторы в стране дикарей? Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке / Намибии, 1814-1990» [8], которая основывалась на его более ранней статье [7, с. 22-43] и изысканиях в Национальном архиве Намибии [11, с.45-53]. В рассматриваемой книге дан не только глубокий анализ истории немецкой колонии в Намибии от Второго рейха до современности, но и предпринята попытка взглянуть на колониализм под углом интеграции. В итоге, отказ от односторонности марксистского подхода, введение элемента сомнения как движителя познания привели А.С. Балезина к цивилизационной модели истории. Этот подход позволил расширить поле исторического исследования. Теперь не только колониально-экономическая история и антиколониальные восстания, но и конкретные люди, их коллективы, с учетом сложности и многообразия составляющих компонентов становятся объектами внимания. Труд А.С. Балезина подталкивал к взгляду на колонизацию как на отношения между людьми разных миров – европейцев и аборигенов, а это предполагало углубление междисциплинарности при изучении подобных тем.

Книга «Цивилизаторы в стране дикарей?» отражала процесс антропологического поворота в отечественной историографии, одним из родоначальников которого считается А.Я. Гуревич. Этот ученый, размышляя в условиях

методологического кризиса конца 1980-х — начала 1990-х годов о новых направлениях исторических исследований, считал, что прорыв в понимании прошлого может произойти, прежде всего, в междисциплинарном поле, что историк-исследователь должен обогащать свой инструментарий методами и практиками филологии и психологии [22, с.21-36]. Например, психология позволяла поднимать темы палеопсихологии, исторической психологии и истории ментальностей. Отстаиваемая А.Я. Гуревичем междисциплинарность исследований, избавляла историческую науку от известной самозамкнутости, автаркии, перемещая фокус исследований с «окружающих человека обстоятельств на человека в исторически конкретных обстоятельствах ...центр тяжести в изучении перенесен с групп на индивида» [99].

Призыву А. Гуревича последовала, условно говоря, не только А.С. Балезин [8; 9, с. 22-43; 10; 11, с. 47-53; 12; 13; 14]. В 1995 г. в Брянске вышел сборник «Проблемы социально-политической истории и исторической науки» со статьей Л.Г. Лашковой, написанной с учетом наработок филологов, и которая тематически и близка нашей работе [46, с.34-45]. Автор на основании немецкоязычных отчетов, брошюр и книг германских путешественников, военных, миссионеров, чиновников колониальной администрации и государственных деятелей показала создание и развитие в немецком социуме образа африканского туземца. Л.Г. Лашковой удалось выяснить, что данный образ не был статичен, что он трансформировался, а сама палитра оценок аборигенов варьировалась от расистских до либерально-культуртрегерских.

С позиций цивилизацонного подхода написаны труды саратовского исследователя М.Д. Никитина [57; 58; 59; 60;61]. Ученый, рассматривая основные черты колониального периода в Африке, в книге «Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций» пришел к следующему выводу. Во-первых, существует особый феномен – тропическо-африканская («субсахарская») цивилизация, включающая всю субсахарскую часть Черного континента, исключая Эфиопию [60, с.111]. Во-вторых, африканская цивилизация за свою многовековую историю неоднократно испытывала внешние импульсы, нацеленные на ее трансформацию, и колониализм был одним из таковых. Однако, даже испытав его сильное, но относительно непродолжительное воздействие, Африка «сумела сохранить свой цивилизационный облик и выработанную модель цивилизационного функционирования, направленную на адаптацию к меняющимся обстоятельствам и жизни в новых условиях» [60, с. 185].

К изучению истории христианизации Черного континента обращались также Ю.А. Балашова [6, с. 78-84], С.В. Буталий [16; 17], А.С. Зданевич [34 с. 188-197] и Г.С. Остапенко [65, с. 68-76].

Причем стремились показать проблему всесторонне. Причем акцентировали внимание не столько на истории духовного порабощения аборигенов христианскими миссионерами, сколько на сложном процессе взаимодействия европейской и африканской культур, отличных традиций и религиозных представлений, что в итоге способствовало формированию многоэтнического сообщества.

В середины 1990-х годов наблюдалось переосмысление позиции разных течений внутри социал-демократии, в том числе по колониальному вопросу. Если ранее взгляды Э. Бернштейна или К. Каутского трактовались как оппортунистические и однозначно неверные, то теперь как альтернативные [43 с.141-160; 44, с. 11-28; 45; 63, с. 195-226; 70].

За два первых десятилетия XXI столетия в России произошел настоящий прорыв в защите диссертационных исследований, посвященных колониальному периоду Африки, в которых так или иначе затрагивается германская политика [5; 16; 24; 86; 96; 97]. На некоторых из них остановимся подробнее.

Применительно к предмету отметим работы краснодарца С.В. Буталия [16; 17; 18,], особенно его диссертацию «Германия и Юго-Западная Африка», в которой обстоятельно рассмотрены как политическая история германской колонизации в указанном регионе, так и социально-культурный аспект этого феномена [16]. Автору, в частности, удалось нарисовать широкую панораму взаимодействия немцев и туземцев, реакцию последних на процесс колонизации. Для нас важен также вывод С.В. Буталия со ссылкой на американского историка Л.Г. Ганна о маргинальном характере германского колониализма, не решившего ни одной исходной задачи [98].

В настоящем столетии активные изыскания продолжила ученый из Иркутска Е.Ю. Пуховская [74; 75; 76], защитившая в 2001 году докторскую диссертацию «Колониальная идея в кайзеровской Германии: Замыслы и воплощение» [76]. В данной работе автор кроме обстоятельного анализа собственно германской колониальной идеи и трансформации ментально-психологических паттерн обобщенного немецкого самовосприятия обратилась к немецкому колониальному социуму и его действующим обобщенным акторам: офицеру, чиновнику, фермеру, миссионеру, женщине. В контексте нашей работы особый интерес представляют страницы, на которых рассматриваются вопросы «африканской свободы», колониального романтизма и цивилизаторской миссии. В частности, мы разделяем слова Е.Ю. Пуховской, что в обобщенной немецкой ментальности «за офицером навсегда сохранилась мифологизированная репутация “героя”, защитника немецких устоев и образа жизни (например, “римлянин” Л. фон Эстофф как канонический образец колониального героя)» [76, с. 556].

Е.Ю. Пуховская, анализируя интеграционное воздействие Германии на ее заморские территории, изучая складывание в «заокеанской Германии» новой немецкой этнической общности со специфическими интересами, правами и обязанностями, особенно выделила офицеров колониальных войск. «Офицер в качестве первопроходца, – пишет она, – исследовал ресурсы колоний, устанавливал дипломатические отношения с политическими лидерами традиционного общества, управлял колониями в 80—90-е годы XIX в., когда границы гражданской и военной власти были размыты. От военного чиновника требовалось умение оперативно реагировать на события, правильно ориентироваться в расстановке сил и экстремальных ситуациях, принимать оптимальные решения, предвидеть их последствия и перспективы...» [76, с. 558].

Феномен «африканской свободы», согласно Пуховской, идейно соединившись с «цивилизаторской миссией», стал во Втором рейхе привлекательным как для малоимущих представителей юнкерства, так и для лиц, стремившихся сделать карьеру в условиях, где субординация и диктат вышестоящих лиц и инстанций уступали место способностям и инициативе. При этом «африканская свобода» допускала крайние формы произвола, а нередко и изощренного садизма немецких военнослужащих по отношению к аборигенам...» [76, с.589].

Направленностью подходами к трудами Е. Пуховской близки работы исследовательницы из Саратова Е.Н. Моисеевой [50; 51, с.87-93; 52, с.72-86; 53, с. 29-44; 54, с.156-162; 55, с.334-337]. И хотя этот автор изучала не германскую, а французскую колониальную политику конца XIX - начала XX века, ее работы интересны именно своими методологическими и методическими подходами при исследовании «колониальных образов» в Третьей республике, изучении их создания, распространения и воздействия на массы через прессу, выставки или изображения, а также анализ преломления критических замечаний относительно колониализма в европейском общественном мнении.

Большой вклад в изучение колониальной проблематики в последние годы вносит профессор кафедры внешнеполитической деятельности России РАНХИГС С.В. Фокин [90; 91;92;93; 94]. Отличительная черта трудов этого ученого – геополитическое измерение исторических процессов, сосредоточение на вопросах Grosse Politk и амбициях лидеров великих держав. Причем с определенной идеологизацией взгляда на исторический процесс. Работы С. Фокина основываются на очень большом фактографическом материале, причем многие источники выявлены им в Потсдамском отделении Колониального архива и были введены в научный оборот впервые.

Среди многочисленных достоинств исследований С.Ф.Фокина отметим то, что имеет

наибольшее значение в контексте нашей работы , что этот ученый первым в отечественной научной литературе обратил внимание на германские «охранные войска» («Schtztruppe») [86, с. 119], бывшие ранее в «тени» работ о британских и французских туземных подразделениях . Описывая организационно–штатную структуру колониальных войск и подробно, с точностью до единицы, их количественный состав, С.Ф. Фокин одновременно отмечает, что командовали ими знающие офицеры и опытные государственные чиновники [86, с.121].

Отдавая должное работам С. Фокина, отметим, что в его диссертационном исследовании содержится определенное внутреннее противоречие. Так, утверждение автора о том, что германская военно-колониальная система в целом была разумна и эффективна, соседствует с суждением о низком уровне компетентности европейцев в колониальной администрации [86, с. 130].

Процесс расширения в нашей стране географии и тематики исследований о колониальной политике кайзеровской Германии, отчетливо проявившийся на рубеже XX и XXI столетий, сохраняется и сегодня [20, с. 51-60; 49, с. 52-58; 77 с. 283–288]. В частности, неординарные работы на этом поприще подготовлены сотрудниками ИВИ РАН В.С. Дударевым [25, с. 88-99] и А.Г. Матвеевой [48]. Однако при всем многообразии направлений исследований, подходов и оценок некоторые сюжеты все еще выпадают из исследовательского поля. В частности, изучение образов Черного континента и ее коренных жителей у представителей разных социальных групп Второго рейха – теме, которую разрабатывает автор настоящей статьи [38;39; 40;41].

Список литературы

1. Айзин Б.А. Борьба Карла Либкнехта против милитаризма в начале XX века // Ежегодник германской истории 1970. М.: Наука, 1971. С. 208–233;

2. Айзин Б.А.. Революционные германские социал-демократы против империализма и войны. 1907–-1914. М., 1974; 331с.

3.Айзин Б.А. Германская социал-демократия и проблемы империализма перед Первой мировой войной // Вопросы германской истории: классовая борьба и социальные движения нового и новейшего времени: сб. ст. Днепропетровск, 1981. С. 86–96.

4. Антиколониальная борьба и общественная мысль в Тропической и Южной Африке: сб. ст. / отв. ред. Б.М. Туполев. М.: Наука, 1983. 197 с.

5. Афанасьева А.Э. Британские путешественницы в Восточной Африке во второй половине XIX в.: проблемы статуса и репрезентаций : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2004. 23 с.

6. Балашова Ю.А. Трансляция культур в процессе христианизации

Западной Африки // Восток-Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур: сб. науч. тр. Саратов, 2001. С. 3–15.

7. Балашова Ю.А Деятельность немецких христианских миссий в Юго-Западной Африке и трансформация местных обществ (1842–1914 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 82-1. С. 78–84.

8. Балезин А.С. .Цивилизаторы в стране дикарей?: Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке / Намибии, 1814–1990 / отв. ред. В. П. Городнов. М.: ИВИ РАН, 1996. 282 с.

9. Балезин А.С. Немецкая община в Намибии: основные этапы формирования // Восток: Афро-азиатские общества. История и современность. 1992, № 5. С. 22–43.

10. Балезин А.С. История Намибии в новое и новейшее время. М.: Наука; Изд. фирма "Восточная литература", 1993. 253 с.

11. Балезин А.С. Намибийский национальный архив: документы и материалы // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1996, № 5. С. 47-53.

12. Балезин А.С. Тропическая и Южная Африка в новое и новейшее время. Люди, проблемы, события. Курс лекций. М., Книжный Дом Университет, 2008, 272 с.

13. Балезин А.С. Черная Африка и Европа: к проблеме встречи культур в колониальную эпоху. М.: ИВИ РАН, 2015, 221 с.

14 Балезин А.С. Черная Африка: прошлое и настоящее. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 704 с.

15. Бейлис В.А. Традиция в современных культурах Африки. М.: Наука, 1986. 246 с.

16. Буталий С.В. Особенности германского колониального этоса и отношения между немцами и африканцами в Юго-Западной Африке (1884-1914 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. Вып. 73-1. С. 78-84.

17. Буталий С.В. Германия и Юго-Западная Африка: межцивилизационный контакт и его результаты: 1870-е гг. – 1915 г.: дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. 256 с.

18. Варга Е.С. Исторические корни особенностей германского империализма. М.: Политиздат, 1946. 32 с.

19. Возняк В.Г. У истоков колониальной политики Германии (1871–1882) // Ежегодник германской истории 1987. М., 1988. С. 65–82

20. Галкина О.И. Британская пресса о германских колониальных захватах в Африке в 1880-х годах // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2014. С. 51 – 60

21. Германская история в новое и новейшее время. В 2-х т. / под. ред. С.Д. Сказкин, Л.И. Гинцберг, Г.Н. Горшкова, В.Д. Ежов. М.: Наука, 1970. Т. 1. 512 с.

22. Гуревич АЛ. О кризисе современной исторической науки

//Вопросы истории.1991. № 2–3. С. 21–36.

23. Давидсон А.Б. Сесиль Родс и его время. М.: Мысль, 1984. 422 с.

24. Дерягина И. Г. История Южной Африки (Южно-Африканская Республика) с конца XIX века по 1961 год в историографии: основные этапы и тенденции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. 24 с.

25. Дударев В.С. Внешняя политика Германии и политические приемы дипломатии Отто фон Бисмарка // Вопросы истории. 2018. № 4. С. 88–99.

26. Евзеров Р.Я. Роза Люксембург против германского милитаризма накануне первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1966. № 2. С. 95–105;

27. Евзеров Р.Я. Некоторые вопросы германского рабочего движения накануне первой мировой войны // Ежегодник германской истории, 1972. М., 1973. С. 123–144.

28.Евзеров Р.Я., Яжборовская И.С. Роза Люксембург. Биографический очерк. М.: Мысль, 1974. 327 с.

29. Ерусалимский, А.С. Трансваальский кризис 1896 г. и германские планы «континентальной лиги»: Из истории англо-германского соперничества // Труды по новой и новейшей истории. М.;Л., 1948, Т. 1. С. 22–59.

30. Ерусалимский, А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века . - 2-е изд., доп. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. - 608 с.

31. Ещин В.А. Отношение германской социал-демократии к восстанию гереро и нама в 1904–1907 гг. // Европа, США и колониальный мир. М., 1988. С 87–97.

32. Заменгоф М. Колониальные притязания германского фашизма в Африке. М.: Соцэкгиз, 1937. 48 с.

33. Защук И.И. Германские колонии: Значение их в экономических, политических и военных отношениях. С.-Пг.: тип. Г. Скачкова, 1908. 43 с.

34. Зданевич А.С. История развития миссионерской деятельности в Южной и Юго-Западной Африке (середина XVII – вторая половина XIX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. Вып. 2. С. 188–197.

35. История Африки в XIX – начале XX в. / отв. ред. А.С. Орлова. М.: Наука, 1967. 496 с.

36.История Африки в XIX – начале XX вв.

/ отв. ред. В.А. Субботин. М.: Наука, 1984. 584 с.

37. История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М.: Наука, 1976. 643 с.

38. Калистратов А.Ю. «Из Африки». Утраченные иллюзии // Новое прошлое / The new past. 2017. № 1. С. 30– 44;

39.Калистратов А.Ю. Африка начала XX в. в записках и

эпистоляриях германского врача Людвига Кюльца // Интеллигенция и мир. 2020. С. 68–100;

40.Калистратов А.Ю., Черноперов В.Л. Образы-представления о Черном континенте и африканцах у германского колониального офицера Рудольфа Ганссера // Интеллигенция и мир. 2018 . № 4 . с.62-82;

41. Калистратов А.Ю., Черноперов В.Л Германский колониальный офицер Эрих фон Шаурот и его представления об африканцах в период подавления восстания нама 1904–1907 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 23–31.

42 Королев А.В. Проповедь пангерманизма в русской средней школе: докл. в учеб. отд. «О-ва 1914» 16 июля 1915 г. об учеб. г. Якобсона и г. Вульфиуса. Пг.: тип. т-ва А.С. Суворина "Новое время", 1915. 16 с.

43. Кретинин С.В. Карл Каутский: опыт переосмысления (1854–1938 гг.) // Новая и новейшая история. 1995. №. 1. С. 141–160.

44. Кретинин С.В. Каутский против ревизионизма Бернштейна: начало полемики // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 11-28;

45. Кретинин С.В. Карл Каутский 1854–1914 гг. Воронеж, 2007. 557с.

46. Лашкова Л.Г. Образ африканца в немецкой литературе начала XX в. // Проблемы социально-политической истории и исторической науки. Брянск, 1995. С. 34–45.

47. Левитин С. А. Педагогика и милитаризм в Германии. Пг.: М.В. Попов, 1915. 126 с.

48. Матвеева А.Г. Некоторые аспекты германской колониальной политики в 1880–1890 е гг. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // История: электроно-образовательный журнал 2020. Т. 11. № 8 (94). С. 18.

49. Милосердов Д.Ю. Африканские зоологические трофеи немецкого офицера в коллекции Государственного Дарвиновского музея // Жизнь Земли. 2018. Т. 40. № 1. С. 52–58.

50. Моисеева Е. Н. Колониальная идея во Франции в последней трети XIX в. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002. 247 с.

51. Моисеева Е.Н. Память об античном прошлом во французском колониальном дискурсе последней трети XIX в.: «места памяти» в контексте колониальной пропаганды // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. 2017. №4. С. 87–93.

52. Моисеева Е.Н. Военная экспедиция в Тунис весной–летом 1881 г. на страницах французского журнала «Le Monde illustrй»: к вопросу о визуальной репрезентации Империи // История и историческая память. межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2017. Вып. 15. С. 72-86.

53. Моисеева Е.Н. Как колонизируют европейцы? Образы англичан, французов и немцев в травелоге Лидии Пашковой «Французские

и английские колонии на крайнем Востоке и на Востоке» // Метаморфозы истории. 2020. Вып. 16. С. 29–44.

54. Моисеева Е.Н. Ж.-Б. Маршан в коллективной памяти французов XIX–XXI вв.: к вопросу о героизации участников колониальных конфликтов // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2020. Вып.20. С. 156–162.

55. Моисеева Е.Н. Пропаганда имперской политики в трудах французских историков конца XIX – начала XX вв. // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 334–337.

56. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895. М.: АН СССР, 1956. 899 с.

57. Никитин М.Д. История колониализма в Тропической Африке: цнвилизационный подход // Новая и новейшая история. Саратов, 1993. Вып. 4.

58. Никитин М.Д. Колониализм в Африке: проблемы историографии и методологии. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1996. 79 с.

59. Никитин М.Д. Христианские миссионеры в доколониальной Буганде: цивилизаторы или агенты колонизации?// Классическое востоковедение и классический ориентализм: Сб. науч. работ. М., 2003;

60. Никитин М.Д. Study of Colonialism in Africa in Post-Modern Epoch: “Colonial Discourse Theory” and new research priorities// Africa in the Context of North-South Relations. Moscow, 2002.

61. Никитин М.Д. Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций. Саратов: Научная книга, 2005. 392 с.

62. Новая история колониальных и зависимых стран. / ред.: С.Н. Ростовский, И.М. Рейснер, Г.С. Кара-Мурза, Б.К. Рубцов. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. 788 с.

63. Овчаренко Н.Е. Германская социал-демократия на рубеже двух веков: Идейно-политическая эволюция СДПГ в период империализма. М.: Мысль, 1975. 319 с.

64. Овчаренко Н.Е. Две жизни Эдуарда Бернштейна // Новая и новейшая история.1994. № 3. С. 195–226.

65. Остапенко Г.С. Британский колониализм: духовное влияние метрополии. Британия и Россия. Б.м, 1997. С. 68–76.

66. Павлович М.П. Рельсовая политика европейских государств в Африке // Восток в борьбе за независимость. М.: Наука, 1980. 264 с.

67. Пегушев А.М, Туполев Б.М. Восстание маджи-маджи. Становление и кризис германского колониального управления в Восточной Африке. М.: Наука, 1991. 262 с.

68. Пегушев, А.М. Антиколониальные восстания в Восточной Африке в XX веке: Маджи-Маджи и Мау-Мау: автореф дисс. ... докт. ист.

наук. М., 1994. 51 с.

69. Петряев К.Д. Очерки по истории Германии начала XX века (1900–1914 гг.). Одесса: [б. и.], 1959. 355 с.

70. Петренко Е.Л. Карл Каутский: Очерк социалистических воззрений. М.: Знание, 1991. 61 с.

71. Польщиков П.И. Колониальная экспансия германского колониализма в Африке (1884–1945) // Ученые записки Института международных отношений. Сер. История. М., 1963. Вып. 13. С. 146–170.

72. Пономарев Д.К. Герои Африки. Из истории сопротивления африканских народов европейским захватчикам в конце XIX в. М.: Наука, 1971. 103 с.

73 Порфирий, еп. Успехи и неудачи немецких миссионеров во внутренней Африке // Восток христианский. Труды Киевской Духовной Академии. Т.3. Киев, 1866. 16 с.

74. Пуховская Е.Ю. Русские источники о колониальной политике Германии в Юго-Западной Африке в середине XIX – начале XX вв. // Взаимоотношения России со странами Востока в середине XIX – начале XX вв. Иркутск, 1982. С. 66–77.

75.Пуховская Е.Ю. Германская экспансия в Намибии и позиция России // Россия и политика держав в странах Востока: межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 1991. С. 89–99;

76 Пуховская Е.Ю. «Колониальная идея в кайзеровской Германии: Замыслы и воплощение» дисс. ... докт. ист. наук. Иркутск, 2001. - 295 с

77. Ротштейн Ф.А. Формирование германского империализма. 2-е изд., пересмотр. и доп. М,Л : АН СССР, 1948. Т. III. № 5.

78. Субботин В.А. Колониальные войска в конце XVIII – в начале XX века // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 21–38.

79 Троян С.С. Политическая борьба в Германии по вопросам колониальной политики в Африке в 1871—1890 гг.: автореф дисс. ... канд. ист. наук. Ужгород, 1990. 17 с.

80. Труфанова С.Н. О роли личности с межцивилизационных контактах (колонии кайзеровской Германии в Африке) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. Вып. (56). С. 283–288.

81. Туполев Б.М. Западногерманская историография колониальной политики Германии в Африке в конце XIX – начале XX вв.// Ежегодник германской истории 1974. М.: Наука, 1974. С. 296–315.

82. Туполев Б.М. Германская колониальная политика и строительство железных дорог в Африке на рубеже XIX–XX вв. // Ежегодник германской истории. 1986. М.: Наука, 1987. С. 51–73.

83. Туполев Б. М. Германский империализм в борьбе за «место под солнцем»: германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1991. 292 с.

84. Улановская И.А. Намибия. М.: Мысль, 1983. 112 с.

85. Ульянов (Ленин) В.И. Доклад о партийной программе 19 марта 1919г., VIII съезд РКП(Б) 18-23 марта 1919 г..// Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1967. Т 38. С. 159

86. Фокин С.В. Военная политика германского империализма по отношению к странам Африки (1871–1987): дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989.

87. Фокин С.В. «Дранг нах Африка»: колониальная политика Германии (конец XIX – 30-е годы XX в.). М.: Граница, 2003. 168 с.

88.Фокин С.В. Колониальная политика Германии в 1871–1941 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2004. 424 с.

89.Фокин С.В. Геополитическое измерение колониальной политики Германии. М Изд-во РАГС, 2005. 218 с

90. Фокин С.В. Колониальные войска Германии в Первой мировой войне (1914–1918) // Первая мировая война. Взгляд спустя столетие. М., Изд-во Международного независимого эколого-политологического университета (МНЭПУ) 2011.С.169 - 179

91. Хейфиц Я.И. «Готтентотский блок» и выборы в германский рейхстаг в 1907 г. // Ученые записки Кабардинского государственного педагогического и учительского института. Нальчик, 1951. Вып. 3. С. 38–45.

92. Чарный И.С. Начало колониальной экспансии Германии, 1879–1885 : дисс. ... канд. ист. наук. .М., 1963. 414 с. .

93. Чарный И.С. Западногерманская публицистика и историография о колониальной политике кайзеровской Германии // Новая и новейшая история. 1965. № 1. С. 115–121.

94. Чарный И.С. Начало колониальной экспансии Германии в Африке, 1879–1885 гг. М.: Наука, 1970. 213 с.

95. Энгельгардт В. Германские колонии и чем грозит Германии их утрата. Ярославль : тип. К.Ф. Некрасова, 1914. 32 с.

96. Юршин А.А. Колониальный вопрос и милитаризм в оценках германской социал-демократии: 1890–1914 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012. 151с.

97. Яковлева Е. В Колониальный раздел Африки и позиция России: Вторая половина XIX в. – 1914 г.: автор. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 33 с.

98.Gann L.H. Marginal Colonialism: the German Case // Germans in Tropics. Essays in German Colonial History. Ed. by A.J. Kholl and L.H. Gann. N.Y., Greenwood Press, 1987. 178 p. 1-17 pp.

99.L.Stone The Past and the Present Revisited Lnd. ,Taylor & Francis,1987. 404 p.

DOMESTIC RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF GERMAN COLONIALISM IN AFRICA

The article presents a historiographical review of the works of Russian authors on the German contribution to African colonialism. Interest in the German specifics of this European phenomenon manifested itself in Russia immediately after the appearance of the Second Reich on the world stage. Having experienced all the vicissitudes peculiar to the domestic historical science of the twentieth century, having gone from ideologically conditioned research vectors to a civilizational approach and interdisciplinarity of historical search, domestic African studies expanded the field of research and, using new methodological approaches, deepened the analysis of the cultural and historical phenomenon - European colonialism in Africa. The paper attempts to analyze the main trends of the Russian historiography of German colonialism in chronological order. The scientific works of domestic Africanists, as well as applied works of officers, priests, teachers and politicians, one way or another affecting the "German-African" colonial theme, are considered. A brief critical assessment of these studies is given. The various approaches considered to the problem of European colonialism in Africa suggest the expansion of the field of scientific research, the possibility for which is provided by the interdisciplinarity of research and the involvement of new sources and methodological approaches, which include, for example, the study of images of the Black continent and its indigenous inhabitants from representatives of different social groups of the Second Reich.
Keywords: Russian historiography, German colonialism, colonies in Africa, the Second Reich, the phenomenon of European colonialism in Africa, expansion of the research field,interdisciplinarity of research

References

1. Ajzin B.A. (1971) Bor`ba Karla Libknexta protiv militarizma v nachale XX veka // Ezhegodnik germanskoj istorii 1970. [Karl Liebknecht's struggle against militarism at the beginning of the XX century] M.: Nauka,. S. 208–233;

2. Ajzin B.A.. (1974) Revolyucionny`e germanskie social-demokraty` protiv imperializma i vojny`. 1907–-1914[Revolutionary German Social Democrats against Imperialism and War]. M.;

3.Ajzin B.A. (1981) Germanskaya social-demokratiya i problemy` imperializma pered Pervoj mirovoj vojnoj // Voprosy` germanskoj istorii: klassovaya bor`ba i social`ny`e dvizheniya novogo i novejshego vremeni: sb. st. Dnepropetrovsk, [German Social Democracy and the problems of imperialism before the First World War]. S. 86–96.

4. Antikolonial`naya bor`ba i obshhestvennaya my`sl` v Tropicheskoj i Yuzhnoj Afrike: sb. st. / otv. red. B.M. Tupolev. (1983) [Anti-colonial struggle and social thought in Tropical and Southern Africa]. M., Nauka, 197 s.

5. Afanas`eva A.E`.(2004) Britanskie puteshestvennicy v Vostochnoj Afrike vo vtoroj polovine XIX v.: problemy` statusa i reprezentacij: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Yaroslavl`,23 s.

6. Balashova Yu.A. (2001) Translyaciya kul`tur v processe xristianizacii Zapadnoj Afriki [Translation of cultures in the process of Christianization of West Africa // East-West: problems of interaction and translation of cultures] *Vostok-Zapad: problemy` vzaimodejstviya i translyacii kul`tur: sb. nauch. tr.*

Saratov,. S. 3–15.

7. Balashova Yu.A (2008) Deyatel`nost` nemeczkix xristianskix missij v Yugo-Zapadnoj Afrike i transformaciya mestny`x obshhestv (1842–1914 gg.) [The activities of German Christian missions in South-West Africa and the transformation of local societies (1842-1914)]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. Vy`p. 82-1. S. 78–84.

8. Balezin A.S. (1996) Civilizatory` v strane dikarej?: Formirovanie i e`volyuciya nemeczkoj poselencheskoj obshhiny` v Yugo-Zapadnoj Afrike / Namibii, 1814–1990 / otv. red. V. P. Gorodnov. [Civilizers in the land of savages?: Formation and Evolution of the German Settlement Community in Southwest Africa/Namibia, 1814-1990]. M.: IVI RAN,. 282 s.

9. Balezin A.S. (1992) Nemeczkaya obshhina v Namibii: osnovny`e e`tapy` formirovaniya [The German community in Namibia: the main stages of formation] *Vostok: Afro-aziatskie obshhestva. Istoriya i sovremennost`*. № 5. S. 22–43.

10. Balezin A.S. (1993) Istoriya Namibii v novoe i novejshee vremya. [The history of Namibia in modern and modern times] . M.: Nauka; Izd. firma "Vostochnaya literatura", 253 s.

11. Balezin A.S. (1996) Namibijskij nacional`ny`j arxiv: dokumenty` i materialy` [Namibian National Archives: documents and materials]. *Vestnik MGU. Ser. 13. Vostokovedenie*., № 5. S. 47-53.

12. Balezin A.S. (2008) Tropicheskaya i Yuzhnaya Afrika v novoe i novejshee vremya. Lyudi, problemy`, soby`tiya. Kurs lekcij. [Tropical and Southern Africa in modern and modern times. People, problems, events. Course of lectures] M., Knizhny`j Dom Universitet, 272 s.

13. Balezin A.S. (2015) Chernaya Afrika i Evropa: k probleme vstrechi kul`tur v kolonial`nuyu e`poxu. [Black Africa and Europe: on the problem of the meeting of cultures in the Colonial Era]. M.: IVI RAN, 221 s.

14 Balezin A.S. (2016) Chernaya Afrika: proshloe i nastoyashhee. [Black Africa: Past and present]. M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo,. 704 s.

15. Bejlis V.A. (1986) Tradiciya v sovremenny`x kul`turax Afriki. [Tradition in modern African cultures]. M.: Nauka,. 246 s.

16. Butalij S.V. (2008) Osobennosti germanskogo kolonial`nogo e`tnosa i otnosheniya mezhdu nemczami i afrikanczami v Yugo-Zapadnoj Afrike (1884-1914 gg.) [Features of the German colonial ethnos and relations between Germans and Africans in South-West Africa (1884-1914)] *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*.. Vy`p. 73-1. S. 78-84.

17. Butalij S.V. (2010) Germaniya i Yugo-Zapadnaya Afrika: mezhcivilizacionny`j kontakt i ego rezul`taty`: 1870-e gg. – 1915 g.: diss. ... kand. ist. nauk. Krasnodar,. 256 s.

18. Varga E.S. (1946) Istoricheskie korni osobennostej germanskogo imperializma. [The historical roots of the peculiarities of German imperialism]. M.: Politizdat, 32 s.

19. Voznyak V.G. (1988) U istokov kolonial`noj politiki Germanii (1871–1882) // Ezhegodnik germanskoj istorii [At the origins of the colonial policy of Germany (1871-1882)]. 1987. M., S. 65–82

20. Galkina O.I. (2014) [Britanskaya pressa o germanskix kolonial`ny`x zaxvatax v Afrike v 1880-x godax British Press on German colonial conquests in Africa in the 1880s]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*.. S. 51 – 60

21. Germanskaya istoriya v novoe i novejshee vremya. V 2-x t. / pod. red. S.D. Skazkin, L.I. Ginczberg, G.N. Gorshkova, V.D. Ezhov. (1970) [German history in modern and modern times.] M.: Nauka,. T. 1. 512 s.

22. Gurevich A.L. (1991) O krizise sovremennoj istoricheskoj nauki [About the crisis of modern historical science*] Voprosy` istorii*.. № 2–3. S. 21–36.

23. Davidson A.B. (1984) Sesil` Rods i ego vremya. [Cecil Rhodes and his time ] M.: My`sl`,. 422 s.

24. Deryagina I. G. (2010) Istoriya Yuzhnoj Afriki (Yuzhno-Afrikanskaya Respublika) s koncza XIX veka po 1961 god v istoriografii: osnovny`e e`tapy` i tendencii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Volgograd,. 24 s.

25. Dudarev V.S. (2018) Vneshnyaya politika Germanii i politicheskie priemy` diplomatii Otto fon Bismarka [German Foreign Policy and Otto von Bismarck's political methods of diplomacy ] *Voprosy` istorii*.. № 4. S. 88–99.

26. Evzerov R.Ya. (1966) Roza Lyuksemburg protiv germanskogo militarizma nakanune pervoj mirovoj vojny` [Rosa Luxemburg against German militarism on the eve of the First World War] . *Novaya i novejshaya istoriya*.. № 2. S. 95–105;

27. Evzerov R.Ya. (1973) Nekotory`e voprosy` germanskogo rabochego dvizheniya nakanune pervoj mirovoj vojny` [Some questions of the German labor movement on the eve of the First World War] .*Ezhegodnik germanskoj istorii*, 1972. M.,. S. 123–144.

28.Evzerov R.Ya., (1974) Yazhborovskaya I.S. Roza Lyuksemburg. Biograficheskij ocherk. [Rosa Luxemburg. Biographical sketch]. M.: My`sl`, 327 s.

29. Erusalimskij, A.C. (1948) Transvaal`skij krizis 1896 g. i germanskie plany` «kontinental`noj ligi»: Iz istorii anglo-germanskogo sopernichestva // Trudy` po novoj i novejshej istorii. The Transvaal crisis of 1896 and the German plans of the "continental League": From the History of Anglo-German rivalry]. M.;L., T. 1. S. 22–59.

30. Erusalimskij, A.C. (1951) Vneshnyaya politika i diplomatiya germanskogo imperializma v konce XIX veka . - 2-e izd., dop. [Foreign policy and diplomacy of German imperialism at the end of the XIX century] . M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR,. - 608 s.

31. Eshhin V.A. (1988Otnoshenie germanskoj social-demokratii k vosstaniyu gerero i nama v 1904–1907 gg. [The attitude of German Social Democracy to the Herero and Nama Revolt in 1904-1907]. M., S 87–97.

32. Zamengof M. (1937) Kolonial`ny`e prityazaniya germanskogo

fashizma v Afrike. [The colonial claims of German fascism in Africa] . M.: Socze`kgiz,. 48 s.

33. Zashhuk I.I. (1908) Germanskie kolonii: Znachenie ix v e`konomicheskix, politicheskix i voenny`x otnosheniyax. [German colonies: Their significance in economic, political and military relations] . S.-Pg.: tip. G. Skachkova,. 43 s.

34. Zdanevich A.S. (2019) Istoriya razvitiya missionerskoj deyatel`nosti v Yuzhnoj i Yugo-Zapadnoj Afrike (seredina XVII – vtoraya polovina XIX v.) [History of the development of missionary activity in South and South-West Africa (mid-XVII - second half of the XIX century)] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*.. T. 11. Vy`p. 2. S. 188–197.

35. Istoriya Afriki v XIX – nachale XX v. / otv. red. A.S. Orlova. (1967) [The history of Africa in the XIX - early XX century] M.: Nauka,. 496 s.

36.Istoriya Afriki v XIX – nachale XX vv./ otv. red. V.A. Subbotin. (1984)[The history of Africa in the XIX - early XX century] . M.: Nauka, 584 s.

37. Istoriya nacional`no-osvoboditel`noj bor`by` narodov Afriki v novoe vremya. (1976) [The history of the national liberation struggle of the peoples of Africa in modern times].M.: Nauka,. 643 s.

38. Kalistratov A.Yu. (2017)]«Iz Afriki». Utrachenny`e illyuzii["From Africa." Lost Illusions]. *Novoe proshloe / The new past.* № 1. S. 30– 44;

39.Kalistratov A.Yu. (2020) Afrika nachala XX v. v zapiskax i e`pistolyariyax germanskogo vracha Lyudviga Kyul`cza. [Africa of the early twentieth century in the notes and epistolaries of the German physician Ludwig Kылz] . *Intelligenciya i mi*r.. S. 68–100;

40.Kalistratov A.Yu., Chernoperov V.L. (2018) Obrazy`-predstavleniya o Chernom kontinente i afrikanczax u germanskogo kolonial`nogo oficera Rudol`fa Ganssera [Images-representations of the Black continent and Africans by the German colonial officer Rudolf Gansser] . *Intelligenciya i mir*.. № 4 . s.62-82;

41. Kalistratov A.Yu., Chernoperov V.L(2018 Germanskij kolonial`ny`j oficer Erich von Schaurot i ego predstavleniya ob afrikanczax v period podavleniya vosstaniya nama 1904–1907 gg.)[German colonial officer Erich von Schaurot and his ideas about Africans during the suppression of the Nama uprising of 1904-1907] . *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*.. № 6. S. 23–31.

42 Korolev A.V. (1915) Propoved` pangermanizma v russkoj srednej shkole: dokl. v ucheb. otd. «O-va 1914» 16 iyulya 1915 g. ob ucheb. g. Yakobsona i g. Vul`fiusa. [Preaching of Pan-Germanism in a Russian secondary school: a doctorate in the study department "O-va 1914" on July 16, 1915 about the studies of Jacobson and Vulfius] . Pg.: tip. t-va A.S. Suvorina "Novoe vremya",. 16 s.

43. Kretinin S.V. (1995 Karl Kautskij: opy`t pereosmy`sleniya (1854–1938 gg.)) [Karl Kautsky: The Experience of Reinterpretation (1854-

1938)]*Novaya i novejshaya istoriya*.. №. 1. S. 141–160.

44. Kretinin S.V. (2003) Kautskij protiv revizionizma Bernshtejna: nachalo polemiki [Kautsky against Bernstein's Revisionism: the Beginning of a Polemic]. *Novaya i novejshaya istoriy*a. 2003. № 4. S. 11-28;

45. Kretinin S.V. (2007) Karl Kautskij 1854–1914 gg. [Karl Kautsky 1854-1914 Voronezh, 557s.

46. Lashkova L.G. (1995). Obraz afrikancza v nemeczkoj literature nachala XX v. [The image of an African in German literature at the beginning of the XX century] .*Problemy` social`no-politicheskoj istorii i istoricheskoj nauki*. Bryansk,. S. 34–45.

47. Levitin S. A. (1915) Pedagogika i militarizm v Germanii. [Pedagogy and militarism in Germany]. Pg.: M.V. Popov,. 126 s.

48. Matveeva A.G. (2020) Nekotory`e aspekty` germanskoj kolonial`noj politiki v 1880–1890 e gg. (po materialam Arxiva vneshnej politiki Rossijskoj imperii) [Some aspects of German Colonial Policy in the 1880s-1890s (based on the materials of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire)]. Istoriya*: e`lektrono-obrazovatel`ny`j zhurnal*. T. 11. № 8 (94). S. 18.

49. Miloserdov D.Yu. (2018) Afrikanskie zoologicheskie trofei nemeczkogo oficera v kollekcii Gosudarstvennogo Darvinovskogo muzeya. [African zoological trophies of a German officer in the collection of the State Darwin Museum]. *Zhizn` Zemli*.. T. 40. № 1. S. 52–58.

50. Moiseeva E. N. (2002). Kolonial`naya ideya vo Francii v poslednej treti XIX v. diss. ... kand. ist. nauk. Saratov, 247 s.

51. Moiseeva E.N. (2017) Pamyat` ob antichnom proshlom vo franczuzskom kolonial`nom diskurse poslednej treti XIX v.: «mesta pamyati» v kontekste kolonial`noj propagandy` [The memory of the Ancient past in the French Colonial Discourse of the last third of the XIX century: "places of memory" in the context of colonial propaganda]. *Gumanitarny`e i yuridicheskie issledovaniya. Nauchno-teoreticheskij zhurnal*.. №4. S. 87–93.

52. Moiseeva E.N. (2017) Voennaya e`kspediciya v Tunis vesnoj–letom 1881 g. na straniczax franczuzskogo zhurnala «Le Monde illustrй»: k voprosu o vizual`noj reprezentacii Imperii [Military expedition to Tunisia in the spring-summer of 1881 on the pages of the French magazine "Le Monde illustrй": on the question of the visual representation of the Empire]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat`. mezhvuz. sb. nauch. tr.* / pod red. A.V. Glady`sheva. Saratov: Sarat. gos. un-t,. Vy`p. 15. S. 72-86.

53. Moiseeva E.N. (2020) Kak koloniziruyut evropejcy? Obrazy` anglichan, franczuzov i nemcev v traveloge Lidii Pashkovoj «Franczuzskie i anglijskie kolonii na krajnem Vostoke i na Vostoke». [How do Europeans colonize? Images of the British, French and Germans in Lydia Pashkova's travelogue "French and English colonies in the Far East and in the East"]. *Metamorfozy` istorii*.. Vy`p. 16. S. 29–44.

54. Moiseeva E.N. (2020. Zh.-B. Marshan v kollektivnoj pamyati franczuzov XIX–XXI vv.: k voprosu o geroizacii uchastnikov kolonial`ny`x

konfliktov)[J.-B. Marchand in the collective memory of the French of the XIX-XXI centuries: on the question of the glorification of participants in colonial conflicts]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat`: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. A.V. Glady`sheva*. Saratov: Sarat. gos. un-t,. Vy`p.20. S. 156–162.

55. Moiseeva E.N. (2020) Propaganda imperskoj politiki v trudax franczuzskix istorikov koncza XIX – nachala XX vv.[Propaganda of imperial policy in the works of French historians of the late XIX - early XX centuries]. // Vseobshhaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka: sbornik statej i soobshhenij: V 2 t. T. 1 / sost. i otv. red. G.P. Myagkov, E.A. Chiglincev. Kazan`: Izd-vo Kazan. un-ta,. S. 334–337.

56. Narochniczkij A.L. (1956) Kolonial`naya politika kapitalisticheskix derzhav na Dal`nem Vostoke 1860–1895.[Colonial policy of the Capitalist Powers in the Far East 1860-1895]. M.: AN SSSR,. 899 s.

57. Nikitin M.D. (1993) Istoriya kolonializma v Tropicheskoj Afrike: cznvilizacionny`j podxod // Novaya i novejshaya istoriya. [The History of colonialism in Tropical Africa: a civilizational approach ].Saratov,. Vy`p. 4.

58. Nikitin M.D. (1996) Kolonializm v Afrike: problemy` istoriografii i metodologii.[Colonialism in Africa: problems of historiography and methodology]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta,. 79 s.

59. Nikitin M.D. (2003) Xristianskie missionery` v dokolonial`noj Bugande: civilizatory` ili agenty` kolonizacii? [Christian missionaries in precolonial Buganda: civilizers or agents of colonization?].// Klassicheskoe vostokovedenie i klassicheskij orientalizm: Sb. nauch. rabot. M.,;

60. Nikitin M.D. (2002) Study of Colonialism in Africa in Post-Modern Epoch: “Colonial Discourse Theory” and new research priorities// Africa in the Context of North-South Relations. Moscow

61. Nikitin M.D. (2005) Chernaya Afrika i britanskie kolonizatory`: stolknovenie civilizacij.[Black Africa and British Colonialists: Clash of Civilizations]. Saratov: Nauchnaya kniga, 392 s.

62. Novaya istoriya kolonial`ny`x i zavisimy`x stran. / red.: S.N. Rostovskij, I.M. Rejsner, G.S. Kara-Murza, B.K. Rubczov. (1940) [A new history of colonial and dependent countries. / ed.: S.N. Rostovsky, I.M. Reisner, G.S. Kara-Murza, B.K. Rubtsov]. M.: Gosudarstvennoe social`no-e`konomicheskoe izdatel`stvo,. 788 s.

63. Ovcharenko N.E. (1975) Germanskaya social-demokratiya na rubezhe dvux vekov: Idejno-politicheskaya e`volyuciya SDPG v period imperializma.[ German Social Democracy at the Turn of Two Centuries: The Ideological and Political Evolution of the SPD in the Period of Imperialism]. M.: My`sl`,. 319 s.

64. Ovcharenko N.E. (1994) Dve zhizni E`duarda Bernshtejna [Two Lives of Eduard Bernstein].// Novaya i novejshaya istoriya.. № 3. S. 195–226.

65. Ostapenko G.S. (1997) Britanskij kolonializm: duxovnoe vliyanie metropolii.[British colonialism: the spiritual influence of the metropolis. Britain and Russia]. Britaniya i Rossiya. B.m,. S. 68–76.

66. Pavlovich M.P. (1980) Rel`sovaya politika evropejskix gosudarstv v Afrike // Vostok v bor`be za nezavisimost`.[Rail policy of European States in Africa]. M.: Nauka,. 264 s.

67. Pegushev A.M, Tupolev B.M. (1991) Vosstanie madzhi-madzhi. Stanovlenie i krizis germanskogo kolonial`nogo upravleniya v Vostochnoj Afrike. [The Maji-maji uprising. Formation and crisis of the German colonial administration in East Africa].M.: Nauka,. 262 s.

68. Pegushev, A.M. (1994) Antikolonial`ny`e vosstaniya v Vostochnoj Afrike v XX veke: Madzhi-Madzhi i Mau-Mau: avtoref diss. ... dokt. ist. nauk. M.,. 51 s.

69. Petryaev K.D. (1959) Ocherki po istorii Germanii nachala XX veka (1900–1914 gg.).[Essays on the history of Germany at the beginning of the XX century (1900-1914)]. Odessa: [b. i.],. 355 s.

70. Petrenko E.L. (1991) Karl Kautskij: Ocherk socialisticheskix vozzrenij. [Karl Kautsky: An Essay on Socialist Views].M.: Znanie,. 61 s.

71. Poly`cikov P.I. (1963) Kolonial`naya e`kspansiya germanskogo kolonializma v Afrike (1884–1945)[ Colonial expansion of German colonialism in Africa (1884-1945)]. *Ucheny`e zapiski Instituta mezhdunarodny`x otnoshenij*. Ser. Istoriya. M.,. Vy`p. 13. S. 146–170.

72. Ponomarev D.K. (1971) Geroi Afriki. Iz istorii soprotivleniya afrikanskix narodov evropejskim zaxvatchikam v konce XIX v.[Heroes of Africa. From the history of the resistance of African peoples to European invaders at the end of the XIX century]. M.: Nauka,. 103 s.

73 Porfirij, ep. (Uspenskii) (1866) Neudachi nemeczkix missionerov vo vnutrennej Afrike [Successes and failures of German missionaries in Inner Africa]. Vostok xristianskij. *Trudy` Kievskoj Duxovnoj Akademii*. T.3. Kiev, 16 s.

74. Puhovskaya E.Yu. (1982) Russkie istochniki o kolonial`noj politike Germanii v Yugo-Zapadnoj Afrike v seredine XIX – nachale XX vv. [Russian sources on the colonial policy of Germany in South-West Africa in the mid-XIX - early XX centuries.]. Vzaimootnosheniya Rossii so stranami Vostoka v seredine XIX – nachale XX vv. Irkutsk,. S. 66–77.

75.Puhovskaya E.Yu. (1991) Germanskaya e`kspansiya v Namibii i poziciya Rossii [German expansion in Namibia and Russia's position // Russia and the politics of the Powers in the countries of the East]. *Rossiya i politika derzhav v stranax Vostoka: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Irkutsk,. S. 89–99;

76 Puhovskaya E.Yu. (2001) «Kolonial`naya ideya v kajzerovskoj Germanii: Zamy`sly` i voploshhenie» diss. ... dokt. ist. nauk. Irkutsk,. 295 s

77. Rotshtejn F.A. (1948) Formirovanie germanskogo imperializma. 2-e izd., peresmotr. i dop.[The formation of German imperialism. 2nd ed]. M,L : AN SSSR,. T. III. № 5.

78. Subbotin V.A. (2002) Kolonial`ny`e vojska v konce XVIII – v nachale XX veka [Colonial troops in the late XVIII - early XX century]. *Voprosy` istorii*.. № 8. S. 21–38.

79 Troyan S.S. (1990) Politicheskaya bor`ba v Germanii po voprosam

kolonial`noj politiki v Afrike v 1871—1890 gg.: avtoref diss. ... kand. ist. nauk. Uzhgorod,. 17 s.

80. Trufanova S.N. (2011) O roli lichnosti s mezhcivilizacionny`x kontaktax (kolonii kajzerovskoj Germanii v Afrike) [On the role of personality in intercivilizational contacts (colonies of Kaiser Germany in Africa)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta.*. Vy`p. (56). S. 283–288.

81. Tupolev B.M. (1974) Zapadnogermanskaya istoriografiya kolonial`noj politiki Germanii v Afrike v konce XIX – nachale XX vv. [West German historiography of Germany 's colonial Policy in Africa in the late XIX - early XX centuries].*Ezhegodnik germanskoj istorii.* M.: Nauka,. S. 296–315.

82. Tupolev B.M. (1986) Germanskaya kolonial`naya politika i stroitel`stvo zhelezny`x dorog v Afrike na rubezhe XIX–XX vv. [German colonial policy and railway construction in Africa at the turn of the XIX-XX centuries]. *Ezhegodnik germanskoj istorii.*. M.: Nauka,. S. 51–73.

83. Tupolev B. M. (1991) Germanskij imperializm v bor`be za «mesto pod solncem»: germanskaya e`kspansiya na Blizhnem Vostoke, v Vostochnoj Afrike i v rajone Indijskogo okeana v konce XIX – nachale XX vv. [German imperialism in the struggle for a "place in the sun": German expansion in the Middle East, East Africa and the Indian Ocean in the late XIX - early XX centuries].M.: Nauka, 292 s.

84. Ulanovskaya I.A. (1983) Namibiya.[Namibiya].M.: My`sl`, 112 s.

85. Ul`yanov (Lenin) V.I. (1967) Doklad o partijnoj programme 19 marta 1919g., VIII s``ezd RKP(B) 18-23 marta 1919 g..[Report on the party program on March 19, 1919, VIII Congress of the RCP (B) on March 18-23, 1919]. Poln. sobr. soch. M.: Politizdat,. T 38. S. 159

86.Fokin S.V. V(1989) Woennaya politika germanskogo imperializma po otnosheniyu k stranam Afriki (1871–1987): diss. ... kand. ist. nauk. M.,.

87.Fokin S.V. (2003) «Drang nax Afrika»: kolonial`naya politika Germanii (konecz XIX – 30-e gody` XX v.)["Drang nah Africa": the colonial policy of Germany (late XIX - 30s of the XX century.)].M.: Granicza, 168 s.

88.Fokin S.V. (2004) Kolonial`naya politika Germanii v 1871–1941 gg.: diss. ... dokt. ist. nauk. M.,. 424 s.

89.Fokin S.V. (2005) Geopoliticheskoe izmerenie kolonial`noj politiki Germanii. [The geopolitical dimension of Germany's colonial policy].M Izd-vo RAGS,. 218 s

90.Fokin S.V. (2011) Kolonial`ny`e vojska Germanii v Pervoj mirovoj vojne (1914–1918) [German Colonial Troops in World War I (1914-1918)]. *Pervaya mirovaya vojna. Vzglyad spustya stoletie.* M., Izd-vo Mezhdunarodnogo nezavisimogo e`kologo-politologicheskogo universiteta (MNE`PU) .S.169 - 179

91.Xejficz Ya.I. (1951) «Gottentotskij blok» i vy`bory` v germanskij rejxstag v 1907 g. [The "Hottentot bloc" and the elections to the German Reichstag in 1907.]. *Ucheny`e zapiski Kabardinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo i uchitel`skogo instituta.* Nal`chik,. Vy`p. 3. S. 38–45.

92.Charny`j I.S. ( 1963) Nachalo kolonial`noj e`kspansii Germanii, 1879–1885 : diss. ... kand. ist. nauk. .M.,. 414 s. .

93. Charny`j I.S. (1965) Zapadnogermanskaya publicistika i istoriografiya o kolonial`noj politike kajzerovskoj Germanii [West German journalism and historiography about the colonial policy of Kaiser's Germany]. *Novaya i novejshaya istoriya*.. № 1. S. 115–121.

94. Charny`j I.S. (1970) Nachalo kolonial`noj e`kspansii Germanii v Afrike, 1879–1885 gg.[The beginning of Germany's colonial expansion in Africa, 1879-1885]. M.: Nauka,. 213 s.

95. E`ngel`gardt V. (1914) Germanskie kolonii i chem grozit Germanii ih utrata.[German colonies and what threatens Germany with their loss]. Yaroslavl` : tip. K.F. Nekrasova,. 32 s.

96. Yurshin A.A. (2012) Kolonial`ny`j vopros i militarizm v ocenkax germanskoj social-demokratii: 1890–1914 gg.: diss. ... kand. ist. nauk. Voronezh,. 151s.

97. Yakovleva E. V(2004) Kolonial`ny`j razdel Afriki i poziciya Rossii: Vtoraya polovina XIX v. – 1914 g.: avtor. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk,. 33 s.

98.Gann L.H. (1987) Marginal Colonialism: the German Case // Germans in Tropics. Essays in German Colonial History. Ed. by A.J. Kholl and L.H. Gann. N.Y., Greenwood Press,. 178 r

99.L.Stone (1987) The Past and the Present Revisited Lnd. ,Taylor & Francis,. 404 r..

Об авторе

Калистратов Андрей Юрьевич – учитель истории МОУ ОШ №46 г.Ярославль, соискатель кафедры Всеобщей истории Ивановский Государственный университет (Россия) E-mail: kay73@mail.ru

Kalistratov Andrey Yuryevich – teacher of history MOE Secondary school No. 46 Yaroslavl. candidate of the Department of General History Ivanovo State University (Russia) E-mail: kay73@mail.ru

УДК 94(436).08

Карин А.Д., соискатель, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск (Россия)

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА Т.Г. ШЕВЧЕНКО В РАБОТЕ Ф.И. СВИСТУНА «ЧЕМ ЕСТЬ ДЛЯ НАС ШЕВЧЕНКО?» 1885 г.

Статья посвящена изучению мировоззрения видного деятеля русофильского движения Филиппа Ивановича Свистуна и его взглядов на личность Т.Г., Шевченко. В своей книге «Чем есть для нас Шевченко?» известный галицкий писатель, историк и общественный деятель попытался показать значимость творческого наследия поэта для развития русинской культуры, образования и воспитания молодежи. Филипп Иванович дал свою интерпретацию творчества известного поэта, выделяя, по его мнению, отрицательные и положите моменты в его поэзии. Так, согласно его убеждению, она характеризовалась с одной стороны глубоким патриотизмом, идеализацией казачества, защитой семейных ценностей и осуждением крепостного права. С другой стороны автор подчеркивал свойственные ей нигилизм, бунтарство, а так же глубоко чуждые ему антимонархические и антиимперские идеи. Разумеется, данная интерпретация субъективна и носит в целом оценочный характер. Но именно это обстоятельство и придает особый интерес книге Свистуна т. к. она позволяет лучше понять те идеи и принципы, которые отстаивало русофильское движение Восточной Галиции и Буковины в исследуемый период.

Ключевые слова: Восточная Галиция, русины, национальная идентичность, Ф.И. Свистун, Т. Г. Шевченко.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-168-177

Английский историк, исследователь национализма Э. Смит утверждает, что огромную роль для всех наций и национальных движений играют общие «мифы» к примеру, такие как миф, о героях, общем происхождении, «Золотом веке» и др. [7]. Это положение применимо, в том числе к национальной литературе, и становится особенно хорошо видно, при обращении к фигуре национального поэта. Для национальных движений многих народов было характерно возникновение на определенном этапе фигуры национального поэта, личность и произведения, которого становились символами объединяющими нацию. Именно такую объединяющую роль играли И. Гете для немцев и А. Мицкевич для поляков. Для австрийских русинов поэтом номер один, внесшим огромный вклад в развитие их культуры стал Т. Г. Шевченко. Именно знакомство с его произведениями оказало серьезное влияние не только на культурную, но и на общественную жизнь Восточной Галиции и Буковины.

До начала 60-хх гг. XIX в. шевченковская поэзия была до-

© **Карин А.Д.**
© **Karin A.D.**

стоянием лишь не многих интеллектуалов и не получила еще широкого распространения в Галичине. Все изменилось весною 1862 г., когда несколько экземпляров петербургского «Кобзаря» (1860 г.) было привезено во Львов купцом и меценатом М. Диметом. Знакомство с содержанием книги произвело большое впечатление на галичан, она быстро стала дефицитной, ввиду чего получила большое распространение в рукописных списках. Тогда же отдельные шевченковские произведения начали публиковаться и в галицких газетах: «Слово», «Вечерница», «Мета», «Русалка» и др. Известный писатель и публицист Остап Терлецкий впоследствии вспоминал об этом времени: «Всех громкая муза великого поэта как клещами тянула к себе, и все мы тогда заделались горячими хлопоманами. Даже удивительно вспоминать, как одна газета, несколько книжечек вмиг перевернули все наше мировоззрение вверх ногами и совершили революцию в наших головах» [5, с. 102].

В 60-хх гг. XIX в., как известно, галицкая интеллигенция раскололась на два лагеря – старорусинов или русофилов, и народовцев или украинофилов. Каждый из упомянутых лагерей отстаивал свою версию национальной идентичности восточнославянского населения Восточной Галиции и Буковины. Русофилы причисляли их к русскому народу, проживавшему, согласно их мировоззрению от Карпат до Камчатки. Народовцы напротив настаивали на национальной самостоятельности русинов-украинцев и их принципиальной отличности от великороссов. Если для народовцев Т. Шевченко стал непререкаемым, авторитетом, гением и даже пророком, то отношение к нему их оппонентов было не столь однозначным и уже рассматривалось нами в отдельной статье [2, с. 327]. Книга Филиппа Ивановича Свистуна «Чем есть для нас Шевченко?» является, пожалуй, наиболее подробной работой представителя русофильского движения посвященной творчеству великого поэта и может представлять большой интерес для историков [4].

Филипп Иванович Свистун (1844-1916) родился в крестьянской семье в селе Тоболове Каменка-Бугского уезда. Гимназию и университет он окончил во Львове, после чего преподавал географию и историю в Ряшевской гимназии. После ухода в отставку был директором библиотеки Русского Народного Дома во Львове. Умер в Ростове-На-Дону, куда уехал в годы Первой мировой войны, опасаясь возможных репрессий со стороны австрийских властей [1, с. 51]. Свистун являлся автором множества исторических и публицистических работ. Наиболее значительной из них были его двухтомная «Прикарпатская Русь под владением Австрии», основанная на множестве исторических источников и содержащая подробнейшую информацию по истории русинов Галиции, Буковины и Прикарпатья [3].

Приступая к рассмотрению интересующей нас темы Филипп Иванович задается следующими вопросами: «Чем есть для нас, для Галицкой Руси, Шевченко? Имеет ли культ его основания? Заслуживают ли его творения, так по-разному оцениваемые, той высокой ценности, которую им приписывают? Принесут ли они нам пользу или вред? Вот вопросы на которых нам следует остановится...» [4, с. 3]. По мере изложения материала автор предлагает своим читателям подробнейшие ответы на эти и другие вопросы. По его мнению, первое «пробуждение» Галицкой Руси и оживление ее народной жизни, связанное с революцией 1848 г. было весьма поверхностным. В 50-60 гг. XIX в. учащаяся русинская молодежь все еще предпочитала читать книги преимущественно на польском и немецком языках, а в повседневном общении чаще всего использовала тот же польский язык. Однако распространение в Галичине сочинений писателей-украинофилов повысило привлекательность русинской культуры в глазах значительной части учащийся молодежи и местной интеллигенции. Этот процесс способствовал постепенному формированию новой идентичности, основанной на героизации казачьего прошлого, что в свою очередь способствовало ослаблению влияния польских исторических мифов.

Происходившие в области культуры процессы, оказали непосредственное влияние, в том числе на судьбу и миросозерцание самого автора, пробудив в нем, как и в его ровесниках, национальное самосознание: «Разом с другими учениками русской народности употреблял он (автор. – А.Д.) в школе и вне школы в разговоре исключительно польский или немецкий языки. Просиживая в свободное от наук время в читальне библиотеки Оссолинских и читая польских поэтов и повестописателей, проникся он совершенно духом польским, так что, наконец, стал чужим для своего народа, предпочитал костел церкви и стал даже стыдится своего обряда, своего языка и русского происхождения. Не удивительно, если потом в 1861 г., когда с введением конституционной жизни в Австрии польское общество взволновалось, и развернуло в крае сильную агитацию с настойчивостью стремясь не только к верховенству в Галичине, но и к восстановлению давней Речи Посполитой, многие из молодежи русской надели конфедератки, пели в костелах польские патриотические песни и принимали участие в польских демонстрациях на улицах города... Все это если не совершенно исчезло, то, по крайней мере, было низведено до незначительных размеров, когда молодежь познала поэта Шевченко» [4, с. 9].

Успех шевченковской поэзии был связан не только с талантом литератора, но и с тем, что герои многих его произведений были именно крестьянами, представителями простого народа. Это вызывало естественную симпатию

галицких русинов, лишенных собственного дворянства и представленных в основном крестьянством и духовенством. В свою очередь одной из причин меньшей популярности великорусской литературы в Галиции по сравнению с украинской, по мнению Свистуна, является то, что русские писатели в основном в своих произведениях, изображали жизнь именно высших классов общества. Среди других причин он также выделял политику австрийских властей препятствующих распространению книг на литературном русском языке и достаточно плохое знание великорусского языка большинством населения региона. Книги украинофильских авторов напротив оказались более понятными простым людям, так как их язык был значительно ближе к галицкому наречию, чем великорусский. Вместе с тем автор рассматривает украинскую литературу, как региональный вариант общерусской, а украинцев считает неотъемлемой частью русского народа. Согласно его оценке распространение украинских книг, несмотря на содержащиеся в отдельных произведениях «сепаратистские» идеи способствовало русификации галичан, так как язык этих книг содержал большое количество слов общих с великорусским, которые, тем не менее, отсутствовали в галицком наречии. Так же у читателей возникал естественный интерес к политической и культурной жизни Российской империи, описываемой в произведениях украинских писателей, что опять же способствовало русификации и ослаблению польского влияния.

Само украинофильское движение согласно авторской концепции, является ничем иным, как региональным вариантом романтизма со всеми характерными для этого культурного явления чертами. Отсюда идеализация исторического прошлого, интерес к культуре и языку простого народа, критика существовавшей на тот момент политической и социальной организации общества. «Идея народности подвела образованные классы к вопросу: что нужно понимать под «нацией», как определить это понятие, как далеко простирается русская «нация»? Поскольку между наречиями великорусским и малорусским есть некоторое различие, то ссылаясь на языковые различия и определенные особенности, свойственные велико- и малороссам, южнорусские писатели легко могли прийти к мысли об образовании отдельной «нации» – малорусской...» [4, с. 27].

Все эти черты свойственные романтизму нашли свое отражение в поэзии Шевченко, а национальные идеи, распространенные среди членов Кирилло-Мефодиевского общества во многом сформировали его мировоззрение. В то же время в его произведениях помимо национальных идей присутствовали так же ярко выраженные социальные мотивы, выразившиеся в большом внимании к угнетенному положению простого народа, связанного с крепостным правом и

феодальным гнетом. Помимо ностальгии по казачеству поэт подвергал в своем творчестве жесткой критике, как отдельных монархов, так и монархический режим в целом. В первую очередь критика была направлена против таких видных деятелей российской истории, как Петр I и Екатерина II, которые в знаменитой шевченковской поэме «Сон», как известно, были изображены в крайне нелицеприятном свете. Односторонне негативная оценка правления данных монархов, объясняется тем, что Петр после его конфликта с Мазепой существенно ограничил права казаков, а Екатерина II уничтожила Запорожскую Сечь.

Неудивительно, что такая политика, превращала Петра I и Екатерину II, в «антигероев» для ревнителей казачьего мифа. Она трактовалось ими в первую очередь, как покушение на свободу и проявление тирании. Свистун не соглашается с таким мнением, полагая, что оно вызвано некритическим, романтическим взглядом на историю. Именно Мазепу он называет нарушителем переяславского договора, а меры по централизации и ограничению местных вольностей необходимыми для развития, как всего государства, так и его отдельных частей: «...Украина, представлявшая прежде руину, разоряемая татарами стала житницею Европы. Исчезли разбойничьи степные народы, везде сегодня господствует безопасность, Южная Россия стала цветущую землею, которая привлекает пришельцев от других народов... Сопоставьте с этим те времена, когда казаки были «вольными». С одной стороны напирают на них поляки, чтобы их превратить в холопов с другой стороны татары своими набегами, уничтожают все плоды труда, мирных жителей и тысячи селян обоего пола идут в ясырь, чтобы в турецких городах погибнуть в тяжкой неволе. За время Яна Казимира польско-русские земли были опустошены настолько, что путешественник целыми днями не видел не обители человеческой, ни существа указующего на жизнь. Если к этому прибавить споры между шляхтою, различные «съезды» и недостаток всякой справедливости в судах, что лучше всего сам Хмельницкий почувствовал, то легко себе можно представить образ «таинственного раю» о котором мечтал Шевченко» [4, с. 45-46].

Ввиду отсутствия у Шевченко систематического образования его взгляды на историю и политику характеризуются автором, как «путанные». На становления его исторических воззрений решающую роль оказали казацкие летописи, политические либеральные идеи XIX в. имеющие в своей основе мировоззрение французских энциклопедистов, а также некоторые из античных авторов. Именно отсюда проистекают радикально антимонархические мотивы, в творчестве литератора особенно ярко проявившиеся в стихотворении «Пророк», в котором Бог устанавливает власть монарха в качестве наказания за грехи народа. Другая причина появления этих мотивов

связана с существовавшим на тот момент в царской России крепостным правом. Ответственность за которое, литератор во многом возлагал именно на царское правительство [4, с. 57-59].

Филип Иванович, будучи человеком консервативных и умеренно монархических взглядов по мере повествования вступает в полемику с поэтом, пытаясь доказать, что защищаемые им идеалы вольности являются проявлением нигилизма и противоречат естественному порядку вещей. Напротив монархия, по его мнению, не только соответствует учению христианской церкви, но и стремится ограничить произвол богатых и сильных в отношении слабых и бедных. Ослабление центральной власти в свою очередь нередко приводит к ухудшению жизни простых людей, что хорошо видно на примере политической жизни его родной Галиции: «С введением конституционализма, из-за крайней политической неразвитости масс, у нас в Галичине на политическом поле наибольший вес приобрела шляхта или собственно несколько магнатских домов, как обычно бывает в таких случаях, если нет равновесия между стихиями и своеволие одного, не обуздывается другим. Среди знатных семейств нашего края сформировалось в некоторой степени самовластие, которое очень сильно чувствуется как в общественных, так и в частных делах» [4, с. 82].

Из политических воззрений Шевченко в позитивном ключе автор отзывается, пожалуй, только об его панславистских наклонностях возникших у него под влиянием Кирилло-Мефодиевского общества. Уже его поэма «Еретик» (1845) как известно, была пропитана панславистскими идеями и образами. В поэме кроме всего прочего прославлялась деятельность чешского ученого-слависта П. Й. Шафарика одного из идейных вдохновителей различных панславистских течений:

Прозрів єси
В попелі глибоко
Огонь добрий смілим серцем,
Смілим орлім оком!
І засвітив, любомудре,
Світоч правди, волі...
І слав'ян сім'ю велику
Во тьмі і неволі
Перелічив до одного,
Перелічив трупи,
А не слав'ян. І став єси
На великих купах,
На розпутті всесвітньому
Ієзекіїлем,
І – о диво! трупи встали
І очі розкрили,
І брат з братом обнялися
І проговорили
Слово тихої любові
Навіки і віки!
І потекли в одно море
Слав'янськії ріки! [6, с. 30].

Шевченко пропагандировал идеалы братства и единства различных славянских народов. Несмотря на непростую историю взаимоотношений, он не питал ни малейшей неприязни к полякам, полагая что основными виновниками конфликта между поляками и казаками является фанатичное

духовенство и религиозная нетерпимость:

Ще як були ми козаками,
А унії не чуть було,
Отам-то весело жилось!
Братались з вольними ляхами,
Пишались вольними степами,
В садах кохалися, цвіли,
Неначе лілії, дівчата.
Пишалася синами мати,
Синами вольними... Росли,
Росли сини і веселили
Старії скорбнії літа...
Аж поки іменем Христа
Прийшли ксьондзи і запалили
Наш тихий рай. І розлили
Широке море сльоз і крові... [6, с. 209]

Художественная сторона творчества поэта чрезвычайно высоко оценивается автором книги. В первую очередь он хвалит его за умение правдиво показать жизнь простых людей, отстаивание идеала семьи и верности, а так же несомненный талант, позволивший ему оказать огромное влияние на развитие русской и украинской культуры: «Все его произведения составляют один неразделенный круг нравственных поучений, так как он поставил себе целью бороться за добро против зла. Где он держится обыденной жизни, там его мысли глубоки и поучительны, где касается строя гражданственного, там попадает на распутье...» [4, с. 59]. Хотя, как уже было сказано, Свистун и рассматривал поэзию Шевченко в качестве органической части русской культуры, он, тем не менее, косвенным образом вынужден был признавать наличие у поэта украинского национального мировоззрения, предполагавшего национальную самостоятельность украинского народа: «Шевченко знает только свою Украину и в ней два сословия: людей и панов (баринов). Но варнак из Волыни является его земляков, из чего можно сделать вывод, что Шевченко стоит на почве малорусской и всех малороссов считает «своими», когда между тем великороссы для него чужие» [4, с. 98]. В то же время отмечается полное незнание литератором Галицкой и Угорской Руси, а также подчеркивается якобы гораздо более выраженный в его мировоззрении по сравнению с национализмом панславизм: «Славянство у него гораздо более ярко отмечено, нежели малорусская национальность» [4, с. 132].

Немалое внимание в книге о Шевченко уделяется его взглядам на религию и той роли, которую его личность может и должна играть в деле воспитания галицкой молодежи. По мнению автора Шевченко, был верующим христианином, о чем свидетельствует обильное присутствие в его творчестве библейских образов и мотивов. В то же время влияние либерализма и французского позитивизма, привело его к отвержению официальной церкви и отходу от церковной ортодоксии в ряде произведений в частности в поэме «Мария». В целом, однако, жизнь и борьба поэта может взывать только уважение: «Откровенность, с какою он представляет даже свои пороки из молодых лет,

прямодушие и скромность, пробивающаяся в его словах, ясно доказывают, что он был честным человеком. Его борьба на благо народа, из которого он произошел, его любовь к родине и пренебрежение самолюбием, заставляют каждого высоко ценить его личность, которую может гордиться целая Русь» [4, с. 126].

Несмотря на такую высокую оценку, Филипп Иванович призывал, трезво относится к произведениям Т.Г. Шевченко, не впадая по его выражению в «излишнюю мечтательность». Особенно это, по его мнению, было опасно для молодежи, которая могла усвоить в первую очередь заложенные в них нигилистические и либеральные идеи. Не преувеличивая эту опасность, автор видит единственный выход из нее, в получении подрастающим поколением комплексного образования, позволяющего критически воспринимать литературные тексты: «Только творческий и самостоятельный ум может употребить в свою пользу толчок к нравственной жизни, данный Шевченко, ища дорогу к осуществлению идей, указанных поэтом. Для этого при чтении Шевченко нашему юношеству необходимо ознакомится так же с поэтами, пластически изображающими нравственные истины, к чему кроме классической словесности годится из немецких поэтов, прежде всего Гете» [4, с. 129].

Шевченко было суждено стать самым популярным и читаемым поэтом в Восточной Галиции. Каждое из двух общественно-политических течений региона – народовцы и русофилы, пыталось дать собственную интерпретацию его поэзии. Отсюда неудивительно, что такой видный представитель русофильского лагеря, как Ф. И. Свистун посвятил целое подробное сочинение личности и творчеству литератора. В нем Свистун последовательно защищал тот комплекс идей, которого придерживались русофилы, выделяя положительные и отрицательные, по его мнению, черты в произведениях Шевченко. В то же время, стремясь защитить свои национально-политические идеалы, автор всячески нивелирует антимонархические и антиимперские мотивы, содержащиеся во многих стихотворениях поэта, и выдвигает на первый план нравственные и социальные моменты, рассматривая его творчество, как неотъемлемую часть русской литературы.

Список литературы

1. Ваврик В.Р., Краткий очерк галицко-русской письменности. Лувен 1973, 80 с.

2. Карин А. Д., Т. Г. Шевченко и галицкие русофилы. // Славистика XXI/1–2. Белград 2017. С. 326–335 [Электронный ресурс]. URL: http://slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/Slavistika _ XXI_ 2017.pdf

3. Свистун. Ф. И., Прикарпатская Русь под владением Австрии.

Львов. Типография Ставропигийского Института 1895, 1896. Т 1,2.
4. Свистун Ф. И., Чем есть для нас Шевченко? Львов. «Нов. Пролом», 1885, 158 с.
5. Терлецкий. О., Галицько-Руське письменство 1848-1865 рр. Львов 1903 г., с. 146.
6. Шевченко Т. Г., Кобзарь. Прага 1876. Т 1, 2.
7. Smith Anthony D. National identity, Penguin Books, 1991, 236 p.

EVALUATION OF THE PERSONALITY AND CREATIVITY OF T. G. SHEVCHENKO IN THE WORK OF F. I. SVISTUN "WHAT IS SHEVCHENKO FOR US? 1885".

The article is devoted to the study of the worldview of Philip Ivanovich Svistun, a prominent figure in the Russophile movement, and his views on the personality of T.G., Shevchenko. In his book "What is Shevchenko for us?" the famous Galician writer, historian and public figure tried to show the importance of the poet's creative heritage for the development of Ruthenian culture, education and upbringing of youth. Philip Svistun gave his interpretation of the work of the Ukrainian poet, highlighting, in his opinion, negative and put moments in his poetry. So, in his opinion, it is characterized on the one hand by deep patriotism, the idealization of the cossacks, the protection of family values and the condemnation of serfdom. On the other hand, the author emphasizes her characteristic nihilism, rebellion, as well as anti-monarchist and anti-imperial ideas deeply alien to him. Of course, this interpretation is subjective and is generally evaluative. But it is precisely this circumstance that gives particular interest to Svistun's book, since it allows a better understanding of the ideas and principles that the Russophile movement of Eastern Galicia and Bukovina defended in the period under study. In Eastern Galicia during the study period, there were two movements defending the opposite view of the identity of ruthenians. The first of them, known as muscophiles or Russophiles, insisted on the belonging of the ruthenians of Galicia to the single Russian people. The second of them considered ruthenians as part of the Ukrainian people. It was around the opposition between these movements that politics in the region largely revolved. Both russophiles and populists sought to give their interpretation of Shevchenko's literary works, extremely popular in Galicia.
Keywords: Eastern Galicia, ruthenians, national identity, Philip Svistun, Taras Shevchenko.

References

1. Vavrik V. R. (1973) Kratkii ocherk galicko russkoi pismennosti [A brief outline of the Galician-Russian script]. Luven.
2. Karin A. D. (2017) T. G. Shevchenko i galickie rusofili [Shevchenko and Galician Russophiles]. // Slavistika XXI/1–2. Belgrad 2017. P. 326–335. [Online] Available from: http://slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/Slavistika_XXI_2017.pdf
3. Svistun. F. I. (1895,1896). Prikarpatskaya Rus pod vladeniem Avstrii [Carpathian Russia under the possession of Austria]. Lvov. Tipografiya Stavropigiiskogo Instituta T 1,2.
4. Svistun F. I. (1885) Chem est dlya nas Shevchenko [What is

Shevchenko for us?]. Lvov. «Nov. Prolom».

5. Terleckii. O. (1903) Galicko-Ruske pismenstvo 1848-1865 rr. [Galicia-Russian Writing 1848-1865]. Lvov.

6. Shevchenko T. G. (1876) Kobzar. [Kobzar] Praga. T 1,2.

7. Smith Anthony D. (1991) National identity, Penguin Books.

Об авторе

Карин Антон Дмитриевич – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия). E-mail: AntonKarin93@yandex.ru

Karin Anton Dmitrievich– Doctoral student, National Research Tomsk State University (Russia). E-mail: AntonKarin93@yandex.ru

УДК 903.25=11

Кулаков В.И., доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Москва)

КОМПОЗИТНЫЕ ФИБУЛЫ ЗАПАДНЫХ БАЛТОВ НА ПОРОГЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Благодаря сравнительному анализу нескольких находок фибул эпохи Меровингов из различных регионов западнобалтского ареала выяснилось, что традиция композитных фибул появилось в балтском мире в VI в. и реализовалась на арбалетовидных фибулах местной конструкции, украшенных орнаментом в I Общегерманском зверином стиле. Такие уникальные для материала эпохи Меровингов застёжки изготавливались скандинавскими мастерами для местных девушек, отправлявшихся в матримониальную поездку в западнобалтские земли или в виде свадебного подарка для прусских и мазурских женихов. С известной долей осторожности можно предположить, что и композитные фибулы VII-VIII вв. с солярным знаком также могут иметь отношения к матримониальным контактам между представителями западнобалтских племён. Правда, в отличие от мужских, крупных по своим размерам фибул со звериным орнаментом, исследуемые композитные фибулы были принадлежностью женского убора. Отличие фибул VII-VIII вв. от арбалетовидных фибул со звериным декором – не совмещение формы и орнамента разных культур, а сращивание в едином изделии деталей фибул различных племён.
Ключевые слова: композитные фибулы, пруссы, курши
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-178-184

В сентябре 2021 г. в ходе работ на новостройках Зеленоградского района Калининградской обл. в одном из погребений могильника Gauten-Corjeiten/Путилово-2 местный краевед К.Н. Скворцов нашёл бронзовую перекладчатую фибулу (**рис. 1**), совмещавшую признаки нескольких западнобалтских застёжек. Как правило, такие композитные артефакты совмещают признака как куршских, так и прусских застёжек. Так, фибула из Gauten-Corjeiten/Путилово-2 внешнее оформление держателя иглы воспроизводит согласно принципов прусских перекладчатых фибул (нем. SproЯenfibeln) подтипа 3, датирующихся VII в. [6. с. 91, рис. 2,2]. Нижняя часть упомянутой фибулы представляет собой упрощённую схему куршской застёжки типа «многолучевая» (**рис. 2**,1) III-IV вв. н.э. [9. p. 189]. Если такие куршские застёжки позднеримского времени были ажурным изделием, то 6-и лучевое (колесо» на фибуле из Gauten-Corjeiten/Путилово-2 имеет подкладку в виде тонкой бронзовой пластины.

По композитному принципу была сформирована и фибула из Weszeiten/Vėžaičiai (**рис. 2**,4). В этом

© **Кулаков В.И.**
© **Kulakov V.I.**

случае основной корпус застёжки создан по образцу куршских сово-образных фибул VIII-IX вв. [9. p. 93, 95]. Внешнее оформление держателя иглы на этой фибуле воспроизводит деталь прусских перекладчатых фибул подтипа 4 (**рис. 3**) кон. VII – нач. VIII вв. [2. с. 77].

Фибула из Weszeiten/Vėžaičiai найдена в куршском племенном ареале, где существовали местные версии застёжек типа SproЯenfibeln. Их прототипы могли поступить к населению региона Kurłiai вместе с товарами из Мазурского Поозерья, где такие фибулы и были разработаны [6. с. 93]. Фибула из Gauten-Corjeiten/Путилово-2 обнаружена в западной части прусского племенного ареала и, скорее всего, изготовлена местными ювелирами. На её прусское происхождение косвенно указывает упрощённое воспроизведение мастером многолучевой розетки куршского прототипа.

На могильниках южных соседей пруссов – населения западной части Мазурского Поозерья – были обнаружены две композитные фибулы, судя по своей конструкции, фактически являвшиеся дериватами фибулы из Gauten-Corjeiten/Путилово-2 (**рис. 4**, 2,3). Ажурная колесообразная фигура на этих фибулах выполнена весьма схематично, уже без пластинчатой бронзовой подложки. Ввиду значительной деградации деталей этих застёжек они могут датироваться временем не ранее нач. VIII в.

В древностях эстиев, предков пруссов, мотив «колеса» со спицами представлен в декоративном искусстве начала нашей эры. Вслед за кельтами жители Самбии воспринимали этот изобразительный мотив как символ солнца. В начале нашей эры знак «колеса» нечасто использовался самбийскими ювелирами и после фазы C_1 на Янтарном берегу не тиражируется [5, с. 255, 256]. Тем не менее сакрализация знака «колесо» пруссами не была забыта. Обнаруженная в погр. 27 могильника Gauten-Corjeiten/Путилово-2 римская монета, превращённая в подвеску, на аверсе имеет изображение колеса с 6-ю ступицами [7. рис. 11].

Если с датировкой, семантикой и этно-культурной принадлежностью композитных фибул со знаком «колеса» есть относительная ясность, менее понятна их принадлежность. Такие фибулы на Мазурах обнаружены в погребальных комплексах попарно [8. S. 1945], что указывает на их принадлежность к женскому убору. Положение в комплексе фибулы из Gauten-Corjeiten/Путилово-2 на ребре (**рис. 1**) сходно с положением in situ трёхлопастной фибулы в погр. K128/146 могильника Kl. Kaup. Эта застёжка была брошена в засыпаемую грунтом могилу женщиной в рамках заупокойных жертвоприношений [4. с. 162]. Таким образом и композитная фибула из могильника Gauten-Corjeiten/Путилово-2 может быть жертвой родственницы погребённого, снятой с её платья и брошенной в могилу.

Традиция композитных фибул появилось в балтском мире в

VI в. и реализовалась на арбалетовидных фибулах местной конструкции, украшенных орнаментом в I Общегерманском зверином стиле. Такие уникальные для материала эпохи Меровингов застёжки изготавливались скандинавскими мастерами для местных девушек, отправлявшихся в матримониальную поездку в западнобалтские земли или в виде свадебного подарка для прусских и мазурских женихов [3. с. 45, 51]. С известной долей осторожности можно предположить, что и композитные фибулы VII-VIII вв. с солярным знаком также могут иметь отношения к матримониальным контактам между представителями западнобалтских племён. Правда, в отличие от мужских, крупных по своим размерам фибул со звериным орнаментом, исследуемые композитные фибулы были принадлежностью женского убора. Отличие фибул VII-VIII вв. от арбалетовидных фибул со звериным декором – не совмещение формы и орнамента разных культур, а сращивание в едином изделии деталей фибул различных племён.

Список литературы

1. Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V - начала VIII вв. /по материалам раскопок 1878-1938 гг./ // Barbaricum-1989. Warszawa: Instytut archeologji Universytetu Warszawskiego, 1989 - С. 148-273.

2. Кулаков В.И. Находки из ареала куршей и скальвов в описи копий Центрального Римско-Германского Музея (г. Майнц) // Archaeologia Lituana, t. 10, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009 – С. 65-83.

3. Кулаков В.И. Декоративное искусство Янтанрного края. Орнамент фибул V-VII вв., Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011 - 150 С.

4. Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов, Калининград: ПЕН-клуб, 2012 - 222 С.

5. Кулаков В.И. Солярный элемент в орнаменте эстиев / пруссов // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики, Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015 - С. 254-271.

6. Кулаков В.И. Куршские фибулы предорденского времени в ареале пруссов // Res Humanitariae, t. XXI, Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 2017 - С. 88-105.

7. Скворцов К.Н. Могильник Путилово-2 (Калининградская область, Зеленоградский район) // Города. Поселения. Некрополи. Раскопки 2016 г. Материалы спасательных археологических исследований, М.: Институт археологии РАН, 2017 - С.178-181.

8. Bezzenberger A. Das Grдberfeld bei Kellaren II // Prussia, Bd. 21, Kцnigsberg: Im Selbstverlage der Gesellschaft PRUSSIA, 1900 - S. 186-195.

9. Bliujienė A. Vikingų epochos kurљių papuoљalų ornamentika, Vilnius: Diemedžio leidykla, 1999 - 299 P.

10. https://www.archaeolog.ru/ru/expeditions/expeditions-2021/sambiyskaya-ekspeditsiya-2021.

Подписи к рисункам к статье В.И. Кулакова «Композитные фибулы раннесредневековых западных балтов»:

Рис. 1. Фибула из Gauten-Corjeiten/Путилово-2 in situ [10].

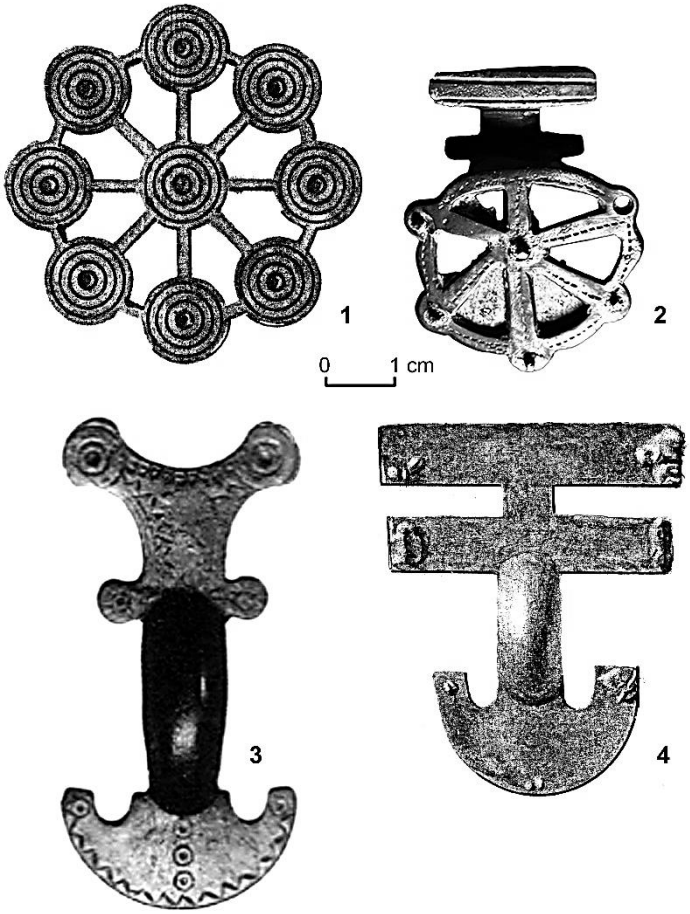

Рис. 2. Композитные фибулы и их прототипы в древностях куршей: 1 – Oberhof/ Aukštkiemiai, 2 – Gauten-Corjeiten/Путилово-2, 3 – Kaljučiai, 4 – Weszeiten/Vėžaičiai (1, 4 – [2. рис. 10, № 13806]; рис. 8, № 14292; 2 - [10]; 3 – [9. 42 pav.].

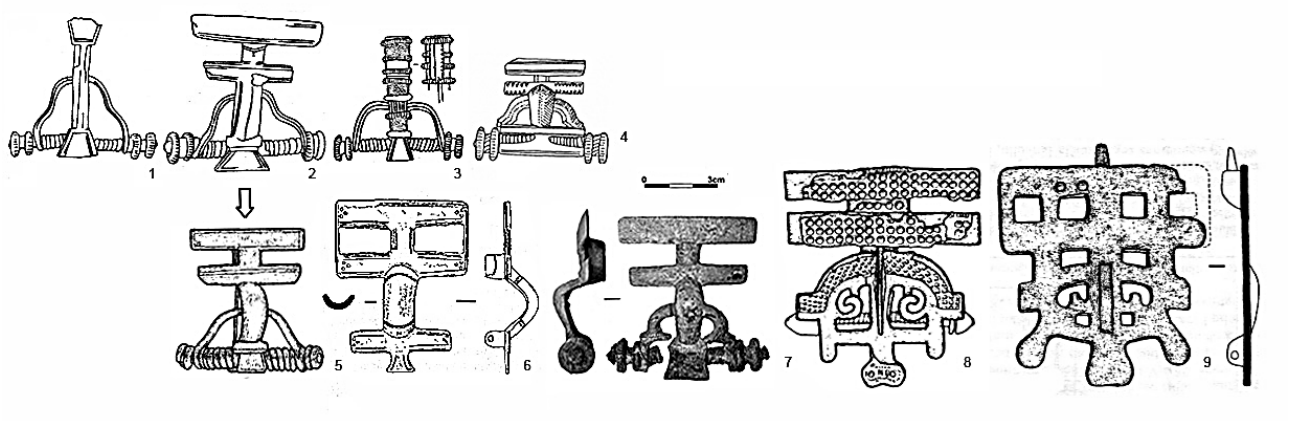

Рис. 3. Схема финального этапа развития перекладчатых фибул западных балтов: 1 – Mingfen/Miętkie, погр. 74; 2 - Mingfen/Miętkie, погр. 559; 3 – Daumen/Tumiany, погр. 79; 4 - Daumen/Tumiany, погр. 80; 5 – Priljmančiai-I; 6 – Kaljučiai; 7 – Linkuhnen/Ржевское, погр. 235; 8 - Priljmančiai-I; 9 – Užpelkiai, погр. 39 [6. рис.2].

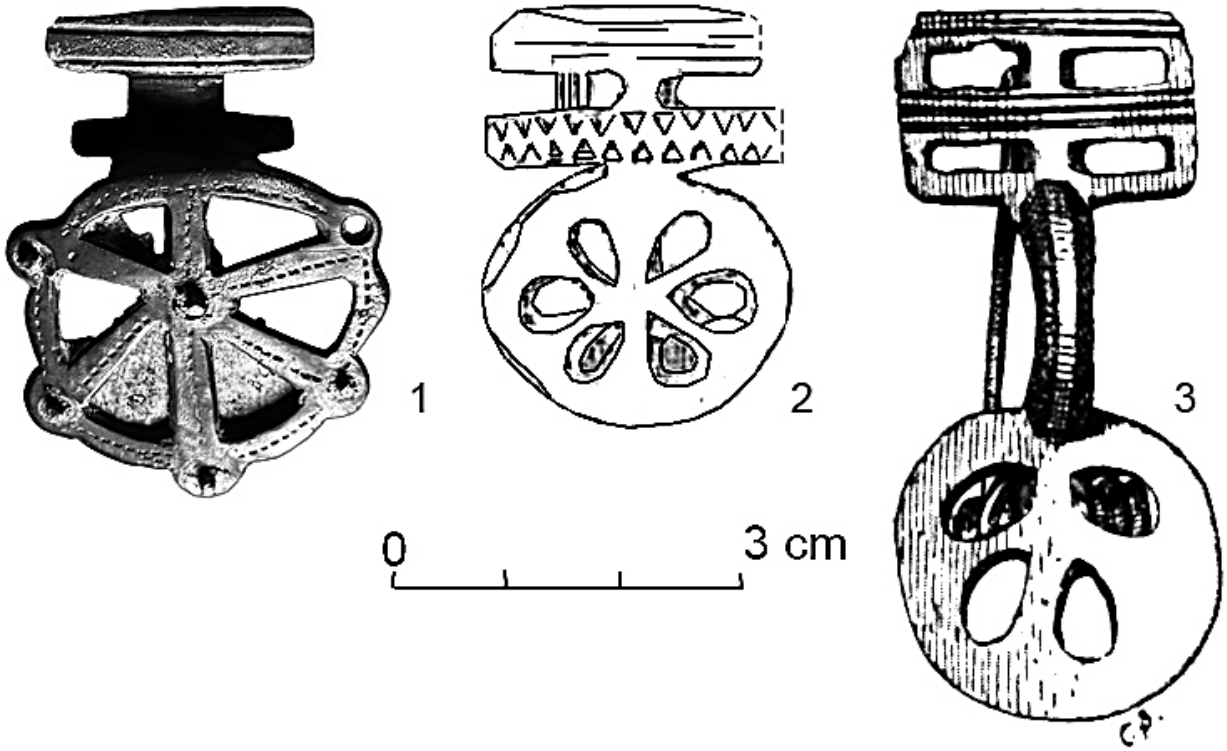

Рис. 4. Композитные фибулы с солярным мотивом: 1 – Gauten-Corjeiten/Путилово-2, 2 – Lehlesken/Leleszki, 3 – Kellaren/Kielary (1 – [10]; 2 – [1. рис. 24,2], 3 – [8. Abb. 76].

Список сокращений

М. – Москва

РАН – Российская академия наук

COMPOSITE FIBULA OF WESTERN BALTS ON THE MEDIEVAL CROSSING

Thanks to a comparative analysis of several finds of Merovingian brooches from different regions of the Western Baltic area, it turned out that the tradition of composite brooches appeared in the Baltic world in the 6th century. and was realized on crossbow fibulae of local construction, decorated with ornaments in the 1st All-German animal style. Such clasps, unique for the material of the Merovingian era, were made by Scandinavian craftsmen for local girls who went on a matrimonial trip to the West Baltic lands or as a wedding gift for Prussian and Masurian grooms. With a certain degree of caution, it can be assumed that the composite brooches of the 7th-8th centuries. with a solar sign can also relate to matrimonial contacts between representatives of the Western Baltic tribes. True, in contrast to the male brooches of large size with animal ornaments, the investigated composite brooches were part of the female attire. The difference between the fibulae of the 7th-8th centuries. from crossbow brooches with animal decor - not a combination of shapes and ornaments of different cultures, but the splicing of brooches of different tribes into a single product.
Keywords: composite brooches, Prussians, Curonians

References

1. Kulakov V.I.(1989) Burial grounds in the western part of the Mazury Lake District of the late 5th - early 8th centuries. / based on materials from excavations in 1878-1938 / // Barbaricum-1989. Warszawa: Instytut archeologji Universytetu Warszawskiego. - P. 148-273.

2. Kulakov V.I.(2009)Finds from the area of Curonians and Scalvians in the inventory of copies of the Central Roman-Germanic Museum (Mainz) // Archaeologia Lituana, t. 10, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009 - P. 65-83.

3. Kulakov V.I. (2011) Decorative art of the Amber region. Ornament of fibulae of the 5th-7th centuries, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing/ - 150 p.

4. Kulakov V.I. (2012) Neman Amber Road in the Viking Age, Kaliningrad: PEN-Club. - 222 p.

5. Kulakov V.I. (2015) The solar element in the ornament of the Esties / Prussians // Ancient cults, ceremonies, rituals: monuments and practices, Zimovniki: Zimovnikovsky Museum of Local Lore. - pp. 254-271.

6. Kulakov V.I. (2017) Curonian brooches of the pre-Order time in the area of the Prussians // Res Humanitariae, t. XXI, Klaipėda: Klaipėdos universitetas. - P. 88-105.

7. Skvortsov K.N. (2017) Burial ground Putilovo-2 (Kaliningrad region, Zelenogradsky district) // Cities. Settlements. Necropolis. Excavations in 2016. Materials of rescue archaeological research, M .: Institute of Archeology RAS. - pp. 178-181.

8. Bezzenberger A. (1900) Das Grдberfeld bei Kellaren II // Prussia, Bd. 21, Kцnigsberg: Im Selbstverlage der Gesellschaft PRUSSIA. - pp. 186-195.

9. Bliujienė A. (1999) Vikingų epochos kurљių рариољalų ornamentika,

Vilnius: Diemedžio leidykla. - 299 p.
10.https://www.archaeolog.ru/ru/expeditions/expeditions2021/sambiyskaya-ekspeditsiya-2021

Об авторе

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Россия). E-mail: drkulakov@mail.ru

Kulakov Vladimir Ivanovich –Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia). E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 908

Михальченко С.И., доктор исторических наук, профессор, директор Института экономики, истории и права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия)

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР СВЯТОЙ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Е.В. СПЕКТОРСКОГО

Статья посвящена интерпретации образа и деятельности князя св.Владимира известным русским ученым-юристом и философом Евгением Васильевичем Спекторским (1875-1951). Спекторский обращался к образу князя несколько раз в статьях на русском и сербском языках во время своей эмиграции в Югославии. Специальное внимание уделяется участию ученого во Владимирском сборнике 1930 г., выпущенном после начала празднования русской эмиграцией Дня русской славы. На основе архивных документов из Архива Республики Словении показываются детали подготовки статьи для второго Владимирского сборника 1939 г. Исследователь считал св. Владимира одним из главных исторических деятелей в истории России, а принятие христианства - важнейшим событием русской истории и выделял, в связи с этим, специальный период в истории Руси - «святая Русь». Сравнивая князя Владимира с Петром Великим и Александром II, он отдавал пальму первенства Владимиру. Спекторский также считал равновеликими образы св.Владимира и свв.Кирилла и Мефодия, а также св.Саввы. В статье впервые вводятся в научный оборот материалы переписки Е.В.Спекторского и А.В.Соловьева, а также актуализируется внимание к малодоступным статьям ученого 1930-х гг.

Ключевые слова: Спекторский Е.В., русская эмиграция в Югославии, князь Владимир Святой, история Руси, теологические воззрения русских мыслителей
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-185-192

Русская эмиграция первой волны продолжает оставаться объектом пристального внимания многих исследователей. Важнейшей задачей в жизни эмиграции являлось сохранение русского самосознания в условиях рассеяния. Большую роль в решении этой задачи сыграл образ киевского князя Владимира Святославича (Владимира Святого), который стал одним из центральных в формировании культурной общности русской эмиграции, поскольку он, как справедливо отметил М.Шкаровский, являлся (наряду с фигурой А.С.Пушкина) общеобъединяющим: и консервативные правые круги и либерально-левые признавали его значение для русской истории и культуры [12, с.15]. Поэтому не было случайным обращение к образу князя Владимира и такого известного мыслителя как Евгений Васильевич Спекторский (1875-1951) [2].

Спекторский оказался в эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии) в

© Михальченко С.И.
© Mikhalchenko S.I.

1920 г., пройдя до революции типичный для представителя академической среды путь - от магистранта до ординарного профессора, доктора государственного права. С 1914 по 1919 г. он преподавал в университете в Киеве, официальное название которого было Университет *св.Владимира* (в том числе, в 1918-1919 гг. был последним избранным ректором этого русского университета).

В 1925 г. в пражском издательстве «Пламя» Спекторский опубликовал ставшую широко известной книгу «Христианство и культура». Если ранее он был известен среди достаточно узкого круга правоведов и специалистов по истории политических учений, то теперь его имя стало популярно в широких слоях интересующихся религиоведческими и теологическими вопросами. Известности ему прибавила и активная организаторская деятельность в разного рода эмигрантских обществах Югославии и Чехословакии (в 1924-1927 гг. он преподавал на Русском юридическом факультете в Праге), участие в академических съездах. Наконец, осенью 1928 г. Спекторский возглавил образованный в Белграде Русский Научный институт. Кроме того, не были секретом консервативные политические взгляды Спекторского, его поддержка генерала П.Н.Врангеля, участие в движении галлиполийцев. Вероятно, все это вместе взятое и объясняет тот факт, что, когда в 1929 г. по предложению главы Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ) митрополита Антония (Храповицкого) в честь святого князя Владимира был учрежден церковно-национальный праздник День Русской Славы (15 июля ст.ст.)[12, с.15], Спекторский был приглашен в авторы «Сборника в память святого равноапостольного князя Владимира». Сборник был издан в 1930 г. Ученый опубликовал в нем статью «Св.Владимир и русская культура» [7].

Следующий раз Спекторский обратился к образу св.Владимира во второй половине 1930-х годов, когда все православное Русское Зарубежье готовилось к празднованию 950-летия Крещения Руси. В однодневной газете «День Русской Славы» в 1936 г. он опубликовал статью «Славянские просветители» [9], где значительное место было уделено св.Владимиру, затем на сербском языке эту же статью в переработанном виде [4] и несколько статей о Крещении Руси и роли православной церкви в российской истории [5; 6]. В 1938 г. Спекторский принял участие в вышедшем годом позже и получившем широкую известность коллективном издании «Владимирский сборник» [1; 8], причем он стал единственным автором, принимавшим участие и в первом, и во втором Владимирских сборниках.

Историю участия Спекторского во втором сборнике позволяют проследить источники личного происхождения, в частности, письма ученому, хранящиеся в Архиве Словении в Любляне,

среди которых его переписка с известным русским эмигрантским историком права профессором Белградского университета А.В.Соловьевым. 18 октября 1938 г. Соловьев сообщал Спекторскому, что «с благословения митрополита Анастасия [первоиерарх РПЦЗ с 1936 г. - С.М.], Владимирский комитет решил издать серьезный сборник статей в честь 950-летия крещения Руси» и повторял высказанную тремя месяцами ранее просьбу дать для сборника «статью научно-популярного характера (т.е. без подстрочных примечаний); размером от 6 до 12 печатных страниц». Как полагал Соловьев, темой ее могла бы быть опубликованная Спекторским ранее «блестящая статья «Владимир Святой и христианская государственность» (дополненная и перепечатанная), быть может, в несколько дополненном и расширенном изложении» [13] (Соловьев, видимо, имел в виду опубликованную в издании «День русской славы» в 1938 г. статью Спекторского «Христианство и русская государственность»). Спекторский прислал статью к 9 декабря, когда сборник уже начал печататься. Однако финансовые затруднения привели к тому, что сборник вышел в свет весной 1939 г., а оттиски статьи Спекторский получил только летом того же года.

Подвел итог своим размышлениям о роли св.Владимира в истории и культуре России Спекторский в изданной посмертно, а написанной в конце 1940-х – начале 50-х годов статье «Эпохи русской культуры» [10].

Следует подчеркнуть, что Спекторский не был специалистом по истории древней Руси, поэтому его статьи, посвященные этому периоду, носили популярный характер и важны не столько новыми открытиями, сколько авторской интерпретацией и фактическим отражением в них воззрений широких масс консервативной эмиграции на образ св.Владимира.

Спекторский помещал Владимира Святого в две триады, причем, если в линии свв.Кирилл и Мефодий – св.Владимир – св.Савва Владимир выступал как один из равных по значению славянских просветителей [9], то при сравнении деятельности выдающихся реформаторов Владимира Святого Петра Великого и Александра II Спекторский безусловное первенство отдавал князю Владимиру и не столько по хронологии, сколько потому, что цели, по мнению исследователя, у князя были более величественные и трудные, чем у двух императоров. «Петр стремился создать великую Россию, Александр II – свободную Россию, - писал Спекторский. – Как ни грандиозны эти задачи, но они бледнеют перед заданием, которое поставил творимой России св.Владимир, а именно, чтобы она стала святою Русью» [9, с.2]. «И свободная Россия Александра II и великая Россия Петра Великого во многих отношениях представляли только дальнейшее развитие той программы Святой Руси, которую за-

дал нашему отечеству князь Владимир», - полагал исследователь [8, с.55]. К тому же, св.Владимир указал то направление, по которому должна была развиваться и русская культура, и русская цивилизация. Именно Крещение Руси стало самой главной реформой в истории Руси, по мнению Спекторского [6, с.38].

Как показала ранее исследовавшая общественно-политические воззрения Спекторского Е.В.Ткаченко, с образом Владимира Святого тесно связана предложенная ученым периодизация исторического пути России, который, как ему представлялось, состоит из трех значимых этапов: «святая Русь», «великая Россия» и «свободная Россия»[10, с.166; 11, с.113].

Тесно связанный с образом св.Владимира период святой Руси начался в X в., с Крещения Руси. Он соответствовал святости и праведности в личной жизни. «С этого времени христианство начало проникать в сознание русского народа, надолго укрепляясь в нем, и превратившись в русское православие. С того же времени можно говорить и о появлении русской культуры» [11, с.114].

Спекторский полагал, что Крещение Руси «существенно отличалось от крещения других народов. Во-первых, оно было делом сознательного выбора. Во-вторых, оно не сопровождалось ни внешним, ни внутренним насилием. Наконец, в-третьих, разрыв с язычеством был более радикален, чем в Западной Европе» [8, с.56] .

Несколько идеализируя прошлое, Спекторский считал, что христианство на Руси не насаждалось, а «постепенно проникало в сознание народа. Поэтому процесс этот был хоть и длительным, но повсеместным». На Руси, пишет Спекторский, ссылаясь на Карамзина, «не князь Владимир был побежден своими будущими крестителями, а напротив, он победил их и... вздумал завоевать веру христианскую... Он принял руку византийской царевны Анны и греческих проповедников, но не склонил выи перед греками... Он принял проповедь не на греческом языке, а на славянском.... Он свободно, после всестороннего обследования, выбрал христианство вообще, и православие в частности» [7, с.21]. Соглашаясь с С.М.Соловьевым, Спекторский писал, что «упорствующим была предоставлена возможность без мученичества мирно удалиться в степь, «затыкая уши своя» от благой вести. Только в Новгороде волхвам удалось организовать сопротивление христианству» [8, с.57].

Став христианином, князь Владимир, по мнению Спекторского, совершенно переродился, «так что его жизнь превратилась в житие» [8, с.57]. Спекторский был согласен с В.С.Соловьевым, говорившем о князе Владимире, что тот «понял, что истинная вера обязывает». Князь Владимир «настолько подчинил политику этике, что стал «бояться греха» даже в тех случаях, где надо было применять праведную силу против злодейского насилия» [8, с.58].

Нельзя не согласиться с Е.В.Ткаченко, что другой важной чертой распространения православия Спекторский называл его «проникновение в широкие массы» [11, с.116]. На Руси христианство установилось в первую очередь среди сельского населения. Название «крестьянин» (до этого «смерд»), обращает внимание Спекторский, произошло именно от слова «христианин». На Западе же христианская культура была культурою «только городской, и притом образованного населения» [10, с.169].

Еще в статье «Славянские просветители» Спекторский отмечал, что заслугой князя Владимира было то, что он «указывал направление, в котором должна была развиваться и русская культура, и русская цивилизация». Причем культура не должна была быть только «возрождением и продолжением античной языческой традиции, как это думали на западе, начиная с эпохи т.н. ренессанса. Она должна была дать русский национальный вклад в общечеловеческое христианское творчество религиозное, художественное, философское» [9, с.2].

Важным аспектом Крещения Руси, по мнению ученого, было то, что христианство привнесло не только новую духовность, но и новую, христианскую (но не варяжскую) государственность и «общественность». «Только благодаря крещению, - пишет Спекторский, - Русь, остававшаяся раздробленною политически, оказалась единою культурно и национально» [7, с.24; 11, с.119].

Спекторский называет время XI-XII вв. расцветом Руси, когда «подготавливалась русская всемирная отзывчивость. ... Она была направлена в сторону не одних лишь слов, но также и дел международного милосердия и международного спасения» [7, с.29-30].

Таким образом, Спекторский уделял особое внимание роли князя Владимира в русской истории, отдавая ему первенство перед Петром Великим и Александром II. Несомненно, в трактовке ученым образа св.Владимира и его деяний присутствовала определенная идеализация, обусловленная, вероятно, и политическими задачами по объединению русской эмиграции. Но Спекторский был не одинок в такой интерпретации образа князя, выступая одним из представителей русской консервативной эмиграции[1].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-44015.

[1] С именем князя были связаны и последние годы жизни Спекторского – в 1951 г. он скончался в статусе профессора *Свято-Владимирской* духовной семинарии (академии) в Нью-Йорке [2, с.29-30].

Список литературы

1. Иванов И. Незабытое наследие. «Владимирский Сборник. В память 950-летия крещения Руси, 988—1938» // Невский богослов. 2015. №18. С.16-18.

2. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. №1. С.13-31.

3. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Начало преподавания Е.В.Спекторского в Св.Владимирской духовной академии (по его письмам Г.В.Флоровскому) // Studia internationalia: Материалы VIII международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.» (1-2 июля 2021 г.). – Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2021. С.183-185

4. Спекторски Е. Културан рад словенских просветитеља // Хришћанско дело.1936. Св.V С.325-331.

5. Спекторски Е. Културни значај крштења Русије // Хришћанско дело. 1938. Св..V С.438-357.

6. Спекторски Е. Хришћанство и руски «царизам» //Хришћанска мисао.1938. №5. С.38-40

7. Спекторский Е.В. Св.Владимир и русская культура // Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. 988-1930. Белград, 1930. С.17-31.

8. Спекторский Е.В. Своеобразие крещения Руси // Владимирский Сборник в память 950-летия крещения Руси, 988—1938. Белград, 1939. С.55-62.

9. Спекторский Е.В. Славянские просветители //День русской славы. Однодневная газета. Белград. 15 июля 1936 г. С.2,5.

10. Спекторский Е.В. Эпохи русской культуры // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк,1970. Т.IV. С.163-182.

11. Ткаченко Е.В. Общественно-политические взгляды Е.В.Спекторского. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2009. 160 с.

12. Шкаровский М.В. Князь Владимир как символ историко-культурного наследия России для русской эмиграции 1920-1930-х гг. // Невский богослов. 2015. №18.

13. Arhiv Republike Slovenije. SI AS 1901/I/124

PRINCE VLADIMIR THE SAINT IN THE INTERPRETATION OF E.V. SPEKTORSKY

The article is devoted to the interpretation of the image and activities of Prince St. Vladimir by the famous Russian legal scholar and philosopher Yevgeny Vasilyevich Spektorsky (1875-1951). Spektorsky referred to the image of the prince several times in articles in Russian and Serbian during his emigration to Yugoslavia. Special attention is paid to the participation of the scientist in the Vladimir collection of 1930, released after the Russian emigration began celebrating the Day of Russian Glory. On the basis of

archival documents from the Archives of the Republic of Slovenia, the details of the preparation of an article for the second Vladimir collection of 1939 are shown. The researcher considered St. Vladimir one of the main historical figures in the history of Russia, and the adoption of Christianity - the most important event in Russian history and singled out, in this regard, a special period in the history of Russia - "Holy Russia". Comparing Prince Vladimir with Peter the Great and Alexander II, he gave primacy to Vladimir. Spektorsky also considered the images of St. Vladimir and St. Cyril and Methodius, as well as St. Savva, to be equal in size. For the first time, the materials of correspondence between E.V. Spektorsky and A.V. Solovyov are introduced into scientific circulation and also actualizes attention to inaccessible articles of the scientist of the 1930s.
Keywords: Spektorsky E.V., Russian emigration in Yugoslavia, Prince Vladimir the Saint, history of Russia, theological views of Russian thinkers

References

1. Ivanov I. (2015) Nezabytoye naslediye. «Vladimirskiy Sbornik. V pamyat' 950-letiya kreshcheniya Rusi, 988—1938» [Unforgotten heritage. "Vladimir Collection. In memory of the 950th anniversary of the baptism of Russia, 988-1938"] *Nevskiy bogoslov [Nevsky theologian].* 2015. No. 18. pp.16-18.

2. Mikhalchenko S.I., Tkachenko E.V. Yevgeniy Vasilyevich Spektorsky *Voprosy istorii [Issues of history].* 2013. No. 1. pp.13-31.

3. Mikhalchenko S.I., Tkachenko E.V. Nachalo prepodavaniya Ye.V.Spektorskogo v Sv.Vladimirskoy dukhovnoy akademii (po yego pis'mam G.V.Florovskomu) [The beginning of teaching E.V. Spektorsky at the St. Vladimir Theological Academy (according to his letters to G.V. Florovsky)]. *Studia internationalia: Materialy IX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Zapadnyy region Rossii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh X-XX vv.» (1-2 iyulya 2021 g.) [Studia internationalia: Proceedings of the IX International Scientific Conference "The Western Region of Russia in International Relations of the X-XX centuries." (July 1-2, 2021)].* Bryansk: Bryansk State University, 2021, pp.183-185

4. Spektorski E. Kulturan rad slovenskih prosvetitelja [Cultural work of Slavic educators] *Hriљćansko delo [Christian work]* 1936, sv.V, pp.325-331.

5. Spektorski E. Kulturni značaj krљtenja Rusije [Cultural significance of the baptism of Russia] *Hriљćansko delo [Christian work]* 1938, sv.V, pp.438-357.

6. Spektorski E. Hriljćanstvo i ruski «carizam» [Christianity and Russian "tsarism"] *Hriljćanska misao [Christian thought].*1938, no.5, pp.38-40.

7. Spektorskiy Ye.V. Sv.Vladimir i russkaya kul'tura [St. Vladimir and Russian culture] *Sbornik v pamyat' svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira. 988-1930.[Collection in memory of St. Prince Vladimir Equal-to-the-Apostles. 988-1930]* Belgrad, 1930, pp.17-31.

8. Spektorskiy Ye.V. Svoyeobraziye kreshcheniya Rusi [The originality of the baptism of Russia] *Vladimirskiy Sbornik v pamyat' 950-letiya kreshcheniya Rusi, 988—1938 [Vladimir Collection in memory of the 950th anniversary of the baptism of Russia, 988-1938].* Belgrad, 1939, pp.55-62.

9. Spektorsky Ye.V. Slavyanskiye prosvetiteli [Slavic enlighteners] *Den'*

russkoy slavy. Odnodnevnaya gazeta [Day of Russian glory. One day newspaper.] Belgrad. July 15, 1936, pp.2,5.

10. Spektorsky Ye.V. Epokhi russkoy kul'tury [Epochs of Russian culture] *Zapiski Russkoy akademicheskoy gruppy v SSHA [Transactions of the Russian academic group in the USA].* New York, 1970, vol..IV, pp.163-182.

11. Tkachenko E.V. Obshchestvenno-politicheskiye vzglyady Ye.V.Spektorskogo [Socio-political views of E.V. Spektorsky] Bryansk: Bryansk State University, 2009. 160 p.

12. Shkarovskiy M.V. Knyaz' Vladimir kak simvol istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii dlya russkoy emigratsii 1920-1930-kh gg. [Prince Vladimir as a symbol of the historical and cultural heritage of Russia for the Russian emigration of the 1920-1930s] *Nevskiy bogoslov [Nevsky theologian].* 2015. No. 18. pp.13-15

13. Arhiv Republike Slovenije [Archives of the Republic of Slovenia]. SI AS 1901/I/124

Об авторе

Михальченко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор Института экономики, истории и права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия)

Mikhalchenko Sergei Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Economics, History and Law, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University (Bryansk, Russia)

УДК 94(470)"17"

Познахирев В.В., кандидат исторических наук, Частное учреждение образовательная организация высшего образования Университет «Реавиз», Санкт-Петербург (Россия)

ОСВОБОЖДЕНИЕ РОССИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ПЛЕННЫХ ПРОТИВНИКА В ОДНОСТОРОННЕМ ПОРЯДКЕ В XVIII В.

В отечественной историографии вопросы, связанные с освобождением пленных противника в одностороннем порядке в войнах XVIII в., пока еще остаются не только не рассмотренными, но, фактически, даже не поставленными. Между тем, Россия имеет в этом отношении богатый опыт. И нельзя исключить, что опыт этот, в той или иной мере, может быть использован в ходе современных вооруженных конфликтов. Сказанное свидетельствует о новизне и актуальности настоящей статьи и предопределяет ее цель: раскрыть условия, порядок и ключевые особенности освобождения иностранных пленников. Методологическую основу данной работы составляют, преимущественно, историко-сравнительный и историко-ситуационный методы. В ходе исследования детально изучена практика освобождения иностранных военнопленных и интернированных в одностороннем порядке на примерах войн России с Польшей (1733–1735 гг.), Пруссией (1757–1762 гг.), Турцией (1735–1739 гг., 1768–1774 гг., 1787–1791 гг.), Францией (1799 г.) и Швецией (1700–1721 гг., 1741–1743 гг., 1788–1790 гг.). Анализируя документы пяти центральных отечественных архивов, автор формулирует совокупность критериев, позволяющих отграничить одностороннее освобождение от иных форм прекращения состояния плена; систематизирует выявленные им факты; классифицирует их по различным признакам; приходит к выводу, что в войнах XVIII в. российская сторона довольно часто освобождала пленных противника не просто в одностороннем порядке, но и (что особенно важно) без каких-либо условий. В заключение автор приходит к выводу, что материалы настоящей статьи не утратили своего значения для современности и в наши дни могут быть использованы сотрудниками учреждений и организаций, связанных с освобождением лиц, насильственно удерживаемых в районах вооруженных конфликтов как международного, так и внутригосударственного характера.

Ключевые слова: военнопленные, вооруженный конфликт, гуманитарный аспект, интернированные, одностороннее освобождение, подданные нейтральных и союзных держав, реверс, условия прекращения состояния плена.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-193-204

Анализ процессов, происходящих в зонах современных военных конфликтов свидетельствует о том, что мировому сообществу и его отдельным акторам, как правило, удается эпизодически производить обмены насильственно удерживаемыми военнослужащими и гражданскими лицами. Вместе с тем, такая форма прекращения состояния плена как освобождение его субъектов в одностороннем порядке, несмотря на свой высокий гуманитарный потенциал,

© Познахирев В.В.
© Poznakhirev V.V.

используется в наши дни относительно редко. Кроме того, она характеризуется, как правило, незначительным числом освобождаемых и, в конечном итоге, мало способствует нормализации ситуации в конфликтных регионах.

В этой связи определенный интерес может представлять российский опыт XVIII столетия, для которого был характерен довольно широкий спектр видов и способов одностороннего освобождения пленных противника, охватывающий практически все их категории. Правда, названный опыт до настоящего времени остается почти не изученным и освещается отечественными историками лишь фрагментарно, а точнее – в контексте исследования режима военного плена в целом [4; 5; 31 и др.]. Сказанное свидетельствует об актуальности и новизне избранной нами темы. Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть условия, порядок и ключевые особенности освобождения иностранных пленников. Основными задачами своей работы мы считаем следующие: установить перечень критериев, позволяющих отграничить одностороннее освобождение от иных форм прекращения состояния плена; выявить и систематизировать интересующие нас факты; на основе анализа и обобщения указанных фактов расширить и уточнить наши представления о политике России в сфере военного плена в XVIII столетии.

Как показывает изучение архивных документов и опубликованных источников, освобождение в одностороннем порядке отличалось от всех иных форм прекращения состояния плена (обмен, размен, выкуп, побег, натурализация и послевоенная репатриация) тем, что удовлетворяло одновременно следующим условиям:

а) предшествовало заключению мирного договора;

б) основывалось на решении органов власти держащей в плену державы;

в) не требовало ни согласия противника, ни даже его информирования;

г) не предусматривало получение от противной стороны какого-либо встречного предоставления;

д) не было сопряжено с изменением подданства освобождаемых;

е) влекло за собой свободное перемещение пленников в регионы, находящиеся под контролем противника;

ж) носило бессрочный характер.

По способу реализации одностороннее освобождение может быть дифференцировано на:

I. Освобождение «на реверс», т.е. обусловленное необходимостью для получающего свободу лица принять на себя то или иное обязательство.

II. Освобождение без каких-либо условий.

Рассматривая перечисленное детальнее, отметим, что первый способ распространялся, преимущественно, на военнослужащих (как правило, из числа офицеров) и только европейских армий. Суть

его состояла в том, что пленный добровольно давал собственноручное письменное обязательство («реверс»), скрепленное его подписью и личной печатью, не принимать участия в военных действиях против России и ее союзников вплоть до конца войны. Одновременно всем лицам, бравшим на себя данное обязательство, разъяснялось, что в случае повторного пленения «с ними будет поступлено не как с военнопленными, а как с сущими злодеями и изменниками» [21, л. 1].

В качестве примера такого освобождения можно сослаться на эпизод, относящийся к июлю 1734 г., когда в ходе Войны за польское наследство 1733–1735 гг. в русский плен попала группа шведских офицеров-добровольцев (по разным данным, от 30 до 40 чел.), сражавшихся на стороне противника. «Для показания к шведскому государству доброжелательства» императрица Анна Иоанновна распорядилась: «шведских офицеров отпустить в их отечество токмо со взятием у них такого под присягою реверса письменного, чтоб они впредь ни против нас, ни против наших союзников ни у кого в войсках служить не смели, и посадя их на один галиот, отослать прямо в Стокгольм» [13, л. 118; 27, л. 283].

Особенно широко рассматриваемый способ освобождения применялся в период участия России в Семилетней войны (1757–1762 гг.) [21, л. 1; 23, л. 1–37], а также упомянутой Войны за польское наследство. Правда, в последнем случае польские офицеры должны были предварительно присягнуть поддерживаемому Россией Фридриху Августу (но не Станиславу Лещинскому), и только после этого давали реверс в том, что они «впредь никогда к противной партии не пристанут, но в постоянной верности и покорности к законному своему королю, его королевскому величеству Августу III неотменно пребудут» [27, л. 28–30, 145; 29, л. 66–67].

Среди иных примеров такого освобождения нельзя не упомянуть событие, относящееся к Русско-шведской войне 1788–1790 гг. В феврале 1789 г. Стокгольм, при посредничестве правительства Испании, обратился к Екатерине II с предложением обменять находящихся в русском плену контр-адмирала Клааса Вахтмейстера и его родного брата – капитана 1 ранга Ханса Вахтмейстера на двух пленных русских офицеров – капитана бригадирского ранга Амандуса Берха и лейтенанта Ивана Фан-дер-Флита. Примечательно, что императрица пошла гораздо дальше простого обмена и ответила, что «из великодушия своего и человеколюбивого снисхождения к желанию престарелого отца находящихся здесь графов Вахтмейстеров, равно как и в изъявлении дружбы своей к королю Гишпанскому, и из уважения к делаемому министрами сего государя ходатайству, всемилостивейше изволит освободить» обоих шведов «без всякого взаимства, со взятием однако ж реверса, чтоб они

во все продолжение нынешней войны против России не служили» [26, л. 58, 60]. К сказанному остается добавить, что король Швеции, конечно же, не остался в долгу и освободил упомянутых русских офицеров на тех же условиях. Что же касается Клааса Вахтмейстера, то по возвращению на родину адмирал письменно поблагодарил фактического руководителя российской внешней политики графа А. А. Безбородко за поддержку и доброе отношение к себе в период его пребывания в плену, а также заверил Петербург в том, что теперь и он сам «принимает меры к облегчению положения русских пленных в Швеции» [3, л. 1].

Нелишним будет также заметить, что применительно к XVIII столетию последний акт освобождения «на реверс» относится к февралю 1799 г., когда гарнизон капитулировавшей крепости на о. Корфу получил право вернуться во Францию «по предварительному обещанию не служить до истечения 18 месяцев» против России и ее союзников [9, л. 17—18].

В целом же, надо признать, что, исключая Войну за польское наследство и Семилетнюю войну, Петербург достаточно редко освобождал военнослужащих противника «на реверс». Во всяком случае значительно реже, нежели это происходило на Западе. В то же время Россия довольно широко практиковала освобождение пленных без каких-либо условий. И применяла его в отношении самых разных лиц, которых можно условно классифицировать следующим образом:

1. Пленники, признанные негодными к военной службе.

2. Произвольно выбранные пленные.

3. Военнопленные определенной государственной или этнической принадлежности.

4. Пленники из числа подданных нейтральных или союзных держав.

5. Женщины, дети и престарелые.

6. Иные лица.

Рассмотрим перечисленное несколько подробнее.

1. Помимо демонстрации гуманизма, освобождение военнослужащих противника, признанных негодными к дальнейшей службе, преследовало и вполне практические цели: сокращение затрат на пленников, неспособных к труду; снижение нагрузки на собственный медицинский персонал и др. В XVIII в. данная мера практиковалась многими европейскими державами, и Россия не являлась в этом отношении исключением. К примеру, осенью 1709 г. русские доставили в Выборг и передали противнику 18 шведов, «которые ранены тяжелыми ранами и больше служить не могут, которых его царское величество (Петр I — В. П.) по своему милосердию приказал отпустить в свою отчизну» [16, л. 266]. Летом 1735 г. таким же образом свободу получили 3 пленных поляка, поскольку было установлено, что они «за старостью и за увечьем быть в службе неспособны» [28, л. 108]. На

исходе 1760 г. из Петербурга на родину было возвращено 5 пленных прусских солдат, представивших документы, свидетельствующие о том, что еще до своего пленения они были уволены в отставку по инвалидности [11, л. 255–256, 258] и т.д.

2. Произвольно выбранные пленные освобождались как в индивидуальном порядке, так и группами (от 2–3 чел. до нескольких сот человек). Будучи, в первую очередь, актом милосердия, освобождение такого рода могло преследовать и некоторые иные цели, как-то: демонстрация готовности Петербурга к мирным переговорам, оказание позитивного воздействия на общественное мнение в России и за ее пределами и пр. Например, в январе 1770 г. Екатерина II таким образом освободила одновременно трех турок, включая несовершеннолетнего. При этом текст паспорта на право свободного выезда из России, выданный одному из этих людей, вполне заслуживает того, чтобы быть приведенным здесь лишь с незначительными сокращениями: «Божьею милостью Мы Екатерина Вторая <...>. Предъявитель сего Киз Гасан ага родом из Кутахии близ Константинополя, находясь в прошлую 1769 г. кампанию при главной турецкой армии, где он имел чин пятисотника, взят был российским императорским оружием в плен вместе с сыном своим Мегметом из числа разбитого на сей стороне Днепра отборного неприятельского корпуса. Быв же вместе с другими пленными привезен в здешнюю резиденцию для одного любопытства и сподобясь счастья видеть очи Ее Императорского Величества и пасть к освященным ее стопам, получил чрез то купно и с сыном своим из монаршего ее милосердия неожиданную свободу и отпуск в отечество без всякого за себя и за сына выкупа, в удостоверении чего и для свободного их из России в отечество свое возвращения, дан им по собственному Ее Императорского Величества высочайшему именному повелению сей паспорт с приложением государственной печати, который от всех военных и гражданских начальников да будет верно исполняем с оказанием Киз Гасан аге с сыном его всякого в пути вспоможения и благодеяния» [1, л. 114, 117].

В качестве еще одного примера можно сослаться на освобождение императрицей Елизаветой Петровной в августе 1761 г. экипажа небольшого прусского торгового судна (3 чел.), плененного в Балтийском море. При этом свое решение государыня мотивировала тем, что пруссаки эти «люди не военные и только для пропитания мореплаванием на купеческом судне были» [12, л. 21].

Что касается группового освобождения, то та же Елизавета Петровна еще в начале своего правления (январь 1742 г.) распорядилась вернуть на родину всех шведов, плененных после ее вступления на российский престол [19, л. 229–231, 280]. Однако наиболее масштабный факт такого

освобождения связан с именем фельдмаршала Г. А. Потемкина, который 7 ноября 1788 г., сразу по взятии крепости на о. Березань, дал свободу всему ее гарнизону (свыше 300 янычар во главе с двухбунчужным Осман-пашой). В письме к Екатерине II от 17 ноября 1788 г. светлейший следующим образом излагал мотивы своего решения: «паша, взятый на Березани, был прежде агою янычарским в Царьграде и пользовался особливым благоволением султана, к которому свободный имел доступ. Пред открытием войны мнения его о сохранении мира, не согласные с мнением верховного визиря, навлекли на него злобу сего начальника. <...>. Он уверяет, что верховный визирь многих имеет себе неприятелей, что при малом поколебании, падение его неминуемо. А в таком случае Осман-паша, много считая на особливую к себе милость султана и помощь друзей, ласкается быть удостоен к заступлению его места» [30, с. 78–79]. Верил ли сам Г. А. Потемкин тому, о чем писал императрице, остается не вполне ясным. Но нельзя не заметить, что, провожая пашу на родину, он снабдил того Открытым листом, в котором, явно стремясь оградить османского военачальника от возможных репрессий, сделал особый акцент на его отваге и стойкости при защите крепости: «после храброго (Здесь и далее по тексту цитаты курсив наш – В. П.) против посланных на тот остров от меня войск сопротивления, при жестоком нападении их, будучи доведен до самой крайности, принужден был отдаться с гарнизоном в волю победителей» [30, с. 82].

3. Освобождение пленников определенной государственной или этнической принадлежности, как правило, носило массовый характер и детерминировалось радикальными изменениями в политической ситуации, делавшими дальнейшее содержание этих людей в плену не только бессмысленным, но и нежелательным. Так, 30 марта 1772 г., т.е. в разгар Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Петербург, вследствие нормализации отношений с главами Крыма и ряда племенных союзов Причерноморья, предписал немедленно освободить всех пленных из числа крымских татар, а также татар Буджакской, Едисанской, Едикульской и Жумбалатской орд и отправить их «в свои жилища с выдачей обыкновенных кормовых денег» [20, л. 232].

Несколько иначе события развивались в январе-феврале 1762 г., когда прусский король Фридрих II, воспользовавшись кончиной императрицы Елизаветы Петровны, распорядился в одностороннем порядке, без каких-либо условий, освободить и вернуть на родину всех русских пленников. Новый глава российского государства (Петр III), в свою очередь, также повелел «выдачу прусских пленных немедленно начать и таким же образом производить, как то с прусской стороны делается» [25, л. 5–6]. Свою позицию император обосновал в письме на имя

князя М. Н. Волконского от 5 февраля 1762 г. следующим образом: «От каких бы причин не происходила сия аттенция (т.е. «уважительная благосклонность» – В. П.) короля прусского и пускай был он к тому побужден единственно политикою, дабы вместо выдаваемых наших пленных получить своих, которых числом гораздо более, однако ж тем не меньше подлинно, что благопристойность и самое наше достоинство требуют (Курсив наш – В.П.) показать к тому совершенное взаимство» [25, л. 4].

4. Подданные нейтральных и союзных держав оказывались в русском плену обычно либо в качестве неприятельских военнослужащих, либо моряков торговых судов, задержанных при попытке доставить грузы в порты противника. В любом случае, освобождались эти люди как по инициативе российской стороны, так и по ходатайствам их дипломатов и иных авторитетных лиц (глав государств, органов самоуправления вольных городов, гильдий судовладельцев и др.).

Так, уже в мае 1702 г. группа бранденбуржцев, «кои служили в Свейском войске», была направлена в Посольский приказ, а оттуда передана польскому посланнику в Москве [17, л. 4–5]. В марте 1716 г. Петр I, удовлетворяя просьбу короля Пруссии, разрешил освободить и вернуть на родину поручика Ганса Фридриха Цабелтица – прусского подданного, служившего в армии Карла XII и плененного под Полтавой [18, л. 171–172, 178]. В годы Семилетней войны это явление приобрело поистине беспрецедентный размах, детерминированный двумя взаимосвязанными и взаимообусловленными особенностями армии Фридриха II: во-первых, многонациональным составом, включавшим в себя подданных едва ли не всех европейских государств, в т. ч. нейтральных и даже союзных России, а во-вторых, чрезвычайно высоким уровнем дезертирства из ее рядов, главным образом, в формах индивидуального и группового перехода на сторону противника. Иными словами – для поддержания дружественных отношений с союзными и нейтральными державами российское командование вынуждено было регулярно направлять в Петербург дезертиров «шведской, польской, саксонской, курляндской, австрийской, венгерской, моравской, богемской и других наций» для последующей передачи этих людей дипломатическим представителям их государств [22, л. 1; 24, л. 1].

Освобождение моряков торговых судов происходило примерно в том же порядке. Так, 12 сентября 1719 г. Комиссар цесарского вольного города Любека (проще говоря, посол Любека в России) Гендрик Эйлер направил Петру I список из 12-и своих соотечественников-моряков, задержанных «в Варяжском море на Любских купецких судах идущих в Швецию» с просьбой «бедным Любским мещанам отсель паки в отечество их свободными учинить

и дать им пасы (паспорта – В. П.) как и прочим даваны» [10, л. 202].

5. Престарелые и, особенно, женщины и дети освобождались из плена лишь в том случае, если это не влекло за собой насильственного разъединения семьи, т. е. осуществлялось с согласия ее членов. Одна из целей такого освобождения заключалась в сокращении расходов на содержание названных лиц, тем более, что к обязательному труду они не привлекались. Однако куда более значимым здесь был гуманитарный аспект. Это видно уже из переписки представителей российского и шведского военно-политического руководства периода Северной войны 1700–1721 гг., изобилующей заявлениями примерно следующего характера: «А полковника Лода жена и свояченица и прочие женского полу и малые дети отпущены без размены и пленными их не причитать. И ежели такие же российские в Свее есть или впредь будут, и чтоб оных отпускали таковым же образом», «Что же у вас свобожена полуполковника Мелина дочь, которая у вас в полону была, и с нашей стороны всегда тако ж де чинится безоборонным женскому полу и прочим, которые никакой противности не чинят. И впредь тако ж де содержать будем» и т. п. [14, л. 9; 15, л. 330, 335].

Если говорить конкретнее, то можно сослаться на факт освобождения в сентябре 1713 г. группы «старых мужиков и баб и с детьми» в количестве 10 чел., незадолго до этого задержанных русскими крейсерами в Финском заливе [14, л. 43]. В декабре 1771 г. адмирал А. В. Елманов докладывал адмиралу Г. А. Спиридову, что «по свидетельству господина доктора Германа из содержащихся при Адмиралтействе под караулом пленных турок 8 чел. оказались за старостью и дряхлостью никакой работы понести не могут, которых для освобождения из плена при сем вашему превосходительству представляю» [7, л. 366]. В октябре 1739 г. польская врачевательница Саломея-Регина Пильштейн, прибывшая по собственной инициативе в Петербург, подала Анне Иоанновне челобитную «о даче ей на размен из плена турецких детей, от имеющихся в России турков пленных». Заниматься разменом детей русская императрица, разумеется, не стала, а распорядилась «из содержащихся в Нарве и Ревеле пленных турков отдать ей (Пильштейн – В. П.) от двух до четырех человек и отпустить оную с ними чрез Ригу за границу» [2, л. 52–53].

6. К категории «иные лица» можно отнести многочисленные частные случаи освобождения пленных противника, которые обычно производились по решению командующих объединениями, действующими, преимущественно, в отрыве от своих основных баз. Наиболее ярким примером тому могут служить события, относящиеся к Первой Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг., когда русские регулярно освобождали турецких пленных из числа христиан (армян, греков,

грузин и др.), а также из числа этнических арабов. При этом, если первых просто «отпускали на волю», то вторых передавали главам региональных элит Османской империи, восставшим против центральной власти: Правителю Египта Али-бею и Правителю Палестины Дагер эль-Омеру [7, л. 349; 8, л. 38]. Кроме того, в указанный период граф А. Г. Орлов и адмирал Г. А. Спиридов поддерживали неформальные контакты с работавшими в Стамбуле дипломатами нейтральных держав и даже отдельными высокопоставленными османскими чиновниками. Это способствовало облегчению положения находящихся в Турции российских пленников, но в то же время требовало эпизодического освобождения и пребывающих в русском плену турок [6, л. 27–29; 7, л. 351, 383].

Резюмируя и обобщая изложенное, мы приходим к следующим выводам:

I. На протяжении всего XVIII столетия Россия систематически освобождала пленных и интернированных противника в одностороннем порядке, в подавляющем большинстве случаев без каких-либо условий.

II. В указанных хронологических рамках исследуемая форма прекращения состояния плена применялась во всех сколько-нибудь значимых военных конфликтах, практически всеми российскими монархами и, как правило, при непосредственном участии последних.

III. Явный акцент российского военно-политического руководства именно на безусловном освобождении пленников свидетельствует о том, что в ходе войны оно стремилось скорее к укреплению позитивного имиджа государства, нежели к нейтрализации отдельных военнослужащих противника путем лишения их права на участие в боевых действиях.

IV. Проделанная работа дает основания предполагать, что расширение практики одностороннего освобождения пленников без каких-либо условий могло бы способствовать смягчению гуманитарной ситуации в районах современных вооруженных конфликтов как международного, так и внутригосударственного характера. Кроме того, оно обеспечило бы регулярные контакты между воюющими, эффективный контроль за динамикой противостояния, а в конечном итоге – и высокую результативность всего мирного процесса.

Список литературы

1.Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1254.

2.АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1257.

3.АВПРИ. Ф. 96. Оп. 6. Д. 1576.

4.Макарова Н. Н. Шведские военнопленные на Урале в первой четверти XVIII века // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. №

1 (39). С. 122–129.
5.Познахирев В. В. Особенности управления контингентом прусских военнопленных в России в период Семилетней войны 1756–1763 гг. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 83–97.
6.Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 188. Оп. 1. Д. 91.
7.РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 11.
8.РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 119.
9.РГА ВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 85.
10.РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. 1719 г. Д. 2[а].
11.РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. 1760 г. Д. 10.
12.РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 16.
13.РГА ВМФ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 2.
14.РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 68.
15.РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 198.
16.РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 23.
17.Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. 1700 г. Д. 13.
18.РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 103.
19.РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 503.
20.Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 1862.
21.РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 143.
22.РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 237.
23.РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 240.
24.РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 363.
25.РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1695.
26.Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1146. Оп. 1. Д. 10.
27.РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 67.
28.РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 75.
29.РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 77.
30.Сборник военно-исторических материалов. Вып. VII: Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1788–1789 гг. СПб.: Воен. тип., 1894. 396 с.
31.Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири: первая четверть XVIII века. М.: РГГУ, 2005. 209 с.

RELEASE BY THE RUSSIAN GOVERNMENT OF PRISONERS OF THE ENEMY UNILATERALLY IN THE 18TH CENTURY

In Russian historiography, issues related to the unilateral release of enemy prisoners in the wars of the 18th century are still not only not considered, but, in fact, are not even raised. Meanwhile, Russia has a wealth of experience in this regard. In addition, it cannot be excluded that this experience, in one way or another, can be used in the course of

modern armed conflicts. The foregoing indicates the novelty and relevance of this article, and this predetermines its goal: to reveal the conditions, procedure and key features of the release of foreign captives. The methodological basis of this work is mainly historical-comparative and historical-situational methods. In the course of the study, the practice of releasing foreign prisoners of war and internees unilaterally was studied in detail on the examples of the wars of Russia with Poland (1733–1735), Prussia (1757–1762), Turkey (1735–1739, 1768–1774, 1787–1791), France (1799) and Sweden (1700–1721, 1741–1743, 1788–1790). Analyzing the documents of five central Russian archives, the author formulates a set of criteria that allow to distinguish between unilateral release from other forms of ending the state of captivity; systematizes the facts revealed by him; classifies facts according to various criteria; comes to the conclusion that in the wars of the XVIII century the Russian side quite often released enemy prisoners not just unilaterally, but also (which is especially important) without any conditions. In conclusion, the author comes to the conclusion that the materials of this article have not lost their significance for modernity and today can be used by employees of institutions and organizations associated with the release of persons forcibly detained in areas of armed conflict, both international and domestic.

Keywords: prisoners of war, armed conflict, humanitarian aspect, internees, unilateral release, subjects of neutral and allied powers, reverse, conditions of termination of state of captivity.

References

1.Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI, Foreign Policy Archives of the Russian Empire, Moscow). F[ond]. 2. Op[is']. 2/1. D[elo]. 1254.

2.AVPRI. F. 2. Op. 2/1. D. 1257.

3.AVPRI. F. 96. Op. 6. D. 1576.

4.Makarova N. N. (2013). Shvedskie voennoplennye na Urale v pervoi chetverti XVIII veka [Swedish prisoners of war in the Urals in the first quarter of the XVIII century]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of History, Philology and Culture*]. no 1 (39). pp. 122–129. (in Russ.)

5.Poznakhirev V. V. (2016). Osobennosti upravleniya kontingentom prusskikh voennoplennykh v Rossii v period Semiletnei voiny 1756–1763 [Management features of the contingent of Prussian prisoners of war in Russia during the Seven Years' War of 1756–1763]. *Voprosy istorii* [*Studies in the History*]. no 6. pp. 83–97. (in Russ.)

6.Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-morskogo flota (RGA VMF, Russian State Archive of the Navy, Saint Petersburg). Ф. 188. Оп. 1. D. 91.

7.RGA VMF. F. 190. Op. 1. D. 11.

8.RGA VMF. F. 190. Op. 1. D. 119.

9.RGA VMF. F. 198. Op. 1. D. 85.

10.RGA VMF. F. 212. Op. 11. 1719. D. 2[a].

11.RGA VMF. F. 212. Op. 11. 1760. D. 10.

12.RGA VMF. F. 227. Op. 1. D. 16.

13.RGA VMF. F. 230. Op. 1. D. 2.

14.RGA VMF. F. 233. Op. 1. D. 68.

15.RGA VMF. F. 233. Op. 1. D. 198.

16.RGA VMF. F. 234. Op. 1. D. 23.
17.Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA, Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow). F. 96. Op. 1. 1700. D. 13.
18.RGADA. F. 248. Op. 3. D. 103.
19.RGADA. F. 248. Op. 3. D. 503.
20.Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA, Russian State Military Historical Archive, Moscow). F. 16. Op. 1. D. 1862.
21.RGVIA. F. 39. Op. 1. D. 143.
22.RGVIA. F. 39. Op. 1. D. 237.
23.RGVIA. F. 39. Op. 1. D. 240.
24.RGVIA. F. 39. Op. 1. D. 363.
25.RGVIA. F. 846. Op. 16. D. 1695.
26.Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA, Russian State Historical Archive, Saint Petersburg). F. 1146. Op. 1. D. 10.
27.RGIA. F. 1329. Op. 3. D. 67.
28.RGIA. F. 1329. Op. 3. D. 75.
29.RGIA. F. 1329. Op. 3. D. 77.
30.Sbornik voenno-istoricheskikh materialov. (1894). Vyp. VII: Bumagi knyazya Grigoriya Aleksandrovicha Potemkina-Tavricheskogo. 1788–1789 [Collection of military-historical material, Iss. VII, Papers of Prince Grigory Alexandrovich Potemkin-Tavrichesky, 1788–1789]. Saint Petersburg: Voen. tip. Publ. 396 p. (in Russ.)
31.Shebaldina G. V. (2005). Shvedskie voennoplennye v Sibiri: pervaya chetvert' XVIII veka [Swedish prisoners of war in Siberia: the first quarter of the XVIII century]. Moscow: RGGU Publ. 209 p. (in Russ.)

Об авторе

Познахирев Виталий Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Частное учреждение образовательная организация высшего образования Университет «Реавиз», Санкт-Петербург (Россия), E-mail: vvkr@list.ru

Poznakhirev Vitalii Vitaliyovych. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of history, humanities, social and economic disciplines, Private Institution Educational Organization of higher education «Reaviz» University, Saint Petersburg (Russia), E-mail: vvkr@list.ru

УДК 94(73)"1833/1846"+289.3

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ИДЕОЛОГИЯ РАННИХ СВЯТЫХ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СИМВОЛИКЕ МОРМОНСКИХ ХРАМОВ В 1830–1840-е гг.

В статье рассматриваются особенности идеологии Святых последних дней - мормонов в XIX в. и воплощение ее принципов в мистических изображениях в их первых храмах. Ранние культовые сооружения мормонов, построенные в 1833-1846 гг. в Огайо (Киртланд) и Иллинойсе (Наву), были «домами обучения», «домами молитвы» и «домами Бога». Показано, что храмы являлись свидетельством веры и принесенных во имя ее жертв со стороны Святых последних дней. Это были места, где можно было отрешиться от земных дел и максимально приблизиться к божественному. Храмы представляли собой «апокалиптическое пространство», представления о котором стали составной частью мормонской социально-религиозной утопии, которую Святые пытались реализовать в 1830–1890-е гг. Их возведение было важным подготовительным этапом в строительстве города Сион или Новый Иерусалим перед «концом времен». В XIX в. возникла специфическая религиозная культура Святых, под влиянием которой оказался обширный западный регион Соединенных Штатов, получивший известность как «мормонский коридор». Показано, что идеологию мормонов справедливо рассматривать как разновидность маргинального американизированного христианства. Проведен анализ храмовых изображений мормонов, которые носили во многом астрономический характер (Солнце, Луна, звезды и др.), и были связаны с древними мистическими (дохристианскими) символами, впоследствии заимствованными франкмасонством. Мормонская храмовая символика в целом отличалась оригинальностью и воплощала основные религиозные идеи Святых.

Ключевые слова: религиозная история США, движение Святых последних дней, религиозные представления мормонов, мормонская сакральная архитектура, символы храмов в Киртланде и Наву, влияние масонства на идеологию ранних мормонов.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-205-219

Движение Святых последних дней – мормонов, возникшее в США в 1830 г., сыграло большую роль в колонизации западных территорий в середине – второй половине XIX в. Его первыми пророками стали Джозеф Смит-младший (1805-1844) и Бригам Янг (1801-1877). Основные идеи заключались в «Книге Мормона» и иных священных книгах, содержавших пророчества и учения лидеров Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Для мормонов были характерны представления о перманентном откровении, необходимости крещения за мертвых, полигамии, вера во множество богов (фактический полите-

© Прилуцкий В.В.
© Prilutskiy V.V.

изм, но при сохранении актуального монотеизма). Мормоны проповедовали идею об особой миссии Америки, ее богоизбранности. Они полагали, что в древности Христос побывал в Новом Свете, обратил в новую веру аборигенов (нефийцев, ламанийцев), и вскоре в последние дни вернется в штат Миссури, чтобы создать свое Тысячелетнее царство на Земле.

Центром мормонов стала Юта, где в г. Солт-Лейк-Сити они в течение 40 лет (1853-1893 гг.) построили свой главный и самый большой храм. Но этот храм был не первым культовым сооружением, созданным Святыми последних дней в XIX в. До этого они сумели воздвигнуть еще 5 храмов со своеобразной архитектурой: в Киртланде, Огайо (1833-1836 гг.), Наву, Иллинойс (1841-1846 гг.), Сент-Джордже, Юта (1871-1877 гг.), Манти, Юта (1875-1888 гг.), Логане, Юта (1876-1884 гг.). Храм в Наву, в отличие от Киртландского храма, почти в неизменном виде сохранившегося до нашего времени, оказался разрушен пожаром в 1848 г. и смерчем в 1850 г. После исхода мормонов местные жители разобрали развалины здания на камни для своих построек. В 1999-2002 гг. Церковь Святых последних дней восстановила строение на прежнем месте. Внешняя сторона его была полностью скопирована со старых чертежей и фотографий, а внутреннее устройство отличалось от прежнего и соответствовало современным храмам мормонов.

Первым храмом Святых стал «Дом Господа» в Киртланде, который в настоящее время считается национальной исторической достопримечательностью (с 1969 г.) и принадлежит «Содружеству Христа» (одной из крупных мормонских деноминаций). Храмы почти одинакового дизайна были запланированы примерно в тот же период времени в штате Миссури на Храмовом участке (в г. Индепенденс), в Фар-Уэсте и в Адам-ондай-Амане. Однако ни один из них не был построен из-за конфликта с местным населением в 1833 г. и Мормонской войны 1838 г., которые привели к выселению членов Церкви из штата [5, p. 16-17]. Явленный в видении в 1833 г. Первому Президентству (Джозефу Смиту, Сиднею Ригдону и Фредерику Г. Уильямсу) проект храма представлял собой здание 17Х20 м. Высота до вершины шпиля башни достигала 33,5 м. (современный десятиэтажный дом). Общая площадь помещений составила 15 тыс. кв. футов (1,4 тыс. м.^{2}). Старейший мормонский храм отличался от других подобных сооружений Святых тем, что не содержал особой сакральной символики. Внешне он представлял собой относительно распространенный образец протестантской архитектуры Новой Англии конца XVIII – начала XIX вв., сочетавший в себе элементы федерального стиля, неоготики («готического возрождения») и стиля неогрек. Трехэтажное здание из

песчаника увенчала небольшая башня с флюгером в виде стрелы на куполе. Фасад практически не имел украшений и изначально был окрашен не в белый, как в наши дни, а в голубовато-серый цвет. Предполагается, что крыша была красной, а парадные двери – оливковые (темного желтовато-зеленого цвета). В настоящее время только у дверей сохранился изначальный цвет.

Храм в Киртланде являлся (что было распространенным явлением в 1830–1840-е гг. в США) многофункциональным зданием. Он был не только религиозным центром, но и штаб-квартирой Церкви, сочетавшей в себе культовые, административные и образовательные функции. Интерьер Киртландского храма отличался уникальностью [6]. Три этажа здания использовались для богослужений и обучения религии и светским дисциплинам. Первый этаж поучил название «Дом молитвы», второй – «Дом обучения». Второй зал был почти идентичен первому. Здесь происходило обучение церковного священства в «Школе пророков», известной также как «Школа Моих апостолов» и «Школа в Сионе». Третий этаж мансардного типа назывался «Домом порядка», где располагались: церковные офисы, средняя школа, семинария (Богословский институт), проводились занятия «Школы старейшин». В помещениях, расположенных на этаже, регулярно (еженедельно) проходили собрания руководства Церкви (первосвященников, старейшин и членов Совета Семидесяти). Здесь же находился личный кабинет пророка Джозефа Смита. В храме отсутствовал подвал, являвшийся характерной чертой всех последующих мормонских храмов [7]. Храмовые церемонии и обряды в 1830-е гг. еще не были разработаны Джозефом Смитом. Поскольку храм использовался как молитвенный дом, место собраний и учебный центр, то, с точки зрения некоторых поздних мормонов, он не мог рассматриваться как полноценный храм и по статусу был близок скорее к часовне.

Храм в Киртланде означал «священное место собирания Святых в Сионе» [9, p. 13]. Три его яруса можно символически трактовать, как «три царства славы», учение о которых возникло на основе откровений Джозефа Смита в 1832-1836 гг. Весьма вероятно, что он опирался при его создании на популярное в то время в Англии и Соединенных Штатах сведенборгианство (шведский духовидец, мистик и теософ Эммануил Сведенборг в XVIII в. проповедовал учение о трех уровнях небес или Небесного Царства). Именно в этом еще недостроенном храме в начале 1836 г. пророку было видение «Целестиального Царства Божьего и его славы». Он узрел «ярко сияющий престол Божий, на котором восседал Отец и Сын», а также увидел «Отца Адама и Авраама» [22, 137: 1-10]. В загробной вечной жизни

существуют, согласно мормонской религии, три царства, в которых «большая часть людей будет жить после воскресения»: Телестиальное, Террестриальное и Целестиальное. По мнению Святых последних дней, три царства со своими символами упоминаются и в Библии («Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных. Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении») [20, 15: 40-42]. Фактически это три небесных яруса или уровня рая, поскольку есть еще ад, называемый мормонами «Погибелью» (одним из его обитателей, «сынов погибели», является Люцифер или Сатана). В аде мормоны видят некую «духовную тюрьму», временное состояние между смертью и воскресением с перспективой перехода язычников, не признавших Евангелие, в Телестиальное Царство.

Телестиальное Царство – это царство звезд, и получившие его после «искупления» в духовной «темнице» достигнут «славы звезд» [22, 76:81, 98]. В нем присутствует Святой Дух. Террестриальное Царство – это царство Луны, связанное также и с Землей. В него попадают праведные язычники-неморманы и члены Церкви, которые «не были доблестны в свидетельствовании об Иисусе» [22, 76:79]. В этом царстве присутствует Бог Сын, но отсутствует Небесный Отец. Целестиальное Царство – это царство Солнца, небесное царство, связанное с «высшей славой», где есть возможность непосредственного общения Святых с Иисусом Христом и Богом Отцом. Оно делится на три уровня («степени»), наивысший из которых называется «возвышением». На этом уровне праведники становятся богами и получают возможность вступить в «вечный брак», обрести «духовных детей», получить в распоряжение ангелов, «духовслужителей» и управлять двумя «меньшими» царствами (Телестиальным и Террестриальным). Вероятно, трехэтажный Киртландский храм также означал Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа. Он также символизировал триединую природу Адама или человека (дух, разум и тело; восприятие, осознание и действие), которая также нашла олицетворение в фигурах апостолов Петра, Иакова и Иоанна. Храм в Киртланде – первое в своем роде сооружение в истории Святых последних дней. По своему дизайну, внутреннему устройству и функциональному назначению значительно отличался от всех последующих мормонских храмов. Но Киртландский храм оказал большое влияние на иные сакральные строения мормонов, стал прототипом храма в Наву и других ранних храмов Святых последних дней.

Согласно официальной версии Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в мормонских храмах нашли воплощение исключительно библейские и чисто христианские символы, идеи и

сюжеты. Ранее они были представлены в средневековом искусстве, культуре и архитектуре. В действительности же мормонская храмовая символика имела корни в древних оккультно-мистических традициях (астрологии, алхимии, геомантии, герметизме, магии, каббале и т.п.), в том числе языческих (дохристианских) культах, а также во франкмасонстве. Богатая мистическая символика впервые была представлена в священном сооружении в Наву в 1840-е гг. Храм в Наву оказался недостроенным в 1846 г., когда мормоны вынуждены были переселиться в Юту, но в нем уже совершались храмовые таинства. Его планировка напоминала культовое сооружение в Киртланде: два этажа с залами для молитв и богослужений, мансарда. Но к ним добавился также подвал с купелью для совершения религиозных обрядов [10]. Храм в Наву был построен в стиле греческого возрождения (последнего этапа классицизма). Здание имело длину 39 м., ширину – 27 м., высоту – 50 м., площадь помещений – 54 тыс. кв. футов (5 тыс. м.^{2}). Строение из известняка примерно на 60% превышало по размерам Киртландский храм [1, p. 63], имело одну высокую башню с часами и флюгером-ангелом на вершине.

Символические изображения на стенах храма в Наву были тесно связаны с образами и смыслами, содержавшимися в «Откровении Иоанна Богослова» («Апокалипсисе») – последней книге Нового Завета. Там говорилось о видении, которое было дано древнему апостолу Иоанну: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» [18, 12:1]. Пророк Джозеф Смит в 1830-1844 гг. осуществил собственный перевод отдельных частей христианского Священного Писания (известный как «Перевод Джозефа Смита» или «Библия в переводе Джозефа Смита» – ПДжС), в том числе и 12-й главы Книги Откровения. Глава содержала информацию о женщине, которая, по мнению мормонского пророка, «была Церковью Божьей», т.е. «женой Агнца» или «невестой Христа» [2, p. 36]. При этом в видении Иоанна Луна располагалась внизу, Солнце – посередине, а звезды – вверху. Именно в таком порядке данные символы были изображены на внешней стороне каменных стен храма в Наву. Мормонские символы являлись оригинальными и ранее не встречались в подобной последовательности в церквях Европы и Америки.

В храме в Наву имелись следующие символические изображения: Солнце, Луна и звезды, флюгер в виде летящего ангела с трубой, крестильная купель, расположенная на скульптурах 12 волов. Символы на внешней стороне храма в Наву означали «небесную Церковь Первенца» (т.е. Церковь Бога), членами которой являются «возвышенные существа». В эпоху Наву (1839-1846 гг.) мормоны через Джозефа

Смита получили священные храмовые таинства (заимствованные в значительной мере у церемоний франкмасонов), и стали их практиковать [3, p. 26; 8, p. 119-120]. Храмовые обряды включали в себя: эндаумент или облечение (состоявшее из посвящения, наставления, омовения, помазания, наречения новым именем), получение ключей, относящихся к Священству Ааронову и Мелхиседекову, заместительное крещение за умерших, заключение брака на вечность («запечатывание») и усыновление. Изображения (вырезанные из дерева и камня) солнц, лун и звезд снаружи культового сооружения в Наву обозначали учения и откровения Джозефа Смита в отношении храма, а также сущность тех религиозных обрядов и таинств, которые должны были совершаться внутри этого здания.

В подвале была установлена купель для крещений, покоящаяся на спинах 12-ти деревянных волов, – один из основных элементов всех последующих (включая и современные) мормонских храмов. В отличие от исторических христианских баптистериев, в храмах Святых последних дней купели предназначались не для крещения живых людей, а для совершения заместительных крещений за умерших (обряд своеобразного обращения мертвых в новую веру). Обычное крещение мормоны совершали в простой купели, расположенной в местном молитвенном доме, или в любом водоеме, в котором человек мог быть полностью погружен в воду. Крестильная купель в Наву была создана по образцу «расплавленного» (литого) или металлического (медного, возможно, бронзового) «моря» в построенном Соломоном Иерусалимском храме. Расправленное море представляло собой огромный сосуд или бассейн для ритуального омовения священников. В Библии о медном море сказано следующее: «И сделал море литое, – от края его до края его десять локтей, – все круглое, вышиною в пять локтей; и снурок в тридцать локтей обнимал его кругом; и литые подобия волов стояли под ним кругом со всех сторон; на десять локтей окружали море кругом два ряда волов, вылитых одним литьем с ним. Стояло оно на двенадцати волах: три глядели к северу и три глядели к западу, и три глядели к югу, и три глядели к востоку, – и море на них сверху... Толщиною оно было в ладонь; и края его, сделанные, как края чаши, походили на распустившуюся лилию. Оно вмещало до трех тысяч батов» [11, 4: 2-5; 21, 7: 23-26]. Символически 12 волов соответствовали 12 коленам (племенам) древнего Израиля, 12 апостолам Христа, 12 нефийским ученикам Христа в Америке из Книги Мормона. Додекада (дюжина) соответствовала завершенному, полному циклу, космическому порядку и гармонии сфер. У христиан есть 12 плодов Святого Духа, 12 дней празднования Рождества, 12 врат и 12 драгоценных камней Святого Небесного Града Иерусалима; у

мусульман-шиитов – 12 имамов – потомков Али, управляющих 12 часами дня. Это число было сакральным у древних египтян, евреев, греков и римлян, у пифагорейцев означало «счастливое письмо» или «город», у митраистов соответствовало количеству учеников Митры, а в Библии часто ассоциировалось с «совершенством правления». В нумерологии оно обычно означает комбинацию Солнца (1) и Луны (2), полных противоположностей, и соответствует 12 месяцам в году, 12 часам дня и ночи, 12 знакам зодиака в астрологии. В эзотерике известны 12 плодов Космического Древа Жизни [23, с. 79-80].

Изображения Солнца, Луны и звезд в храмах Святых последних дней были двух видов: на оконных стеклах и на камнях (известных как «солнечные, лунные и звездные камни»). В храме в Наву на внешних пилястрах они располагались не в той последовательности, которая была связана с тремя небесными царствами или «степенями славы» (звезды – внизу, Луна – посередине, Солнце – вверху), поэтому, вероятнее всего, они их и не обозначали. Последовательность в храме в Наву была следующая: Луна – внизу, Солнце – в центре, звезды – вверху. Такое расположение эмблем означало уже упомянутую «жену, облеченную в солнце», т.е. «Церковь Божью».

Солнце всегда ассоциируется с солнечным циклом: дневным (утро, полдень, вечер и т.п.) и годовым (зимнее и летнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствие, которые соотносятся со сменой времен года). Активность Солнца соответствует естественным фазам развития природы: рождению, взрослению, становлению, умиранию и возрождению. В картах таро Солнце означает понятие «жизнь» и связывается с «циклом Бога» [12, с. 97-100]. Солнце в мормонской сакральной архитектуре заключало в себе множество смыслов; иногда это изображение имело несколько значений даже в одном храме. В храме в Наву на солнечных камнях было изображено восходящее Солнце с лицом, похожий образ которого, по свидетельству современников событий, был в видении у Джозефа Смита. Очевидно, что лицо имело какое-то дополнительное значение (весьма вероятно, что это был божественный лик). Три из первоначальных тридцати солнечных камней сохранились, и их сейчас можно увидеть в американских музеях, в том числе в центрах для посетителей бригамитов и джозефитов в Наву. Солнце на солнечных камнях поднималось над волнами либо над облаками. Ранние строительные планы также предполагали восход Солнца над листьями аканта, что было воспроизведено в интерьере восстановленного впоследствии храма. Растение акант, изображением которого украшались колонны классического коринфского архитектурного ордера, еще в античном Сре-

диземноморье считалось атрибутом героев, символом триумфа, преодоления жизненных испытаний и бессмертия. Солнечные камни вместе с облаками/морем и трубами располагались над капителями внешних пилястр. Трубы в некоторых источниках неправильно называют рогами изобилия, несмотря на то, что в плане храма в Солт-Лейк-Сити упоминаются именно как трубы (позже они были удалены). В Библии трубы, как правило, соотносятся со священными ритуалами, обрядами и Апокалипсисом (семь ангелов с трубами, «которые стояли пред Богом» и возвещали о конце света) [18, 8:1-6].

Лучшее понимание символики Солнца возможно при сопоставлении изображений в храме в Наву и в современных культовых зданиях мормонов, в которых представлены солнечные камни с 33 лучами. Лучи света означали число лет земного опыта Спасителя. Иногда Солнце изображали в окружении 12 звезд, символизировавших апостолов Христа, что отсылало к видению древнего иерусалимского пророка Легия из Книги Мормона («И было так, что он увидел, как Некто нисходит из глубины небес, и узрел, что Его сияние превосходило сияние полуденного солнца. И он увидел также двенадцать других, следующих за Ним, и их блеск превосходил блеск звезд на тверди небесной») [19, 1:9-10]. Солнце стало важнейшим символическим образом Иисуса Христа. Таким образом, во втором в истории мормонском храме Солнце символизировало небеса, Целестиальное небесное Царство, видение Иоанна Богослова, само божество и непосредственно Иисуса Христа.

В храме в Наву на камнях также были изображены полумесяцы, у которых имелись человеческие лица (голова в профиль). Лунные камни, располагавшиеся немного выше уровня земли, олицетворяли движение к бесконечному и вечному. В мифах разных народов Луну олицетворяли, как правило, женские божества. Луна ассоциировалась с ночью, миром бессознательного, сновидениями, пророчествами и стремлением к свету. Лунарные (лунные) культы известны с глубокой древности. Иногда они вместе с солярными (солнечными) культами образовывали близнечные культы, в которых Солнце и Луна воспринимались как брат и сестра, муж и жена, светлое и темное начала и т.п. Смена лунных фаз (новолуние; неомения или узкий серп Луны (молодая Луна); первая четверть; растущая (прибывающая) Луна или полумесяц; полнолуние; убывающая Луна или месяц; последняя четверть; старая Луна) соответствовала земным циклам или циклическим ритмам в животном и растительном мирах (рождение, рост, старение, смерть и возрождение). Таким образом, Луна, которую в дальнейшем в мормонских храмах изображали в последовательно сменявшихся фазах, олицетворяла вечное развитие или приближение к вечности.

Перевернутые пятиконечные звезды (пентальфы, пентаграммы) являются важными храмовыми символами мормонов. Впервые они появились в начале 1840-х гг. на фасаде храма в Наву. Критикам Церкви Святых последних дней не нравятся эти якобы зловещие эмблемы, расположенные на замковых камнях и круглых окнах, поскольку в наше время они стали ассоциироваться с колдовством, Сатаной, темным оккультизмом и черной магией. Однако следует отметить, что эта связь возникла только не менее чем через 10 лет после смерти пророка Джозефа Смита. В религиозно-философских и мистических традициях народов Земли пятиконечная звезда (связанная с числом «5») выступала в качестве эмблемы целостной индивидуальности, совершенства, вдохновения свыше, духовного восхождения, пяти первоэлементов, знака богини планеты Венера – первой утренней и последней вечерней звезды [16, с. 14, 18, 25; 23, с. 56-60, 512-513]. Традиционно в различных христианских конфессиях, начиная еще с эпохи античности, перевернутая пентаграмма трактовалась как один из символов Христа. Исторически ее использовали в качестве защитного амулета, изображали на иконах и связывали с пятью ранами Спасителя [17, с. 108-111]. Изображения перевернутой пентаграммы присутствовали в некоторых средневековых христианских церквях. Но в позднее Средневековье в Европе этот символ постепенно приобретал и негативные коннотации, ассоциируясь с ведьмовством. Прочно входить в массовую культуру в качестве символа Сатаны, зла и поклонения дьяволу перевернутая звезда начала только во второй половине XIX в. Впервые это сделал Элифас Леви (1810-1875) в своей книге «Учение и ритуал высшей магии» (1854-1856 гг.).

Святые последних дней отвергали оккультную интерпретацию расположенных на внешней стороне своих храмов перевернутых пентаграмм, часть из которых имела вытянутый нижний луч. Для них она носила «воодушевляющий и благотворный» характер, поскольку означала Иисуса Христа, «Утреннюю Звезду». Скопления звезд на стенах символизировали небеса. В Ветхом Завете грядущий Мессия имел образное наименование «восходящей звезды от потомства Иакова» (святой пророк Валаам восклицал, предсказывая поражение сил зла, ополчившихся на Царство Мессии: «Вижу Его, но ныне еще нет. Зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушит всех сынов Сифовых» [14, 24:17]). Звезды связывались со «звездной короной», «венцом бессмертия» или «кругом из 12 звезд» в Книге Откровения, которые являлись символом божественной и царской власти. Христос говорил о себе в Новом Завете: «Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя» [18, 22:16]. Иногда в Библии

под звездами и небесными светилами понималось «небесное воинство», т.е. ангелы и архангелы. Справедливо также связывать мормонскую перевернутую пятиконечной звезду с Вифлеемской звездой («звездой Рождества»), нижний удлиненный луч которой указывал на место рождения Христа. Путеводная звезда привела волхвов к младенцу Иисусу [13, 2:2, 7, 9-10]. Располагавшиеся под крышей храма в Наву подобные звезды указывали на место, где уже в наши дни можно было найти Христа.

Шестиконечные звезды также являлись важным элементом украшения храма в Наву. Они были расположены на кровельном ограждении, на карнизных и фронтонных свесах крыши прямо над перевернутыми пятиконечными звездами, а также на отдельных («звездных») камнях. Звезды этого типа размещались буквально над головой. Они часто символизировали настоящие звезды на небе и другие небесные тела. В этом контексте шестиконечные звезды могли означать просто небо. Эти звезды также служили людям символически символическим напоминанием о том, что, подобно тому, как небесные светила находятся над Землей, Бог выше и больше всего земного, а «Его пути неисповедимы». Таким образом, шестиконечные звезды указывали на то, что храм Святых последних дней был особым культовым сооружением, связанным с осуществлением наиболее торжественных обрядов и церемоний, призванных вызывать возвышенные чувства, и являлся проекцией Царствия Небесного.

В первых мормонских храмах на куполе башни размещали флюгеры в виде стрелы (позднее на вершинах их начали заменять позолоченными статуями ангела Морония). Флюгер являлся не только декоративным элементом. Он носил утилитарный (прикладной) характер как указатель направлений ветра. Таким же не мистическим, но сугубо практическим целям служили колокольня и часы (расположенные на каждой из четырех сторон башни), с помощью которых можно было узнать точное время на храмовой площади в Наву. Храмовый колокол в Наву и в наши дни отбивает часы. Башни с часами были очень популярными в 1840-е гг. в Америке. Кроме того, в то время большинство зданий считалось общественным достоянием и выполняло множество полезных социальных функций. Возможно, что часы могли выступать в качестве символа времени, вечности и порядка.

В храме в Наву в качестве флюгера использовался летящий ангел, дующий в трубу, с раскрытой книгой в руке. Не вполне понятно, что за духовное существо было изображено: обычный ангел, ангел из «Откровения Иоанна Богослова» [18, 14:6], Мороний (хотя прямых указаний на него не имелось) или непосредственно

Джозеф Смит – основатель мормонизма. По наиболее распространенной версии это был все-таки ангел света Мороний – последний пророк и летописец нефийцев (древних американцев), явившийся Джозефу Смиту в 1823 г. Он указал холм, где были зарыты золотые пластины, содержавшие текст Книги Мормона. Над летящим ангелом - ветроуказателем на храмовом шпиле в Наву размещались скрещенные циркуль и наугольник – характерные масонские символы, такие же, как Солнце, Луна и звезды (освещающие труд архитектора и каменщика днем и ночью). Дело в том, что Джозеф Смит и часть его последователей в период возведения храма в Наву (в 1842 г.) вступили в ложи вольных каменщиков. Масонские ритуалы оказали влияние на церемонию эндаумента (облечения) и другие мормонские таинства, возникшие в это время [4, p. 9-10]. С ними были связаны символические жесты, знаки и пароли Святых последних дней. Наугольник и циркуль изображались на их храмовой одежде (ритуальном одеянии, храмовом белье) и считались «священными символами». Циркуль означал Полярную звезду и одновременно – ограничения желаний и стремлений, необходимые для праведной жизни Святых, а наугольник – «справедливость и честность нашего Небесного Отца», которые должны отражаться и в поведении членов общины, их единстве и добросовестности. Циркуль и наугольник у масонов выступают как важнейшие инструменты каменщика, с помощью которых происходит символическая обработка грубого («дикого») камня (т.е. работа над своим естественным, несовершенным характером), придание ему идеальной, совершенной формы. Кроме того, они олицетворяют уроки поведения, закон, честность и нравственность, справедливость и правосудие, долг и право, небесный и земной планы бытия [15, с. 78].

Идеологи мормонизма утверждали, что храмы являются местами, где осуществляется поклонение Богу и Его Сыну, а «оккультная связь» с их символами существует только в сознании критика. Мормонские пророки видели в храмах воплощение веры, упорства и трудолюбия Святых. Неслучайно поздние храмы мормонов внешне напоминали крепости, свидетельствовавшие о силе веры, и впервые подобные черты в культовом здании можно увидеть в Наву. Мормонские храмы, их внутреннее и внешнее убранство, богатые украшения являлись воплощенным в камне свидетельством о Боге - Небесном Отце и Иисусе Христе, Небесном Царстве, искуплении через Сына Божьего, роли Святого Священства, плане Бога по спасению людей и других важных аспектах вероучения Святых. Первый в истории мормонский храм не носил значительного символического смысла. Но в храме в Наву было уже представлено мно-

жество древних мистических символов и знаков: астрологических, алхимических, солярных, лунарных, хтонических, связанных с известными в прошлом языческими земледельческими культами. Символика мормонов имела и общие черты с христианским искусством предшествующих веков. Значительное влияние на их сакральную архитектуру оказали также франкмасонские символы и характерное для масонов смешение архитектурных стилей, наличие замковых камней и т.п. Однако, следует иметь в виду, что храмовые символы Святых последних дней носили своеобразный и уникальный характер. В подобном сочетании, несущем определенное смысловое значение, описанные сакральные эмблемы ранее никогда не применялись.

Список литературы

1. Alexander T.G. Brigham Young and the Expansion of the Mormon Faith. Norman: University of Oklahoma Press, 2019. 416 p.

2. Blythe C.J. Terrible Revolution: Latter-Day Saints and the American Apocalypse. New York: Oxford University Press, 2020. 348 p.

3. Church Chronology: A Record of Important Events Pertaining to the History of the Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints / Compiled by A. Jenson. Salt Lake City: Deseret News, 1886. 495 p.

4. Durham, Jr., R.C., Adamson J. Joseph Smith and Masonry: no help for the Widow's Son; Two papers on the influence of the Masonic Movement on Joseph Smith and His Mormon Church. Nauvoo, Illinois: Martin Publishing Co., 1987. 32 p.

5. Howlett D.J. Kirtland Temple: The Biography of a Shared Mormon Sacred Space. Urbana: Univ. of Illinois Press, 2014. 263 p.

6. Kirtland Temple // Официальный сайт Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (Kirtland, Ohio, 2013). [Электронный ресурс]. URL: https://history.churchofjesuschrist.org/article/historic-sites/ohio/kirtland/kirtland-temple?lang=eng (дата обращения: 20.01.2022).

7. Kirtland Temple. Historic Site and Spiritual Formation Center // Официальный сайт Содружества Христа (Kirtland, Ohio, 2020). [Электронный ресурс]. URL: https://www.kirtlandtemple.org/ (дата обращения: 17.01.2022).

8. Launius R.D., Hallwas J.E. Kingdom on the Mississippi Revisited: Nauvoo in Mormon History. Urbana: University of Illinois Press, 1996. 282 p.

9. Little J.A. From Kirtland to Salt Lake City. Salt Lake City: J.A. Little, 1890. 260 p.

10. Nauvoo Illinois Temple. Неофициальный сайт Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (1998–2021). [Электронный ресурс]. URL: https://churchofjesuschristtemples.org/nauvoo-illinois-temple/ (дата обращения: 10.01.2022).

11. Вторая книга Паралипоменон (Хроник).

12. Вэлс М. Таро Уэйта. Большая книга символов. Москва: АСТ, 2021. 288 с.
13. Евангелие от Матфея.
14. Книга Числа.
15. Кузьмишин Е.Л. Масонство. Москва: Ганга, 2019. 560 с.
16. Матвеев С.А. Нумерология. Москва: АСТ, 2019. 287 с.
17. Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Сакральная архитектура мира. Москва: АСТ, 2013. 608 с.
18. Откровение Иоанна Богослова.
19. Первая книга Нефия (1 Нефий).
20. Первое послание Коринфянам.
21. Третья книга Царств.
22. Учение и Заветы.
23. Энциклопедия символов / Сост. В.М. Рошаль. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Сова, 2007. 1007 с.

THE IDEOLOGY OF THE EARLY LATTER-DAY SAINTS AND ITS REFLECTION IN THE SYMBOLISM OF THE MORMON TEMPLES IN THE 1830S AND 1840S.

The article examines the features of the ideology of Latter-day Saints - Mormons in the XIX-th century and the embodiment of its principles in mystical images in their first temples. Early Mormon religious buildings, built in 1833-1846 in Ohio (Kirtland) and Illinois (Nauvoo), were «houses of learning», «houses of prayer», and «houses of God». It is shown that the temples were evidence of the faith and the sacrifices made in the name of it by the Latter-day Saints. These were places where it was possible to abandon earthly affairs and get as close to the divine as possible. The temples represented an «apocalyptic space», the concept of which became an integral part of the Mormon socio-religious utopia, which the Saints tried to realize in the 1830s – 1890s. Their construction was an important preparatory stage in the construction of the city of Zion or New Jerusalem before the «end of time». In the XIX century a specific religious culture of the Saints arose, influencing the vast western region of the United States, known as the «Mormon corridor». It is shown that the ideology of Mormons is rightly regarded as a kind of marginal Americanized Christianity. The analysis of the temple images of the Mormons, which were largely astronomical in nature (Sun, Moon, stars, etc.), and were associated with ancient mystical (pre-Christian) symbols, later borrowed by Freemasonry, is carried out. The Mormon temple symbolism was generally original and embodied the main religious ideas of the Saints.
Keywords: religious history of the USA, the Latter Day Saint movement, religious beliefs of the Mormons, Mormon sacral architecture, symbols of temples in Kirtland and Nauvoo, the influence of Freemasonry on the ideology of the early Mormons.

References

1. Alexander T.G. (2019). Brigham Young and the Expansion of the Mormon Faith. Norman: University of Oklahoma Press. 416 p.
2. Blythe C.J. (2020). Terrible Revolution: Latter-Day Saints and the American Apocalypse. New York: Oxford University Press. 348 p.
3. Church Chronology: A Record of Important Events Pertaining to the

History of the Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints / Compiled by A. Jenson. (1886). Salt Lake City: Deseret News. 495 p.

4. Durham, Jr., R.C., Adamson J. (1987). Joseph Smith and Masonry: no help for the Widow's Son; Two papers on the influence of the Masonic Movement on Joseph Smith and His Mormon Church. Nauvoo, Illinois: Martin Publishing Co. 32 p.

5. Howlett D.J. (2014). Kirtland Temple: The Biography of a Shared Mormon Sacred Space. Urbana: Univ. of Illinois Press. 263 p.

6. Kirtland Temple // Oficial'nyj sajt Cerkvi Iisusa Hrista Svyatyh poslednih dnej (Kirtland, Ohio, 2013). [Kirtland Temple // Official website of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (Kirtland, Ohio, 2013)]. Retrieved 20 January, 2022 from https://history.churchofjesuschrist.org/article/historic-sites/ohio/kirtland/kirtland-temple?lang=eng.

7. Kirtland Temple. Historic Site and Spiritual Formation Center // Oficial'nyj sajt Sodruzhestva Hrista [Official website of the Community of Christ (Kirtland, Ohio, 2020)]. Retrieved 17 January, 2022 from https://www.kirtlandtemple.org/.

8. Launius R.D., Hallwas J.E. (1996). Kingdom on the Mississippi Revisited: Nauvoo in Mormon History. Urbana: University of Illinois Press. 282 p.

9. Little J.A. (1890). From Kirtland to Salt Lake City. Salt Lake City: J.A. Little. 260 p.

10. Nauvoo Illinois Temple. Unofficial website of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (1998–2021). [Nauvoo Illinois Temple. Unofficial website of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (1998–2021)]. Retrieved 10 January, 2022 from https://churchofjesuschristtemples.org/nauvoo-illinois-temple/.

11. Vtoraya kniga Paralipomenon (Hronik) [The Second Book of the Chronicles].

12. Vels M. (2021). Taro Uejta. Bol'shaya kniga simvolov. Moskva: ACT. 288 s. [Wels M. Waite's Tarot. A large book of symbols. Moscow: ACT. 288 p.].

13. Evangelie ot Matfeya [The Gospel of Matthew].

14. Kniga CHisla [The Book of Numbers].

15. Kuz'mishin E.L. (2019). Masonstvo. Moskva: Ganga. 560 s. [Freemasonry. Moscow: Ganga. 560 p.].

16. Matveev S.A. (2019). Numerologiya. Moskva: ACT. 287 s. [Numerology. Moscow: ACT. 287 p.].

17. Neapolitanskij S.M., Matveev S.A. (2013). Sakral'naya arhitektura mira. Moskva: ACT. 608 s. [Sacred architecture of the world. Moscow: ACT. 608 p.].

18. Otkrovenie Ioanna Bogoslova [The Book of Revelation].

19. The First Book of Nephi (1 Nephi) [Pervaya kniga Nefiya (1 Nefij)].

20. Pervoe poslanie Korinfyanam [The First Epistle to the Corinthians].

21. Tret'ya kniga Carstv [The First Book of Kings].

22. Uchenie i Zavety [Doctrine and Covenants].

23. Enciklopediya simvolov / Sost. V.M. Roshal' (2007). M.: ACT; SPb.: Sova. 1007 s. [Encyclopedia of Symbols. Moscow: ACT; Sankt-Peterburg: Sova. 1007 p.].

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Prilutskiy Vitaliy Viktorovich – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), Email: vitaliypr@yandex.ru

УДК 94(47).08

Радченко М.Л., кандидат исторических наук, Белгородский инженерный юношеский лицей-интернат (Россия)

ХАРАКТЕРИСТИКА И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ В.В. ФОН ВАЛЯ (1840-1915 ГГ.)

В статье представлен обзор архивных документов Виктора Вильгельмовича фон Валя, государственного деятеля Российской империи второй половины XIX века. Работ, посвященных жизни и деятельности В.В. фон Валя на настоящее момент не так много. Несмотря на то, что служебный путь фон Валя был весьма интересен и в нашем распоряжении находится три личных фонда Виктора Вильгельмовича, к нынешнему времени еще не достаточно введенных в научный оборот, представляющих несомненный интерес для исследователей. С целью привлечения интереса историков-исследователей к личности В.В. фон Валя, его служебной деятельности, карьерным достижениям, а также к частной стороне жизни, мной была предпринята попытка представить краткий обзор личных фондов В.В. фон Валя. Для реализации поставленных мною цели и задач были использованы метод анализа и синтеза, сравнительно-исторический и статистический методы, включающие принципы объективности, системности и историзма. В процессе написания статьи и исследования базы данных ГАРФ, РГИА и фондов Российской национальной библиотеки был проанализирован комплекс документов, хранящийся в указанных архивохранилищах, затрагивающий различные стороны жизни и деятельности В.В. фон Валя. Анализ личных фондов В.В. фон Валя позволил разделить имеющиеся документы на несколько тематических групп (источники личного происхождения; отложившиеся во время служебной деятельности; документы, сохраненные фон Валем, по причине нам не известной). Обзор личных фондов В.В. фон Валя дает возможность охарактеризовать не только личность и служебную деятельность В.В. фон Валя, но и освятить вопросы революционного движения в Российской империи в обозначенный период, польского восстания 1863-1864 гг., административного устройства российских губерний.

Ключевые слова: В.В. фон Валь, губернатор, градоначальник, ГАРФ, РГИА, РНБ, архив, личный фонд, источники, А.Н. Мясоедов.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-220-234

Виктор Вильгельмович фон Валь (1840-1915 гг.), выходец их прибалтийских немцев, окончил в 1859 году Николаевское училище, в звании юнкера. После училища фон Валь остается при Инженерной академии слушателем, однако, в 1861 году он был отчислен, не окончив курса [4, с.138]. Причиной тому послужило участие в студенческих волнениях. С этого момента начинается военная служба фон Валя, на которой ему удалось зарекомендовать себя исключительно с положительной стороны. Количество наград В.В. фон Валя за этот период (с 1861 по 1876 гг.) является тому

©Радченко М.Л.
©Radchenko M.L.

подтверждением [4, с.365]. Военная служба В.В. фон Валя, проходящая в Царстве Польском, под руководством выдающегося генерала Ф.Ф. фон Берга, как мы уже отметили, продлилась до 1876 года. С 1876 года в жизни Виктора Вильгельмовича начинается не менее насыщенный период, ознаменовавший начало его карьеры на гражданском поприще.

Побывать В.В. фон Валю предстояло в восьми губерниях Российской империи: Ярославской, в качестве вице-губернатора (1876-1878 гг.) и губернатора в Гродненской (1878-1879 гг.), Харьковской (1879-1880 гг.), Витебской (1880-1884 гг.), Подольской (1884-1885 гг.), Волынской (1885-1889 гг.), Курской (1889-1892 гг.), Виленской (1901-1902 гг.) [2]. Помимо этого, с 1892 по 1895 гг. Виктор Вильгельмович являлся Санкт-Петербургским градоначальником, а в период с 1902 по 1904 году исполнял обязанности товарища министра внутренних дел В.К. Плеве и начальника Отдельного корпуса жандармов [4, с.365]. Наиболее детальное представление служебных перемещений В.В. фон Валя, а также возможные причины столь частых перемещений представлены в работе «Служебная повседневность губернатора Российской империи конца XIX – начала XX вв. (на примере деятельности губернатора В.В. фон Валя)» [6].

Частная сторона жизни В.В. фон Валя в исследовательских работах представлена в еще меньшей степени, чем его служебная деятельность. Супругой фон Валя являлась Елизавета Георгиевна Синклер (по первому мужу – Мельгунова), в браке с которой родилось двое детей – Надежда (1875-7965 гг.) и Василий (Вильгельм) (1880-1944 гг.) [3].

Надежда фон Валь, в замужестве Мясоедова, в последствие вышла замуж за государственного деятеля, дипломата, А.Н. Мясоедова.

Василий фон Валь, полковник, не остался незамеченный своей деятельности во время Гражданской войны. Упоминания о нем мы находим в работе Н.Н. Рутыча «Белый фронт генерал Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии» [7, с.140].

С целью привлечения внимания историков к весьма интересной личности В.В. фон Валя была предпринята попытка проанализировать личные фонды и дать им краткую характеристику в виде табличных данных.

Личные фонды В.В. фон Валя располагаются в Государственном архиве РФ (ГАРФ) (Ф.542. Оп. 1. «Валь фон Виктор Вильгельмович, адъютант главнокомандующего войсками в Царстве Польском, ярославский, гродненский, харьковский, витебский, подольский, волынский, курский губернатор, петербургский градоначальник, товарищ министра внутренних дел, командир отдельного корпуса жандармов, генерал-лейтенант»), Российском историческом архиве (РГИА) (Ф. 916. Оп.1. «Валь, фон Виктор Вильгельмович (1840-1915), губернатор Харьковской, Витебской, Виленской и

других губерний; петербургский градоначальник; товарищ министра внутренних дел; Мясоедовы: Николай Александрович (1850 – не ранее 1917), выборгский губернатор и другие»), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) (Ф. 127. Оп.96. «Валь Виктор Вильгельмович фон»).

Сведения о служебной деятельности В.В. фон Валя содержаться в региональных архивах: в фонде Государственного архива Курской области (ГАКО) «Канцелярия курского губернатора 1797-1917 гг.», в фондах государственного архива Ярославской области. В региональных архивах Украины и Беларуси представлены документы официального производства тех губерний, в которых служил В.В. фон Валь.

Представляя краткую характеристику личных фондов, стоит отметить, что наиболее многочисленным является фонд В.В. фон Валя, хранящийся в ГАРФ. Архив включает 1087 единиц хранения и затрагивает различные стороны как служебной, так и частной жизни фон Валя.

Классифицировать имеющиеся источники можно несколькими способами, наиболее целесообразно было бы разделить архивные документы на две группы: документы личного происхождения и документы, отложившиеся во время служебной деятельности В.В. фон Валя.

В свою очередь, документы этих групп также могут быть классифицированы на основании различных принципов. Так документы личного происхождения вполне могут быть классифицированы, согласно периоду их «создания и предназначению».

Первая группа, источники личного происхождения, представлена документами, относящимися к детским и юношеским годам В.В. фон Валя, такие как ученические записи, рисунки периода обучения в Николаевском училище. Данные материалы могут представлять интерес для исследователей, изучающих личность В.В. фон Валя с антропологической точки зрения.

Несомненный интерес представляют документы, относящиеся к творческой деятельности В.В. фон Валя, такие как личные заметки об императоре, членах императорской фамилии, а также о представителях чиновничьего аппарата. В записях фон Валя, губернатора, градоначальника, товарища министра внутренних дел и в первую очередь современника происходящих событий, мы вполне можем найти отсылки и упоминания на события политической жизни российского государства второй половины XIX века. Относятся указанные документы к периоду гражданской службы В.В. фон Валя.

Наиболее обширную группу личных источников представляет переписка фон Валя с различными чиновниками, сослуживцами, знакомыми и родственниками. В эту же группу можно включить и переписку супруги

Виктора Вильгельмовича – Елизаветы Георгиевны, в частности с дочерью Надеждой.

Письма фон Валя, а также его супруги, помимо обсуждения частных вопросов могут касаться также событий, затрагивающих служебную деятельность фон Валя и в целом помочь представить общую картину его повседневной жизни. Отнести эти источники было бы логично к материалам, возникшим на протяжении сознательной жизни В.В. фон Валя.

Вторую группу источников – документов, отложившихся во время служебной деятельности В.В. фон Валя – можно систематизировать следующим образом: во-первых, это документы (указы, служебная переписка, отчеты и т.д.) относящиеся к периоду военной службы фон Валя в Царстве Польском в качестве адъютанта Наместника графа Ф.Ф. фон Берга. А во-вторых, это документы, относящиеся ко времени службы В.В. фон Валя в качестве ярославского вице-губернатора, губернатора Гродненской, Харьковской, Витебской, Подольской, Волынской, Курской, Виленской губерний, а также на должности градоначальника Санкт-Петербурга и товарища министра внутренних дел В.К. Плеве. Это различного рода указы, циркуляры, статистические данные, служебная переписка с чиновниками губерний и вышестоящими инстанциями, анонимные доносы, ходатайства и прочее.

Архивные источники данной группы дают нам возможность рассмотреть службу и связную с ней повседневную деятельность В.В. фон Валя с различных ракурсов. В первую очередь, обозначенные документы могут заинтересовать исследователей работающих в русле истории повседневности и исторической биографики.

Для наибольшей наглядности классификация документов личного фонда В.В. фон Валя, располагающего в ГАРФ, а также примеры дел, относящихся в той или иной группе, представлена в Таблице 1 (Таб.1).

Таблица 1

Классификация документов личного фонда В.В. фон Валя (ГАРФ)

Наименование группы / период «возникновения» документа	№ дела	Название дела	Кол-во листов	Крайние даты
Документы личного происхождения				
Детство / юношеские годы В.В. фон Валя	20	«Ученические конспекты фон Валя по истории и другим наукам»	257	1851 - 1870
	21	«Чертежи и рисунки фон Валя, относящиеся ко времени учебы в пансионе Иванова и в Николаевском инженерном училище»	30	---
	357	«Заметки о членах Государственной думы и вырезки из газет»	195	---

Материалы, относящиеся к творческой деятельности В.В. фон Валя (период с 1876 по 1904 гг.)	359	«Анонимные стихотворения, заметки фон Валя об императорах, великих князьях и т.п. и их действиях»	31	1896-1898
Переписка В.В. фон Валя, а также письма к фон Валю; членам семьи В.В. фон Валя (материалы разных лет)	372а	«фон Валю Геральду Вильгельмовичу»	22	3.12. 1877-11.01. 1901
	500	«Витте»	1	8.03. 1893
	1001	«фон Валь Надежды Викторовны»	44	25.10. 1883 – 3.12. 1888
Документы, отложившиеся во время служебной деятельности В.В. фон Валя				
Служба в Царстве Польском	24	«Переписка адъютанта при главнокомундующем войсками Варшавского военного округа фон Валя с должностными лицами штаба Варшавского военного округа о дежурствах при главнокомандующем, о назначении фон Валя членом следственной комиссии по цензурным делам и др.»	19	1863 - 1871
	26	«Материалы о подавлении польского восстания (приказы, инструкции главнокомандующего войсками в Царстве Польском, ведомости расквартирования воинских и жандармских частей, рапорты начальников отделов главнокомандующему и т.д.»	43	1863 - 1864
Служба по должности вице-губернатора, губернатора, градоначальника	52	«Уведомление Министерства внутренних дел об утверждении устава ссудно-сберегательной кассы чиновников ярославского губернского правления»	1	1876
	55	«Отзывы и характеристики должностных лиц Ярославской губернии, адресованные фон Валю»	10	1877 - 1878
	81	«Анонимные письма фон Валю об упущениях по службе и злоупотреблениях полицейских и др. должностных лиц»	25	1878
	103	«Ходатайства, объяснительные записки, характеристики и др.материалы о поступлении на службу, увольнении и т.п. чиновников Харьковской губернии»	21	1879 - 1884

	141	«Донесения чиновников и полицейских агентов фон Валю об антиправительственных выступлениях в городе и политической слежке за "неблагонадежными"»	56	1881 - 1883
	301	«Распоряжения градоначальника о наложении штрафов за нарушение порядка, рапорты приставов, газетные материалы об уличных происшествиях, грабежах, самоубийствах и т.п. в Петербурге»	36	1892 - 1895
	305	«Указы Сената, жалобы и иски в Сенат Петербургской городской управы, купцов Михайлова, митрофанова и др.на незаконные распоряжения петербургского градоначальника фон Валя»	70	1893 - 1897

** Таблица составлена по данным электронной описи ГАРФ.*

В качестве небольшого обзора могут быть приведены выдержки из некоторых документов В.В. фон Валя.

В частности черновая записка фон Валя, на тот момент вице-губернатора Ярославской губернии, о деле помощника Врачебного инспектора – статского советника Васильеве (ГАРФ. Ф.542. Оп.1. Д.55. Л.8-10 об., «Отзывы и характеристики должностных лиц Ярославской губернии, адресованные фон Валю»). Речь в записке идет о неповиновении Васильева и об отказе выполнять поручения вице-губернатора на тот период пока губернатор находился в служебной командировке. Инцидент вышел по случаю того, что вице-губернатору, разбиравшему дела, не терпящих отлагательств, срочно понадобилось освидетельствование умственных способностей купца Семенова, проходившего по рассматриваемому делу. Вследствие чего, фон Валь отправил к Врачебному инспектору чиновника Губернского правления Петровского. Однако, как выяснилось, дело было передано помощнику инспектора Васильеву, и Петровский был перенаправлен к нему. Однако здесь Петровскому пришлось столкнуться с определенными трудностями, о которых известно из черновых записей фон Валя: «Явившись на квартиру помощника Врачебного инспектора, Петровский встретил сначала затруднение со стороны прислуги, которая объяснила, что барин спит и строго запрещено будить его, хотя бы и по важному делу. Наконец, вследствие настойчивого требования его, и после продолжительного ожидания, решились разбудить г-на Васильева, который вышел к нему в дурном расположении духа и, выслушав поручение, объявил ему в резких и грубых выражениях, что он его лично не знает, а потому дела ему не даст, что хотя он и го-

ворит, что прислан от вице-губернатора, но это ему все равно, и он всякому сторожу более доверяет, чем неизвестному ему чиновнику; если же вице-губернатору угодно получить дело, то он может ему лично написать письмо» (ГАРФ. Ф.542. Оп.1. Д.55. Л.9). Узнав о случившемся, крайне оскорбленный таким поведением В.В. фон Валь приказал немедленно вызвать Васильева. Однако тот так и не явился, а на последующие требования вице-губернатора предоставить письменное объяснение «что побудило его к такому противозаконному образу действий» прислал рапорт, в котором заявлял, что «требование вице-губернатора он вообще посчитал для себя необязательным, в особенности же в свободное от служебных занятий время и праздничные дни».

Как можно видеть из черновых записей В.В. фон Валя такое отношение вице-губернатор считал абсолютно не приемлемым. И в целях предупреждения подобных поступков и для поддержания уважения к законной власти среди подчиненных В.В. фон Валь «настойчиво просил уволить Васильева от должности с обязательным удалением из Ярославля». Данные Адрес-календаря за 1877 году дают основание полагать, что помощник Врачебного инспектора Васильев был уволен от должности [1. с.297].

Не менее интересен и анонимный донос губернатору фон Валю (ГАРФ. Ф.542. Оп.1. Д.81. Л.6 «Анонимные письма фон Валю об упущениях по службе и злоупотреблениях полицейских и др. должностных лиц»). В этом доносе указывается, что секретарь Гродненской городской полиции – Ф.Ф. Рынейский утверждал, что у губернатора есть дома служанка, она же содержанка его, еврейка, жена какого-то солдата, новобранца еврея Давида, и привез ее фон Валь с собою из Ярославля. Правда это или нет, подтверждения не имеется, однако сам донос и ходивший слух дает основание предполагать, что некая доля правды действительно могла присутствовать.

Представляет широкий интерес личный фонд В.В. фон Валя, располагающийся в архивохранилище РГИА. Данный фонд, помимо документов, относящихся непосредственно к деятельности фон Валя, включает также документы Н.А. Мясоедова, мужа Надежды Викторовны фон Валь, дочери Виктора Вильгельмовича.

По количеству архивных документов, данный фонд «уступает» фонду ГАРФ и содержит всего 50 единиц хранения. Тем не менее, и этот фонд логично будет разделить на группы, выбрав для классификации критерии, примененные мною уже раннее. Это документы личного происхождения и документы, отложившиеся во время служебной деятельности В.В. фон Валя. Они, в свою очередь, так же могут быть разделены на группы. Для наглядности можем привести следующую таблицу (Таб.2).

Несмотря на близкое родство

В.В. фон Валя и Н.А. Мясоедова, материалы, относящиеся к деятельности последнего, все же не могут в полной степени относиться к теме, заявленной в статье. Поэтому я ограничилась тем, что указала общее количество дел, относящихся к той или иной группе, выделив, сколько именно из них относится непосредственно к В.В. фон Валю.

Таблица 2

Классификация документов личного фонда В.В. фон Валя (РГИА)

Наименование группы	Ед.хр. (общее кол-во, включая док-ты Н.А. Мясоедова)	Ед.хр. (относящиеся к В.В. фон Валю)	№ дела	Название дела	Крайние даты
Документы личного происхождения					
Личные документы фон Валя и его семьи.	8	3	1	«Метрические выписки о браке и смерти и членский билет Офицерского собрания армии и флота В.В. фон Валя»	12.11. 1879-2.03. 1915
			2	«Аттестат об окончании учебного заведения и грамоты и свидетельства о награждении за благотворительную деятельность Е.Г. фон Валь (по рождению Синклер, по первому мужу Мельгуновой)»	3.06. 1869-3.02. 1886
			3	«Свидетельство о рождении Василия Вильгельмовича фон Валя» (на русс. и нем. яз.)	25.09. 1889
Семейная переписка фон Валя и членов его семьи	17	8	18	«Переписка Виктора Вас., Гаральда Вас., Эрвина и Анны фон Валей и неустановленных лиц» (русс., нем., фран. яз.)	25.03. 1877-17.02. 1917
			31	«Письма Е.Г. фон Валь своей дочери Н.В. Мясоедовой о семейных делах»	3.01. 1916-7.01. 1917
Документы на право владения имуществом и связанная с этим переписка	16	9	42	«Завещание В.В. фон Валя и извещение Общества взаимного кредита о состоянии отчета фон Валя»	25.02. 1901-1909
			48	«Доверенность А.М. Синклер своему зятю В.В. фон Валю на управление недвижимым и движимым имуществом»	18.09. 1909
Документы, отложившиеся во время служебной деятельности В.В. фон Валя					

По должности харьковского губернатора	9	5	9	«Письмо В.В. фон Валя министру МВД Л.С. Макову о волнениях студентов Харьковского университета»	17.03. 1879
По должности витебского губернатора			10	«Письма анонимные / неустановленных лиц В.В. фон Валю о взяточничестве и казнокрадстве витебских губернских чиновников»	1880
По должности виленского губернатора			13	«"Вильна", воспоминания В.В. фон Валя о своей деятельности в должности виленского губернатора и фотография гостиной в доме фон Валя в г. Вильна»	Не ранее 1905
Итого:	50	25			

** Таблица составлена по данным электронной описи РГИА.*

В качестве примера, продолжая «тему анонимных доносов», можно привести несколько выдержек из сохранившихся документов губернатора В.В. фон Валя (РГИА. Ф.916. Оп.1. Д.10. Л.10-11 и Л.27-28 об., Л.29-30, 32-32 об. «Письма анонимные / неустановленных лиц В.В. фон Валю о взяточничестве и казнокрадстве витебских губернских чиновников»).

Так в деле имеется анонимная жалоба на уездного предводителя дворянства – А.И. Ренгартена, за то, что он совместно с евреями открыл корчму, освободил евреев от воинской повинности, а также растрачивает крестьянские деньги. Ну а тому, кто осмеливается ему перечить: «пугает родством, связями всех Ренгартенов, хвастаясь, что и губернатор их боится» (РГИА. Ф.916. Оп.1. Д.10. Л.10).

Стоит отметить, что на представителей еврейского народа в данном деле имеется существенное количество анонимных доносов, таких как «жалоба на еврейского старосту и сборщика налогов Займана М. Келима за взяточничество, укрывательство от воинской повинности, злоупотребление служебным положением» или «жалоба на купца Бориса Быховского за злоупотребление и распространение слухов за получение подряда у В.В. фон Валя» или «жалоба на польских чиновников, которые разрешают евреям торговать под русскими именами (РГИА. Ф.916. Оп.1. Д.10. Л.27-28 об., Л.29-30, Л.32-32 об.) и др.

Представленные в таблице данные дают понять, что архивных документов, относящихся к жизни и деятельности В.В. фон Валя не столь много – всего 25 из 50 единиц хранения. Наиболее обширно представлена здесь семейная переписка и переписка по имущественным делам фон Валя и членов его семьи. Документы, относящиеся к служебной деятельности, ограничиваются 5 единицами хранения. Однако нужно отметить, данные

документы представляют огромный интерес для исследования повседневности фон Валя, раскрывая особенности взаимоотношения губернатора с чиновниками обозначенных губерний. В целом же, личный фонд В.В. фон Валя, располагающийся в РГИА, может представлять особый интерес для исследователей-биографов, поскольку обширная семейная переписка фон Валя и членов его семьи дает возможность осветить частную жизнь В.В. фон Валя, находящуюся до настоящего времени в малоисследованном состоянии.

Для освещения частной жизни В.В. фон Валя, а так же для представления служебной деятельности с точки зрения самого Виктора Вильгельмовича, во многом поможет хранящийся в ОР РНБ его личный фонд «Валь Виктор Вильгельмович фон». Несмотря на то, что фонд сам по себе довольно «скромный», по сравнению с фондом ГАРФ, только 31 единица хранения, документы, хранящиеся в нем, представляют значимый интерес для историков.

Как и для предыдущих фондов, целесообразно будет применить для архивных документов следующую классификацию: документы личного происхождения – 23 единицы хранения и документы, собранные В.В. фон Валем с какой-либо целью, нам, к сожалению, не известной – 8 единиц хранения.

Первая группа, в свою очередь тоже может быть разделена на две подгруппы.

Во-первых, это воспоминания В.В. фон Валя о службе в Царстве Польском, а также о службе в должности губернатора в Харьковской, Витебской, Подольской, Волынской губерниях. Архивные материалы этой подгруппы могут представлять колоссальный интерес для исследователей-биографов, а также дают возможность проследить развитие политической обстановки в Российской империи второй половины XIX века с точки зрения непосредственного представителя коронной власти. Дополнением для этого может являться и то, что в фонде помимо дневниковых записей присутствует различные документы (подлинник и копии), относящиеся к служебной деятельности фон Валя. Эти документы вполне можно использовать для изучения истории повседневности российского чиновника в обозначенный период. Однако, сложность при изучении документов может составить тот факт, что часть источников представлена на немецком или французском языках, что может замедлить работу исследователя.

Во-вторых, это документы, относящиеся к творческой деятельности фон Валя или отражающие его личные интересы в сфере культуры.

Вторая группа – документы собранные В.В. фон Валем, здесь представлены копии манифестов Императора, вырезки из периодических изданий, некрологи.

Для наилучшего представления обозначенные группы и примеры дел представлены в Таблице 3 (Таб.3).

Таблица 3

Классификация документов личного фонда В.В. фон Валя (ОР РНБ)

Наименование группы	№ дела	Название дела	Кол-во листов	Крайние даты
Документы личного происхождения				
Воспоминания и приложения	1	«Erinnerungen aus den Jahren 1863-1864 in Polen (Воспоминания о годах 1863-864 в Польше)», на нем.яз.	74	1864
	2,3, 4,5	«Erinnerungen №1; Erinnerungen №2; Erinnerungen №3; Erinnerungen №4 (Воспоминания), 4 тетради», на нем.яз.	97; 99; 143+9 накл.; 29	1874; 1874-1875; 1875; 1877
	9	«Приложения к запискам по Витебской губернии (Письмо ген. Ф.Ф. Трепова к В.В. фон Валю, из записок П.Ф. Кобеко – председателя Витебской судебной палаты, печатное обращение Исполнительного Комитета «Народной Воли» к Александру III от 10 марта 1881 г. и др. материалы)»	96	1880-1884
Материалы, относящиеся к творческой деятельности	20	«Собрание стихов на современные темы. Ч.1 (Кроме стихов В.В. фон Валя в «Собрание» вошли стихи Н.Н. Всеволожского и др. авторов»);	75	1890-е
	21	«Собрание стихов на современные темы. Ч.2 (Кроме стихов В.В. фон Валя в «Собрание» вошли стихи В.П. Мятаева, К.Р. и др.авторов)»	62	1890-е
Прочие документы, сохраненные В.В. фон Валем				
Копии манифестов, газетные вырезки и пр.	24	«Манифест Александра III от 24 апреля 1881 г. Копия конца XIX в.»	3	1881
	27	«Коппе Франсуа, поэт. Pour les Polonais de Sibйrie Au tsar Nicolas II. Открытое письмо на фр.яз. Вырезка из газеты „Тан”»	1	---
	31	«Газетные вырезки разные (статья «Униатский вопрос» из «Нового Времени», о холере в Астрахани в 1892 г., заметка о В.И. Лихачеве и др.)»	5	1892-1906

** Таблица составлена по данным электронной описи ОР РНБ.*

В качестве примера, отходя от служебной документации, к рассмотрению предлагаются материалы, относящиеся к творческой деятельности В.В. фон Валя, а именно ОР РНБ. Ф.127. Оп.96. Д.20. Л.5, Л.18 «Собрание стихов на современные темы. Ч.1 (Кроме стихов В.В. фон Валя в «Собрание» вошли стихи Н.Н. Всеволожского и др. авторов»).

Приведем один из них:

«Узрев сумбур Российских Драм,

Толстой все справить захотел

И взял в помощники правления своего

Заику, Плеве – Дурново!

Но и при них Россия не толстеет;

Все заикается, плюётся и дурнеет!»

(ОР РНБ. Ф.127. Оп.96. Д.20. Л.5).

Или запись, сделанную по случаю назначения Великого Князя Сергея Александровича Московским генерал-губернатором: «Была Москва на семи холмах, теперь же стоит на бугре» (ОР РНБ. Ф.127. Оп.96. Д.20. Л.18).

К сожалению, приведенные здесь стихотворение и цитата не имеет авторской подписи и не совсем ясно, принадлежат эти мысли непосредственно В.В. фон Валю или автор кто-то другой. Но тот факт, что эти материалы были фон Валем записаны и сохранены, говорит о его заинтересованности к представленной тематике.

Таким образом, мы видим, что личный фонд В.В. фон Валя, хранящийся в ОР РНБ, представлен в большей массе мемуарными источниками, что представляет широкий интерес для исследователей. Не менее важны и документы, собранные фон Валем, поскольку могут помочь представить развитие событий в государстве, политическую обстановку и отношение чиновников государственного аппарата к происходящему.

В довершение, хотелось бы также отменить и фонд «Канцелярия курского губернатора. 1797-1917 гг.», расположенного в Государственном архиве Курской области. Данный фонд не даст нам в полной мере представления о частной жизни В.В. фон Валя, но поможет освятить одну из сторон повседневной служебной деятельности российского губернатора. Указы, циркуляры, переписка губернатора с членами административного аппарата, прошения и ходатайства о приеме или переводе на службу, все это как нельзя лучше показывает, как и каким образом могли организовывать свою службу губернаторы и какие меры ими принимались по улучшению качества жизни в губернии.

Подводя итог, хотелось бы еще раз отметить значимость архивных фондов для исследователей. Наличие же трех личных фондов В.В. фон Валя, а также возможность использовать документы курского архивохранилища, архивов Беларуси, Украины, делает фигуру фон Валя достаточно привлекательной для исследователей, работающих в области истории повседневности, антропологии или исторической биограифики. Интересен будет архивный фонд В.В. фон Валя для изучения политической и экономической жизни в Российской империи во второй половине XIX века, в частности в фондах фон Валя имеются документы, касающиеся революционного движения в Империи, восстания в Царстве Польском в 1863-1864 гг., крестьянских волнений, экономического развития губерний. Без сомнений, эти источники могут стать отличным дополнением для исторического исследования.

Тот факт, что документы, находящиеся в архивных фондах являются до сих пор мало востребованными и не введены в научный оборот, вызывает еще больший профессиональный интерес к жизни и деятельности В.В. фон Валя – неординарного государственного деятеля Российской империи последней четверти XIX – начала XX века.

Список литературы

1. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1877 год. СПб., 1877. Ч. II. 430 с.

2. Валь (Wahl) Виктор (Виктор Карл Конрад Вильгельм) Васильевич (Вильгельмович) фон (1840–1915 гг.), государственный и военный деятель, генерал от кавалерии. Энциклопедия немцев России [Электронный ресурс]. URL: https://enc.rusdeutsch.ru/articles/1858 (Дата обращения: 11.09.2021).

3. Виктор Вильгельмович фон Валь – градоначальник Санкт-Петербурга в 1892-1895 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://konkretno.ru/2003/12/01/viktor_vil_gel_movich_fon_val__gradonachal_nik_Sankt-Peterburga_v_18921895_gg.html (Дата обращения: 11.09.2021).

4. Длуголевский Я.Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга-Петрограда. Генерал-губернаторы, гражданские губернаторы, генерал-полицмейстеры (обер-полицмейстеры), градоначальники. СПб., 2001. С. 365.

5. Максимовский М.С. Исторический очерк развития Главного инженерного училища 1819-1869 гг. СПб., 1869. С. 138.

6. Радченко М.Л. Служебная повседневность губернатора Российской империи конца XIX – начала XX вв. (на примере деятельности губернатора В.В. фон Валя): дис...канд. истор. наук. Белгород, БелГУ. 2021. 231 с.

7. Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М.: Русский путь, 2002. 504 с.

CHARACTERISTICS AND INFORMATION FIELD OF V.W. VON WAHL'S PERSONAL FUNDS (1840-1915)

The article presents an overview of archival documents of Viktor W. von Wahl, a statesman of the Russian Empire in the second half of the XIX century. There are not so many works devoted to the life and work of V.W. von Wahl at the moment. Despite the fact that von Wahl's career path was very interesting and we have at our disposal three personal funds of Viktor W., which have not yet been sufficiently introduced into scientific circulation, which are of undoubted interest to researchers. In order to attract the interest of historians and researchers to the personality of V.W. von Wahl, his official activities, career achievements, as well as to the private side of life, I have attempted to present a brief overview of the personal funds of V.W. von Wahl. To achieve the goals and objectives set by me, the method of analysis and synthesis, comparative historical and statistical

methods, including the principles of objectivity, consistency and historicism, were used. In the process of writing the article and researching the database of the SARF, the RSHA and the collections of the Russian National Library, a set of documents stored in these archives, affecting various aspects of the life and work of V.W. von Wahl was analyzed. The analysis of V.W. von Wahl's personal funds made it possible to divide the available documents into several thematic groups (sources of personal origin; deferred during official activity; documents saved by von Wahl, for a reason unknown to us). A review of V.W. von Wahl's personal funds makes it possible to characterize not only the personality and official activities of V.W. von Wahl, but also to consecrate the issues of the revolutionary movement in the Russian Empire during the designated period, the Polish uprising of 1863-1864, the administrative structure of the Russian provinces.
Keywords: V.W. von Wahl, governor, mayor, SARF, RSHA, RNL, archive, personal fund, sources, A.N. Myasoedov.

References

1. Adres-kalendar' (1877). Obshchaja rospis nachalstwujushchih i prochih dolzhnostnih liz po vsem uprawleniham v Rossijskoi imperii na 1877 god [Calendar address. General list of commanding and other officials for all departments in the Russian Empire for 1877]. St. Peterburg. Chast' II. 430 s.

2. Wahl Viktor (Viktor Karl Konrad Wilhelm) Vasilyevich (Wilhelmovich) von (1840-1915) gosudarstwennij I voennij dejatel' general ot kavalerii. Enziklopedija nemzev v Rossii [Wahl Viktor (Viktor Karl Konrad Wilhelm) Vasilyevich (Wilhelmovich) von (1840-1915), statesman and military figure, general of cavalry. Encyclopedia of Germans of Russia]. Retrieved 11 September, 2021 from https://enc.rusdeutsch.ru/articles/1858.

3. Viktor Wilhelmovich von Wahl – gradonachal'nik Sankt-Peterburga v 1892-1895. [Viktor Wilhelmovich von Wahl – the mayor of St. Petersburg in 1892-1895]. Retrieved 11 September, 2021 from http://konkretno.ru/2003/12/01/viktor_vil_gel_mo-vich_fon_val__gradonachal_nik_Sankt-Peterburga_v_18921895_gg.html.

4. Dlugolevsky Ya.N. (2001). Voenno-grazhdanskaja I polizejskaja vlast' Sankt-Peterburga-Petrograda. General-gubernatori, grazhdanskie gubernatori. General-polizmejsteri (ober-polizmejsteri), gradonachal'niki [Military-civil and police authorities of St. Petersburg-Petrograd. Governors-General, civil governors, police officers-general (chief police officers), mayors]. St. Peterburg. S. 365.

5. Maksimovsky M.S. (1869). Istoricheskij ocherk raswitija Glawnogo inzhenernogo uchilishcha 1819-1969 [Historical sketch of the development of the Main Engineering School 1819-1869]. St. Peterburg. S. 138.

6. Radchenko M.L. (2021). Sluzhebnaja powsednewnost' gubernatora Rossijskoj imperii konza XIX – nachala XX vv. (na primere dejatel'nosti gubernatora W.V. von Wahl): dis...kand. istor. nauk. Belgorod. BelGU. 231 s.

7. Rutych N.N. (2002). Belij front generala U'denicha: Biografii chinov Severo-Zapadnoj armii [The White Front of General Yudenich: Biographies of the ranks of the North-Western Army]. M.: Russkij put'. 504 s.

Об авторе

Радченко Маргарита Леонидовна– кандидат исторических наук, Белгородский инженерный юношеский лицей-интернат (Россия), E-mail: mirra.1991@mail.ru

Radchenko Margarita Leonidovna – Candidate of Sciences (History), Belgorod Engineering Youth Boarding Lyceum (Russia), E-mail: mirra.1991@mail.ru

УДК 39

Степанова О.Б., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия)

К ИСТОРИИ ИЗМЕНЕНИЙ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ (XX-XXI ВВ.)

В статье рассматриваются технические новшества, пришедшие в традиционный быт северных селькупов в советский и постсоветский период, а также порождаемые ими новые социальные связи. Изучаемые вопросы трансформаций селькупской традиции относятся к сфере фундаментальной науки и одновременно стоят в ряду актуальных вопросов современности. Работа проводилась главным образом методом полевого исследования и строилась на основе полевых материалов автора, собранных посредством нескольких экспедиций к северным селькупам. Тема технических обновлений в традиционном хозяйстве северных селькупов до сих пор не имела отдельного исследования, в чем заключается новизна работы. В ходе исследования выявлялись технические средства, присутствующие в разных сферах жизни современных кочевых селькупов, устанавливалось примерное время их появления в селькупском хозяйстве, а также изучалось влияние, которое они оказывали на традицию. В результате исследования были сделаны следующие выводы. Технические новшества начали приходить в быт селькупов в период советской реорганизации селькупской экономики. Проводниками новшеств выступали кооперативные общества, колхозы, совхозы и леспромхозы, а в постсоветский период агропредприятия и районные отделы по делам коренных малочисленных народов Севера. Среди главных технических средств, используемых современными селькупами, следует назвать лодочные моторы, снегоходы, дизельные миниэлектростанции, бензопилы, сварочные аппараты. В зоне доступа кочевых селькупов находятся также техсредства, принадлежащие сельхозпредприятиям, ЖКХ поселков и лично поселковым жителям. Техника, пришедшая в селькупские лесные хозяйства, не нарушила основ традиции, но значительно облегчила тяжелый традиционный быт. Приобретение, эксплуатация и ремонт технических средств способствовали установлению новых социальных связей внутри селькупского сообщества и между селькупами и внешним миром, что стало одним из факторов выхода селькупской экономики из изоляции, в которой она находилась в досоветские времена, а также смены ей натуральной формы на рыночную.

Ключевые слова: северные селькупы, традиционное хозяйство, технические новшества, социальные связи, этническая история советского периода.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-235-248

Многие северные селькупы сегодня продолжают вести традиционный образ жизни, однако это не значит, что их жизнь не обновляется. Как всякое проявление жизни общества, любая, даже хорошо сохраняющаяся традиция со временем меняется. Статья изучает одну из линий трансформации селькупской хозяйственной традиции, а именно – пришедшие

© Степанова О.Б.
© Stepanova O.B.

в традиционный селькупский быт технические обновления. Изучение традиционной культуры селькупов лежит в плоскости фундаментальной науки, и в то же самое время относится к актуальным проблемам современности – оно сохраняет традиционную культуру для молодых поколений народа.

Новизна исследования технических обновлений в селькупской традиции заключается в том, что данный вопрос до сих пор никем не рассматривался. Основным методом исследования был метод полевой работы. В ходе экспедиции в Красноселькупский район Тюменской области на селькупских стойбищах отслеживались новые технические средства и оборудование, в беседах с информантами собиралась информация об истории появления и использовании технических новшеств. Также выявлялись отношения/связи между локальными сообществами селькупов, которые устанавливались или прекращались под влиянием этих новшеств. К исследованию привлекался ряд научных работ, содержащих отдельные сведения по теме.

Временные рамки исследования – со второй четверти XX в. по наши дни. Вторая четверть XX века выбрана в качестве нижней границы рассматриваемого периода, поскольку технические средства стали проникать в селькупский быт примерно с этого времени, их появление – первоначально в общественном пользовании – соотносится с советским реформированием селькупской экономики.

До прихода советской власти селькупы, особенно тазовские, жили удаленно и изолированно. Связь их с внешним миром была очень слабой и осуществлялась через населенные пункты, где можно было сдать пушнину и купить муку, мануфактурные товары и боеприпасы. Однако, по свидетельству К. Доннера [1], тазовские селькупы к хлебу привычки не имели и обходились, как правило, без него, а по замечанию В.Н. Скалона [2], большая часть селькупов и не имела возможности доехать до населенных пунктов, где находились магазины, потому что не располагала нужным для поездок количеством оленей. Боеприпасы для ружей тоже не были столь необходимы селькупам – в первые три десятилетия XX в. селькупы продолжали активно пользоваться луком и стрелами. Данный факт подтверждается находками сохранившихся до относительно недавнего времени луков и стрел на могилах селькупских кладбищ, положенных туда в качестве погребального инвентаря, а также данными фольклора, в которых огнестрельное оружие отсутствует [4].

Советская власть нарушила селькупскую изоляцию и массированно вторглась в жизнь селькупов. В пунктах, приближенных к местам проживания кочевников, открылись фактории, где они могли обменять пушнину на товары. При факториях образовывались первые родовые советы, открывались кооперативные общества, школы и фельдшерские пункты. К селькупам на работу поехали учителя, врачи и инструкторы разных мастей. Из членов

кооперативных обществ создавались первые производственные объединения, переросшие затем в колхозы. К 1941 г. коллективизация у селькупов завершилась. В колхозах селькупы познакомились с первыми техническими средствами, работающими на двигателе внутреннего сгорания – моторными рыболовными судами, тракторами и самолетами. Эта техника была задействована главным образом в отрасли промышленного рыболовства, которая с 1930-х гг. интенсивно развивалась на берегах Таза. Работой в рыболовной отрасли была охвачена основная часть селькупского населения. Занимаясь промышленным рыболовством, селькупы участвовали в коллективном использовании новых технических средств. В 1950-х гг. моторные суда и самолеты осуществляли также для пассажирские перевозки [3].

Первым техническим новшеством, которое закрепилось в личных хозяйствах селькупов, были нарезные охотничьи ружья. К 1960-м гг. такие ружья стали селькупской повседневностью и заменили функционально соответствующие им луки и редкие и неудобные гладкоствольные дробовики. Старые орудия охоты сделались предметом личного имущества умерших охотников в погребальном обряде и объектом селькупской памяти.

– *Раньше медведи нападали на человека, поэтому на всякий пожарный случай всегда на хорей копье надевали. А раньше было такое ружье – сверху пока заряжаешь, капсюль поставишь, потом порох нальешь, потом дробь меркой отмеришь... А стрелять враз надо, а вы не успеваете. Поэтому специально такие копья держали, про запас* (ПМА 2021).

В приобретении ружей селькупам помогали кооперативные общества и колхозы. Многие селькупы до сих пор пользуются ружьями, сохранившимися с советских времен.

– *Какого года у вас ружье? – Новому лет двадцать пять. А это мелкашка, мелкокалиберная винтовка, она старше меня, мне кажется. Это материно ружье. Там клеймо, на нем дата выпуска должна быть выбита... 1962 г. ТОЗ – Тульский оружейный завод. Это ружье, когда мы стояли на этом..., отец приобрел. Это в колхозе выдавали. Боеприпасы к нему в магазине продаются. – Вы этим ружьем пользовались? – Каждый год, постоянно пользуюсь* (ПМА 2021).

Источники сообщают, что в начале 1960-х гг. каждая рыболовецкая бригада на Тазу уже была оснащена моторной лодкой, первый хорошо запомнившийся всем информантам подвесной мотор назывался «Ветерок». Сколько времени заняло распространение моторной лодки по всем селькупским хозяйствам, сказать трудно. Думается, в 1970-е гг. моторы были уже у всех, кто не был их противником, т.е. были доступны уже всем селькупам. В 1990-е гг. случился экономический кризис, и использование моторов резко сократилось – у большинства селькупов не имелось денег ни на бензин, ни на ремонт и приобретение новых моторов. Зато примерно к 2015 г. на всех

старых дюралевых лодочных корпусах селькупов уже стояли новые импортные моторы мощностью не менее 25 ЛС, самым популярным мотором был мотор мощностью 40 ЛС, но некоторые селькупы были владельцами моторов в 45, 60 ЛС. Показателем масштабов прогресса в сфере личного водного транспорта селькупов служит сравнение мощности их современных моторов с мощностью «Ветерка», которая составляла 6-8 ЛС. В течение названного периода кто-то из селькупов получал мотор от сельхозпредприятия, на котором работал, кто-то от районного Отдела по делам КМНС[1] – безвозмездно или с условием выкупа в рассрочку, а кто-то покупал мотор сам. Были и есть варианты награждения мотором победителя оленьей гонки на Днях оленевода (за второе или третье место) или премирования им за ударную работу на сельхозпредприятии, приуроченного ко Дню рыбака или к другим национальным праздникам. Но, надо сказать, что когда стал возможен полноценный промысел соболя (популяция соболя окрепла и расширилась в районе к концу 1990-х гг.), моторы массово приобретались селькупами на средства, вырученные на этом виде охотничьего промысла [5, 6, 7].

Моторные лодки давно и прочно вошли в быт селькупов и стали неотъемлемой частью селькупской системы жизнеобеспечения. Без них – когда мотор сломан или нет бензина – селькупы пересаживаются на традиционные ветки (лодки-долбленки), но только для осуществления самого минимума жизненно важных перемещений – как правило, на небольшие расстояния, чтобы, например, проверить сети или заправить дымокур на стойбище. Согласно полевым материалам, ветки пока есть почти на каждом стойбище, и не перевелись еще мастера, умеющие их изготавливать. Некоторые селькупы осмысленно предпочитают проверять рыбу в сетях на ветке – «потому что так удобнее». Весла для веток селькупы часто используют в моторных лодках, а весла специально для моторных лодок по традиции самостоятельно изготавливают из дерева (ручка у них немного длиннее, чем у весел для веток). Интересным видится замечание, что у большинства дюралевых лодочных корпусов селькупов давно пришло в негодность и даже просто отсутствует заводское водительское кресло (сидение). Компенсируя утраты, селькупы ставят в лодку школьные стулья, ящики и кладут на них или на оставшийся от кресла железный каркас куски толстого пенопласта, тем же способом они «конструируют» сиденье пассажира сбоку от водителя. Это замечание относится к вопросу использования в селькупском хозяйстве новых материалов.

Рассматривая ситуацию с лодочными моторами, нельзя не сказать о бензине, на котором они работают, стратегической для сель-

[1] КМНС – коренные малочисленные народы Севера.

купов «горючке». Проблемы с бензином в на Верхнем Тазу имеют две причины: нет средств на его покупку (сейчас это случается не так часто, как в 1990-е и 2000-е гг.) и нет бензина на «заправках» в поселке Ратта и, реже, в поселке Толька. Бензин в Тольку и Ратту завозят летом, по реке, в объемах, ограниченных возможностями баржи-бензовоза. В 2017-2019 гг. (а возможно и раньше) в Ратте вообще не было заправки, и раттовские селькупы были вынуждены ездить заправляться в Тольку, расходуя на дорогу почти весь купленный (и вовсе недешевый) бензин. Впоследствии заправку в Ратте открыли, но в 2021 г. бензин на ней и на заправке в Тольке закончился уже к 6 сентября. По прикидкам селькупов, баржа-бензовоз, отправившись из Ратты, где она стояла, в Красноселькуп и загрузившись там бензином, при самых оптимистических погодных прогнозах, могла вернуться в Ратту лишь перед самой шугой. Вероятнее всего, в Ратту она доплыть уже не успевала, но селькупы соглашались и с тем, что она успеет дойти хотя бы до Тольки. Без бензина качество жизни селькупов резко падает – когда нет возможности передвижения, сразу же начинаются сбои в селькупской системе жизнеобеспечения. Бензин в Тольке и Ратте был в дефиците всегда. Когда-то он отдельно выдавался работникам бывшего совхоза, а впоследствии агрофирмы Толькинской, другим людям его нужно было выпрашивать в администрации села. Причем в 2000-х гг. в Тольке и Ратте просить приходилось у самого сельского главы. В третьем варианте, с которым сталкивалась автор, его нужно было выпрашивать у Верхне-Тазовского заповедника, который в Ратте имеет свою контору и т.д. Похожие трудности с получением бензина автор наблюдала в селькупских селах Фарково на Турухане и Толька Пуровская в верховьях р. Толька. Взятие бензина в долг у родственников и соседей – повсеместная и самая распространенная селькупская хозяйственная процедура. Если искать предмет из разряда новшеств, посредством которого устанавливается наибольшее количество социальных связей, то бензин точно будет стоять на первом месте. К слову, селькупские моторы могут работать и на газоконденсате, но это «уже совсем другая история».

В 1980-х гг. в районе проживания селькупов появились первые снегоходы. Появление каких-то новых технических средств, в данном случае снегоходов и моторных лодок, вовсе не означает, что селькупы стали тут же массово их использовать. Между первым появлением и массовым использованием проходило 10-20 лет, и срок этот зависел от стоимости технического средства. Нужно также помнить, что вслед за 1980-ми годами последовали 1990-е годы – период экономического кризиса, который поставил селькупов на грань кромешной нищеты. Можно сказать, что подавляющее большинство селькупов обзавелось снегоходами лишь к середине 2000-х гг., а то и к концу первого десятилетия XXI

в. Думается, что аналогичный путь к прописке на селькупских стойбищах прошли дизельные миниэлектростанции.

Новшествам у селькупов открывала двери только молодежь, старики крепко держались за традиции и старые, привычные вещи. Во время экспедиционной работы были записаны рассказы о привязанности многих стариков-селькупов к оленьим упряжкам и нежелании пользоваться снегоходами.

— *Снегоходы нам предлагали, но такие, как были, не надо нам. Раньше бураны короткие были, у них ужас, как лыжа сделана была. Ставка там повыше была. — Вы ездили на снегоходе? — Я один раз, Ю.И. позвал, я боялся, тихонько, как человек идет, я тоже так ехал. Потом мне говорили — возьмешь? Я отказался, у меня транспорт на четырех ногах есть* (ПМА 2021).

Появление снегоходов многое изменило в селькупских хозяйственных занятиях. Скорость передвижения на снегоходах быстрее, чем на оленях, снегоход никогда не устает, не болеет, не теряется. Обслуживание снегоходов куда проще содержания оленей. Сборы в поездку на снегоходе проходят быстрее.

— *Вы ездите на оленях?— Да. — А на снегоходах? — Да. — В каких случаях ездите на оленях, и в каких на снегоходах? — Когда быстрее надо — на снегоходе, а когда с удовольствием — на оленях. Только оленей надо еще поймать. Пока туда-сюда, их поймаешь, запряжешь, время пройдет. А снегоход гораздо легче в использовании* (ПМА 2021).

Снегоход заменил оленей на охоте — на нем теперь осуществляется добыча соболя гоном, и при переездах — если к снегоходу прицепить корыто (санки), его грузоподъемность становится намного больше грузоподъемности нарт, зависящей от выносливости оленей. На снегоходах проще пробивать дорогу в глубоком снегу. По вскрывшейся после схода снега земле, в распутицу, на снегоходе можно ездить также как на оленьей упряжке. В экспедиции 2021 г. автор стала свидетелем, как на снегоходе — летом — перевозили тяжелый груз по грунтовой дороге от реки к стойбищу, и сама шла потом по следам от его гусениц.

Из проблем, связанных со снегоходами, нужно назвать их техобслуживание/ремонт и приобретение бензина. Несмотря на то, что проблемы эти иногда бывают очень существенными и трудноразрешимыми, процесс их преодоления способствует развитию коммуникации, устанавливает связи между локальными селькупскими и не селькупскими сообществами. Здесь имеются в виду поездки владельцев снегоходов в ближайшие поселки за бензином и запчастями, а также практика заказа и передачи запчастей через знакомых (передающая цепочка иногда бывает очень длинной и не очень надежной) из тех населенных пунктов, где эти запчасти продаются. Не всегда удается найти нужную запчасть в соседнем хозяйстве или в ближайшем поселке, часто — это зависит от марки снегохода — приходится покупать ее в крупных населенных пунктах, заказывать ее у

кого-то, кто там живет, и просить передать через третье лицо, которое летит туда и обратно по каким-то своим делам и т.д. Примечательно, что никто никого при этом не пытается «отблагодарить» – все знают, что когда сами окажутся в похожей ситуации, им таким же образом помогут.

– *Я Юре завтра позвоню, он тебе конусный подшипник даст, ты на обратном пути завезешь, у меня конусный подшипник на валу рассыпался* (ПМА 2021).

Приобретают снегоходы селькупы по тем же схемам, что и лодочные моторы. На Днях оленевода снегоходом награждают победителя, занявшего первое место в оленьей гонке. Практически у всех селькупов за очень редким исключением снегоходы отечественного производства.

Летом на снегоходах селькупы ездят редко. Чтобы ценную технику не поливало летними дождями, для снегоходов стали строить отдельные навесы и гаражи. На некоторых больших стойбищах скапливается до 10 единиц этой техники.

Когда селькупская экономика вышла из кризиса 1990-х гг. в строительстве домов и возведении хозяйственных сооружений на стойбищах селькупы стал применять электроинструмент и электрооборудование – бензопилы, болгарки, электрорубанки, электроточила, пилорамы и т.д. Электропитание инструменту и одновременно системе освещения стойбищ дают дизельные мини-электростанции, распространение которых на стойбищах относится к этому же времени. Однако примечательно, что, как известно автору, своя пилорама имеется пока только на одном стойбище. Остальные селькупы доски для строительства изготавливают с помощью бензопилы или привозят из поселков. Незаменимой бензопила стала при заготовке дров.

Дизельные электростанции позволили почти всем «лесным» селькупам обзавестись своими сварочными аппаратами. Определенная необходимость в сварке железных вещей у селькупов существовала уже давно, с тех пор, когда в их хозяйствах появились железные печки. С печками из листового железа селькупы тоже познакомились в колхозах, оттуда они пришли на селькупские стойбища и обогревали сначала чумы, землянки и палатки, а потом также и дома. Первоначально селькупы сами «вырезали и сворачивали/сгибали» печки из продающегося в колхозных и совхозных магазинах тонкого железного листа («ставили на чурку и подбивали»). Стыки краев конструкции обычно выводили наверх и скрепляли – «прижимали щипцами» или «пробивали тут» и ставили скрепку. Особенно трудно было сворачивалась железного листа печная труба. Ковка, которой традиционно владел каждый селькупский хозяин, в скреплении краев печки была не применима, а сварка для этой технологической операции подходила идеально. В совхозные времена услуги сварки оказывали селькупам работающие вблизи них бри-

гады лесозаготовителей, в которых были как «дизельные генераторы» и сварочные аппараты, так и профессиональные сварщики. Между селькупами и бригадами лесозаготовителей устанавливались отношения обмена. Лесозаготовители оказывали селькупам услуги по сварке или привозу железных печек, труб, моторов, делились с ними бензином и фабричными продуктами, селькупы расплачивались лосиным мясом и собольими «хвостами».

В 2000-х гг. районные отделы по делам КМНС и окружная организация «Ямал потомкам» стала выдавать кочевым селькупам готовые печки из толстого железного листа, но они тоже иногда требовали сварки. При отсутствии своего сварочного аппарата, селькупы обращались к родственникам или соседям, что интенсифицировало между селькупами социальные связи.

— Где вы эту печку брали?— «Ямал потомкам» выдал. — Он привез готовую? — Да, а дверца не такая была, дверцу мы уже сами переделали, сначала такая квадратненькая была, неудобная. — А сварку где брали? — Мы в Кикки-Акки печку возили. Зятек там варил, в Кикки-Акках. Для палатки печку тоже он для нас сваривал. Увез и привез там. Это давно было, когда мы на Ширте жили (ПМА 2021).

Когда все селькупские хозяйства обзавелись сварочными аппаратами и освоили технологию их использования, социальные связи, происходившие из необходимости что-нибудь сварить, прекратились. Сварка при этом заняла почетное место в ряду технических и технологических новшеств, пришедших в селькупское традиционное хозяйство в рассматриваемый период.

Во время экспедиции 2021 г. в селькупских лесных хозяйствах была зафиксирована распространенная практика приспосабливания старых вещей к ремонту и изготовлению новых. В первую очередь это касается старой и неподлежащей ремонту техники, которая не утилизируется, а используются для ремонта действующей техники, многие ее части приспосабливаются для ремонта или создания других хозяйственных предметов. Хозяин каждого стойбища умеет мастерить, переделывать, работая с самыми разными материалами и используя множество доступных ему технологий. Каждый хозяин сам себе Кулибин и мастер на все руки — архитектор, инженер, дизайнер, плотник, столяр, слесарь, кузнец и т.д. Автор считает, что такое отношение к старым вещам, частям и деталям которых селькупы дают вторую жизнь, полагая, что «в хозяйстве все сгодится», указывает на долгий период изоляции, который селькупы пережили в прошлом.

В панораме каждого без исключения стойбища можно увидеть разбросанные по территории многочисленные самодельные тележки, тачки — на одном, двух, трех и четырех колесах, санки-волокуши, санки-корыта для снегоходов, их очень много, сделаны они из старых, отслуживших свой срок вещей — снегоходов, детских

колясок, велосипедов, мотоциклов и т.д., дополнением их конструкции служат деревянные части. Старая техника для этих поделок часто привозится на стойбища от родственников из поселков. Тележки, тачки, санки-волокуши и санки-корыта для снегоходов – новые предметы, которые облегчают тяжелый традиционный быт.

К новым предметам на селькупских стойбищах, «перепрофилированным» из старых вещей, относятся также железные ящики для хранения продуктов и защиты их от грызунов, сделанные из старых холодильников. Сломанные холодильники везут в лес из поселков: на стойбищах холодильники не используются из-за отсутствия постоянной подачи электроэнергии. Аналогично селькупы приспособливают баки от сломанных стиральных машинок – в качестве емкостей для сбора дождевой воды. К слову, в число бытовой техники, работающей на стойбищах, следует включить еще стиральные машинки.

Совсем свежим нововведением, пришедшим на все стойбища и во все охотничьи избушки, относящимся буквально к трем последним годам рассматриваемого периода, являются цифровые телевизоры со спутниковыми антеннами-тарелками. Они «ловят» множество каналов и прекрасно показывают в лесной глуши безо всяких помех. Т.е. в лесных жилищах селькупов появился предмет из разряда развлекательных, не принадлежащий к хозяйственной сфере, не имеющий хозяйственного значения, что для селькупов до сих пор было не характерно. Настроены телевизоры не у всех их владельцев, что указывает на будущую интенсификацию социальных связей для решения проблем с наладкой телевещания.

Электроника представлена в хозяйствах селькупов, ведущих традиционный образ жизни, также спутниковыми телефонами, пришедшими на смену советским рациям. Телефоны два-три года назад выдавал районный Отдел по делам КМНС. В комплекте с некоторыми телефонами шла переносная солнечная батарея, от которой можно заряжать телефон.

Н.П. – От солнечной батареи все по очереди заряжают телефоны теперь. О.С. – Их теперь продают что ли? Н.П. – Нет, выдают, они со спутниками идут, в чемоданчике. Е.И. – Не со всеми спутниками. Н.П. – Еще фонарик можно заряжать. Е.И. – Первая партия, которую раздали, была с солнечными батареями. М.И. – Женя, тебе дали? Е.И. – Да, я в Ратте получил телефон, только без солнечной батареи. О.И. – Наш пятьдесят с чем-то тысяч стоит, те, что без батареи тридцать семь (ПМА 2021).

У каждого селькупа сегодня есть сотовый телефон. Лесные селькупы сотовой связью пользоваться не могут, так как в лесу нет сети, телефоны служат им проигрывающими и записывающими устройствами для аудио, видео и фото файлов. В верхнетазовских поселках телефонная связь работает безупречно, но качество интернета пока оставляет желать лучшего.

Нельзя не заметить, что селькупы, живущие в лесу и ведущие

традиционный образ жизни, имеют тесные связи с ближайшими поселками и часто их посещают. Приезжая в поселок и останавливаясь в собственном доме или в домах родственников, они пользуются всеми поселковыми благами. Среди этих благ в первую очередь следует назвать холодильники и морозильные камеры, где можно замораживать и долго хранить дары природы – рыбу, мясо, грибы и ягоды. В поселковых селькупских хозяйствах, вдобавок к уже перечисленным техническим новшествам есть автомобили с обыкновенными и лодочными прицепами, электродуховки, электрочайники, термопоты, компьютеры и пр. Жители поселков пользуются услугами, предоставляемыми дизельной/котельной, пекарней, авиацией (при выезде их на «материк» количество предоставляемых им технических услуг становится еще больше).

С крупной промышленной техникой селькупы в основном знакомились, когда ловили рыбу для сельхозпредприятий. Автор здесь имеет в виду большие промышленные холодильники – плавучие и береговые, а также скороморозильные камеры. За работой промышленной техники селькупы могли наблюдать, если посещали бригады лесорубов. Некоторым (лесным – речь идет о них) селькупам этого было достаточно, чтобы не на словах, а в действительности разбираться в целом ряде серьезных технических устройств. В экспедиции 2021 г. был записан рассказ-мнение одного селькупа-информанта о решении одной местной проблемы – ликвидации завала на р. Поколька. Рассказ обнаруживает, что информант (инспектор Верхне-Тазовского заповедника), всю жизнь проживший в лесу, не имеющий никаких дипломов кроме школьного аттестата, не только замечательно понимает природную сущность завала (это понятно – он лесной селькуп), но и прекрасно знает, как работает сложная промышленная техника.

Е.И. – Сейчас я поеду, буду напрягать их. Вот сейчас полиспаст сварю, вторую часть, заварю, поеду, мобилизую ребят и будем разбирать вот эти бревна, через которые я прыгал на завале. О.С. – Что вы сварите? Е.И. – Полиспаст, вторую часть. Ну, потом увидишь на завале. Это ролики такие, через которые пропускаются тросы для усиления... О.С. – Это типа лебедки? Е.И. – Да, для усиления лебедки, натяжение лебедки усилить. О.С. – Значит, мы сегодня берем с собой багор, полиспаст... и все это оставим на завале. Потом вы вернетесь с мужиками и попытаетесь расчистить русло, сделать его проходимым. Убрать бревна. Пилить их будете или растаскивать? Е.И. – Вытащить, там течение такое, какая пила. В ту зиму мне экскаватор привезли, надо было трактор, бульдозер привезти, обыкновенный бульдозер, он бы все там разгреб. А экскаватор, что он – цепкает там и все... О.С. – А этот завал разгребали... Е.И. – Экскаватором. О.С. – Зимой или летом? Е.И. – Летом. О.С. – Т.е. экскаватор стоял на берегу, на песке и вытаскивал бревна?

Е.И. – Да. Ну, траншею он прокопал, конечно, хорошо, а вот с обоих концов, где вот въезд и выезд, вот этот вот старый завал, который лежал заметенный землей, экскаватор не смог его выдернуть, просто эти бревна. Он хватает их, силы много, тянет, шланги не выдерживают, гидравлические шланги... То есть он не может выдергивать, он экскаватор, силы-то много, гидронасос работает, а шланги не выдерживают и лопаются, по которым масло бежит, создает давление которое. О.С. – Может быть, лучше зимой, когда там все сковано льдом, взять пилу? Е.И. – Не-не. Е.И. – Просто надо было привезти два трактора. Они привезли два экскаватора, вот вместо них надо было привезти два трактора – один бульдозер, который землю гребет, а второй трелевщик, который с лебедкой. И эти подземные бревна, которые экскаватор не мог выдернуть, через лебедку свободно бы все повыдергивал. У трактора очень мощная лебедка. У него, допустим, если бревно не срывается, трактор встает на дыбы, может опрокинуться даже. А для того, чтобы он не опрокинулся, ставят спереди еще трактор, и цепляют к нему, тот, что с лебедкой. И два трактора тянут уже. Но одно бревно трактор-то может вытянуть. Два трактора целую буровую установку тащат, стоя прямо, в стоячем положении. Лесорубы когда-то на одном мётчике... Проходили, что это такое? О.С. – Да, встречала в литературе упоминания. И что это за судно, чем оно отличается от остальных? Е.И. – Он маленький, маневренный, раза в два больше лодки, на которой мы ездили, у него стоит движок небольшой такой, дизелёк, и у него спереди вот так наварена штуковина, на носу прямо, т.е. не надо бегать с багром, цеплять что-нибудь. Он сразу подъезжает к бревну, втыкается в него, и бревно от него уже никуда не уходит. Потом, он задом может дергать, может развернуться, включить переднюю скорость и дергать вперед. О.С. – Это все особенности мётчика? Е.И. – Да, он очень маневренный. Так вот, они разобрали этот завал и никакие миллионы не тратили никуда. О.С. – Это когда-то раньше было? М.И. – А где его взяли, мётчик? Е.И. – Кадарская(?) бригада когда тут стояла. О.С. – Т.е. завал уже не в первый раз образуется? М.И. – Так это лесорубы? Это в каком году было? Е.И. – В 1979-м. Не первый раз. Этот завал древний. Просто когда его закупоривает до такой степени, что вода не проходит, река в другом месте роет русло и все. И опять забивает (ПМА 2021).

Можно предполагать, что в технике из селькупов столь же хорошо разбирается не один этот информант, потому что каждому главе лесного хозяйства (и не только лесного – поселковые селькупы работают в ЖКХ, где не разбираться в технике невозможно; с другой стороны, многие поселковые селькупы имеют прочную связь с лесом) приходится быть мастером на все руки и все в хозяйстве делать самому, автономно, от и до, в том числе самому разбираться с разными видами и новыми моделями техники для личного пользования.

Итак, в течение второй четверти XX – первого двадцатилетия XXI вв. технические новшества и связанные с ними технологии пришли во все традиционные сферы жизни северных селькупов: в строительство, транспорт, домашний быт и основные хозяйственные занятия. В традиционных селькупских хозяйствах появилось множество новых технических средств, а именно: лодочные моторы, снегоходы, сварочные аппараты, миниэлектростанции (дизельные электростанции), аккумуляторы, бензопилы, пилорамы, болгарки, плазменные телевизоры с антеннами-тарелками и ресиверами, мобильные телефоны, спутниковые телефоны, солнечные батареи, стиральные машинки, насосы, фонари и светодиодные лампы, из уже устаревшего (и лишь у некоторых селькупов) фотоаппараты и т.д.

Жители традиционных стойбищ освоили эксплуатацию и ремонт новой техники, в практику вошло вторичное применение деталей сломанных технических средств при создании бытовых приспособлений. Технические средства, используемые кочевыми селькупами на стойбищах и в поселках, значительно облегчили традиционный селькупский быт. Селькупы-работники сельхозпредприятий и сферы ЖКХ приобрели навыки использования промышленных технических средств и оборудования (поселковых дизельных/котельных установок, электропекарен, современных рыболовных судов, рефрижераторных и скороморозильных установок, бульдозеров, экскаваторов, грузовиков и пр.).

Приобретение, изготовление и ремонт входящих в селькупский обиход новых технических средств и предметов, которые с их помощью изготовлялись, устанавливали и поддерживали множество социальных связей внутри селькупских сообществ и между селькупскими и не селькупскими сообществами. Перечисленные технические новшества, а также связанные с ними социальные отношения, стали одной из причин того, что со второй четверти XX в. селькупская экономика лишилась своей натуральности, перестала быть замкнутой и изолированной от внешнего мира.

Несмотря на все материальные и социальные новшества хозяйства тех селькупов, которые сегодня имеют статус «ведущий традиционный образ жизни», по основным признакам – кочевому хозяйственному циклу и роду хозяйственных занятий – сполна сохраняют свою традиционность. Нововведения не мешают, а помогают селькупам воспроизводить хозяйственные традиции и облегчают селькупский традиционный быт.

Список литературы

1. Доннер К. У самоедов Сибири. Томск: Изд-во «Ветер». 2008. 175 с.
2. Скалон В.Н. Оленеводство в бассейне реки Таза // Советский Север. № 3-4. 1931. С. 70-87

3. Степанова О.Б. Красные селькупы: революционные преобразования среди населения Таза и Турухана // Уральский исторический вестник. № 1. 2018. С.91-100.

4. Степанова О.Б. Материалы по погребальному обряду тазовских селькупов // Радловские чтения, 2005. Тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 165-169.

5. Степанова О.Б. Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник угроведения. № 2. 2018. С. 365-374.

6. Степанова О.Б. Современное положение коренных малочисленных народов Севера в Красноселькупском районе ЯНАО// Сибирь на рубеже тысячелетий: традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. СПб.: Европейский Дом. 2005. С.30-66

7. Степанова О.Б. Социальная политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера в начале XXI в. (на примере северных селькупов)// Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб.: МАЭ РАН. 2017. С. 349-444

TO THE HISTORY OF CHANGES IN THE TRADITIONAL ECONOMY OF THE NORTHERN SELKUPS (XX-XXI CENTURIES)

The article examines the technical innovations that came to the traditional life of the northern Selkups in the Soviet and post-Soviet periods, as well as the new social ties they generate. In the course of the study, the technical means present in different spheres of life of modern nomadic Selkups were identified, the approximate time of their appearance in agriculture was established, and the influence that they had on the tradition was studied. As a result of the study, the following conclusions were made. Technical innovations began to come into the life of the Selkups during the Soviet reorganization of the Selkup economy. The innovators were promoted by cooperative societies, collective farms, state farms and timber industry enterprises, and in the post-Soviet period, agricultural enterprises and regional departments for the affairs of indigenous peoples of the North. Among the main technical means used by modern Selkups are boat motors, snowmobiles, diesel mini-power plants, chainsaws, and welding machines. The technique that came to the Selkup forestry did not violate the foundations of the tradition, but greatly facilitated the difficult traditional life. The acquisition, operation and repair of technical means contributed to the establishment of new social ties within the Selkup community and between the Selkups and the outside world, which became one of the factors behind the release of the Selkup economy from the isolation in which it was in pre-Soviet times, as well as the change of its natural form to a market one.

Keywords: northern Selkups, traditional economy, technical innovations, social ties, ethnic history of the Soviet period.

References

1. Donner K. U samoyedov Sibiri [At the Samoyeds of Siberia]. Tomsk, Veter, 2008, 175.

2. Skalon V. N. Olenevodstvo v basseine reki Taz [Reindeer in Taz Basin]. In Sovetskii Sever, 1931, 3-4, 70–87.

3. Stepanova O.B. Krasnyye sel'kupy: revolyutsionnyye preobrazovaniya sredi naseleniya Taza i Turukhana [Red Selkups: revolutionary changes among the population of Taz and Turukhan]. In Ural'skiy istoricheskiy vestnik, 2018, 1, 91-100.

4. Stepanova O.B. Materialy po pogrebal'nomu obryadu tazovskikh sel'kupov [Materials on the funeral rite of the Taz Selkups]. Radlovskiye chteniya, 2005. Tezisy dokladov [Radlov readings, 2005. Abstracts]. Sankt-Petersburg: MAE RAN, 2005, 165-169.

5. Stepanova O. B. Otnosheniya gosudarstva i korennykh malochislennykh narodov Severa v nachale XXI v. v Krasnosel'kupskom rayone YANAO [Relations between the state and the indigenous peoples of the North at the beginning of the 21st century in the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District]. In Vestnik ugrovedeniya, 2018, 2, 365-374.

6. Stepanova O.B. Sovremennoye polozheniye korennykh malochislennykh narodov Severa v Krasnosel'kupskom rayone YaNAO [The Present Situation of the Indigenous Peoples of the North in the Krasnoselkup District of the YNAO]. In Sibir' na rubezhe tysyacheletiy [Siberia at the turn of the millennium]. Sankt-Petersburg: Yevropeyskiy Dom, 2005, 30-66.

7. Stepanova O.B. Sotsial'naya politika gosudarstva po otnosheniyu k korennym malochislennym narodam Severa v nachale XXI v. (na primere severnykh sel'kupov) [Social policy of the state in relation to indigenous small-numbered peoples of the North at the beginning of the XXI century. (on the example of the northern Selkup)]. In Sotsial'nyye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri [Social relations in the historical and cultural landscape of Siberia]. Sankt-Petersburg: MAE RAN, 2017, 349–444.

Об авторе

Степанова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия).

Stepanova Olga Borisovna – Candidate of Science in History, Senior Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia)

УДК 330.8

Талагаева Д.А., кандидат политических наук, доцент, МГИМО МИД России, г. Москва (Россия)

РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ XIX-XXI ВВ.

В статье предлагается анализ развития представлений о рациональности, заложенных в экономических теориях, которые составляют основу учебного курса «История экономических учений», - начиная с политэкономии эпохи Просвещения и заканчивая современной поведенческой экономикой. Вопрос имеет ключевое значение для преподавания данной дисциплины, так как тезис о рациональности составляет одновременно теоретическую и ценностную основу экономической науки: обеспечивая связь с математикой, он одновременно утверждает определенную модель поведения в качестве нормативной. Исследование использует методы «интеллектуальной истории» и «критической теории», которые интерпретируют научные тексты в качестве «речевых актов», отражающих интересы авторов и совершаемых в рамках определенного социально-политического устройства общества. Акцент делается на значение текста в пределах исторической ситуации, в которой он появился и получил распространение. Главным итогом исследования является представление развития экономических представлений о человеке как развертывание модели рационального эгоиста. Конкуренцию этой модели составили представления об «отчужденном» человеке К. Маркса, а затем – о «психологическом человеке» Дж. Кейнса. Кейнсианская экономика остается основой экономической политики большинства современных стран, но в то же время основные направления современной экономической науки отдают приоритет рационально-эгоистической модели. Преобладание данных моделей может объясняться исходя из культурных приоритетов или же социально-экономической структуры обществ, в которых складываются и получают распространения эти идеи. В то же время, в изложении данных теорий в рамках учебных курсов важно подчеркнуть роль экономики, не только как культурного феномена, отражающего определенную общественную конфигурацию, но и как деятельность, осуществляемую экономистами на двух главных направлениях – прогнозирование и формирование идеологических картин.

Ключевые слова: история экономических учений; интеллектуальная история экономики; экономическая антропология; рациональный эгоизм.
DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-249-264

Представление о рациональном поведении человека – это одновременно теоретическая и ценностная основа экономической науки. Рациональность в данном случае сводится к математической обоснованности: рациональный индивид предпочитает измеримо лучшие варианты и отвергает измеримо худшие [18, p. 15]. То, что эти предпочтения могут быть выражены количественными показателями, собственно, и делает возможной математическую экономику. Однако построение любой экономической теории неизбежно

© Талагаева Д.А.
© Talagaeva D.A.

начинается с решения о том, что подлежит измерению, насколько такие измерения возможны и каким образом они осуществляются. Ответы на эти вопросы составляют антропологическую модель, которая служит фундаментом для экономических построений и, как всякий фундамент, оказывается по большей части скрытой под возведенной на нем конструкцией.

Такое положение дел составляет проблему для образования сразу на нескольких уровнях. Прежде всего, оно затрудняет преподавание дисциплины, составляющей историческую основу экономического образования, «Истории экономических учений», так как фактически из поля внимания учащихся исключаются концептуальные основы интеллектуальных построений, которые им приходится осваивать, в результате чего внутренняя логика данных построений исключается из внимания или подменяется логикой автора того или иного учебного курса. Далее, эта проблема распространяется и на экономическое образование в целом, в котором модель рационального эгоиста прорисовывается как доминирующая или даже безальтернативная. Но, более того, учитывая роль экономического образования как одной из главных опор модели высшего образования, продвигаемой в качестве глобальной [1; 15], этот момент способен вызывать искажения в широком круге специальностей.

Задача настоящей статьи – обнаружить основные черты, приписываемые рациональному человеку в экономической науке и проследить исторические изменения в представлениях о нем. Теоретической основой предлагаемого разбора служат подход «интеллектуальной истории» в том виде, в котором он был оформлен «кембриджской школой» и ее последователями [6]. Ключевым здесь является рассмотрение научных утверждений в качестве «речевых актов», имеющих социальную природу и направленность [26]. В истории экономики аналогичный подход был рамках «критического анализа» экономических учений, который предполагает разбор интеллектуальных построений в качестве отражения социально-политического устройства общества, к которому принадлежали авторы такого рода построений, и объяснение интеллектуальных построений как производных от социальных условий, в которых они создавались [22]. При критическом анализе идей экономической науки акцент чаще делается на социально-экономических условиях, однако в настоящей статье принимаются во внимание и культурные особенности обществ, в которых складывались эти идеи. В этом автор опирается на работы, акцентирующие внимание на культурной зависимости научного знания [13; 14; 16], в том числе на блок работ «философско-социологической школы МГИМО» [7; 8; 10].

Модели человека в классиче-

ской политэкономии. При рассмотрении моделей человека, выдвигаемых различными авторам, одним из главных факторов является полемическое поле, в котором они появлялись. Европейская наука Нового времени практически с самого начала развивалась как часть публичной политической дискуссии, ставшей гораздо более устойчивой и структурированной, благодаря распространению печати. Содержание этой дискуссии задавалось наиболее значимыми общественными конфликтами. Следы этих конфликтов есть практически в любом изданном произведении, независимо от жанра, но в экономических работах эти конфликты составляют смысловой центр.

Экономическая рациональность напрямую связана с представлениями о разумном эгоизме, сложившимися в европейской философии в Новое время и вышедшими на первый план в эпоху буржуазных революций. В экономической мысли обоснование такой разумности принадлежит Адаму Смиту: его основные работы «Теория нравственных чувств» [27] и «Богатство народов» [11] стремятся наглядно продемонстрировать, как индивид, руководствуясь своими личными интересами, способствует благу общества. Отстаивание правомерности и полезности эгоизма – характерный мотив Просвещения, прямо направленный против идей о необходимости направления человека пастырями – аристократией и церковью, - наделенными божественными полномочиями исправлять его несовершенную природу. В утверждении рациональности эгоизма находит выражение требование свободных горожан оставить их в покое, и именно из этого противопоставления интересов буржуазии, с одной стороны, и знати с духовенством, с другой, происходит идея о рациональной природе человека.

Если основу человеческой природы составляет рациональный эгоизм, то его общественное поведение определяется видом дохода, который он может получить. В соответствии с этим критерием Смит выделяет три группы – землевладельцы, производители и труженики. Симпатии Смита явно на стороне производителей, и их, казалось бы, наиболее вредоносное стремление постоянно снижать оплату тружеников он оправдывает тем, что низкая стоимость труда выгодна экономике в целом. Таким образом, он выступает против всех досаждающих производителям законодательных ограничений.

Ограничениями такого рода стали пошлины на импорт зерна, введенные в 1815 г. и известные как «Хлебные законы». Хлеб составлял одну из главных статей расходов для наемных рабочих, оплата труда которых держалась на уровне минимального уровня пропитания, и соответственно вел к ее росту. Это, в свою очередь, ударяло по доходам промышленников. Конкретно в этой ситуации на их стороне выступил Дэ-

вид Рикардо, считающийся основателем математической экономики и автором трудовой теории стоимости. Характерным является то, что он выдвинул теорию, в соответствии с которой труд является основной мерой стоимости, именно в ситуации острой политической дискуссии, в которой связь между оплатой труда и ценами на все производственные товары использовалась в качестве главного аргумента против пошлин на зерно. Согласно взглядам Рикардо, капитал – это зафиксированная форма ранее проделанного труда, и собственник, получая прибыль на капитал, лишь возвращает стоимость этого труда. Система Рикардо абстрактна: его не интересуют исторические обстоятельства приобретения капитала, он лишь констатирует, что на конкурентном рынке цена любого товара снижается до его естественной стоимости, которая складывается из общей суммы труда, необходимого для его создания [17, p. 31-33].

Маркс и неоклассики о природе человека. Если Смит и Рикардо – примеры мыслителей, которые публиковались в ситуации, когда главный общественный конфликт разворачивался между землевладельческой аристократией и производственной буржуазией, и для которых труженики были объектом экономической политики, не способным стать стороной в политических дискуссиях, то Карл Маркс – фигура, принадлежащая к эпохе роста рабочего движения – новой политической силы, от лица которой могут выступать интеллектуалы. И хотя эта сила и воспринимается официальной политикой как маргинальная, а подобные выступления связаны с риском, это движение становится центром притяжения для целой когорты ярких авторов. Если теория рационального эгоизма была нацелена на вытеснение из политэкономического дискурса моральных оценок, которые в предшествующую эпоху беззастенчиво использовались для обоснования власти феодальной знати и церкви, то Маркс возвращает мораль в экономику заявляя, по сути, о том, что все капиталистическое общество, построенное на рациональном эгоизме, аморально. Расчетливость и алчность, свойственные рациональному эгоизму, не естественные черты человека, а результат подчинения товарному обмену и взаимодействия человека с природой, и его отношений с другими людьми. Более того, продажа труда в условиях стандартизированного производства приводит к самоотчуждению – лишению возможности выражать себя в труде, которая, по мнению Маркса, составляет «родовую сущность» человека, и таким образом низводит его до животного уровня. Капиталист находится в этой системе в выигрышном положении, но и он несвободен: над его жизнью также довлеют товарные отношения, препятствую естественным, спонтанным проявлениям человеческой природы [9].

Главное же содержание отношений между классами составляет

эксплуатация. Трудовая теория стоимости используется Марксом, чтобы доказать тезис, прямо противоположный рикардовскому видению: капитал, обеспечивающий контроль над средствами производства, используется не для возвращения затраченных на их создание средств, а для установления контроля над трудящимися, позволяющего отнимать у них большую часть произведенной ими стоимости. Заработная плата, которая у предшествующих экономистов расценивалась как справедливый обмен труда на деньги, реинтерпретируется здесь как насильственные отношения.

Маркс создал серьезную проблему для экономистов, не согласных с его революционным настроем: после него невозможно было использовать трудовую теорию стоимости, не поднимая проблему эксплуатацию, которая, в свою очередь, не позволяла говорить об отношениях, построенных на основе эгоизма, как о естественных и нормальных. Альтернативой была теория полезности, но она была раскритикована еще Смитом, который в качестве иллюстрации ее неспособности объяснить происхождение стоимости товаров приводил бесполезный, но дорогостоящий бриллиант и необходимую для любого человека, но практически бесплатную воду. Этот парадокс был разрешен в результате появления теории предельной полезности, которую в начале 1870-х гг. выдвинули сразу три автора – англичанин Стэнли Джевонс, австриец Карл Менгер и француз Леон Вальрас. В этой теории полезность рассматривается как убывающая величина, зависящая от доступности данного товара: в силу повсеместной доступности воды ее полезность сокращается до минимума, а высокая цена бриллианта появляется из-за его редкости. При этом бриллиант может стать «полезным» только в том случае, если полезность всех необходимых вещей уже сведена к минимуму. Таким образом, предельная полезность каждого товара ставится в зависимость от предельной полезности всех остальных.

Человек в этой теории рассматривается как компьютер (или счетовод – уважаемая профессия до появления электронной вычислительной техники). Его задача – выстроить свои покупки так, чтобы максимально увеличить приобретаемую предельную полезность. Такое поведение описывается математически как решение уравнения на вычисление экстремума. Задача же продавцов – обеспечить максимальные продажи, не снижая цену ниже стоимости производства товаров. Там, где предельная полезность единицы товара для какого-то покупателя, или, говоря иначе, его готовность купить эту единицу встречается с ценой ее производства, устанавливается равновесие. Ключевой момент такого подхода к рыночному равновесию, автором которого был Вальрас, заключался в том, что равновесная цена на какой-то один товар зависела от цен всех остальных товаров. Заложив основы математического описания

рынков и рыночного поведения, эта теория открыла путь экономическому анализу, основанному на моделировании рынков.

Неоклассическая экономика отвечала экономическим тенденциям, развивавшимся в последние десятилетия XIX века – расширению спектра потребительских товаров, росту концентрации капитала, выражавшейся в том числе и в объединении предприятий из различных отраслей в концерны, и общему усложнению экономики. Успешно же конкурировать с марксизмом неоклассике позволил спад общественного напряжения в период после революций конца 1840-х, обеспеченный общим ростом благополучия и значительным улучшением условий труда. Популярность же неоклассического подхода в университетском сообществе была во многом связана с его математической основой – сложные формулы сближали экономику с физикой, пользующейся неоспоримым авторитетом, и тем самым обеспечивали ей преимущественные позиции внутри научного сообщества [13; 157].

Человек в современной экономической теории: от кейнсианства до поведенческой экономики. Ученым, больше всех способствовавшим выводу неоклассической экономики на первые позиции в британских университетах был Альфред Маршал. И именно Маршал убедил склонявшегося в юности к философии Джона Кейнса заняться экономикой. С именем Кейнса ассоциируется создание нового экономического направления – макроэкономики – и появление экономического регулирования как особого направления государственной политики. Его основные работы были откликом на Великую депрессию, и в них он выступал за активное вмешательство правительств в экономическую жизнь [5, 23]. В его картине мира государству предписывалась, по сути, патерналистская роль, которая принципиально отличалась от позиции минимального участия, которая подразумевалась в неоклассической экономике. Эта новая роль государства должна была отвечать новой модели человека, представленной в работах Кейнса. В его видении эффективная экономика обеспечивается не холодными расчетливыми эгоистами, а оптимистами, ведущими себя так, как будто в будущем им гарантировано увеличение доходов. Перелом этого настроения, случившийся из-за экономического краха, - главная причина затяжной депрессии. Человек напуган и, даже избавившись от нужды, склонен к пессимистичной осторожности, не позволяющей тратить появившиеся деньги – он сберегает, вместо того чтобы потреблять. Задача государства не просто накачать экономику деньгами, а побороть эти страхи и вернуть былой оптимизм.

Можно заметить, что если классическая экономика в наибольшей степени ориентировалась на буржуазию, главным интересом которой было избавление от поборов и навязчивой

опеки знати и церкви, то кейнсианство складывается как ответ на запросы ставшего многочисленным среднего класса, большинство которого составляют служащие – люди, не привыкшие полагаться исключительно на свои силы, но в то же время, чувствовавшие себя достаточно уверенно, чтобы не быть заинтересованными в установлении полноценного патерналистского государства, как это произошло в Советской России.

После завершения Второй мировой войны кейнсианство становится мейнстримом западной экономической науки. С точки зрения модели человека в ней закрепляется представление о том, что экономическое развитие обеспечивается не рациональностью, а иррациональным оптимизмом, или же, наоборот, развитие прекращается из-за иррационального пессимизма. Поддерживать оптимизм должна государственная политика. Однако если граждане не способны обеспечить экономический рост без государственной опеки, то логичным образом встает вопрос, как далеко должна простираться такая опека? И многие экономисты склонялись к мнению, что оправданным является гораздо более широкое вмешательство, чем стимулирование спроса с помощью денежных вливаний, за которое выступал Кейнс.

Одним из наиболее заметных представителей этой точки зрения был польский экономист Оскар Ланге, полагавший, что централизованное управление не только не противоречит рыночной экономике, а необходимо для ее эффективного функционирования. По сути дела, приведение спроса и предложения к равновесной цене возможно только при условии существования некоторого центрального информационного бюро, которое обеспечивает обмен информацией между покупателями и продавцами. Эта функция, в общем-то, уже была заложена в концепции Вальраса, в которой фигурировал абстрактный «глашатай», доводящий изменения цен до сведения участников рынка [29, p. 46-61].

Главным оппонентом Ланге и других рыночных социалистов выступил Фридрих Хайек, аргументы которого остаются главными в обосновании превосходства рынка и по сей день. В его видении не рациональность отдельных людей обеспечивает рациональность рынка,а именно участие в рынке делает их поведение рациональным. Рынок позволяет обнаружить информацию, которая в ином случае остается скрытой. Процесс установления цены – это исследование, а сама цена – важнейший сигнал. В случае, если цены диктуются сверху, этот сигнал теряет значение. И в отсутствие рынка рациональное состояние не достижимо, так как человек не может владеть информацией, которая появляется только в ходе работы рыночных механизмов [19].

Нетрудно заметить, что человек в этой модели значительно упрощается, по сравнению с клас-

сическими подходами. Он фактически лишается возможности принимать рациональные решения и, влекомый стремлением к прибыли, способен только испытывать рынок, постоянно рискуя ошибиться. Его роль сводится к роли нервной клетки, которая реагирует так, как предписано ей ее биологическим устройством, не имея при этом никакого представления о работе нервной системы в целом – образ, с которым Хайек хорошо был знаком по своей работе в Институте анатомии мозга в Вене.

Этот поворот, от утверждения рациональности индивида к рациональности рынка, послужил фундаментом для сторонников рыночной экономики во второй половине XX века. Если рынок – это система обработки информации, то указание на иррациональность индивидуального поведения не может служить доводом для необходимости государственного вмешательства. Напротив, следует дать этой иррациональности полную свободу, так как только в таком случае рынок сможет извлечь и обработать максимум информации.

Такое понимание стало центральным для Чикагской школы, к 1980-м гг. вышедшей на ведущие позиции и в университетском сообществе, и в политическом истеблишменте. Ее лидер Милтон Фридман последовательно отстаивал точку зрения, что Великая депрессия была результатом ошибочной монетарной политики, а не естественным итогом рыночного бума. Однако самое далеко идущее развитие эти идеи получили в работах другого представителя школы, Гари Бекера, и его единомышленников. Суть подхода Бекера заключалась в интерпретации ситуаций иррационального поведения в качестве рынков. Результатом такого анализа неизменно становились выводы о рациональности общей картины и о возможности улучшения ситуации за счет усиления действия экономических стимулов. Эта модель была распространена на предельно широкий круг социальных проблем. Сам Беккер опубликовал работы о дискриминации по национальному и гендерному признаку, преступности, политическом лоббировании и ряд других [2]. А среди его последователей наибольшую известность приобрел Стивен Левит, один из авторов популярной книги «Фрикономика» [3] и сторонник максимально широкого распространения подхода Беккера – в том числе на такие социальные проблемы как аборты, употребление алкоголя за рулем, обман в спортивных соревнованиях и т.д.

Таким образом, современная неоклассическая экономика переносит центр рациональности от человека к рынку. Человек в этой системе определяется доминирующим мотивом к извлечению прибыли, по сути, способен лишь рационально подчиняться рыночному порядку и никак не может претендовать на рациональное управление экономикой.

Фактически неоклассическая

экономика снимает вопрос о рациональности человека, оставляя ему только стремление к преумножению полезности и передавая задачу эффективной организации общественных процессов рынку, работающему как огромный компьютер. Проблема же рациональности стала, начиная с послевоенного периода, центральной для компьютерного моделирования. Благодаря вычислительной технике появилась возможность имитировать социальные ситуации с большим количеством участников. В этой ситуации базовую модель человека можно было наделить более сложными свойствами, чем простое предпочтение большей измеримой полезности меньшей. Однако особенностью этих моделей было то, что они складывались с изначальной задачей прогнозирования военных конфликтов, в первую очередь – с применением атомного оружия, и это накладывало отпечаток на их характер. Данная особенность особенно отчетливо проявилась в разработках одного из главных авторов теории игр – Джона Нэша. Если позиция основателей теории Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна заключалась в рассмотрении игр со стороны, как систем взаимодействий, то Нэш смотрел на игру преимущественно из положения игрока. Так ключевую проблему, выделенную фон Нейманом и Моргенштерном, - невозможность спрогнозировать игру с тремя равными игроками и возможностью заключать альянсы – альянс двух против одного автоматически побеждает, а предсказать выбор между двумя равными величинами невозможно, - Нэш интерпретировал как равновесную ситуацию. Рациональным для каждого из трех игроков будет предложить сотрудничество обоим своим оппонентам, что останавливает игру – приводит ее к состоянию равновесия. Историк экономической науки Филипп Мировски находит в таком подходе отражение ситуации стратегического противостояния: «игроки» лишены информации друг о друге, но при этом знают, что оппонент находится в таком же положении, что и дает возможность прогнозировать его действия по аналогии со своими, и при этом равновесие, «замирание» игры является приемлемым, а возможно и предпочтительным результатом, учитывая, что, в конечном счете, речь шла о возможности атомной войны [23]. Самая широко известная модель из теории игр – «дилемма заключенного», в которой двое задержанных за преступление решают – сдать или не сдать напарника, пытаясь при этом угадать его решение, - представляет собой аналогичную ситуацию «слепого» противостояния.

Приближение модели человека к реальности стало одной из главных задач поведенческой экономики – течения, сложившегося в 1970-80-е гг. Центральным интересом его основателей Амоса Тверски и Даниела Канемана стали отклонения типичных человеческих

решений от правил теории вероятности, в том числе простейших – снижения вероятности события, зависящего от двух неопределенных условий, по сравнению с вероятностью зависящего от одного; необходимости перемножать вероятности событий-причин при определении вероятности события-следствия и т.д. На основе своих исследований Канеман и Тверски предложили набор альтернативных правил – «эвристик и предубеждений», которые, как они считали, точнее описывают, как принимаются решения [4]. В дальнейшем эти правила послужили основой для моделей, используемых в прогнозировании экономического поведения: наиболее известный пример – модель «ограниченной рациональности» Ричарда Талера [12]. Но, как отмечают Р. Хилл и Т. Маят, отрасль поведенческой экономики, несмотря на собственное динамичное развитие, слабо сказывается на главном направлении экономической науки: «Как эти исследования повлияли на мейнстрим экономики? Ответ – слабо. Сегодня в большинстве учебников где-нибудь найдется врезка, в которой упоминается поведенческая экономика и описаны несколько "аномалий", но они рассматриваются в качестве исключений, которые лишь подтверждают правило» [20, p. 25].

Однако даже переход к «эвристикам и предубеждениям» означает, по сути, дела лишь пересмотр правил рациональности, а не основного положения о его рациональном эгоизме. В этой модели, так же, как и в предшествующих, не учитывается иррациональность в том смысле, что человек способен резко изменять критерии принятия решений под влиянием стресса, и в результате то, что вчера казалось привлекательным, сегодня может вызывать страх. По сути дела, именно такой человек подразумевается в экономической теории Кейнса, которая от кризиса к кризису демонстрирует свою практическую применимость [28]. Ее фундаментальная проблема заключается в том, что она представляет человека нуждающимся в опеке – идея, которая находится в прямом противоречии с просвещенческим идеалом самостоятельности.

Таким образом, можно выделить три основные модели человека, представленные в экономической теории. Во-первых, рациональный эгоист классической и неоклассической экономики, переживший возрождение в чикагской школе. Во-вторых, нуждающийся в опеке психологический человек Кейнса. И в-третьих, отчужденный человек Маркса.

В целях формирования учебных программ по «Истории экономических учений» возможно интерпретировать такое распределение моделей, по крайней мере, двумя различными способами. Первый подход – культурно-психологический. С этой точки зрения в этом распределении отражены два типа людей – ориентированные на коллектив и ориентированные на независимость.

Если использовать классификацию культур Гирта Хофстеде [21], то речь идет о шкале индивидуализм – коллективизм. Наиболее высокими показателями индивидуализма как раз отличаются англо-саксонские культуры, с которых, собственно, и начинается либеральная экономическая теория, а высокий уровень коллективизма показывает, например, главная коммунистическая держава современности – Китай. Кейнсианство же – это средняя модель, которая остается наиболее распространенной в мире.

Историк экономики Роберт Нельсон проводит другую аналогию – с религией. С его точки зрения, эти две линии экономической теории представляют собой продолжение 2 религиозных традиций – католической и протестантской. Главную разницу между ними он видит в подходе к проблеме спасения – в католичестве подразумевается коллективное спасение, иначе говоря, спастись можно только в церкви. А в протестантизме предполагается индивидуальное спасение [25].

Нужно заметить, что в рамках этого подхода религия – это культурная форма, которая не столько создает, сколько отражает определенные предпочтения или ценности. В эпоху Реформации, а затем и Просвещения, преимущество оказалось за индивидуалистическим, ориентированным на самостоятельность типом личности, который был слабо востребован в предыдущие эпохи, и именно это отразил расцвет протестантизма. И в этом смысле неолиберальная экономика – это продолжение протестантской линии, в то время как кейнсианство и марксизм стоят ближе к старшим христианским течениям, в первую очередь, к католичеству.

Вторая возможная интерпретация разницы в антропологических основах экономических теорий – марксистская. С этой точки зрения вся экономическая наука – это идеология. Главный же вопрос, который решает любая идеология – это перераспределение доходов. Естественно, те, кто попадает в категорию эксплуататоров, т.е. те, кто имеет возможность формировать доходы за счет труда других, предрасположены выступать против пересмотра существующих схем перераспределения и, соответственно, предпочитают теории, согласно которым никакой эксплуатации нет. И наоборот – на эксплуатации заостряют внимание те, кто наиболее заинтересован в таком пересмотре.

Кейнсианство в данном случае – это идеология среднего класса, который, с одной стороны, не заинтересован в сломе системы, так как получает условно справедливую среднюю долю от доходов общества. Но одновременно у него есть причины быть заинтересованным в расширении перераспределения: служащие как главная составляющая среднего класса со всеми основаниями видят себя в этом процессе в качестве посредников и как таковые являются его выгодоприобретателями.

Подытоживая разбор антропологических моделей в современной экономической теории, нельзя не затронуть вопрос той роли, которую эти модели играют в установлении связей между экономическими концепциями и культурной организацией конкретных обществ. Экономические концепции глубоко вплетены в современные культуры, так как в современном мире экономика воспринимается буквально как наука управления. Так сложилось, что экономическая квалификация – главная из тех, которые принимаются как подходящие для государственной службы, а экономические успехи воспринимаются как главный критерий политической результативности.

Такая близость к управлению подразумевает, что экономическая теория способна решать две главные задачи. Первая – идеологическая, которая заключается в способности изображать существующее положение дел как естественное, неизбежное. Вторая задача – прогнозирование, но здесь сразу же надо оговориться, что главным в прогнозировании является не точность прогнозов, а то, насколько убедительно прогнозы создают видимость определенности, то есть обеспечивают возможность действовать так, как будто будущее известно. В этом смысле главная функция прогнозирования – мобилизующая.

И главное преимущество экономики в решении обеих задач – идеологической и прогностической – в том, что экономика является самой математизированной из гуманитарных наук. Математическая форма способна создавать предельно убедительную видимость определенности. Однако для того, чтобы построить математическую экономику, необходим некоторый измеримый параметр, вызывающий устойчивую человеческую реакцию. И любая экономическая теория начинается с вопроса, что именно может быть надежным предметом измерения и как эта величина влияет на человека. Из разных ответов на этот вопрос, собственно, и складываются разные модели человека. Таким образом, можно сказать, что эти модели образуют антропологию экономики, которая по сути дела, составляет фундамент любого экономического учения.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект №18-78-10123

Список литературы

1. Балышев А.В., Коннов В.И. Глобальная наука и национальные научные культуры // Международные процессы. № 3, 2016. С. 96-111.
2. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
3. Дабнер С., Левитт С. Фрикономика. М.: Альпина Паблишер, 2019. 236 с.

4. Канеман Д. Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. 632 с.

5. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2007. 960 с.

6. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.

7. Коннов В.И. Социально-психологические основы национальной научно-исследовательской культуры // Психологический журнал. 2014. № 5. С. 19-27.

8. Коннов В.И., Юревич М.А. Стандартные отклонения: российские ученые в зеркале норм и контрнорм научной деятельности // Вопросы психологии. 2016. № 1. С. 96-109.

9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. В кн. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 303-358.

10. Силантьева М.В., Глаголев В.С., Тарасов Б.Н. Философия межкультурной коммуникации // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2 (49). С. 64-76.

11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства М.: Эксмо, 2007. 960 с.

12. Талер Р. Новая поведенческая экономика. М.: Эксмо, 2018. 384 с.

13. Талагаева Д.А. Научная экспертиза как инструмент управления Европейским научным пространством. Вестник Брянского государственного университета. 2018.№3 (37). С. 150-155.

14. Шефер Б., Шлёдер Б. Интернациональность и национальное своеобразие науки // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 90-94.

15. Юревич А.В. Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 123-132.

16. Arinin E., Markova N., Kildiachova T., Silantieva M. Religion, science and ‘religious education’ in Russia the peculiarities of differentiations // European Journal of Science and Theology. 2018. Vol. 14. No. 5. P. 159-169.

17. Crandall C., Schaller. M. Scientists and Science: How Individual Goals Shape Collective Norms. In Schaller M., Crandall C. (eds.) The Psychological Foundations of Culture. London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. P. 201-223.

18. Dowd D. Capitalism and its Economics. A Critical History. London: Pluto Press, 2004. 324 p.

19. Godelier M. Rationality and Irrationality in Economics. London: New Left Books. 1972. 326 p.

20. Hayek F. The Use of Knowledge in Society. In Nishiyama C., Leube K. (eds.) The Essence of Hayek. Stanford: Hoover Institution Press, 1984. P. 211-224.

21. Hill R. Myatt. T. The Economics Anti-Textbook: A Critical

Thinker's Guide to Microeconomics. New York: Zed Books, 2010. 305 p.
22. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.
23. Hunt E., Lautzenheiser M. History of Economic Thought. A Critical Perspective. New York: M.E. Sharpe, 2017. 604 p.
24. Keynes J. The End of Laissez-Faire. In Keynes J. The End of Laissez-Faire. The Economic Consequences of Peace. New York: Prometheus Books, 2004. P. 13-46.
25. Mirowski P. Machine Dreams. Economics Becomes a Cyborg Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 655 p.
26. Nelson Robert. Economics as Religion: From Samuelson to Chicago and Beyond. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2001. 378 p.
27. Pocock J.G.A. Verbalizing a political act: Towards a politics of speech. In: Pocock J.G.A. Political thought and history. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 33-50.
28. Smith A. The Theory of Moral Sentiments Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 447 p.
29. Wapshott N. Keynes Hayek: The Clash that Defined Modern Economics New York: W.W. Norton & Company, 2012. 382 p.
30. White L. The Clash of Economic Ideas. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 428 p.

DEVELOPMENT OF CONCEPTS OF RATIONALITY IN THE HISTORY OF ECONOMIC DOCTRINES OF THE XIX-XXI CENTURIES

Introduction. Research problem. The article proposes an analysis of the developing ideas about rationality, embedded in economic theories, which form the basis of the training course "History of Economic Doctrines" - starting from the political economy of the Enlightenment and ending with modern behavioral economics. The question is of the key importance for the teaching of this discipline, since the rationality thesis is both a theoretical and value basis of economics: providing a connection with mathematics, it simultaneously affirms a certain model of behavior as a normative one. Methods. The study uses the methods of "intellectual history" and "critical theory", which interpret scientific texts as "speech acts", reflecting the interests of the authors and performed within a certain socio-political structure of society. The emphasis is on the meaning of the text within the historical situation in which it appeared and became widespread. Results. The main result of the study is the presentation of the development of economic ideas about a person as the deployment of a model of a rational egoist. This model competed with the concept of the "alienated" man of K. Marx, and then - of the "psychological man" of J. Keynes. Keynesian economics remains the basis of the economic policy of most modern countries, but at the same time, the main directions of modern economic science give priority to the rational-egoistic model. Conclusion. Conclusions. The predominance of these models can be explained in terms of cultural priorities or the socio-economic structure of the societies in which these ideas are formed and spread. At the same time, in the presentation of these theories within the framework of training courses, it is important to emphasize the role of the economy, not only as a cultural phenomenon that reflects a certain social configuration, but also as an activity carried out by economists in two main areas - forecasting and the formation of ideological pictures.
Keywords: history of economic doctrines; intellectual history of economics; economic anthropology; rational selfishness

References

1. Balyshev A.V., Konnov V.I. (2016) Global'naya nauka i nacional'nye nauchnye kul'tury [Global science and national research cultures] // Mezhdunarodnye processy. № 3. S. 96-111.

2. Bekker G. (2003) CHelovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoj teorii [Human behaviour: economic approach. Selected works on economic theory] M.: GU VSHE. 672 s.

3. Dabner S., Levitt S. (2019) Frikonomika. [Freeconomics] M.: Al'pina Pablisher. 236 s.

4. Kaneman D. Slovik P., Tverski A. (2005) Prinyatie reshenij v neopredelennosti: pravila i predubezhdeniya. [Making decisions in uncertain times: rules and prejudices] Har'kov: Gumanitarnyj centr. 632 s.

5. Kejns Dzh. (2007) Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg. [Employment theory] M.: Eksmo. 960 s.

6. Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii. (2018) [Cambridge school of thought: theory and practice of the intellectual theory] Sost. T. Atnashev, M. Velizhev. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 632 s.

7. Konnov V.I. (2014) Social'no-psihologicheskie osnovy nacional'noj nauchno-issledovatel'skoj kul'tury /[Socio-phsycological basis of the national research culture] / Psihologicheskij zhurnal. № 5. S. 19-27.

8. Konnov V.I., YUrevich M.A. (2016) Standartnye otkloneniya: rossijskie uchenye v zerkale norm i kontrnorm nauchnoj deyatel'nosti [Standart variations: Russian schientists through the prism of norms and contrnorms of the research activities] // Voprosy psihologii. № 1. S. 96-109.

9. Marks K. (2010) Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda. [Economic and philosophic manuscripts] V kn. Marks K. Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty. M.: Akademicheskij proekt. S. 303-358.

10. Silant'eva M.V., Glagolev V.S., Tarasov B.N. (2017) Filosofiya mezhkul'turnoj kommunikacii [Philosofy of the intercultural communication] // Mezhdunarodnye processy. T. 15. № 2 (49). S. 64-76.

11. Smit A. (2007) Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva [Research into the nature and causes of the wealth] M.: Eksmo. 960 s.

12. Taler R. (2018) Novaya povedencheskaya ekonomika. [New behavioral economics] M.: Eksmo. 384 s.

13. Talagaeva D.A. (2018) Nauchnaya ekspertiza kak instrument upravleniya Evropejskim nauchnym prostranstvom. [Scientific expertise as an instrument to govern European Research Area] Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta.№3 (37). S. 150-155.

14. SHefer B., SHlyoder B. (2014) Internacional'nost' i nacional'noe svoeobrazie nauki [Internationalism and national singularity of science]// Psihologicheskij zhurnal. T. 35. № 1. S. 90-94.

15. YUrevich A.V. (2015) Imeet li nauka nacional'nye osobennosti? [Does science have national peculiarities?] // Psihologicheskij zhurnal. T. 36. № 1. S. 123-132.

16. Arinin E., Markova N., Kildiachova T., Silantieva M. (2018) Religion, science and 'religious education' in Russia the peculiarities of differentiations // European Journal of Science and Theology. Vol. 14. No. 5. P. 159-169.

17. Crandall C., Schaller. M. (2004) Scientists and Science: How Individual Goals Shape Collective Norms. In Schaller M., Crandall C. (eds.) The Psychological Foundations of Culture. London: Lawrence Erlbaum Associates. P. 201-223.

18. Dowd D. (2004) Capitalism and its Economics. A Critical History. London: Pluto Press. 324 p.

19. Godelier M. (1972) Rationality and Irrationality in Economics. London: New Left Books. 326 p.

20. Hayek F. (1984) The Use of Knowledge in Society. In Nishiyama C., Leube K. (eds.) The Essence of Hayek. Stanford: Hoover Institution Press. P. 211-224.

21. Hill R. Myatt. T. (2010) The Economics Anti-Textbook: A Critical Thinker's Guide to Microeconomics. New York: Zed Books. 305 p.

22. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010) Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill. 576 p.

23. Hunt E., Lautzenheiser M. (2017) History of Economic Thought. A Critical Perspective. New York: M.E. Sharpe. 604 p.

24. Keynes J. The End of Laissez-Faire. In Keynes J. (2004) The End of Laissez-Faire. The Economic Consequences of Peace. New York: Prometheus Books. P. 13-46.

25. Mirowski P. (2002) Machine Dreams. Economics Becomes a Cyborg Science. Cambridge: Cambridge University Press. 655 p.

26. Nelson Robert. (2001) Economics as Religion: From Samuelson to Chicago and Beyond. University Park: The Pennsylvania State University Press. 378 p.

27. Pocock J.G.A. (2009) Verbalizing a political act: Towards a politics of speech. In: Pocock J.G.A. Political thought and history. Cambridge: Cambridge University Press. P. 33-50.

28. Smith A. (2002) The Theory of Moral Sentiments Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 447 p.

29. Wapshott N. (2012) Keynes Hayek: The Clash that Defined Modern Economics New York: W.W. Norton & Company. 382 p.

30. White L. (2012)The Clash of Economic Ideas. Cambridge: Cambridge University Press. 428 p.

Об авторе

Талагаева Дарья Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка №6 МГИМО МИД России, E-mail: Dtalagaeva@mail.ru

Talagaeva Daria Aleksandrovna – PhD in Political Science, Associate professor of the 6th English language department at MGIMO University, E-mail: Dtalagaeva@mail.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по научной отрасли **07.00.00 – исторические науки и археология.**

Научные специальности: **07.00.02 - Отечественная история; 07.00.03 - Всеобщая история; 07.00.06 - Археология; 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 07.00.15 - История международных отношений и внешней политики.**

Требования к структуре статей

(см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. <u>В начале статьи указываются:</u>

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1см.)

3. <u>После текста статьи размещаются</u>:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учереждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы <u>не допускаются</u>. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- ***Введение*** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);

- ***Методы*** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);

- ***Результаты*** (представляются фактические результаты исследования);

-***Обсуждение*** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- ***Заключение*** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

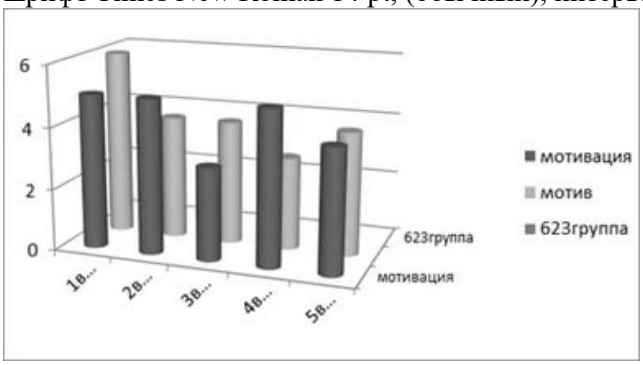

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru
Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.
Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№1 (51) 2022

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 29.03.202.
Дата выхода журнала в свет: 31.03.2022.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 33,5. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**